

ДРЕВНОСТИ

ВОСТОЧНЫЯ.

ТРУДЫ ВОСТОЧНОЙ КОММИССІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАНЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. КРЫМСКАГО,

дѣйствит. члена Общества и секретаря Восточной Коммиссіи.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Съ 6-ю снимками въ текстѣ.

МОСКВА.

1907.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Ө. Е. Коршъ: Происхождение формы наст. времени въ западно-турецкихъ языкахъ.	1—22
В. Ө. Минорскій: Национальнныя стихотворенія Эминъ-Бея въ связи съ новымъ направлениемъ османской поэзи.	1—24
А. Е. Крымскій: Изъ рукописной бейрутской церковной лѣтописи XVI—XVIII в.	1—89
Л. З. Мсеріанцъ: Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи.	1—44
А. С. Хахановъ: Грузинское апокрифическое Евангеліе Никодима — изъ Цагерскаго сборника XVI в.	1—20

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за 1903—1907 гг.

(Доклады, изданные полностью, отмѣчены звѣздочкою.)

М. О. Аттая: Арабскія надписи изъ Асхабада	<i>Стр.</i> 2
— Арабскія надписи на кускахъ шелковой матеріи и на церковной утвари въ Местской церкви въ Сванетіи	10
— Объ антихристіанскомъ арабскомъ сочиненіи одного испанца-ренегата 1409 г.	23—24
— *Описаніе арабской противомусульманской рукописи изъ собранія проф. А. Е. Крымскаго: „Бесѣда монаха Георгія съ улемами“	31—33
Арсенізь-ханъ: Персидское духовенство, его прошлая исторія и его новѣйшая освободительная роль.	34
П. П. Введенскій: Поѣздка въ Персію лѣтомъ 1903 г.	2—3
Ю. Н. Вороновъ: Остатки южныхъ самоѣловъ въ Енисейской губерніи	12—14
* А. Гляйе: Азіатско-классическая народность „Митанни“ и современ. абхазцы.	14—16
К. К. Городысіій: Поѣздка въ Константинополь 1905—1906 г.	35, 36
о. Джанашвили: Старинныя грузинскія церковныя надписи	17
Ө. Е. Коршъ: О мусульманско-татскомъ словарѣ В. Ө. Миллера	<i>Стр.</i> 35
А. Е. Крымскій: Къ исторіи начальныхъ моментовъ новоевропейскаго востоконѣдѣнія XVI в.	6
— Школа, наука и просвѣщеніе у русскіихъ мусульманъ.	16
— Монета Александра Македонскаго изъ Тебриза	21
— *Описаніе антихристіанской арабской рукописи изъ собственнаго собранія: „О правой вѣрѣ—шейха Зіяде ибнъ-Яхьи“	24—31
— Турецкая грамота султана Махмуда II, изъ собственной коллекціи	35
* Х. И. Кучунъ-Іоаннесовъ: О рукописныхъ открытіяхъ Н. Я. Марра на Синаѣ и въ Іерусалимѣ 1902 г.	4—6
— Двѣ армянскія надписи изъ Кишинева	16
— Рукопись „Нарекъ“ XV в.	19—20
— Армянскія рукописи музея г. Шукина въ Москвѣ.	34

1962 г.

ДРЕВНОСТИ

ВОСТОЧНЫЯ.

ТРУДЫ ВОСТОЧНОЙ КОММИССІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАНЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. КРЫМСКАГО,

дѣйствит. члена Общества и секретаря Восточной Коммиссіи.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Съ 6-ю снимками въ текстѣ.

МОСКВА.

1907.

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго
Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графья Уварова.*

Москва, 21 марта 1906 г.

1965 г.

1950 2.

81
БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

B-387

Типографія Гатцукъ, Долгоруковская ул., д. Бутюгиной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Ө. Е. Коршъ: Происхожденіе формы наст. времени въ западно-турецкихъ языкахъ.	1—22
В. Ө. Минорскій: Національнныя стихотворенія Эминъ-Бея въ связи съ новымъ направлениемъ османской поэзіи.	1—24
А. Е. Крымскій: Изъ рукописной бейрутской церковной лѣтописи XVI—XVIII в.	1—89
Л. З. Мсеріанцъ: Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи.	1—44
А. С. Хахановъ: Грузинское апокрифическое Евангеліе Никодима — изъ Цагерскаго сборника XVI в.	1—20

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за 1903—1907 гг.

(Доклады, изданные полностью, отмѣчены звѣздочкою.)

М. О. Аттая: Арабскія надписи изъ Асхабада	<i>Стр.</i> 2
— Арабскія надписи на кускахъ шелковой матеріи и на церковной утвари въ Местской церкви въ Сванетіи	10
— Объ антихристіанскомъ арабскомъ сочиненіи одного испанна-рenegата 1409г.	23—24
—*Описаніе арабской противомусульманской рукописи изъ собранія проф. А. Е. Крымскаго: „Бесѣда монаха Георгія съ улемами“	31—33
Арсенізь-ханъ: Персидское духовенство, его прошлая исторія и его новѣйшая освободительная роль.	34
П. П. Введенскій: Поѣздка въ Персію лѣтомъ 1903 г.	2—3
Ю. Н. Вороновъ: Остатки южныхъ самоѣдовъ въ Енисейской губерніи	12—14
* А. Гляйе: Азіатско-классическая народность „Митанни“ и современ. абхазцы.	14—16
Н. Н. Городыскій: Поѣздка въ Константинополь 1905—1906 г.	35, 36
о. Джанашвили: Старинныя грузинскія церковныя надписи	17
Ө. Е. Коршъ: О мусульманско-татскомъ словарѣ В. Ө. Миллера	<i>Стр.</i> 35
А. Е. Крымскій: Къ исторіи начальныхъ моментовъ новоевропейскаго востокѣдѣнія XVI в.	6
— Школа, наука и просвѣщеніе у російскихъ мусульманъ	16
— Монета Александра Македонскаго изъ Тебриза	21
—*Описаніе антихристіанской арабской рукописи изъ собственнаго собранія: „О правой вѣрѣ—шейха Зіяде ибнъ-Яхьи“	24—31
— Турецкая грамота султана Махмуда II, изъ собственной коллекціи	35
* Х. И. Кучунъ-Іоаннесовъ: О рукописныхъ открытіяхъ Н. Я. Марра на Синаѣ и въ Іерусалимѣ 1902 г.	4—6
— Двѣ армянскія надписи изъ Кишинева	16
— Рукопись „Нарекъ“ XV в.	19—20
— Армянскія рукописи музея г. Шукина въ Москвѣ.	34

- Б. В. Миллеръ:** Путешествіе изъ Бушира *Стр.*
въ Ширазъ въ 1905 г. 24
- В. Ө. Миллеръ:** Персидскій ментеръ (закли-
наніе) изъ Асхабада 2
— Der Ursprung der armenischen Fürsten-
thümer Б. Халатьянца 4
— О персидскомъ нарѣчій мусульманъ-
татовъ 8—9, 10
— Работа г. Мункачи объ аланскихъ
(=осетинскихъ) элементахъ въ ма-
дьярскомъ языкѣ 19
— Новыя осетинскія этимологіи 23
— Кавказское языковѣдѣніе и его зна-
ченіе для староазиатской этнографіи. 24
— Die Litteratur der Babylonier und Assy-
rier von Otto Weber (Лейпцигъ 1907). 34
— О работѣ Ф. Томаса: Sacastana (J. R.
As. S. 1907) по поводу первоначаль-
наго мѣстожителства скивовъ-саковъ. 34
— Хаттійскія раскопки Х. Винклера въ
Богазъ-коѣ 34
— По поводу работы Л. З. Мсеріанца
о страсбургскомъ египетско-арамей-
скомъ папирусѣ 35
- Л. З. Мсеріанць:** О страсбургскомъ еги-
петско-арамейскомъ папирусѣ 18
- В. П. Никитинъ:** Двѣ южно-арабскія таблицы *Стр.*
съ сабейскими надписями, присланныя
кн. Б. Н. Шаховскимъ изъ Бургаса
(съ двумя снимками) 21—23
- М. В. Никольскій:** Клинописная коллекція
Н. П. Лихачева 1—2, 4
- Н. Пантусовъ:** Китайская кумирня Бей-
Юнь-Гуань въ Аксуйскомъ ущельи
Илійскаго края 18—19
- Д. В. Солодовъ:** Опытъ сводной біографіи
Саадія 17
- Г. А. Халатьянць:** Маттаеія Гарагашянъ . 9
— Итоги научной критики „Исторіи Ар-
меніи“ Моисея Хоренскаго 9
— *Памяти П. Феттера и Г. Гельнера . . 36—40
- А. С. Хахановъ:** Грузинскій апокрифъ о
судѣ Пилата надъ Иисусомъ Христомъ. 17
- Кн. Б. Н. Шаховской:** Письмо о сабейскихъ
пластинкахъ, приобрѣтенныхъ имъ въ
Бургасѣ 19
- К. Г. фонъ-Шлиппе:** Армянская надпись на
Елеонской горѣ 17
— Поѣздка на востокъ лѣтомъ 1904 г. . 18, 20
- М. С. Щенинъ:** Греческія геммы изъ Систана
(вост. Персіи) съ гностическими надпи-
сями (съ приложеніемъ 4 снимковъ). 6—8, 11, 21

Происхожденіе формы настоящаго времени въ западно-турецкихъ ¹⁾ языкахъ.

Подъ западно-турецкими (или иначе, южно-турецкими) языками разумѣются, какъ извѣстно, языки османскій, азербайджанскій (азәри) и тюркменскій. Въ числѣ ихъ отличій отъ языковъ не только сѣверно-турецкихъ (или татарскихъ), но и восточно-турецкихъ, съ которыми западно-турецкіе составляли нѣкогда одну группу, занимаетъ видное мѣсто особая форма настоящаго времени, имѣющая при томъ, по крайней мѣрѣ, въ османскомъ языкѣ такое значеніе, которое въ языкахъ двухъ другихъ группъ выражается только описательно, посредствомъ соединенія дѣепричастій на —а (—ä) или —ун (—ün) со вспомогательными глаголами *турмак* «стоять» и *јатмак* «лежать». Какъ это отличіе, такъ и отсутствіе единства въ способѣ образованія соответствующихъ по значенію формъ между отдѣльными языками сѣверной и восточной группъ — по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ—легко могутъ навести на мысль, что формы строго-настоящаго времени (т. е. безъ оттѣнка обычности или готовности) появились въ эпоху, сравнительно позднюю, послѣ распаденія обще-турецкаго языка (или пра-языка) на группы сѣверную и южную (говоря примѣнительно къ данному случаю, такъ какъ помимо его на основаніи нѣкоторыхъ признаковъ можно предположить и третью, впоследствии слившуюся отчасти съ восточной, отчасти съ сѣверной). А если такъ, трудно понять, какимъ образомъ западная вѣтвь южно-турецкой группы сохранила въ себѣ столько производительной силы, что создала новую грамматическую форму, и почему эта сила обнаружилась лишь въ данномъ случаѣ, такъ какъ другихъ, въ такой-же степени самостоятельныхъ новообразованій западно-турецкіе языки не представляютъ. Или, можетъ быть, эта форма, хотя въ нѣсколько иномъ видѣ, была свойственна уже обще-турец-

¹⁾ Или, какъ говорятъ наши тюркологи, «тюркскихъ» въ отличіе отъ «турецкаго» въ смыслѣ «османскаго». Такое значеніе словъ «турецкій» и «тюркскій» сложилось у насъ по причинамъ историческимъ; но вѣдь по тѣмъ-же самымъ причинамъ у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ соответствующія слова въ обиходѣ также относятся къ османцамъ, однако тамошніе ученые не боятся называть «турецкою» (*turque, türkisch, turkish, turkisk, turco* и т. д.) всю ту семью языковъ, къ которой принадлежитъ османскій языкъ. А если «тюркскій» не особенно нужно, то лучше предать его забвенію, потому что оно (какъ и «петербургскій») произведено просто безграмотно, съ грубымъ нарушеніемъ законовъ нашего словообразованія.

кому языку, но удержалась только въ части западно-турецкой группы? Противъ такого предположенія какъ будто говорить то обстоятельство, что это образованіе появляется въ письменныхъ памятникахъ едва-ли ранѣе XVI—XVII в. Однако это возраженіе не имѣетъ безусловной силы, потому что 1) о хронологіи западно-турецкихъ языковъ можно говорить на основаніи памятниковъ примѣнительно почти только къ османскому языку, такъ какъ языки азербайджанскій и тюркменскій, помимо искусственной обработки по османскому образцу, извѣстны намъ чуть не со вчерашняго дня, да и то плохо, особенно послѣдній; 2) древнѣйшій видъ западно-турецкой формы (съ наставкой *jor*) сохранился до нашихъ дней только въ Европѣ и въ нѣкоторой части Малой и Средней Азій, а древнѣйшіе памятники османскаго языка происходятъ изъ тѣхъ мѣстностей Азій, гдѣ эта форма подверглась болѣе или менѣе сильнымъ измѣненіямъ по нарѣчіямъ и говорамъ, что съ одной стороны указываетъ, по видимому, на давнишнее ея существованіе въ этихъ мѣстахъ, а съ другой объясняетъ причину, по которой она не появляется въ письменности, такъ какъ языкъ литературный требуетъ грамматическихъ формъ установившихся и признаваемыхъ большинствомъ пишущихъ и читающихъ, — условіе, которому въ гораздо большей мѣрѣ соответствовала форма настояще-будущаго времени, общая не только всѣмъ западнымъ, но и восточнымъ туркамъ, упредившимъ своихъ западныхъ сородичей въ дѣлѣ письменнаго пользованія своимъ языкомъ; 3) что до азербайджанскаго и тюркменскаго, то литературныя произведенія на этихъ языкахъ (на послѣднемъ—весьма немногочисленныя) носятъ на себѣ болѣе или менѣе сильный отпечатокъ языка османскаго, испортившій даже грамматику азербайджанскаго языка, написанная туземцами (Казембекомъ въ общей грамматикѣ турецко-татарскаго языка, Будаговымъ, Ганиевымъ). Прежде, чѣмъ приступимъ къ рѣшенію вопроса о времени происхожденія занимающей насъ формы, рассмотримъ ее по отдѣльнымъ западно-турецкимъ языкамъ, нарѣчіямъ и говорамъ на основаніи доступнаго намъ матеріала ²⁾. Для примѣровъ воспользуемся глаголами *jazmañ* «писать» съ твердыми звуками и *galmäk* «приходить» съ мягкими, насколько это возможно при скудости данныхъ по нѣкоторымъ говорамъ, доходящей иногда до того, что не только построеніе полной схемы настоящаго времени оказывается дѣломъ рискованнымъ, но и точное произношеніе случайно извѣстной формы позволительно сообщить лишь съ оговорками.

²⁾ Этотъ обзоръ, по всей вѣроятности, далеко не полонъ и не вездѣ точенъ, особенно въ топографическомъ отношеніи, потому что мнѣ остались неизвѣстны нѣкоторые источники, отчасти очень важные, какъ изслѣдованія Блау объ османскомъ языкѣ въ Босніи, Тури (Thury) о кастамунійскомъ нарѣчій, Цакироглу о нарѣчій турецкихъ кочевниковъ въ Малой Азій (Jürük), Буноша о нарѣчійхъ малоазіатскихъ турокъ.

1) Османскій языкъ.

а) Стамбульское и вообще господствующее нарѣчіе: *язы́јорум*, *язы́јорсун*³⁾, *язы́јор*⁴⁾, *язы́јоруз*⁵⁾, *язы́јорсунуз* (или *язы́јорсуз*)⁶⁾, *язы́јорлар* (послѣ *о* или *у* въ корнѣ—*у* вмѣсто *ы*: *сорү́јор*—спрашиваетъ, *дурү́јор*—стоитъ); *gelijorum*, *gelijorsun*³⁾, *gelijor*⁴⁾, *gelijoruz*⁵⁾, *gelijorsunuz* (или *gelijorsuz*)⁶⁾, *gelijorlar* (послѣ *ö* или *ü* въ корнѣ—*ü* вмѣсто *i*: *görǘјор*—видитъ, *gülǘјор*—смѣется).

б) Сивасское: *язы́рім* и т. д., *gelirim* и т. д.

в) Болгарское (напр. около Руцука) и сѣверное мало-азіатское: *яза́јорум* и т. д., *geléјорум* и т. д.

г) Трапезунтское (см. В. Писарева «Нѣсколько словъ о требизондскомъ діалектѣ» въ «Запискахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества», т. XIII, вып. II—III, стр. 173—301): *яза́рім* (вѣроятно, такъ, хотя ударенія г. Писаревымъ не отмѣчены), *яза́рсін*, *яза́ір*, *яза́ірук*, *яза́рсіз*, *яза́ірлар*; *gäläirim*, *gäläirsin*, *gäläir*, *gäläiruk*, *gäläirsiz*, *gäläirlar*⁷⁾.

д) Крымское (сходно съ трапезунтскимъ, но безъ смягченія гласныхъ во флексіи и съ удержаніемъ старинныхъ окончаній 1 и 2 л. мн. ч.): *яза́ірым*, *яза́ірсын*, *яза́ір*, *яза́ірыз*, *яза́ірсыныз*, *яза́ірлар*; *geléirim*, *geléirsin*, *geléir*, *geléirisiz*, *geléirsiniz*, *geléirler*.

е) Говоры Коніи и Худавендгяра (но, какъ видно изъ примѣч. 4 и 5, не

³⁾ Въ Караманіи *язы́јорун*, *gäljorun* (судя по *у́јорун* «читаешь», «сойла́јорун» «говоришь» (безъ ударенія) у В. Максимова, «Опытъ изслѣдованія тюркскихъ діалектовъ въ Худавендгарѣ и Караманіи». С.-Пб., 1867 (транскрипція измѣнена).

⁴⁾ Въ Коніи и Худавендгарѣ *язы́јорур* или *язы́јору*, *gäljorur* или *gäljору* (ср. тамъ-же *чы́ыјорур* и др., также безъ удареній) съ приставкой—*у(р)*, не имѣющей этимологическаго значенія и возникшей по аналогіи первыхъ двухъ лицъ, можетъ быть, не безъ вліянія *-дур* или *-дүр* въ 3 л. прош. соверш. *язмыш-дур*, *gelmiş-dür*, иначе просто *язмыш*, *gelmiş*, при первыхъ двухъ лицахъ *язмыш-ым*, *язмыш-сын*, *gelmiş-ім*, *gelmiş-сін*.

⁵⁾ Въ Коніи и Нигдѣ *язы́јорук*, *gäljoruk* (ср. тамъ-же *äsnäјорук*, *отурујорук*).

⁶⁾ Въ Караманіи и Худавендгарѣ — *сыз*.

⁷⁾ Съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые тюркологи стали выражать посредствомъ *ä* звукъ османскаго *e* (приблизительно=*e* въ *шесть*, но не въ *шесть*), трудно бываетъ на основаніи транскрипціи рѣшить вопросъ, имѣемъ-ли мы дѣло съ открытымъ *e* или со звукомъ англійскаго *a* въ *шап*, свойственнымъ выговору азербайджанцевъ, казанцевъ, сартовъ и др. Впрочемъ объ *e* и *ä* поговоримъ, можетъ быть, особо. Изъ приведенныхъ г. Писаревымъ *савіјсін* «любишь», *савіјсиз* «любите», *савіј* «любитъ», *конушүјсін* «разговариваешь», *конушүј* «разговариваетъ» можно вывести для трапезунтскаго нарѣчія также *язы́йсін*, *язы́й*, *язы́йсиз* (если не *язай-*, какъ въ бессарабскомъ), *gälійсін*, *gälій*, *gälійсиз*.

повсемѣстно или не исключительно): *язы́ом* (вѣроятно, съ такимъ удареніемъ), *язы́он* (о 3 л. ср. примѣч. 4), *язы́оз* (о 2 л. ср. примѣч. 6 и 8), *язы́орлар*; *gälíjom*, *gälíjōn* (ср. примѣч. 5), *gälíjo* (ср. примѣч. 6), *gälíjorlär*⁸⁾.

ж) Говоры юга Малой Азии (по Гартманну и Фою въ *Keleti Szemle I* и *II*) *jazijōm*, *jazijōn*, *gelijom*, *gelijon*, *gelijo* изъ Айдына (въ сѣверной Сиріи; ни формы другихъ лицъ, ни ударенія не приведены).

з) Нарѣчіе бессарабское (не вездѣ) и херсонское (у григоріопольскихъ армянъ): *жаза́им*, *жаза́йсын*, *жаза́й*, *жаза́ик*, *жаза́йсыныз*, *жаза́йлар*; *gelíjim*, *gelíysin*, *gelíj*, *gelíjik*, *gelíysiniz*, *gelíjler*⁹⁾.

Азербайджанскій языкъ.

язы́рам, *язы́рсан*¹⁰⁾, *язы́р*, *язы́рых* (въ Персіи *язы́рух*), *язы́рсуз*, *язы́рлар* (послѣ *о* или *у—у*: *сору́р*, *дуру́р*, но только въ Закавказьѣ, а въ Персіи *ы*); *gälíram*, *gälírsän*¹⁰⁾, *gälír*, *gälírik* (въ Персіи *gälíрух*), *gälírsüz*, *gälírlär* (послѣ *о* или *у* въ Закавказьѣ *у́*: *гору́р*, *гу́лур*).

Туркменскій языкъ.

У Йомудовъ *язы́ярын*, *язы́ярсин*, *язы́яр*, *язы́ярыз*, *язы́ярсыз*, *язы́ярлар* (чаще безъ окончанія мн. ч.) или сокращенно: *язы́ян*, *язы́ян*¹¹⁾, *язы́я*, *язы́яз* (у Гоклановъ *язы́як*), *язы́ясыз*, *язы́ялар* (чаще *язы́я*), у Саларовъ¹²⁾ *язы́ярын*, *язы́ярсин*, *язы́я́р*, *язы́я́рмыз*¹³⁾, *язы́я́рсыз*, *язы́я́рлар* (*язы́я́р*), у Эсенъ-или *язы́ярун*, *язы́ярсун*, *язы́я́р*, *язы́я́руз*, *язы́я́рсуз*, *язы́я́рлар*,

⁸⁾ Судя по *гиді́ом*, *чалы́жон*, *япы́жон*, *сүрү́жон*, *вары́юз*, *чы́кыюз*, *gälíюз*, *утуру́юз*, но *gälíжорур* и т. п., *отуру́жорсыз*, *язы́жорлар*, *gälíжорлär*, приведеннымъ у В. Максимова. Иными словами: основы безъ *р* употребительны только въ 1 и 2 л. ед. ч. и въ 1 л. мн. Но въ Кастамуни (гдѣ ударенія мнѣ извѣстны): *азы́ом*, *язы́жон*, *язы́жо*, *язы́жорук*, *язы́жорунуз*, *язы́жола*; *gälíjom*, *gälíjon*, *gälíjo*, *gälíjoruk*, *gälíjorunuz*, *gälíjola*. Сходно спряженіе наст. вр. въ Бехесни (въ Курдистанѣ — см. Балканоглу въ *Keleti Szemle IV*): *сав́jom*, *сав́жо́*, *сав́жосигиз*, *сав́жолар*.

⁹⁾ Сравненіе съ *жаза́й* показываетъ, что *gelíj* изъ *geléj* и, слѣдовательно, восходитъ не къ *gelíjor*, а къ *geléjor*. Кое-гдѣ въ Болгаріи спрягаютъ *жаза́им*, *жаза́ин*, *жаза́й*—*geléim*, *geléin*, *geléj*, также *язы́им*—*gelím*.

¹⁰⁾ Казембекъ даетъ также формы безъ *с*, а 3 л. ед. ч.—на *i* (ср. алт. *ядыры́н* при *ядырзы́н*, *ядыры* при *ядыр*, шор. *яры* при *яр*, о которомъ см. стр. 10), 1 л. мн.—на *ак*. Есть у него и другія отличія отъ помѣщенныхъ здѣсь и ниже образованій, употребительныхъ въ обиходѣ между турками Закавказья и Азербайджана. 3 л. ед. ч. на *-i* свойственно ардебильскому говору.

¹¹⁾ Ср. въ Худавендгарѣ чѣф *сүрү́жон* «я пашу» и «ты пашешь».

¹²⁾ Кромѣ самыхъ восточныхъ, перенявшихъ у бухарскихъ сартовъ *язы́п* *туруп-ман* и т. д.

¹³⁾ Съ окончаніемъ восточно (или сѣверно)-турецкимъ, но едва-ли повсемѣстно. Какъ-бы то ни было, между *язы́ярын* и *язы́я́рмыз* получилось тоже противорѣчіе, какое замѣчается въ соответствующихъ чувашскихъ формахъ *сірады́п* и *сіратпы́р* (впрочемъ при 2 л. ед. ч. *сірадын*).

(языжур); у Йомудовъ gäljârın, gäljârсын, gäljâr, gäljârыз, gäljârсыз, gäljârлар (gäljâr) или gäljân¹¹⁾, gäljâ, gäljâз (gäljâk), gäljâсыз, gäljâлар (gäljâ), у Саларовъ¹²⁾ gäljörын и т. д., у Эсенъ-или gäljürүн и т. д.

И такъ настоящее время западно-турецкихъ языковъ состоитъ изъ причастной формы на *p* и изъ личныхъ окончаний того отдѣла глагольныхъ формъ, въ которому относится это время, кромѣ «историческихъ» окончаний н̄ 2 л. ед. ч. въ южно-османскихъ и азербайджанскихъ говорахъ, а к или у х 1 л. мн. ч. въ азербайджанскомъ и отчасти въ тюркменскомъ и и 1 л. ед. ч. въ тюркменскомъ¹⁴⁾. Что причастіе это вездѣ оканчивается на *p*, тому не противорѣчить отсутствіе этого звука въ херсонскомъ и южныхъ говорахъ османскаго языка и въ тюркменскомъ, потому что южно-османскіе говоры, какъ и азербайджанскій языкъ, въ ді (*p*), о лы (*p*) и т. п. причастіяхъ, даже, напр., въ г ä т і (*p*) «неси», обнаруживаютъ склонность къ устраненію этой согласной въ концѣ словъ (по крайней мѣрѣ, послѣ *i*, какъ въ ю.-осм. б і и д і, гдѣ она, очевидно, предварительно ослабилась въ *j*), а въ херсонскомъ говорѣ и въ тюркменскомъ языкѣ *p* исчезъ передъ личными окончаніями въ силу своеобразнаго слиянія (древнѣйшее, тождественное съ трапезунтскимъ, j a z a i r i m—въ j a z a i m, j a z y j a r ы н—въ j a z y j a n, откуда впоследствии и j a z a i j, j a z y j a по аналогіи остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ). Причастіе на *p*, но болѣе простаго состава, есть во всѣхъ турецкихъ языкахъ, не исключая и западныхъ: оно состоитъ изъ основы глагола и окончанія *p*, между которыми, если основа оканчивается на согласную, вставляются гласныя *a* (*ä*, *e*) или *y* (*ü*), а впоследствии во многихъ нарѣчіяхъ *y* (*i*) вмѣсто *y* (*ü*), если гласная основы есть *a*, *ä*, *e* или *y* (*i*): j a z -ä -p—г ä z -ä -p, a l -y -p (или a l -y -p)—g ä l -y -p (или g ä l -i -p), k ы л -y -p (к ы л -y -p)—b i l -y -p (b i l -i -p). Это причастіе вездѣ имѣетъ значеніе дѣйствія или состоянія, еще не осуществившагося, но задатки котораго находятся уже въ настоящемъ, или настоящаго, которое можетъ продолжаться, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Въ западно-турецкихъ языкахъ эта форма употребляется, по видимому, только въ смыслѣ сказуемаго при опредѣленномъ подлежащемъ для выраженія возможнаго дѣйствія со стороны этого подлежащаго въ сокращен-

¹⁴⁾ Если оно тождественно съ -ын, -ін 1 л. ед. ч. жел. (повел.) накл., какъ j a z a j ы н (j a z a i n), k ä l ä i n, а не произошло изъ -мын, -мін (якут.-б ы н, б і н), какъ и окончаніе 1 л. мн. ч. -ыз, -из изъ -мыз, -миз (команское, волжское и кумыцкое -быз, -біз, абаканское и алтайское -быс, -біс, чувашское -пыр, -пир, як.-б ы т, б і т, б у т, б ү т). Во всякомъ случаѣ -н (а не -м) свойственно издревле 1-му л. ед. ч. настояще-буд. вр. отрицательныхъ глаголовъ, а въ османскомъ языкѣ автора словаря «Абушка» (اللغات النوائية) употребляется совсѣмъ по-тюркменски, напр. не только (والاستشهادات الجغتائية) *ایتمان ایتمزین دمکدر*, но и *بیبرا الورمین ویره بیلورین دمکدر*, какъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ старой османской письменности.

номъ придаточномъ предложеніи, но чаще съ глаголомъ существительнымъ для описанія нѣкоторыхъ глагольныхъ формъ или въ видѣ основы настоящее-будущаго времени и прошедшаго несовершеннаго (также въ смыслѣ французскаго *conditionnel*), а въ другихъ языкахъ той-же семьи нерѣдко и самостоятельно, при чемъ форма дѣйствительная служитъ для выраженія всѣхъ залоговъ, напр., въ кумыцкихъ пѣсняхъ: «айтар сѳзѳн̄ унут-ма» (не забудь слова, которое тебѣ предстоитъ сказать или: которое говоришь) или (гдѣ это причастіе встрѣчается и спрягаемымъ и склоняемымъ):

Мен сага гелір-идім,

Мен сені сѳжер-идім;

Сѳжер-жімік̄ һал-ың̄ жоң,

Беріп̄ алма мал-ың̄ жоң

(я за тебя пошла бы, я тебя любила бы, да нѣтъ у тебя средствъ, позволяющихъ рассчитывать на любовь, нѣтъ состоянія, достаточнаго для того, чтобы, заплативъ, взять, т.-е. жену¹⁵). Средство формъ *ја зар—гелѳр* и *ја ы̄јор—геліјор* очевидно: второе отличается отъ перваго лишь какой-то вставкой между основой и окончаніемъ *р*. Бросается въ глаза и удареніе формы *ја ы̄јор—геліјор*: извѣстно, что всѣ турецкія слова и простыя грамматическія формы имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ; если же удареніе падаетъ на одинъ изъ предшествующихъ слоговъ, то это (за рѣдкими исключеніями, какъ осм. *кардаш* «братъ» и т. п. въ зват. пад.) служитъ признакомъ того, что къ слову приставлено

¹⁵) Разнообразныя примѣненія этого причастія въ языкахъ сѣверныхъ турокъ выясняются, между прочимъ, слѣдующимъ примѣромъ, также пѣсеннымъ: *Аң Кѳбѳктің̄ айдар сѳс, алып̄ јанчыҕа салар сѳс, угарларга угар сѳс, уңпас јаманга улук̄ сѳс* = слова, которыя говорятъ Акъ-Кѳбѳкъ, — такія слова, что ихъ стоитъ взять и положить въ карманъ; такія слова, что для людей способныхъ слушать стоитъ ихъ послушать, а для дурного челсвѣка, не способнаго слушать, — тягостны (Грамматика алтайскаго языка. Казань, 1869, стр. 242). По-османски было-бы возможно «Ак Кѳбек дејер сѳз», т. е., какъ сказано выше, въ сокращенномъ относительно предложеніи съ выраженнымъ подлежащимъ. Что до происхожденія этой формы причастія, то она находится, по видимому, въ связи съ монгольскимъ дѣепричастіемъ на *-рун—рун*, какъ *болорун* будучи (напр. въ *дзарлік б.* = приказъ б, т.-е. приказывая или изволя говорить), *санарун* думая, *бичірун* пиша. Сюда-же (ср. примѣч. 18), а не къ османскимъ причастіямъ на *-ыјор* или *-ајор*, относятся орхонскія *јорыјур* похаживаетъ (Памятникъ Кюльтегина 12 изд. Меліор.), *јашајур* (напр. *отуз ј.*, *биркырк ј.* тамъ-же 41—42) находится (находящійся, находясь) въ (такомъ-то) возрастѣ, которыя произведены, отъ основъ на гласную—*јоры*, *јаша* такъ же, какъ причастія или дѣепричастія на *-ју*, каковы *улају* слѣдующій (за кѣмъ по порядку), *оплају* нападая, *башлају* начиная, родственныхъ за то, быть можетъ, съ дѣепричастіемъ на *-уп—уп* (*-ып—ип*) или *-убан—убан* (*-ыбан—ибан*), если *у—ў* въ нихъ не фонетическая вставка (а *-п* или *-бер* съ монгольскимъ окончаніемъ прош. вр. *-ба* или *-бай*).

другое, не ударяемое (энклитика). И такъ въ *язы́јор*—*гелі́јор* содержатся двѣ части: *язы́*—*гелі́*, представляющія собою какую-то глагольную форму, и *јор*, въ которомъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ искать причастнаго образованія на *р* отъ другого, конечно, вспомогательнаго, глагола. Изъ глаголовъ этого рода всего естественнѣе заподозрѣть здѣсь присутствіе глагола *јатма̄* въ формѣ причастія *јатур*. Что касается первой части сложенія, то она, какъ мы видѣли, является въ видѣ не только *язы́*—*гелі́*, но и *язá*—*гелé*. Которая изъ двухъ формъ древнѣе? Для перехода *ы-і* въ *а-е* не видно никакого повода, а для обратнаго онъ на лицо, именно приближеніе *а-е* по степени открытости къ слѣдующему *ј*, какъ въ бессарабско-херсонскомъ *гелі́* вмѣсто *гелé* и (ср. *язá* и *язы́*), или стяженіе *ај*—*еј* (*а́й*) въ *ы-і*, какое мы находимъ въ въ сирійско-османскихъ желательныхъ *јап̄им*, *вер̄им*, *ал̄им*, *гез̄им* и, съ уподобленіемъ стянутой гласной предшествующимъ, *öldürüm* (см. Keleti Szemle, II, стр. 144—150), также въ азербайджанскихъ желательныхъ *алым* (2 л. *аласан*), караг. *ал̄им* (койб. *ал̄ен у Кастрена*), *вырым*, *öldürüm* или *öldirim* и т. п., изъ *јапаим*, *вереим* и т. д. и въ приволжскихъ (казанскихъ, мещеряцкихъ) желательныхъ (пригласительныхъ) *джазік*, *кілік* изъ *язá* и *кälä* и въ спрягаемыхъ причастіяхъ настоящаго времени *картілі*, *джаз-мі*, *кіл-мі* изъ *кара-ја́*—*кара́й*, *яз-ма-ја*—*яз-май* и пр.¹⁶⁾ въ причастіи настояще-будущаго времени у Черневыхъ Татаръ (Туба) *адыјір* вмѣсто общеалтайскаго *адајір* (изъ древнѣйшаго *атајур* будетъ называть) и т. п. Стяженіе *јатур* въ *јор* находитъ себѣ полную аналогію въ сартскомъ *јоп* изъ *јатуп*, дѣепричастія отъ того-же вспомогательнаго глагола, когда оно входитъ въ составъ формы строгаго-настоящаго времени, присоединяясь къ тому-же спрягаемому дѣепричастію на *а—ä* (*е*): *келіјоп-пән*, *келіјоп-сән*, *келіјоп-те* и т. д. или, сокращенно, *кіјоп-пән* (*Јам coming*) и пр., хотя, впрочемъ, въ Кокандѣ говорятъ *кіліјап-пән*, а въ Ташкентѣ *кіјап-пән*, изъ *кälä-јатуп-пән*, *-сән*, *-тур*. Выпаденіе *т* въ *јатур* и *јатуп* объясняется тѣмъ-же, чѣмъ и дальнѣйшее ихъ ослабленіе въ *ыр*, *іј* у западныхъ турокъ и сокращеніе формы *кілі* (изъ *кälä*) въ *кі* у сартовъ, —положеніемъ неударяемой части въ сложеніи. Такъ и дѣепричастіе *алып* утратило свою срединную согласную и затѣмъ подверглось стяженію въ широко распространенныхъ *ап-кілмәк* (взявъ приходитъ = приносить) и *ап-пармак* (взявъ итти = относить, у

¹⁶⁾ О качествѣ *і* въ такихъ стяженіяхъ см. Paasonen, Tatarische Lieder. S. VI (въ Suomalais-Ugrilaisen Seuran aikakauskirja XIX). У черневыхъ Татаръ (Туба) *албыјин* (изъ *албајин*) «не бери», произносится *албіин*, но напр. въ *адыјір* (изъ *адајір*) «назоветь» *ы*, по видимому, не измѣняется (см. Грамм. алт. языка. Казань 1869 § 102, 103 и 107а).

киргизовъ *ап-кетпек* взявъ уходить = уносить), которыя первоначально должны были имѣть удареніе не на общей обоимъ части, а на той, по которой они различались—*кälmäk* и *бармак*,—какъ напр., по-нѣмецки *an-setzen*, *ab-setzen*. Киргизы въ спряженіи стягиваютъ, напр., *kelé-турган* «приходящій» въ *kelé-тугун* и даже въ *келе-тин*, да и помимо этихъ условій говорятъ иногда бо и вмѣсто *болуп*, *кап* вмѣсто *кагыл* и т. п., а у Алтайцевъ съ тѣмъ-же *турган* образуются *ала-ттан*, *келе-ттен*. Стяженіе *ау* (*äy*) въ *о*, физиологически самое естественное, не чуждо и турецкимъ языкамъ, какъ видно, напр., изъ койбальскихъ *ос* (ладонь) вмѣсто *а(ü)уч*, *карол* (мушка на ружьѣ) вмѣсто *кара(г)ул*, *тырбос* (грабли) вмѣсто *тырмауч*, *бузо* (теленокъ) вмѣсто *буза(г)у*, кумыцкихъ *сагормага* вмѣсто *саба(-сени)* *урмага* (тебя бить), *инорлауч* изъ *инэ* (игла) *урлауч* (воръ, а вмѣстѣ почему-то стрекоза). Между *ау* могли быть звенья *аў—оў*, какъ въ основномъ западномъ *та(в)ушан* заяцъ (обще-тур. *табушкан*)—осм. *таўшан*, да *ўшан*,—азерб. *доўшан*. Какъ-бы то ни было, въ возможности стяженія безударнаго *јатур* въ *јор* нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, а въ западно-турецкихъ языкахъ дѣло облегчалось еще тѣмъ, что они забыли употребленіе глагола *јатмак* въ видѣ вспомогательнаго. Потому мы имѣемъ право возстановить для западно-турецкаго праязыка форму *јазá-јатур—гälä-јатур*, вполне тождественную какъ морфологически, такъ и семасіологически съ киргизскими *јазá-јатыр* (англ. *he is writing*, арабск. *һуўа кәтибу*“, перс. *дәрәд мī-ни вīс әд*)—*kelé-јатыр* (*he is coming*, *һуўа 'әти*“, *дәрәд мī-ј—әјәд*).

Процессъ развитія діалектическихъ формъ изъ только-что выведенной основной представляется совершенно яснымъ. По сокращеніи причастія *јатур* въ *јор* первоначальныя *јазá-јатур—гälä-јатур* должны были явиться въ видѣ *јазá-јор—гälä-јор*. Отъ основъ на гласную, въ которыхъ дѣе-причастіе на *а—ä* принимаетъ передъ окончаніемъ звукъ *ј*, должны были получиться **дарајајор* «чешетъ» (*pectit*)—**ейläјәјор* «дѣлаетъ», **оқы-јајор* «читаетъ»—**чүріјәјор* «гниетъ» и т. п. и далѣе, по нарѣчіямъ, съ обычнымъ усѣченіемъ (какъ въ сѣверныхъ *тарай*, *окуй* и т. п.), **дарајйјор*—**ейläйјор*, **оқыйјор*—**чүрійјор* (позже не только *оқыјор*—*чүріјор*, формы старо-османскія, но и, какъ потомъ всегда послѣ *о—ö* и *у—ў*, *окујор*—*гүрүјор* при *тапыјор* «знаетъ»—*әріјор* «таетъ» съ сохраненіемъ исконнаго *ы—і* послѣ корневого *а—е*). Отсюда, по ослабленіи гласной безударнаго окончанія подъ вліяніемъ *ј*, крымскія и трапезунтскія *јазá-ір—гелé-ір*, *дара-ір—ейлэ-ір*, *оку-ір—чүрү-ір* и, съ дальнѣйшимъ сокращеніемъ, бессарабско-херсонскія *јазá-й—*

гелій (изъ гелѣй, какъ было указано выше), дарай—ейлѣй, таный—ерій, о̄ӯй—ч̄ур̄уйи, вѣроятно, антебское гелей (примѣры съ твердыми мнѣ неизвѣстны). Изъ язайор—гелѣйор, путемъ уже упомянутого суженія *a—e* (*ä*) передъ *j* въ *ы—i*, возникли османскія обыкновенныя языйор—гелійор, но дарайор—ейлѣйор съ удержаніемъ тематической гласной первой части, однако съ указаннымъ выше измѣненіемъ ея послѣ корневыхъ *o—ö* и *y—ÿ* въ формахъ о̄ӯйор и т. п. на основаніи того-же позднѣйшаго закона, который и отъ согласныхъ основъ повлекъ къ образованіямъ соруйор—гөруйор, дуруйор—гүлуйор вмѣсто сорыйор и т. д. Позже и основы на *a—e* подчинились давленію многочисленныхъ ыйор—ійор: дарыйор—ейлійор, а потому и въ отрицательныхъ формахъ: язмыйор—гелмийор вмѣсто язмайор—гелмейор и далѣе даже дарымыйор—ейлимийор (въ Константинополѣ). Изъ языйор—гелійор малоазійскія язій—гелій (послѣднее и въ бессарабскомъ). Оттуда же черезъ такое-же ослабленіе второй части, какъ въ крымскихъ и трапезунтскихъ формахъ, произошли *языйр—*гәлийр, откуда азербайджанскія языйр—гәлийр, а послѣ *o—ö*, *y—ÿ* отчасти съ *y—ÿ* вмѣсто *ы—i*: сорур—гөрур, дурур—гүлур, но въ Персіи сорыр—гөрір, дурыр—гүлір, первоначально, конечно, вездѣ съ долготой въ окончаніи.

Судьба основъ на гласную въ азербайджанскомъ языкѣ была почти такова же, какъ въ османскомъ, а именно основы на *ы—i* не измѣнились: таныйір—әрийір, что, впрочемъ, осталось лишь на сѣверѣ, въ Закавказьѣ, а на югѣ, въ Персіи, стянулось въ таныр—әрийр, въ основахъ же на *-a—ä* и *-y—ÿ* произошло уподобленіе: дарийір—ейлийір, охыйір—чурийір (но и охуйір—чуруййір и даже охуйур—чуруййур), на югѣ дарыр—ейлір, охыр—чурір, и такъ-же отрицательныя язмыйір (съ удержаніемъ *ы*)—гәлмийір, на югѣ язмыр—гәлмир, въ Нахичевани — дарыйір—ейлийір, танийір—әрийір, охыйір—чурийір, но язмыр—гәлмир, въ Шемахъ дарыр—ейлір, язмыр—гәлмир, но таныр—әрийір, охыр—чурийір. Но въ самой исторіи этихъ формъ у османскихъ и азербайджанскихъ турокъ возможна нѣкоторая разница, такъ какъ у первыхъ дѣйствовала здѣсь одна морфологическая аналогія, а у послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, относительно *a—ä* допустима причина фонетическая: передъ *j* эти гласныя всегда переходятъ у азербайджанцевъ въ *ы—i*, при чемъ *ы* звучитъ мягче обыкновеннаго и даже прямо измѣняется въ *i*, напр. гаргыја изъ каргаја «воронъ», јашіјиб изъ јашаиб «живя», нійә изъ најә «къ чему?» (но съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ нај-і вар «что у него есть?»), ейліјән изъ ейләјән «дѣлающій», блміјим изъ блмајим «пусть

я не буду» и т. п., очевидно, через *e*: ср. ч̄о̄м̄ч̄е̄ і̄н̄а̄н̄ отъ ч̄о̄м̄ч̄а̄ «разливательная ложка» въ пословицѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія ямѣстностей и племенъ Кавказа, XIX, отд. II, стр. 301 № 186).

Но *ja* (т)у р могло стянуться не только въ *jo* р, а и въ *ja* р, какъ *ja* т у п у сартовъ стягивается не только въ *jo* п, но и въ *ja* п, или какъ изъ *ba* ġр (абаканскаго, по-западно-турецки *ba* ġы р) «печень» получается въ приволжскихъ нарѣчіяхъ *ba* ū ʾр, *ba* у р, съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ— *ba* ū р-ы, и далѣе у кара-киргизовъ *bo* р, а у черневыхъ татаръ *pa* р, или какъ изъ *sa* ġы с̄к̄ан—*sa* у с̄к̄ан «сорока» вышло въ шорскомъ и абаканскихъ нарѣчіяхъ *sa* ġ с̄к̄ан (впрочемъ непосредственно скорѣе изъ телеутскаго *sa* ġы с̄к̄ан). И въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые Кондомцы (шорцы) говорятъ не только, подобно другимъ Алтайцамъ, *al* п—*ja* ды р или *al* п—*ja* т беретъ, *ke* l п—*ja* ды р или *ke* l п—*ja* т приходитъ, но и *al*—*ja* р (по выговору *al*—*cha* р), *ke* l—*je* р (*ke* l—*che* р) и также *al* б а н—*ja* р не беретъ, *ke* l б е н—*je* р не приходитъ. Гласная, возникшая путемъ сліянія, бываетъ естественно долга, а въ турецкихъ языкахъ, за исключеніемъ, можетъ быть, одного якутскаго, ни одна гласная не отличается такой воспримчивостью къ долготѣ, какъ *a*—*ā* (*e*). Потому, напр., говорящіе по-ученому османскіе турки, если позволяютъ себѣ протянуть гласную на персидскій ладъ въ персидскомъ или арабскомъ словѣ, то скорѣе всего *ā* передъ удареніемъ, какъ въ *me* р д ā н é, *ky* j ā м é т¹⁷). У кумыковъ, по крайней мѣрѣ, живущихъ на сѣверъ отъ Сулака (Авар-

¹⁷) Вамбери (Alt-osmanische Sprachstudien, стр. 7) утверждаетъ, что разница между долгими и краткими гласными существуетъ въ османскомъ языкѣ точно такъ же, какъ въ мадарскомъ; если такъ, отчего же османскіе поэты признаютъ долгія гласныя только въ арабскихъ и персидскихъ словахъ, а въ турецкихъ допускаютъ естественную долготу почти только въ конечныхъ слогахъ подъ ритмическимъ удареніемъ, тогда какъ мадары въ своихъ подражаніяхъ древнимъ количественнымъ стихамъ не прибѣгаютъ къ словамъ греческимъ и латинскимъ? Впрочемъ долготы гласной глагола *ba* р «есть», о которой см. мое изслѣдованіе «Турецкіе элементы въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ» (Извѣстія Отдѣленія р. яз. и сл. Импер. Академіи Наукъ, т. VIII, кн. 4, стр. 18, примѣч. 21), была нѣкогда свойственна и западнымъ языкамъ, на примѣръ у Фузули въ газели *یوخ کمهده رخسارگا طاقت نظاه* (размѣръ *منسرح مطوی مکسوف*):

дāhrdā hām̄tā sān̄ a var bīrī jōx desām̄,

вар gūzāi chōx, vālī sān̄ ġībī xūn̄xūārā jōx

и ниже:

zārlyġ ым̄ ыш̄k̄da var Fūdūlī, vālī

ол māh-i bē mīhrdā rāhm̄ bān-i zārā jōx.

Есть, правда, и у султана Сулеймана 19 (изд. Якоба) стихъ 3 (размѣръ *هزج مکفوف مقصور*):

скаго Койсу), въ слогахъ, предшествующихъ открытымъ *ы*—*і*, очень короткимъ, склонность къ протяженію обнаруживаютъ именно *а*—*е*: *к̄азык̄* «коль», *т̄ем̄ір*, «жельзо», и такая долгота иногда перетягиваетъ на себя удареніе точно такъ-же, какъ происшедшая изъ стяженія, напр. въ *јахшұлан* изъ *јахшіулан* «хорошій парень», *тұра* изъ *тоұра* «прямо» (западно-тур. *догры*, *догру*). Возможно, что такой путь прошли тюркменскія формы: **языјаур*—**языјаур*—*языјаур* (или *языјор*)—*языјар* (или *языјор*), **галијаур*—*галијаур*—*галијаур* (или *галијор*)—*галијар* (или *галијор*, и *gelijog* и т. п. приняты также для османскаго языка въ новѣйшей *Türkische Konversations-Grammatik von Henry Jehlitschka. Heidelberg. 1895*, стр. 131, 187 и др.). Возможна и ступень **языјаыр*—*галијаыр* подъ вліяніемъ предшествующаго *а*—*ä*, сказавшимся въ неударяемомъ окончаніи раньше, чѣмъ, напр., въ *калыр*—*галир* изъ *калур*—*галиур*, а изъ этой ступени, со вставкой *ј* въ зіяніи и послѣдовавшимъ за ней смягченіемъ *ы* въ *і*, **языјајир*—*галијајир*, откуда *языјаир*—*галијаир*, какъ алтайское *аіл* (деревня) изъ ряда *агыл* (въ западно-турецкихъ языкахъ)—**аұыл* (откуда *аул* въ сѣверныхъ)—**аыл*—**ајыл*; а *язы-*

бір сән-қілаін вар-мы бунца гам ічіндә?

но только одинъ и въ одной рукописи (Вѣнской), а дальше идутъ стихи

4^а: *бір сән-қілаін вар-мы табіб-і діл у қан-а!*

5^а: *бір бән-қілаін вар-мы, ічәр қам-і маһаббат?*

6^а: *бір сән-қілаін вар мы, сатар васл мйтә ын?*

За то напр. у поэта позднѣйшаго, но ученаго, мирзы Наср-алла бенъ Абу-ль-касима Ширванскаго, писавшаго подъ прозвищемъ *Bähār* (весна), одна газель начинается такъ (размѣръ *مغصور مخبون*):

нә бугүн багда жарым нә мейім вәр бәнім,

сейр гүлзәрдә бейһүдә: најім вәр бәнім?

сізі тары, јетүрүн пір-і харабатә бәні,

кі бугүн сәкі әлиндән гиләјім вәр бәнім

и т. д. Долгота гласной въ этомъ словѣ, повидимому, слышится кое-гдѣ и теперь; ср. ширванскую поговорку по записи смотрителя Геокчайскаго училища Н. Д. Калашева (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа XIX, отд. II, стр. 292 № 78): «багда әрік вәр-ыды, салам-әленк вәр-ыды» и т. д. Особенная воспримчивость гласныхъ *а* и *е* къ долготѣ наблюдается и въ мадярскомъ языкѣ, гдѣ говорится напр. *atyak* (фонетически = *атяк*, — отъ ед. ч. *atya*) отцы, *kefek* (ед. ч. *kefe*) щетки, *atyát* отца, *kefét* щетку, *atyám* мой отецъ, *kefém* моя щетка, *várjátok* (= *варьяток*) вы ждете (отъ основы *várja* онъ ждетъ), но *kocsik* (= *кочик*) повозки (ед. ч. *kocsi*), *kocsit* повозку, *kocsim* моя повозка, *veritek* вы бъете (отъ основы *verí* бьетъ), *faluk* деревни (ед. ч. *falu*), *talut* деревню, *falum* моя деревня.

jaip—*gälíjaip могли стянуться въ *jazýjār—*gälíjār, какъ
 кайчы «ножницы» въ качі у таранчей (и у нѣкоторыхъ азербайджанцевъ,
 хачу чувашъ) или, еще ближе, kajış (ремень) въ kās у абаканцевъ
 (ср. W. Radloff, Phonetik der nördlichen Türksprachen §§ 99—100); да и въ
 османскомъ нарѣчьи вмѣсто jazaım—geleım часто говорится jazám—
 geleım. Замѣчательно сходство сокращеннаго спряженія jazýjān—gelíjān
 и пр. съ соотвѣтствующими jazıjom—gelíjom (примѣры у Гарт-
 манна gidıjom и gidıjon или gidıjo) айдынскаго и сѣверно-сирій-
 скаго османскаго нарѣчья, которое называется не только «каба түркче», но и
 прямо тюркменскимъ (ср. примѣч. 14). Утрату p профессоръ Гартманнъ объ-
 яняетъ ссылкой на тамошнія бī, dī вмѣсто бір, дір, гдѣ въ самомъ
 дѣлѣ послѣ і звукъ p могъ смягчиться до j или ѣ, какъ въ бессарабско-хер-
 сонскомъ jazáy—gelíj, и въ такомъ видѣ слиться съ предшествующимъ і,
 откуда и долгота. Въ тюркменскомъ выпаденіе p могло пойти изъ 2 л. ед. и
 мн. ч. jazýjār-сын—gelíjārсын, jazýjārсыз—gelíjārсыз,
 чему нѣкоторую аналогію представляютъ кумыцкіе род., вин. и дат. пад. мн. ч.,
 какъ атлань (т.-е. съ открытымъ ъ)—itleni (съ открытымъ і),
 атлагā—itleje вмѣсто атларныñ—itlärnin и атларны—
 itläрни, атларгā—itläргā и формы желательнаго, условнаго и по-
 велительнаго наклоненій отъ глагола болмак (быть)—бугāй, бусā,
 бусун вмѣсто болгāй, болсā, болсун (бугāй и т. п. и у ногай—
 цевъ уже въ грамотахъ крымскихъ хановъ), и также у киргизовъ боган
 вмѣсто болган, а еще болѣе—распространенный теперь во всѣхъ турецкихъ
 языкахъ пропускъ p передъ согласной, между прочимъ и передъ с, въ формахъ
 существительнаго глагола ерсā, ерді, ермās, еркāн, откуда ісā, іді,
 імās, ікāн и т. п.; ср. также чувашскія пādым «я даль», пачі «онъ
 даль», пāны «давшій, данный», памā «давать» отъ пар «дай» и т. п. и
 формы südügumen зажигаю=кўйдўру-(p)mān, chatısturumen смѣшиваю=
 катыштuru-(p)mān, tıgumen стою=туру-(p)mān, sechıgumen прыгаю=
 сākırū-(p)mān, olıgumen сижу=олтуру-(p)mān въ Codex Comanicus. Та-
 кимъ же образомъ, т. е. вслѣдствіе положенія p передъ согласной окончанія,
 образовались и упоминаемыя Гартманномъ сѣверно-сирійскія формы 2 л. ед. ч.
 настояще-будущаго времени гіден̄, варын (съ окончаніемъ прошедшаго вр.
 гиттин̄, вардын̄, условнаго накл. гитсен̄, варсан̄ и др.) вмѣсто
 гідерсен, варырсан.

Такова приблизительно исторія формъ причастія настоящаго времени въ за-
 падно-турецкихъ языкахъ. Само собою разумѣется, что не за всѣ изъ указанныхъ
 переходовъ можно ручаться; такъ, напр., азербайджанскія jazýr—gälír могутъ

восходитъ къ *j a z á j o r*—*g ä l ä j o r*, откуда, путемъ указанныхъ выше ослаблений и стяжений, *j a z á i r*—*g ä l ä i r* и далѣе—черезъ **j a z á i r*—**g ä l ä i r*—отличающіяся отъ современныхъ намъ лишь долготою *j a z ы r*—*g ä l ı r*. Однако возможность выведенія всѣхъ перечисленныхъ западно-турецкихъ формъ изъ *j a z á j a t u r*—*g ä l ä j a t u r* не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію. Остается предупредить недоумѣніе, которое могутъ вызвать азербайджанскія причастія настояще-будущаго времени при сравненіи ихъ съ причастіями настоящаго, только-что разобранными.

Первое изъ этихъ причастій, которое, какъ сказано выше, въ большинствѣ турецкихъ языковъ сохранило изъ праязыка двойное окончаніе -*ár* или *ár* и -*úr* или -*ür* (впослѣдствіи -*ыри* или -*ір* послѣ слога съ *a—ä* и съ *ы—ı*), оканчивается въ азербайджанскомъ языкѣ неизмѣнно на *ár*—*är*, передающія свое удареніе личнымъ приставкамъ: *в а р а р á м*, *в а р а р с á н*, *в а р á р*, *в а р а р ú х*, *в а р а р с ú з*, *в а р а р л á р*—*g ä l ä r - ä м*, *г ä л ä р с ä н*, *г ä l ä р*, *г ä л ä р ú х*, *г ä l ä р с ú з*, *г ä l ä р l ä р*, тогда какъ по-османски *в а р ы р ы м*, *в а р ы р с ы н*, *в а р ы р*, *в а р ы р ы з*, *в а р ы р с ы н ы з*, *в а р ы р л а р* (прежде *в а р ú р а м* и т. д.)—*g e l ı r - i м*, *g e l ı r с i н*, *g e l ı р*, *g e l ı р - i з*, *g e l ı р с i н i з*, *g e l ı р l e р* (прежде *g e l ú р ä м* и т. д.), въ большей части сѣверныхъ языковъ *б а р ы р м а н*, *б а р ы р с а н*, *б а р ы р*, *б а р ы р м ы з* (или -*ы з*), *б а р ы р с ы з*, *б а р ы р* (прежде *б а р ú р м а н* и т. д.)—*k ä l ı р м ä н*, *k ä l ı р с ä н*, *k ä l ı р*, *k ä l ı р м i з* (или -*б i з*), *k ä l ı р с i з*, *k ä l ı р* (прежде *k ä l ú р м ä н* и т. д.). Такимъ образомъ исконныя *алур*, *жатур*, *калур*, *кылур*, *олур*, *урур*, *берур*, *білур*, *көрур* преобразуются у Азербайджанцевъ въ *алар*, *жатар*, *калар*, *кылар*, *олар*, *вурар*, *верар*, *білар*, *гөрар* и т. п., и даже произведенныя отъ многосложныхъ основъ на согласную, какъ *божур-ур*, *о(л)тур-ур*, *жалбар-ур* (*жалвар-ы р*), *ешит-ур* (*ешитір*), *богур-ур*, *жібар-ур* (отъ сѣв. и вост. *жібар*—«посылать» изъ *ıj ä б е р*—¹⁸), и въ томъ

¹⁸) То-же окончаніе придавалось въ обще-турецкомъ языкѣ и многосложнымъ основамъ на гласную, что доказываютъ упомянутыя въ примѣч. 15 орхонскія формы (гдѣ -*јор*, а не -*јур*, внесено Томсеномъ, кажется, только по аналогіи съ османскимъ наст. вр.) и уйгурскія *башлајур* начинается, *tıläjür* просить и т. п., и что также можно заключить изъ сопоставленія приенисейскихъ формъ: карагасскія *ойнар*—*tölär* съ абаканскими *оинір*—*tölir* (отъ *ойна*-играть, *tölä*-платить) заставляютъ предполагать древнѣйшія **ойна-ја-і р*—**tölä-ја-і р* (ср. алтайскія *оинојір*—*tölöjir* или *tülejir*) изъ первоначальныхъ **ойнај-ур*—**tölä-ја-үр*; ср. як. *асыр* вѣсть (отъ *асä*), *дір* говоритъ (отъ *діä*). Странно *күстәр-бін* (отъ *күстә*=*гүзлә*—проводить осень) въ поправкахъ проф. Катанова къ койбальскому словарю Кастрена (*Mélanges asiatiques IX*, стр. 129) вмѣсто даннаго послѣднимъ *küstirben*, котораго и слѣдовало ожидать въ этомъ нарѣччіи. Какъ-бы то ни было, очевидно,

числѣ отъ распространенныхъ залоговыми примѣтами основъ односложныхъ, какъ *јаздыр-ур* (*јаздырыр*) — *једір-ур* (*једірір*), которыя почти во всѣхъ турецкихъ языкахъ имѣютъ исключительно это окончаніе, образуются по-азербайджански *бојур-ар*, *отур-ар*, *јалвар-ар*, *јаздыр-ар* — *једір-ар*. То-же вторженіе окончанія *-ар* — *ар* находимъ въ алтайскихъ нарѣчіяхъ и въ сартскихъ говорахъ: *ал-ар*, *кел-ар* (*кел-ар*), *оттур-ар*, *јур-ар*, *јад-ар* (алт. вмѣсто *јат-ур*, но въ качествѣ вспомогательнаго глагола — *јад-ыр*). И по-османски *дур-ар* с̄у «стоячая вода», хотя въ другихъ случаяхъ *дур-ур*. По-азербайджански древнюю гласную сохранили въ причастіи будущаго времени только двусложныя основы на *ы-і* и *у-ў*: *таныр-ар* — *арі-р*, *ох-ур* — *чур-ур*. Изъ нихъ въ первыхъ причастіа настоящаго и будущаго совпали такъ, что различаются только въ спряженіи, благодаря одному ударенію: *таныр-ам* «знаю», но *танырам* «буду знать, узнаю», и т. д. Сѣверные Азербайджанцы устраняютъ это неудобство аналогически образованными *таны-јар-арі-јар*, *ох-ур-ар* (нахичев. *охы-јар*) — *чур-ур-јар* въ будущемъ времени. Удержаніе формъ *таныр-арі-р*, *ох-ур-чур-ур* въ смыслѣ будущаго времени, само по себѣ понятное, если мы будемъ имѣть въ виду ясность основы и вмѣстѣ съ тѣмъ значенія, заставляеть однакоже предполагать, что тѣ-же *ы-і* или *у-ў* сохранялись долго у Азербайджанцевъ и въ тѣхъ причастіяхъ настояще-будущаго времени отъ односложныхъ основъ на согласную, въ которыхъ эти гласныя или, первоначально, *у-ў* были свойственны всѣмъ Туркамъ, т. е. что до появленія — по крайне ймѣрѣ, литературнаго — формъ *сох-ыр-ам* «бью», *гөр-ір-ам* «вижу» и съ другой стороны — *сох-ар-ам* «буду бить, прибью», *гөр-ар-ам* «буду видѣть, увижу» Азербайджанцы, какъ Османы, имѣли форму *сох-ур-ам*, *гөр-ур-ам*¹⁹⁾, пригод-

что память о стяженіи въ причастіи настояще-будущаго времени отъ основъ на гласную жила и послѣ раздѣленія Турокъ на племена, выражаясь долгою тематической гласной: *ойнар*, *таныр* (абак. *танір*) и т. п. Тѣмъ болѣе странно орхонское *јасар*, если оно значитъ «распоряжается, распредѣляетъ», какъ его переводятъ, производя отъ *јаса-*; но ср. алтайское и абаканское *јаја-* «созидать, создавать, даровать, назначать», которое можетъ навести на подозрѣніе, что подлинное чтеніе было *јајасар* и потому слова *одт-ан-рі-ја* (*ја*) *сар* на памятникѣ Кюль-тегина 50 значитъ не «небо распоряжается временемъ» или «распредѣляетъ сроки», а «когда небо назначить время (срокъ)». Въ защиту формы *јасар* вмѣсто *јас-јур* можно сослаться на встрѣчающееся тамъ же двумя строками выше (48 = сѣв. стор. 8) дѣепричастіе *кышлап* «перезимовавъ», но съ точки зрѣнія османскаго и азербайджанскаго языковъ оно еще страннѣе; въ соответствующемъ мѣстѣ памятника Бильге-кагана (вост. стор. 31) *кышладуда*.

¹⁹⁾ По-османски, конечно, *со-к-ур-ум*, *гөр-ур-ум*. Правда, въ древнѣйшихъ памятникахъ османскаго языка 1 л. ед. ч. обыкновенно оканчивается на *-ам* — *-ам* и попадаетъ въ нихъ кое-гдѣ *x* вмѣсто *k*, но всѣ они возникли въ Азій, и ихъ языкъ содержитъ въ себѣ немало общаго съ азербайджанскимъ.

ную для обозначенія того и другого времени. Что касается османскаго языка, то, какъ уже было сказано, форма на -ы́ j o p (-á j o p)—í j o p (-á j o p) въ его древнѣйшихъ памятникахъ не встрѣчается (что впрочемъ, конечно, еще не значитъ, что ея совсѣмъ не было). Вѣроятно, и соответствующая азербайджанская форма на -ыр—ір, если уже сложилась въ такомъ видѣ къ XIV—XVI в., употреблялась только кое-гдѣ въ просторѣчьи, а въ господствующемъ нарѣчьи замѣнялась обще-турецкой формой настояще-будущаго причастія. Да и теперь первая попадаетъ только въ разказахъ, написанныхъ простонароднымъ языкомъ, а въ поэзи употребительна лишь вторая. У Бурханъ-эд-дина, писавшаго, по видимому, на своемъ родномъ нарѣчьи, сивасскомъ, одномъ изъ промежуточныхъ между османскимъ языкомъ и азербайджанскимъ, въ смыслѣ настоящаго времени употребляются سَوَارَم (т. е., вѣроятно, = с ä в ä р ä м — رباى 7), كَوْرَوْرَم (= г ö р ү р ä м — رباى 14 и 15) и т. п. (см. статью П. М. Мелиоранскаго въ «Восточныхъ Замѣткахъ»). У Фузули, нарѣчье котораго близко къ азербайджанскому, встрѣчается настоящее بلورم въ редиоѣ (неизмѣнной части сложной риэмы) газели يار حال دلمى زار بلوبدر بلورم, но это несомнѣнно не современное б i l i р ä м, которое въ то время, если уже дошло до этого стяженія, по всей вѣроятности, сохраняло еще долготу гласной, происшедшей изъ слияннiя (ср. примѣч. 17), а общее со стариннымъ османскимъ б i l ü р ä м б i l ü р ü м), котораго ü, конечно, кратко, какъ того требуетъ размѣръ стиха (رمل مخبون مقصور), безъ вниманiя къ грамматическому ударенiю на ü:

$\begin{array}{cccccccccccc}
\bar{\text{ج}} & \bar{\text{ب}} & \bar{\text{ب}} & \bar{\text{ب}} & \bar{\text{ب}} & \bar{\text{ب}} & \bar{\text{ب}} & \bar{\text{ب}} & \bar{\text{ب}} & \bar{\text{ب}} & \bar{\text{ب}} & \bar{\text{ب}} \\
\text{jar} & \text{h} \bar{\text{a}} \text{l} & \text{-i} & \text{d} \bar{\text{i}} \text{l} & \text{-} \bar{\text{ü}} \text{m} & \text{-i} & \text{z} \bar{\text{ä}} \text{r} & \text{b} \bar{\text{i}} \text{l} \bar{\text{ü}} \text{b} & \text{-d} \bar{\text{ü}} \text{r}, & \text{b} \bar{\text{i}} \text{l} \bar{\text{ü}} \text{r} & \text{-} \bar{\text{ä}} \text{m}.
\end{array}$

Что еще удобнѣе для стиха было-бы б i l ä р ä м, о томъ и спора не можетъ быть, но эта форма означаетъ исключительно будущее, какъ б i l ä ц ä г ä м²⁰) и давно устарѣвшее б i l i с ä р ä м. Но откуда же, наконецъ, эти б i l ä р ä м и т. п.? Мы уже видѣли причастія на -а р — -ä р вмѣсто -у р (-ы р)— -ү р (-i р) въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ; но въ азербайджанскомъ для ихъ образованiя было и особенное условiе: когда при исконномъ настояще-будущемъ причастii а ч ä р — с ä в ä р явилось настоящее а ч ы р — с ä в i р (теперь а ч ы р — с ö в i р), сложилось мало по малу представленiе, что признакъ настоящаго есть ы—i, а признакъ настояще-будущаго, ставшаго съ тѣхъ поръ

²⁰) На югѣ г ä l ä ц ä г ä м безъ соблюденiя гармонiи звуковъ, какъ въ неопред. г ä l m ä х (сѣв. г ä l m ä к), въ 1 л. мн. ч. буд. г ä l ä р ү х (сѣв. г ä l ä р i к, г ä l ä р ä к) и въ упомянутомъ выше 1 л. мн. ч. наст. г ä l i р у х (ср. транез. и кастам.). Въ Нахичевани также г ä l ä ц ä г ä м, г ä l m ä х, г ä l д ы к въ полную противоположность Шушѣ, гдѣ г ä l ä ж ä ä м (съ мягкимъ ж), г ä l ä ж ä с ä н, г ä l ä ж ä х, г ä l ä ж i х, г ä l ä ж ä х с i н i з (если можно вѣрить сообщившему эту форму Шушинцу).

исключительно будущимъ, —а—ä. Что до ударенія а ч а р а́ м—с ö в ä р ä́ м, то оно было перенесено на окончаніе, вѣроятно, вслѣдствіе блѣдности тематической гласной въ сравненіи съ *i*, особенно долгимъ, а за основами на согласную подчинились этому правилу не только д а р а-р ä́ м—e(й)l ä-р ä́ м, но и т а н ы-р ä́ м—ä р i-р ä́ м и о х у-р ä́ м—ч ü р ü-р ä́ м. Такое удареніе при слабости тематической гласной часто ведетъ послѣ *p* и *l* (*l*) къ ея выпаденію, при чемъ -р окончанія уодебляется корневому *l* (*l*): в а р р ä́ м «пойду» — в е р р ä́ м — «дамъ», а л л ä́ м «возьму» — г ä l l ä́ м «приду» (но всегда в а-р ä́ р—в е р ä́ р, а л ä́ р—г ä l ä́ р, за то иногда о т р ä́ р вмѣсто о т ы р ä́ р «сядетъ», какъ уже по-уйгурски въ стихѣ размѣра мутакариб Älik бир кун олтруп özi жалгузун «Эликъ, сидя однажды наединѣ съ самимъ собой» Кутадгу Билик 32, 3, также г ä т р ä́ р вмѣсто г ä т i р ä́ р «принесетъ», хотя, разумѣется, г ü д т i р ä́ р «заставитъ пасти», о г ы р р ä́ р «украдетъ» — послѣднее съ *pp* вмѣсто *pl*, какъ б е к i а р р ы́ х «бездѣлье», h ü н ä р р í «искусный» и т. п.).

Впрочемъ удареніе въ азербайджанскомъ будущемъ на -р подлежитъ чуть-ли не такимъ же колебаніямъ, какъ въ османскомъ настоящемъ на -j o r; напр. въ Нахичевани говорятъ j а з ä́ р а м, j а з ä́ р з у н̄ (съ яснымъ с а г ы р н у-номъ), въ Шушѣ — о х у j ä́ р а м (при настоящемъ о х í р а м) и т. д.

По аналогіи древнихъ причастій будущаго времени а л ü р—г ä l ü р и новыхъ настоящаго о х ü р—ч ü р ü р, т у т ü р «хватаетъ»—h ü р ü р «лаетъ», отчасти удержанныхъ изъ старины, отчасти образованныхъ аналогически, явились кое-гдѣ въ Закавказьѣ т ü l i j ü р (у Казембека § 276 примѣч. 1, т ю л е ю р е м ъ, но ср. приведенныя выше г а р г ы́ j а, е й l i j ä́ и т. п.) «онъ платитъ», гдѣ, пожалуй, еще возможно подумать о древнемъ образованіи, но и г е д ü р «онъ уходитъ», аналогическое происхожденіе котораго очевидно.

Въ заключеніе подведемъ итоги въ видѣ таблицы, изъ которой видно развитіе діалектическихъ формъ настоящаго времени въ западно-турецкихъ языкахъ и говорахъ изъ основной, обще-турецкой.

Обще-турецкій языкъ.

j а з-ä́ j а т-ур пишетъ—к ä l-ä́ j а т-ур приходитъ (ср. кирг. жазá-жатыр, келé-жатыр), т а р а-j-ä́ j а т-ур чешетъ—е й l ä́-j-ä́́ j а т-ур дѣлаетъ, т а н ы-j-ä́́ j а т-ур знаетъ — ä р i-j-ä́́ j а т-ур таеъ, о к у-j-ä́́ j а т-ур ²¹⁾ читаетъ—ч ü р ü-j-ä́́́ j а т-ур ²¹⁾ гнietъ или—можетъ быть, по говорахъ—j а з-а́ j ä́ т-ур и т. д.

Общій западно-турецкій языкъ.

j а з ä́-j а у р—г ä l ä́́-j а у р, д а р ä́́-j а у р—е й l ä́́́-j а у р, т а н ы́́́-j

²¹⁾ Примѣръ условный, такъ какъ исконность тематическаго *y—ü* здѣсь болѣе чѣмъ сомнительна.

јаур—äρίй-јаур, о̄ӯй-јаур²¹⁾—чур̄ӯй-јаур²¹⁾ или јаза-јаур и т. д., откуда въ некоторыхъ говорахъ јазы-јаур—гäлі-јаур или јазы-јаур—гäлі-јаур.

Общій османскій языкъ.

1) јазајор—гäläјор или 2) јазыјор—гäліјор, дарајор—ейläјор, таныјор—äријор, о̄ӯјор²¹⁾—чур̄ӯјор²¹⁾. Отъ 1—крымскія и трапезунтскія јазаір—геліір, а изъ нихъ бессарабско-херсонскія јазаій—геліій, дараій—ейлэй и т. д.²²⁾ и, можетъ быть, антебское геліјім, если удареніе падаетъ на тематическую гласную; отъ 2—сѣверно-сирійское геліјом, но съ тѣмъ-же условіемъ²³⁾, и конійское, худавендгарское, кастамунійское јазыјом.

Азербайджанскій языкъ.

Изъ формъ, общихъ съ османскимъ, черезъ јазаір—гäläір (крымское и трапезунтское) или јазыір—гäліір (сивасское) стяженные јазыр—гäлір, којір или којур—гөрір или гөрур, дариір—ейліір, таныір—äриір, охуір или охур—чурур или чурурур, стянувшіяся по говорамъ въ дариір—ейлір, таныр—äрир, охыр (охір.) или охур—чурір или чурур²⁴⁾,

²²⁾ Вотъ полное спряженіе настоящаго времени отъ двусложныхъ основъ на гласную, извѣстное мнѣ отъ Хр. И. Кучукъ-Ованнесова, григоріопольскаго уроженца: дарајім, дараісын, дараій, дарајік, дараісынныз, дараійлар—ділэйјім, ділэйсін, ділэй, ділэйјік, ділэйсінниз, ділэйлер; таныјім, таныійсын, таныій, таныјік, таныійсынныз, таныійлар—еріјім, еріійсін, еріій, еріјік, еріійсінниз, еріійлер; окујум, окуійсун, окуій, окујук, окуійсунныз, окуійлар—чурурјум, чурурійсун, чурурій, чурурјув, чурурійсунниз, чурурійлер.

²³⁾ Иначе эта форма состоитъ въ ближайшей связи съ тюркменскими, что еще вѣроятнѣе относительно айдынскаго јазіјом, такъ какъ долгота едва-ли удержалась-бы здѣсь помимо ударенія.

²⁴⁾ Считаю излишнимъ сообщить вполне извѣстное мнѣ изъ живой рѣчи Табризцевъ спряженіе настоящаго времени стяженныхъ глаголовъ, совершенно отличное отъ того, образчики котораго даетъ Казембекъ въ своей общей грамматикѣ турецкаго языка: дарирам, дарирсан, дарир, дарирух, дарирсуз, дарирлар—ейлірäm (произносится елірäm), ейлірсән, ейлір, ейлірух, ейлірсуз, ейлірläр; танырам, танырсан, таныр, танырух, танырсуз, танырлар—äрирäm, әрирсән, әрир, әрирух, әрирсуз, әрирläр; охырам, охырсан, охыр, охырух, охырсуз, охырлар—чурірäm, чурірсән, чурір, чурірух, чурірсуз, чурірläр. Иногда р передъ с и въ концѣ пропускается, а передъ л—l уподобляется: дарирсан, дари, дарилар (такъ и олысан, олы и т. п., и въ другихъ временахъ). Данныя о табризскомъ говорѣ, собранные въ этомъ изслѣдованіи помимо книжныхъ источ-

B-387

и такъ-же отрицательныя *јазмыір* или *јазмыр* — *гáлміір* или *гáлмір*²⁵).

Тюркменскій языкъ.

Изъ діалектической формы общаго западно-турскаго языка *јазыјаур* образовались: 1) *јазыјбр* (вѣроятно, и безъ *р*, какъ въ Кастамуни) и 2) *јазыјар* и *јазыја*.

За полную самостоятельность своего объясненія настоящаго времени въ западно-турскихъ языкахъ я не только не ручаюсь, но мнѣ даже кажется, какъ будто я гдѣ-то читалъ, по крайней мѣрѣ, нѣчто подобное, и потому я не рѣшился-бы и предложить вниманію тюркологовъ это изслѣдованіе, если-бы мнѣ не удалось собрать и сопоставить данныя, извѣстныя мнѣ отчасти только изъ живыхъ источниковъ.

Эта статья печаталась такъ долго, что послѣ окончанія ея на письмѣ успѣло появиться нѣсколько важныхъ трудовъ, имѣющихъ отношеніе къ ея предмету. Изъ нихъ внесены въ нее кое-какія дополненія, что, обогативъ ея матеріалъ цѣнными частностями, отозвалось за то невыгодно на стройности цѣлаго. Одинъ изъ этихъ трудовъ, изслѣдованіе проф. Фоя, названное въ примѣч. 24, содержитъ въ себѣ, помимо множества поучительнѣйшихъ свѣдѣній, иную попытку объясненія наст. вр. на *-јор*.

Авторъ также признаетъ это образование сложнымъ, но въ первой части на *-ы* — *-і* видитъ готовое дѣепричастіе съ этимъ окончаніемъ, а самое *-јор* выводитъ отчасти изъ *јурур* (идеть), отчасти изъ соотвѣтствующей формы отъ того-же корня, но съ широкими гласными, какъ въ орхонскомъ *јорыјур*²⁶) или, какъ онъ пишетъ, *јорыјор*, которое само онъ считаетъ обра-

никовъ, теперь могутъ быть провѣрены по превосходному матеріалу, который находится въ обширной и содержательной статьѣ профессора Фоя *Azerbajġanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen*, помѣщенной въ *Mittheilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich—Wilhelms Universität zu Berlin. Jahrgang VI—VII (Zweite Abtheilung: Westasiatische Studien)*.

²⁵) *јазмыірам* или *јазмырам*, *јазмыі(р)сан* или *јазмы(р)сан* и т. д. вездѣ съ *р*, какъ по-османски, но въ будущемъ чуть-ли не только у Дербендцевъ *јазмарам* (ударенія не знаю), а вообще *јазманам* (вмѣсто *јазман*, какъ по-османски въ Кастамуни, по-чагатайски и по-кумыцки), *јазма(з)сан*, *јазмаз*, *јазманых*, *јазма(з)суз*, *јазмазлар*—*гáлманам*, *галма(з)сан*, *гáлмаз*, *галманік*, *гáлма(з)суз*, *галмазлар*.

²⁶) И въ карагасскомъ *јорор* (вѣроятно, изъ **јорур* отъ основы *јор*-, а не *јоры*-, откуда орхонское *јорыјур*: ср. кайбальское *јөрір* отъ *јөрі*-, гдѣ тематическая гласная формы (изъ *-іу* — *-іі*) долга.

зованіемъ, подобнымъ османскому наст. вр. И въ самомъ дѣлѣ напр. *jašajog* очень похоже на осм. *башлајор* и т. п. Но бѣда именно въ томъ, что такая огласовка, сама по себѣ возможная, потому что орхонское письмо не различаетъ *о* и *у*, основана, по видимому, лишь на кажущейся аналогіи съ османскимъ *-јор*, а не на грамматическихъ соображеніяхъ, тогда какъ *алур*—*кälür* и т. п. причастія заставляютъ при колебаніи между *о* и *у* выбрать въ этомъ случаѣ послѣднее. На *у*, а не на *о*, наводитъ и то обстоятельство, что осм. *башлајор* дало *башлаір* и *башлай*, но не *башлар* (хотя-бы съ долготой, какъ въ абаканскихъ говорахъ), которое стянулось изъ *башлајир* и далѣе—изъ *башлајур*. Оporою мнѣнія проф. Фоя служатъ старыя османскія написанія, отчасти извѣстныя лишь изъ европейскихъ источниковъ, съ *јур*, съ двумя *р* и даже прямо съ *јурүр* въ концѣ, малоазіатскія формы на *-јорур* (см. примѣч. 4) и азербайджанскія на *-ыры*—*-ірі* (см. примѣч. 10). Но *-јорур* и *-ыры*—*ірі* легко поддаются объясненію, предложенному въ томъ-же примѣч. 4, т. е., иными словами, могли возникнуть путемъ извѣстнаго изъ многихъ языковъ стремленія къ уравнию числа слоговъ данной флексіи при помощи аналогіи, а *-јур* и *јурүр*, если не представляютъ собою грамматическаго домысла или искусственнаго образованія (какимъ проф. Фой склоненъ признавать окончаніе 1 л. ед. ч. *-ам* или *äm* въ старыхъ османскихъ памятникахъ—ср. примѣч. 19), произошли, быть можетъ, изъ тѣхъ-же *-јор* и *јорур* отчасти фонетически, отчасти аналогически, а именно такъ: *-јор* превратилось въ *-јур* подъ вліяніемъ *олур*, *дурур*, *алур*, *кälур* и т. п., которыхъ въ старину было больше, чѣмъ осталось въ нынѣшнемъ говорѣ, и дѣепричастій на *-уб*, между прочимъ и такихъ, какъ *башлајуб*, а *-јорур* естественно послѣдовало за *-јор* и стало звучать *-јурур*; далѣе въ глаголахъ съ узкими гласными это *јур*, а за нимъ и *-јурур*, раздѣлило участь исконнаго *-ур*, т. е. сузилось въ *-јур*, *јурүр*; впоследствии эти узкія окончанія начали присоединяться и къ основамъ съ широкими гласными, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ нарѣчіяхъ, которыя употребляютъ предпочтительно узкія окончанія²⁷⁾. Конечно, все это есть лишь предположеніе, однако не такое, за которымъ нельзя было-бы признать извѣстной доли вѣроятности. Противъ объясненія *-јор* изъ *јурүр* или *јорур* и въ пользу объясненія изъ *јатур* можно привести и одно фонетическое соображеніе: *р* пропадаетъ у турокъ въ концѣ слога, но едва-ли между гласными²⁸⁾, а выпад-

²⁷⁾ Ср. напр. трапезунтскія *кызін*, *кызä*, *кызі*, *кыздän*, *кыздä*, *бабалäр*, *анасынä*, *бујнузлі*, *патаклік*, *ачілірім*, *јанмалі*, *вурдулär*, *јапалім* и т. п. въ статьѣ г. Писарева, упомянутой выше, стр. 3.

²⁸⁾ По крайней мѣрѣ, не у западныхъ Турокъ. Правда, у Енисейцевъ дѣло

деніе *т* въ *ј а т у б* и въ *ј а т у р* есть неоспоримый фактъ. Впрочемъ проф. Фой говорить, вѣроятно, не о *supcore*, а объ *аросоре*, путемъ которой образовалось напр. алтайское *ј а т* изъ *ј а т у р*. Съ точки зрѣнія синтактической можно замѣтить, что дѣепричастіе на *-ы*, *-і* (точнѣе: на *-у*, *-ў*) едва-ли соединяется съ глаголомъ *ј ў р*, по крайнѣй мѣрѣ, для составленія описательныхъ формъ спряженія, въ которыхъ вообще употребляются дѣепричастія на *-а*, *-ä* и *-у б*, *-ў б* (кромѣ *б е р*), почему и *ј а з ы ј о р* вѣрнѣе производить изъ *ј а з а ј о р*. Кромѣ того: встрѣчается-ли гдѣ *ј ў р*- съ дѣепричастіемъ на *-а*, *-ä*? У Алтайцевъ оно соединяется всегда съ дѣепричастіемъ на *-у б*, *-ў б*. Правда, съ нимъ-же спрягаютъ они и прочія вспомогательные глаголы *-ј а т*-, *т у р*- и *о т т у р*-, но послѣдній можно не считать, какъ не обще-турецкій въ этомъ качествѣ, а при первыхъ сохранились и у нихъ слѣды древнѣйшаго спряженія съ дѣепричастіемъ на *-а*, *-ä* въ наст. вр. *алады* или *алат* изъ *ала турур* (у Шорцевъ 1 л. *ала-бын* или *ала-м*, 2 *алазын*, 3 *ала-ды* и т. д.), въ причастіи *алаттан* изъ *алатурган*, въ недостаточныхъ глаголахъ *клат* изъ *келе-ј а т у р* идетъ сюда и *праат* изъ *бара-ј а т у р* идетъ туда (Грамматика алт. яз. стр. 92)²⁹). Со стороны семасіологии алтайскія нарѣчія не благопріятствуютъ объясненію османскихъ *алајор* и *алыјор* изъ **ала-ј ў р ў р* и **алы-ј ў р ў р*: по-алтайски *алып-ј ў р ў р* значитъ чуть-ли не то-же, что у другихъ Татаръ *ала-тура*,—береть часто, постоянно, хоть и съ перерывами, побираетъ, а татарскому *алып-тура*, османскому *алыјор*, т. е. береть или держитъ въ настоящій мигъ, у Алтайцевъ соотвѣтствуетъ *алып-ј а т*.

Ө. Юршъ.

обстоить нѣсколько иначе, и при томъ именно въ причастіи на *-р*: койбальскимъ *барербен* (*барырбын*, *иду*) *көрербен* (*вижу*) соотвѣтствуютъ у карагасовъ *бармен*, *көрмен*, и на оборотъ—карагасскому *олерармен* (= чаг. *олтурурман*) у Койбаловъ *одырбын*, и на ряду съ *јөрірбен* (*хожу*) говорятъ и *јөрбен*; но вѣдь зато и **јаглајурмын* (маслю), по-койбальски *јаглірбын*, стягивается по-карагасски въ *јармен*.²⁹) И у Абаканцевъ дѣепричастіе на *-а*, *-ä* вытѣснено дѣепричастіемъ на *-у п*, *-ў п*, однако они образуютъ наст. вр. *аладырбын* съ причастіемъ *алатурган* или спрягаютъ *алабын*, *алазаѳ*, *алады* (*р*) на ряду съ болѣе обычными *алырбын* и т. д.

О п е ч а т к и.

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стран. 1, строка 11 св.: турмак... јатмак	турма̄к... јатма̄к
« прим. 2, стр. 3 снизу: языка	языкѣ
« 4, стр. 1 св.: јазыјом	јазы́јом
Тамъ-же, стр. 2 св.: јазыјон	јазы́јон
Тамъ-же, прим. 8, стр. 3 сн.: азыјом	јазы́јом
Стран. 6, стр. 9: сага а	сага
Тамъ-же, прим. 15, стр. 11 св.: -рун—рун	-рун — -рун
Тамъ-же, стр. 12 св.: приказъ б	приказъ б.
Тамъ-же, стр. 1 сн.: -бср.	-б ср.
Стр. 7, стр. 18 св.: кар	ка̄ры,
« 8, стр. 10 св.: бузо	бузо̄
Тамъ-же, стр. 11 св.: саба (-сени)	сага (=сени)
Тамъ-же, стр. 19: гала-	га̄ла-
Тамъ-же, стр. 6 сн.: иотомъ	потомъ
Тамъ-же, стр. 5 сн.: гурѹјор	чӯрӯјор
Стр. 10, стр. 3 св.: ямѣстностей	мѣстностей
Тамъ-же, прим. 17, стр. 9 сн.: نظاره	نظاره
Тамъ-же, стр. 4 сн.: Фудѹли	Фудѹли,
Тамъ-же, стр. 3 сн.: мѣрдѹ	мѣрдѹ
Стр. 11, стр. 4 св.: јакшѹлан	јакшѹлан
Тамъ-же, стр. 5 св.: тура	тӯра
Тамъ-же, прим. 17, стр. 1 св.: сан-... ичинда	сан-... ичинда
Тамъ-же, стр. 9 св.: јарым... мејим	јарым... мајим
Тамъ-же, стр. 11 и 13: вар	ва̄р
Тамъ-же, стр. 12: пѣр-ѣ	пѣр-ѣ
Тамъ-же, стр. 17 св.: багда... ѿленк'	багда... ѿлеик
Стр. 12, стр. 21 св.: ногай—	ногай-
Тамъ-же, стр. 13 сн.: пачѣ	пачѣ
Тамъ-же, стр. 6 сн.: варын	ва̄рын

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стр. 13, стр. 1 св.: гäläjор	гäläjор
Тамъ-же, стр. 2 св.: гäläip	гäläip
Тамъ-же, стр. 5 св.: гälä-	гälä-
Тамъ-же, стр. 4 (текста) сн.: вурáр	вырáр
Тамъ-же, стр. 3 (текста) сн.: боjур-ур	боjур-ýр
Тамъ-же, прим. 18, стр. 6 сн.: *ой-нá-j-ip	*ойнá-j-ip
Стр. 14, стр. 14: узнаю	узнаю
Стр. 15, стр. 4 св.: азербайджан	азербайджан-
Тамъ-же, стр. 7 св.: причастiя	причастiя.
Стр. 16, стр. 7 сн.: äri-j-ä	äri-j-ä
Стр. 17, стр. 6 св.: оkújор	окújор
Тамъ-же, стр. 16 св.: охújур	охújур
Тамъ-же, стр. 18 св.: (охip.)	(охip)
Тамъ-же, прим. 24, стр. 7 сн.: арipсáн	äripсáн
Тамъ-же, стр. 3 сн.: дарi	дарi
Стр. 18, пр. 25, ст. 2 сн.: гälmäнám, гälmä(з)сáн	гälmäнám, гälmä(з)сáн
Тамъ-же, прим. 26, стр. 2 сн.: кайбальское	койбальское
Стр. 19, стр. 19 св.: äм	-äм
Стр. 20, стр. 10 св.: прочiя	прочie
Тамъ-же, прим. 28, стр. 2 св.: иду)	иду),

Кромѣ того, въ тюркменскимъ формамъ гälijáрын—гäliján и т. д. (стр. 5 и 11), почерпнутымъ изъ устныхъ источниковъ, слѣдуетъ прибавить гälijáрин или гäläjáрин—гäliján и пр., которыя можно извлечь изъ написанiй гелийерин, гелийерсин, гелийен, истейерсин, идеяерлер и т. п. подполковника П. Шимкевича въ его книгѣ „Практическое руководство для ознакомленiя съ нарѣчiемъ туркменъ Закаспiйской области“ (Асхабадъ 1899).

Національнія стихотворенія Эминъ-бея въ связи съ новымъ направлениемъ османской поэзіи.

Члена Восточной Коммисіи В. Э. Минорскаго.

У насъ, конечно, нѣтъ прямыхъ свѣдѣній о народной литературѣ турокъ, явившихся подъ предводительствомъ Эр-Тогрула въ XIII в. въ Малую Азію, но, судя вообще по богатству фольклора у тюркскихъ племенъ, мы могли бы заключить по аналогіи, что османы въ этомъ отношеніи не уступали другимъ своимъ сородичамъ. Однако отъ пословицъ, сказокъ и пѣсенъ было еще очень далеко до искусственной литературы, созданіе которой затруднялось еще и тѣмъ, что самый языкъ долженъ былъ, какъ разъ въ это время, испытывать важный переворотъ: онъ долженъ былъ приспособляться къ выраженію тѣхъ чуждыхъ кочевому быту понятій и мыслей, которыя теперь, по мѣрѣ роста силы и могущества новаго государства и измѣненія строя всей жизни, настоятельно требовали себѣ выраженія. Турки же были, преимущественно, людьми дѣла; они способны были завоевать, покорить, создать прочное политическое тѣло, но вопросы искусства мало занимали ихъ. Услаждать-то свой досугъ имъ было нужно, но какъ достигалось пріятное, это уже было безразлично. На бѣду для развитія національной литературы — у турокъ оказались слишкомъ талантливые сосѣди. Персидская литература въ XIII и XIV в. в. достигла, благодаря Саадію, Низамію, Аттару, Хâфизу, полного разцвѣта. Самый глубокій и философскій изъ персидскихъ поэтовъ Желалъ эддінъ Руми (1207—1273) даже прожилъ большую часть жизни въ центрѣ османскаго государства, въ г. Коніи, бывшей тогда столицею сельджуковъ. Принимая во вниманіе указанную практичность характера османлы, мы не удивимся тому, что поэзія ихъ подпала сильнѣйшему вліянію персовъ, доходившему до степени рабскаго подражанія, особенно въ виду неподготовленности къ той духовной пищѣ, которую турки получали отъ своихъ учителей. Вѣдь въ Персіи было свое долгое *пережитое* прошлое, чтобы могъ явиться поэтъ вродѣ Желалъа, а туркамъ всѣ его произведенія, вся стройно сложившаяся система суфизма были даны готовыми; поэтому не мудрено, что тѣ же крылья возвышеннаго и отвлеченнаго, на которыхъ персы могли такъ легко летать, лишь тяжело пригнетали своимъ вѣсомъ и безъ того нѣсколько туповатую фантазію турокъ. Вторженіе Тимура въ Анатолю и разгромъ молодого османскаго государства

ознаменовались дальнѣйшимъ закрѣпощеніемъ національной поэзіи. Правда, европейскій историкъ турецкой литературы, въ противоположность старинному турецкому писателю Али-Эфенди, утверждающему, что это произошло вслѣдствіе силы впечатлѣнія, которое непосредственно производило на умы присутствіе персидскихъ писателей въ свѣтъ Тимура, склоненъ думать, что персидско-арабская система стихотворства получила полное преобладаніе въ турецкой поэзіи еще раньше 1402 года¹⁾. Какъ бы то ни было, со временъ Тимура исчезаютъ попытки самостоятельнаго творчества, и дѣло идетъ лишь о смѣнѣ авторитетовъ для подражанія. Оставляется тогда и старое силлабическое стихосложеніе, общее и естественное для всѣхъ тюркскихъ нарѣчій, и на мѣсто его воцаряются принципы арабо-персидской метрики съ ея чередованіемъ долготъ и краткостей, причемъ даже старыя, чисто-тюркскія стопы были всѣми правдами и неправдами подсунуты подъ рамки всякихъ «бахровъ». Между тѣмъ долготы не свойственны тюркскимъ нарѣчьямъ²⁾, и приходилось неестественно растягивать и выпѣвать нужные слоги турецкихъ словъ или писать почти исключительно иностранными арабо-персидскими реченіями, пересыпая промежутки элементами родной рѣчи лишь изрѣдка, гдѣ можно. Для чего уже тогда было настаивать на *турецкихъ* стихахъ? Не проще ли бы было писать на чистомъ персидскомъ языкѣ и создать поэзію вродѣ средневѣковой латинской?

¹⁾ E. J. Gibb, A History of Ottoman Poetry, vol. I, Lond, 1900, стр. 254. «I am inclined to believe that the complete ascendancy of the Persian system was practically established shortly before Timur's invasion, and so was not, as "Ali would infer, a result of the event». Вотъ краткія черты борьбы персидскихъ и турецкихъ элементовъ въ османской поэзіи, согласно книгѣ Гибба. «Ребабъ-наме» (1301) *Султана Веледа*, содержащая, какъ известно, 156 двустійшій на тюркскомъ нарѣчій, написана главнымъ образомъ силлабически, но попадаются и количественные стихи (G. 152). «Гарибъ-наме» (1330) *Ашика Челеби* написана гексаметрическимъ ремелемъ, но просодія—чисто турецкая (G. 184) Нѣкій *Ахмедъ* (во второй половинѣ XIV в.), подражавшій «Шан-наме», писалъ съ преобладаніемъ турецкой просодіи (G. 227) *Ахмедъ Бурхан-уд-динъ* (1378) въ своихъ газеляхъ смѣшиваетъ персидскую и турецкую систему, причемъ первая преобладаетъ; въ рубаи держится исключительно персидской, а въ своихъ «туюу» исключительно турецкой (G. 210). [Интересныя произведенія этого автора были въ 1895 г. изданы П. М. Меліоранскимъ]. *Юнусъ* (конецъ XIV в.) писалъ свои стихи грубымъ турецкимъ языкомъ и придерживался національныхъ размѣровъ (G. 167). *Несими* писалъ еще до татарскаго вторженія († 1402), но чисто на персидскій ладъ (G. 336). У *Сулеймана Челеби* († 1403) въ его знаменитомъ Мевлиди Неби примѣры турецкой скандировки крайне рѣдки (G. 236). *Муса Абди* («Джамесп-наме» 1430 года) старался избѣгать иностранныхъ словъ; въ лексикѣ его встрѣчаются интересные старые элементы (G. 437). Наконецъ у *Шейхи* († около 1451) исчезаютъ уже всякія уклоненія въ сторону турецкаго стихосложенія, и персидская метрика и риторика получаютъ полное преобладаніе (G. 307—310).

²⁾ если не считать тѣхъ долготъ, что получаютъ изъ сліянія. Radloff, *Phonetik*, стр. 12 говоритъ: «Долгія гласныя встрѣчаются во всѣхъ діалектахъ, но въ сѣверныхъ чаще, чѣмъ въ южныхъ. Большая часть этихъ долготъ возникла впервые лишь на тюркской почвѣ, вслѣдствіе механическаго сліянія гласныхъ или гласныхъ съ согласными. Гораздо рѣже попадаются позднѣйшее протяженіе первоначально краткихъ гласныхъ».

Лишь въ 1879 году—въ эпоху стремленія сблизиться литературно съ Европой, начатаго въ Турціи съ полстолѣтія тому назадъ починомъ Шинаси-эфенди и продолженнаго Кемаль-беемъ и другими писателями—издана была книжка стиховъ Абдуль Хакка Хамидъ-бея, подъ названіемъ «Сахра» (Деревня)³⁾; ею и открывается въ турецкой поэзіи новый путь тѣмъ, что отбрасываются старыя правила риторики и поэтики и на мѣсто ихъ ставятся европейскіе приемы и размѣры, гораздо болѣе пригодные для турецкаго языка и болѣе способные приблизить его къ тому, чѣмъ онъ нѣкогда былъ и чѣмъ долженъ бы былъ остаться.

Всякое новаторство вещь нелегкая, и произведенія Хамидъ-бея уже своей малочисленностью показываютъ, что его трудъ не былъ похожъ на скороспѣлую работу его плодовитыхъ соотечественниковъ: главное произведеніе его «Сахра» (Деревня) заключаетъ въ себѣ лишь 59 страницъ⁴⁾.

Тѣмъ съ большимъ интересомъ должны мы отнестись къ новому опыту въ той же области, именно къ книгѣ, составляющей предметъ нашего обзора и носящей имя *ترکجه شعرلر* («Стихи по-турецки»). Книга, купленная нами прошлымъ лѣтомъ въ Константинополѣ, издана⁵⁾ необыкновенно изящно, на отличной бумагѣ, съ массой виньетокъ, съ картинками, изображающими турецкихъ солдатъ, и 2 портретами: автора иллюстрацій—придворнаго художника Зонаро—и автора книги, симпатичнаго, нѣсколько полного мужчины среднихъ лѣтъ, лицомъ напоминающаго скорѣе славянина. Авторъ ея—Мехмедъ Эминъ бей; какъ указано на обложкѣ, онъ занимаетъ мѣсто начальника архива податнаго управленія (Русумат эманети эврак мюдири); оказывается, что онъ впервые выступилъ на литературное поприще.

³⁾ Gibb, o. c., стр. 133.—Кстати, вотъ что сообщаетъ о Хамидъ-бей маленькой *تاریخ ادبیات عثمانیه* (Исторія османской литературы) (در سعادت ۱۳۰۶), составленная Абдуль Хелимомъ Мемдухомъ, стр. ۱۲۰. «Послѣ Экремъ-бея на поприще поэзіи въ качествѣ поборника гуманности выступаетъ Абдуль Хаккъ Хамидъ-бей. По всей справедливости можно сказать, что это поэтъ, постигшій (отлично) всѣ правила и детали поэтики. То, что Кемаль-бей произвелъ въ области прозы, то Хамидъ-бей съ полнымъ успѣхомъ совершилъ въ поэзіи. Для новой поэзіи произведенія его великій примѣръ для подражанія. Х.-б. напоминаетъ Сюлли Прюдома: его стихи полны бодрымъ чувствомъ (*شطارت*), глубокими мыслями и гуманностью. Произведенія его, строго соответствуя всѣмъ тѣмъ нравственнымъ требованіямъ, которыя необходимы для поэта, являются настоящими перлами. Если сопоставлять османскую литературу съ иностранной, то произведенія Хамидъ-б. одни только годны для сравненія. Главныя произведенія его суть: *ديوانه*, *تزر*, *اشبر*, *طارق*, *دختر هندو*, *لكلرم*, *بونلر اولو*, *مقبر*, *حجله*, *او در نظيفه*, заключающее въ себѣ исторію одной несчастной. Мы сожалѣемъ, что не можемъ здѣсь продолжать изложеніе мыслей о Х.-б. Примѣчаніе. «Стихотворное творчество Х.-б. прервалось».—*Sapientia sat.* Бѣглыя упоминанія объ Абдуль Хаккъ можно найти также въ книгѣ *The Litterature of the Turks* by Ch. Wells L. 1891, ср. стр. XIV.

⁴⁾ Лично намъ не удалось достать „Сахра“, что же касается до небольшихъ книжекъ *برسغيله نك عرض حالى* и *اولو; بونلر اودر*, то замѣтимъ лишь вскользь, что онѣ написаны метрически, а лирическія пьесы довольно манерны; языкъ же далеко не такъ простъ и чистъ, какъ у Эминъ-бея.

⁵⁾ Константинополь, типографія Абу-зья 1316 (=1899).

На наше обращеніе письмомъ, Эминъ-бей любезно отвѣтилъ, и намъ теперь представляется возможнымъ сообщить съ его словъ кое-какія свѣдѣнія о его жизни и о его стремленіяхъ.

Краткая его автобіографія—слѣдующая:

«Я родился въ Константинополѣ въ 1285 году (=1869). Окончивъ училище (مکتب رشدی)⁶⁾ въ Бешикташѣ, я затѣмъ получилъ аттестатъ (تصدیقنامه)⁷⁾ въ средней гражданской школѣ (مکتب اعدادی), находящейся въ томъ же кварталѣ. Хотя я пробылъ нѣкоторое время въ училищѣ правовѣдѣнія (مکتب حقوق), однако мнѣ его не удалось кончить. У меня есть еще книжка подъ заглавіемъ *کوزیاشم* («Моя Слеза»), составляющая вторую часть «Стихотвореній по-турецки», но она не напечатана⁸⁾. Такъ какъ у турокъ нѣтъ поэтическихъ произведеній, предназначенныхъ для дѣтей, то я занялъ въ настоящее время сочиненіемъ стиховъ для нихъ. У меня есть и другія произведенія, кромѣ стиховъ, однако я о нихъ умолчу здѣсь».

Содержаніе «Стихотвореній по-турецки»: 1) 5 писемъ, полученныхъ авторомъ отъ различныхъ лицъ, пользующихся въ Турціи литературнымъ авторитетомъ; именно, отъ Экремъ-бея, вышеупомянутаго Абдуль Хакка Хамидъ-бея, служащаго въ настоящее время совѣтникомъ турецкаго посольства въ Лондонѣ, далѣе Сами-бея, доктора Ризы Тевфика и наконецъ салонискаго литератора Фазли Неджиба; 2) 9 стихотвореній автора; 3) музыка къ одному изъ нихъ.

Поэтическая дѣятельность Эминъ-бея, по его собственному заявленію⁹⁾, началась во время греко-турецкой войны, и, какъ и слѣдуетъ ожидать, произведенія его затрагиваютъ мотивы, которые подсказывались временемъ. То выражаются чувства умирающаго на полѣ битвы солдата, то скорбь осиротѣвшей жены, то наконецъ просто подъемъ національнаго духа въ минуту, когда весь народъ сплочивается тѣснѣе.

Оригинальность стихотвореній нашего автора заключается прежде всего въ способѣ изложенія. Именно, они написаны силлабически, простымъ, яснымъ и, по возможности, чистымъ турецкимъ языкомъ.

Какъ мы уже упоминали (стр. 2), метрическое стихосложеніе совершенно не годится для турецкой поэзіи въ виду отсутствія долготъ въ языкѣ¹⁰⁾;

⁶⁾ Ecole secondaire, соотвѣтствующая нашимъ городскимъ училищамъ.

⁷⁾ Нѣчто вродѣ нашей гимназіи съ преподаваніемъ иностранныхъ языковъ (въ томъ числѣ греческаго и армянскаго). Въ школахъ „и'дади“ учится много христіанъ.

⁸⁾ У насъ въ рукахъ ужъ находится большая часть рукописи. Къ сожалѣнію, авторъ прислалъ стихотворенія изъ серіи *کوزیاشم* тогда, когда статья уже была набрана, а потому приходится отложить ихъ разсмотрѣніе до другого раза.

⁹⁾ Стр. 25, примѣчаніе.

¹⁰⁾ Впрочемъ срав. несовсѣмъ понятное заявленіе Вамбери въ его *Alt-osmanische Sprachstudien* (Leiden 1901) стр. 7: Die Differenz zwischen langen und kurzen Vocalen, die im Osmanischen ebenso wie im Magyarischen existiren... etc. Ужъ не подразумѣваются ли здѣсь формы вродѣ о л д у у, что, напр. Куношемъ, транскрибируется, какъ о л д у. Срав. также A. Wahnund, *Prak. Gram. der os. tür. Spr.* (Giessen 1884) стр. 29, гдѣ, на основаніи

тоническое также довольно неудобно вслѣдствіе того, что подавляющее число удареній падаетъ на послѣдній слогъ ¹¹⁾; далѣе, ударенія часто не достаточно рѣзки, и въ словѣ ихъ нерѣдко бываетъ нѣсколько ¹²⁾; наконецъ длинныя слова (вродѣ саделештирилдилер), которыми славится турецкій языкъ, врядъ ли бы умѣстились въ какомънибудь ритмѣ. Остается одинъ исходъ—силлабическій стихъ, и, дѣйствительно, онъ съиздавна примѣнялся въ народной поэзіи, нося специальное названіе «пармак хисабы» т. е. «счетъ (словъ) по пальцамъ».

Его-то и избралъ своимъ орудіемъ Эминъ-бей ¹³⁾. Въ народныхъ повѣстяхъ, происходящихъ главнымъ образомъ изъ Азербейджана, стихи по словамъ Куноша ¹⁴⁾—преимущественно 13 (4+3+3+3?) и 8 (4+4=6+2) сложные, а въ пѣсняхъ они состоятъ изъ 8 или 7 (4+3=3+4) слоговъ ¹⁵⁾. Приблизительно такая же система чередованія трехъ и четырехсложныхъ группъ замѣчается и у нашего автора, который, однако, долженъ былъ нѣсколько удлинить свою строку вслѣдствіе большей сложности своихъ сюжетовъ. Въ первыхъ восьми стихотвореніяхъ каждый стихъ въ 15 слоговъ; цезуры дѣлятъ его на слѣдующія группы: 4+4+4+3; и только въ рѣдкихъ случаяхъ эта формула немного измѣняется (№ 6 стр. 1, —4+4+3+4). Въ № 9 чередованія 4 и 3 остается, но строки варьируютъ въ длинѣ отъ 15 до 7 слоговъ, причемъ группа 3 всегда на концѣ.

Риѣмы большей частью глагольныя мужскія, хотя встрѣчаются и женскія (серпѣркен, билѣрим и т. д.). Расположены онѣ обыкновенно довольно искусно ¹⁶⁾. Риѣмы въ № 9 въ каждой строфѣ размѣщены иначе, а многіе стихи не имѣютъ риѣмы, хотя вообще это стихотвореніе звучитъ оригинально и пріятно (быть можетъ, отъ риѣмы и ассонансовъ въ серединѣ).

авторитета Редхауза, указана долгота словъ *اوز ایل صو* и нѣкоторыхъ другихъ [однако, судя по ссылкѣ К. Foy, въ изданіи словаря Redhouse'a 1890 г. при словѣ *ایل* указано и другое произношеніе: *эјл*]. Далѣе К. Foy, въ своихъ *Türkische Vocalstudien* [въ *Mittheilungen des Seminars für Orient. Spr. zu Berlin*, 1900, II Abtheilung, стр. 214] заявляетъ объ имѣющихся у него матеріалахъ изъ разныхъ частей Турціи относительно существованія „долгихъ гласныхъ, которыя происходятъ не изъ стяженія“, но самъ же считаетъ эти матеріалы недостаточными. Попытка названнаго автора доказать долготы въ языкѣ орхонскихъ надписей врядъ ли убѣдительна.

¹¹⁾ Это правило, конечно, не безъ значительныхъ исключеній, особенно въ глагольныхъ формахъ: гидѣрим, аладжауым и т. д., гдѣ неударный послѣдній слогъ есть собственно энклитика.

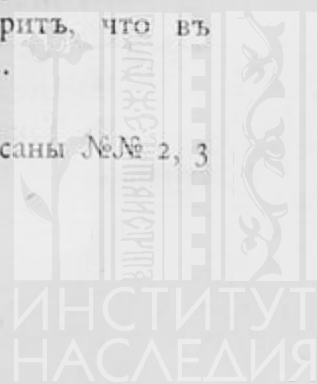
¹²⁾ Radloff, *Phonetik*, стр. 97.

¹³⁾ Эминъ-бей самъ ясно сознаетъ связь силлабическаго стихосложенія съ народностью языка. Онъ говоритъ, что отдѣлившись отъ остальныхъ писателей въ стилѣ и характерѣ писаній, онъ долженъ былъ уклониться отъ нихъ и въ способѣ стихосложенія: „такъ какъ языкъ у меня не поворачивался сочинять мои стихи иначе, какъ въ „пармак-хисабы“.

¹⁴⁾ Введеніе въ VIII т. Радлова стр. IX.—Gibb, *о. с.*, стр. 104 говоритъ, что въ народныхъ поэтическихъ произведеніяхъ строки бываютъ отъ 7—15 слоговъ.

¹⁵⁾ *ibidem*, стр. XXI.

¹⁶⁾ № 7 *ababcdcdeefggf*, чаще однако *aaabcccbdddb* и т. д. (такъ написаны №№ 2, 3 4...), или черезъ строку (№№ 5 и 8).

Вообще всѣ поэмы Эминъ-бея отличаются звучностью, и, напримѣръ, читая полный энергіи и воодушевленія стихъ

Яраданын китабыны калдыртмам,
Османджыуын байрауыны алдыртмам,
Дюшменими ватаныма салдыртмам,
Тенри эви виран олмаз. Гидерим!

يارادانك كتابنى قالدیرتمام
عثمانچىك بايراغنى الدیرتمام
دشمنى وطنمه سالدیرتمام
تکرى اوى ويران اولماز کیدهرم

нельзя не вспомнить персидской поговорки о томъ, что ¹⁷⁾ ترکی هنر است

Относительно языка нашего поэта можно лишь повторить вмѣстѣ съ Сами-беемъ, что «оставаясь въ предѣлахъ литературныхъ требованій, онъ таковъ, какимъ можетъ говорить и какой можетъ понимать любой турецкій рядовой». Другими словами, онъ—народный, и въ этомъ новая заслуга автора. Мы не должны при этомъ забывать, насколько тенденція Эмина бея писать простымъ языкомъ должна представляться смѣлымъ предпріятіемъ передъ турецкой публикой. Вамбери говоритъ: «Вообще во время моего долготѣняго общенія съ османскими турками, я въ высшей степени рѣдко слыхалъ разговоръ о чисто-турецкихъ сочиненіяхъ, такъ-какъ эпитетъ «каба тюркдже» (грубый, неотдѣланный турецкій языкъ), которымъ обозначаютъ турецкую рѣчь, пощаженную отъ арабско-персидскихъ заимствованій, прямо отпугивалъ всякаго османлы». И для иллюстраціи чисто турецкой рѣчи венгерскій ученый могъ отыскать въ своей памяти лишь два незначительныхъ четверостишія ¹⁸⁾.

Нашъ авторъ сознательно придерживается простонароднаго языка: عوام دیلی دیلیم, какъ онъ выражается. Чтобы показать, какъ легко чисто-турецкія выраженія ложатся въ его стихъ, приведемъ слѣдующія 3 строки (изъ № 6):

اون یاشنده بوینی بوکوک بغری یانیق برچوجق
اوستی باشی اسکى پوستكى یالین آیاق یاوروجق
козлрینی یوله дикмеш برسنى بکليور

Въ томъ же стихотвореніи интересень длинный и типичный турецкій періодъ (первые 9 стиховъ): сперва идутъ обстоятельства мѣста (3 стиха) далѣе обстоятельства времени (3 стиха) и, наконецъ, только-что цитированное описаніе бѣднаго мальчика ¹⁹⁾.

Тамъ же находится любопытное скопленіе дѣеучастій, гдѣ про мальчика говорится, что онъ

کوی چوبانى قویونلری کچیлері гوده رک
طاغدن اینوب یاقлаشنجه اغلایه رق کیده رک
يورکلری صیزلاتیچی برسس ایله دیورکه

¹⁷⁾ Жуковскій, Матеріалы для изученія... стр. XIII لغظ عربست ترکی هنراست فارسی شکر است

¹⁸⁾ Die Alt-Osm. Sprache. Введеніе.

¹⁹⁾ Также въ № 1. Описанія «Көр Оглу» и «Фатиха» занимаютъ каждое по шести стиховъ.

Наряду съ этимъ встрѣчаются короткія, выразительныя, какъ-бы отрубленныя фразы; ими, наприм., написано стихотвореніе, озаглавленное «Голосъ изъ Анатоліи» (См. цитированный отрывокъ въ началѣ предыдущей страницы).

Авторъ старается употреблять всѣмъ понятныя, старыя, настоящія турецкія слова, которыя въ разговорѣ константинопольскихъ эфендіевъ обыкновенно замѣняются разной иностранщиной. Отмѣтимъ изъ нихъ хотя бы слѣдующія: *اون طاشه ق اوکوت چارپنتتی ایصسنز یورت چارپنتتی* (он—слава), *گودمک* (гөдмек—пасти) *قورومق* (сезмек. замѣтить) *سزمک ایستک سوگی قایغی طویغو* (корумак—охранять).

Хотя у Эминь-бея попадается много стиховъ, написанныхъ одними турецкими словами, однако все же небезынтересна статистика иностранныхъ элементовъ въ его словарномъ запасѣ: и въ немъ оказывается арабскихъ словъ 41, персидскихъ 29, (есть также словъ 6 или 7 греческихъ)²⁰). И это лишь въ 9 стихотвореніяхъ, къ тому же написанныхъ съ явно народной тенденціей. Правда, нѣтъ турка, который не пойметъ словъ *شى غایت عقل*²¹) или *باغچه آتش* но любопытно видѣть, какъ пропитанъ османскій языкъ чужими словами, даже въ своихъ низшихъ слояхъ. Не даромъ турки давно уже рассматриваютъ эти реченія, какъ турецкія, т. е. какъ составляющія нераздѣльную часть ихъ языка.

По отношенію къ формѣ, интересное нововведеніе Эминь-бей произвелъ и въ правописаніи. Звуки *y, o, ü, ö*, составляющіе главную трудность турецкаго чтенія, хотя бы они и были маркированы черезъ *و*, всѣ передаются у него особыми различительными точками и знаками²²).

Вообще у него преобладаетъ *scriptio plena*: *آنگک چیللاق, حانگی, قوردورور*, (вспомните), *قولوبه* и т. д.

Что касается чисто художественной стороны произведеній Эмина бея, то по временамъ ихъ можно, пожалуй, упрекнуть въ нѣкоторой прозаичности (ср. напр. № 1). Есть и нѣсколько приторный сантиментализмъ (ср. № 5). Но все это искупается теплотой чувства жалости (см. № 6, строфы 3 и 4), истиннаго патриотизма, энергіей стиха и силой одушевленія²³). Нашъ авторъ не принадлежитъ къ поэтамъ, у которыхъ преобладаетъ воображе-

²⁰) Изъ нихъ 5 географическихъ названій, а остальные: 1) *قولوبه* (греч. *Καλύβη* или *καλύβη*, у Zenker ср. также перс. *کابه*) и 2) *سنور* (синур, синоръ и сыныр изъ греч. *σύνωρον*?—Zenker почему-то обозначаетъ это слово тюркскимъ. Сверхъ совершенно ясной этимологіи уже произношеніе *синор* съ *o* въ серединѣ слова выказываетъ несвойственную османскому языку фонетику. Такое произношеніе извѣстно въ Константинополь, но Эминь-бей при помощи своихъ диакритическихъ знаковъ маркируетъ синур. Слова кулибе и синур отсутствуютъ у G. Meyer'a.

²¹) Кстати: Эминь-бей въ стихахъ придерживается, очевидно, вульгарнаго произношенія арабщины; такъ, слово *شعر* въ № 1 надо несомнѣнно читать въ 2 слога «шіир», какъ это и естественно по законамъ османской фонетики.

²²) Нѣсколько странно маркировано кулубе(а) *قولوبه* (хижина) вмѣсто обычнаго «кулибе». Въ письмѣ своемъ Эминь-бей пишетъ: кулибе.

²³) Особенно замѣчательенъ въ этомъ отношеніи № 2, о которомъ переводъ даетъ лишь слабое представленіе.

ніе, онъ скорѣе поэтъ воли, поэтъ гражданскихъ чувствъ, «съ сердцемъ, бьющимся передъ лицомъ бѣды, и съ парой глазъ, проливающихъ слезы передъ дверьми сиротъ», какъ онъ самъ о себѣ говоритъ. Но несправедливъ былъ бы упрекъ Эмину бею въ отсутствіи поэтического дара. Одинъ изъ главныхъ признаковъ послѣдняго—удачность сравненій—можно особенно констатировать въ его стихахъ; таково, напр., сравненіе чтимаго авторомъ Корана съ матерью, ласково зовущей несчастныхъ сиротъ, таково уподобленіе народа, переходящаго войною въ чужіе предѣлы—рѣкѣ, которая вздуваясь выходитъ изъ береговъ и т. д. Правда, слово «подобно» (کبی) не встрѣчается въ стихотвореніяхъ Эминъ-бея, но это не мѣшаетъ намъ отыскивать въ нихъ грамматически замаскированныя сравненія. Въ этомъ сказывается обычная черта восточныхъ писателей. При живости воображенія предметъ сравниваемый и тотъ, съ которымъ онъ сравнивается, отождествляются. Такъ, и народная пѣсня говоритъ:

قرنل سین قزارک یوق
غنچه کل سین تیمارک یوق
بن سنی چوقدن سورم
سنک بندن خبرک یوق

[т.-е. Ты цвѣтокъ гвоздики—нѣтъ у тебя постоянства; ты бутонъ розы—нѣтъ за тобой (тепличнаго) ухода. Я люблю тебя давно ужъ, а ты объ этомъ не знаешь]. Здѣсь не сказано: «ты подобна цвѣтку», «ты какъ цвѣтокъ», а прямое отождествленіе замѣняетъ простое сравненіе.—Художественныхъ эпитетовъ у Эминъ-бея тоже есть достаточно.

Переходя къ детальному изложенію содержанія стихотвореній, мы можемъ подраздѣлить ихъ на 3 группы: къ первой относятся №№ 1 и 9, содержащіе личные взгляды автора на поэтическое творчество и его задачи; ихъ можно вкратцѣ формулировать, какъ желаніе приблизиться къ природѣ, вникнуть въ ея жизнь, передать всѣмъ понятныя простыя чувства простыхъ людей, чтобы изображеніемъ ихъ тронуть сердца всего народа.

Полнѣе выражены мнѣнія Эминъ-бея въ его письмѣ, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: «моимъ желаніемъ было написать стихи для всѣхъ моихъ соотечественниковъ, въ жилахъ которыхъ течетъ та же кровь, что и у меня, которые говорятъ тѣмъ же языкомъ, что и я; подумать о тѣхъ, о которыхъ никто не думалъ столько вѣковъ, пожалѣть тѣхъ, кого никто не жалѣетъ, дать что-нибудь и тѣмъ, которые ничего не получили». Говоря о техникѣ стиха, авторъ объясняетъ, что поставилъ себѣ задачей добиться такой звучности и выразительности стиха, которая уже сама по себѣ указывала бы на то, о чемъ идетъ рѣчь, о «бушующемъ-ли ураганѣ, или о глухой, безмолвной (طورغون) ночи». Онъ говоритъ: «стихъ—это голосъ земли и неба, людей, ночей, волнъ, птицъ,—словомъ, всей жизни, всей природы; слѣдовательно, онъ самъ долженъ уподобляться всѣмъ этимъ предметамъ. Надо описывать смѣющуюся природу языкомъ цвѣтовъ (چچیکلر دیلیلله), жизнь полную слезъ—стонами волнъ». Въ этой нѣсколько наивной аргументаціи на восточный ладъ какъ бы слышится отголосокъ извѣстнаго ученія о لسان الحال (букв. «языкъ положенія», такъ сказать: нѣмой языкъ). Человѣкъ

одаренъ способностью членораздѣльной рѣчи, но и всѣ предметы одушевленные и неодушевленные, вся природа—имѣютъ возможность изъясняться символически, давать понять свой смыслъ, свои сокровенныя желанія. Наши прозаическіе, европейскіе языки также отчасти не чужды понятія о восточномъ *لسان الحال*. Такъ, когда мы говоримъ: «этотъ зеленый лугъ манитъ отдохнуть на немъ», мы употребляемъ какъ разъ то, подъ чѣмъ арабъ разумѣетъ «языкъ положенія» ²⁴⁾.

Однако перейдемъ къ указанной нами первой группѣ стихотвореній нашего автора. Вотъ они:

№ 1. Какихъ мы желаемъ стиховъ?

Что такое «Кёр-Оглу» ²⁵⁾? Повѣсть, которую читаютъ во всѣхъ рабочихъ хатахъ, во всѣхъ грязныхъ лачугахъ тѣхъ сѣренькихъ деревушекъ, что виднѣются въ анатолийскихъ горахъ ²⁶⁾,

О томъ, какъ сирота далъ украсть свою козу, какъ у земледѣльца увели въ горы сына ²⁷⁾; повѣсть, рассказывающая о вещахъ, трогающихъ умъ (и сердце).

Что такое «Фатихъ» ²⁸⁾? Подъ стѣнами Стамбула, на Босфорѣ, за Старыми укрѣпленіями ²⁹⁾ прекрасно задуманное, хорошо прочувствованное

Стихотвореніе, записанное алой кровью воиновъ, которые пали на полѣ сраженія. Это—мечъ, привѣщенный внизу къ книгѣ; воздвигнутый въ комнатѣ золотой памятникъ.

²⁴⁾ Les oiseaux et les fleurs d'Azzeddin Elmocaddessi par T. Garcin de Tassy P. 1821 p. VIII—IX.

²⁵⁾ Извѣстная турецкая (собственно азербейджанская) народная повѣсть, переведенная Ходзько въ его Spec. of the Popular Poetry etc Lond. 1842, стр. 17—344. [Русскій переводъ: Кёръ-Оглу, Восточный поэтъ-наѣзникъ, съ англ. С. С. Пеннъ, Тифлисъ 1856]. Она же издана по-османски Куношемъ въ VIII т. Радловскихъ «Образцовъ» стр. 1—27.

²⁶⁾ Переводимъ немного вольно. Въ подлинникѣ, деревни не очень поэтично называются *چامورله بورون* «закутанныя въ грязь».

²⁷⁾ Кёр-Оглу, желая похитить и усыновить красавца Айваза, сына мясника, дѣлаетъ видъ, что онъ торговецъ баранами. Явившись къ отцу мальчика, онъ запрашиваетъ вновь пригнанныя, будто бы, стада и предлагаетъ принять ихъ за городомъ. Выѣхавши вмѣстѣ, Кёр-Оглу отсылаетъ мясника, чтобы онъ привезъ немедленно недостающую часть платы, а самъ оставшись съ Айвазомъ, схватываетъ его и увозитъ къ себѣ въ горы, въ знаменитый разбойничій пріютъ Чамлы-бель. Chodzko, стр. 41 и слѣд.; Радловъ VIII, стр. 4 и сл. Въ нашемъ стихотвореніи отецъ мальчика называется земледѣльцемъ (*چفتجی*), и упоминается коза какого-то сироты; эти подробности, повидимому, относятся къ другимъ варьянтамъ повѣсти о Кёр-Оглу.

²⁸⁾ «Фатихъ» т. е. завоеватель, титулъ Мехеммеда II, взявшаго Константинополь. У Эминь-бея разумѣется, несомнѣнно, также какое-то произведеніе народной поэзіи, къ сожалѣнію неизвѣстное намъ.

²⁹⁾ Анадолу и Румели Хисары—старыя укрѣпленія на противоположныхъ берегахъ Босфора. Одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ подъ Константинополемъ.

Мы желаемъ такихъ стиховъ, чтобы идущіе на пашню отцы, жнушія на полѣ молодая дѣвушки, женщины, занятая рубкой дровъ, — всѣ, слушая грустно, отирали бы слезы, —

Чтобы, склонивъ голову на раскрытую бѣлую грудь, они послушали, какъ бьется сердце о томъ, что имъ близко. Отчего же стучитъ это сердце? Что это за голосъ раздается? Пусть узнаютъ они!...

№ 9. Передъ лицомъ красоты и добра.

(Посвящается г. Зонаро).

Въ то время, какъ яркое солнце будетъ разсыпать свой свѣтъ
на голубое озеро,

Мы оба тихо, тихо

Выйдемъ на вершину высокихъ горъ.

Посмотримъ на лѣса, поля,

Послушаемъ, поговоримъ, подумаемъ, восхвалимъ!

А на лугу молодая крестьянка,

Наполнивъ по́лы цвѣтами,

Будутъ усыпать ими нашъ тернистый путь.

* * *

О красота, о стихъ горъ и солнца!

Изъ-за тебя я брожу по вершинамъ и склонамъ.

Мнѣ хочется, чтобы все разступилось предо мной

И безъ утайки показало мнѣ тебя.

Если нѣкогда глаза мои

Ослѣпнутъ, то пусть я, проходя по этому перелѣску, услышу, какъ

Между листьевъ дикой розы

Скажутъ тебя соловьи.

* * *

А когда ночная птица ³⁰⁾ будетъ пѣть на камняхъ развалинъ,

Мы одни одиноконьки, затаивъ слова,

Пойдемъ къ очагамъ, огонь которыхъ погасъ ³¹⁾.

Разспросимъ сиротъ и несчастныхъ,

Пожалѣемъ, поплачемъ, приласкаемъ, полюбимъ,

Между тѣмъ какъ созвѣздія на небесахъ,

Проливая прямо на насъ свой свѣтъ,

Будутъ открывать передъ нами этотъ мрачный путь нашъ.

* * *

³⁰⁾ переводимъ *کیجه قوشی* буквально, хотя это можетъ значить и „летучая мышь“. Впрочемъ подъ „пѣніемъ“ летучей мыши можно, пожалуй, понимать ея заунывный, писклявый крикъ, жалобно звучащій среди развалинъ.

³¹⁾ букв. — дымъ которыхъ уже не курится.

Добро! Ты надежда міра и человѣчества;
 Еслибъ каждый внималъ тебѣ и созерцалъ тебя хоть каплю,
 Ахъ, тогда исчезли бы эти заботы,
 И лились бы слезы умиленія;
 Тогда мой незадачливый стихъ ³²⁾,
 Слышалъ бы изъ каждаго гнѣзда другіе голоса,
 Считалъ бы себя счастливей всѣхъ.
 Добрый голосъ, гдѣ же ты?

Второй отдѣлъ составляютъ стихотворенія патріотическія.

Патріотизмъ опасная тема для поэта: это чувство вообще очень легко переходитъ въ реторику, нетерпимость и исключительность; но еще труднѣе удержаться отъ упомянутыхъ недостатковъ въ такой моментъ, какъ военное время, когда всѣ склонны болѣе, чѣмъ снисходительно, смотрѣть на всякія преувеличенія подобнаго рода. Поэтому мы не разъ должны воздать справедливость Эминъ-бею, что онъ никогда не переступаетъ границу должнаго, и слухъ нашъ не оскорбляется грубостью чувства или мысли.

Возьмемъ, на примѣръ, № 3.

№ 3. Переходя греческую границу (1897).

Красивѣйшее лицо для насъ не красиво: — мы хотимъ видѣть
 турецкое лицо.

Лучшее сердце ³³⁾ для насъ не хорошо: — намъ нужно турецкое
 сердце.

Слыша слово «турокъ», мы радостно восклицаемъ: «нашъ на-
 родъ!» ³⁴⁾

Мы—турки; съ этимъ именемъ и кровью мы живемъ.

* * *

Это слово—колыбельная пѣсня, убаюкивающая насъ сегодня ³⁵⁾.
 Оно—уста, сегодня снова дающія намъ совѣтъ.

Нашъ народъ былъ ребенкомъ: отъ словъ: «мы—турки!» онъ выросъ.
 Мы—турки и бѣжимъ на враговъ съ обнаженнымъ мечомъ.

* * *

³²⁾ بختی قره «съ чернымъ счастьемъ».

³³⁾ اوز—соб. сущность, характеръ, эссенція. Думаемъ, что не дѣлаемъ большой ошибки, замѣняя все это сердцемъ, какъ предполагаемымъ центромъ жизни и человѣка.

³⁴⁾ На необходимость такого перевода указываетъ то, что въ текстѣ стоитъ ملتزمی а не ملتزمی

³⁵⁾ Въ текстѣ странное سگودی. Здѣсь трудно придумать значеніе для «сѡют» — ива. Скорѣе уже предположить «сѡют» — молчаніе, молчи! болѣе подходящее къ стилю колыбельной пѣсни (вмѣсто صوص), но тогда какъ объяснить переходъ ت въ د въ винит. падежѣ а р а б. слова. Какъ вульгарную форму? گ вмѣсто ожидаемаго ك, конечно, можетъ быть и опечаткой.

Гдѣ турокъ, который позволить надѣть себѣ на шею веревку и арканъ?

Гдѣ турокъ, который допустить придѣлать колокольню къ своей мечети?

Народъ нашъ не можетъ быть рабомъ! Кто останется на мѣстѣ въ такой день?

Мы—турки; вздуваясь, какъ Кызыл-Йрмакъ, мы выливаемся изъ береговъ!

Развѣ есть здѣсь намекъ на презрѣніе къ врагу, или признакъ жестокости, которой мы, пожалуй, и ждали бы отъ турка? Воспоминаніе о нашихъ образованныхъ и гуманныхъ славянофилахъ, которые, однако, не могли удержаться на разныхъ патріотическихъ обѣдахъ отъ того, чтобы не заявить, какъ они желали бы «упиться кровью нѣмцевъ и мадьяровъ»³⁶⁾—еще болѣе располагаетъ насъ въ пользу Эминъ-бея.

Прежде всего Эминъ-бей воспѣваетъ мужество, безстрашіе,—качества, которыя всегда были присущи туркамъ. Возвеличенію, главнымъ образомъ, этой національной доблести посвящено слѣдующее произведеніе нашего автора.

№ 4. Послѣ водруженія (турецкаго) знамени на крѣпости Трикала³⁷⁾.

Эти страны и земли были обиталищемъ нашихъ предковъ.

Вотъ снова мы зажгли сегодня старый, потухшій свѣточъ.

Мы также водрузили на этой крѣпости знамя Высокаго Государства.

О храбрые джигиты³⁸⁾! Пойдемъ испить воды въ Аѣинахъ³⁹⁾!

На этихъ горахъ и склонахъ⁴⁰⁾ мы соревновали съ тѣми, кого уже нѣтъ⁴¹⁾.

Мы столкнулись со врагами, привѣтствуя ихъ залпомъ⁴²⁾.

Мы пролили кровь, мы получили раны, мы потрудились для государства,—

О храбрые джигиты! Кто смѣльчакъ и кто трусъ? Разберемъ!

³⁶⁾ В. Д. Смирновъ. Аксаковы, стр. 10.

³⁷⁾ نرحاله قلعه سی — Греческая крѣпость Трикала недалеко отъ Эссалийской границы.

³⁸⁾ Въ подлинникѣ یکتیلر قوچ — т. е. бараны - джигиты. Баранъ по восточнымъ понятіямъ является символомъ мужества, которое онъ проявляетъ во время бараньихъ боевъ. См. Chodzko—Spec. of the Popular Poetry. Lond. 1842, стр. 77, примѣч. 2. Буквальный переводъ неудобенъ, въ силу совершенно особыхъ европейскихъ ассоціацій.

³⁹⁾ параллель: «испить шеломомъ Дону».

⁴⁰⁾ جبل inclinaison au sommet de la chaîne de montagnes (qui forme deux vallées l'une vis-à-vis l'autre)—N. Hilmi, Dict. de poche Ott.-Turc. Const. 1887 (Apraham) стр. 230.

⁴¹⁾ т. е. состязались со своими предками, желая выказать болѣе ихъ мужества.

⁴²⁾ یا یلم значитъ букв. «салютъ».

Какъ счастливъ тотъ, кто заставитъ записатьъ въ исторію уда-
лецкое имя!

Какъ счастливъ тотъ, кто заставитъ сердца выкопать могилу
ему — герою!

Какъ счастливъ тотъ, кто прибавитъ величія этому государству!
О, храбрые джигиты! Покроемъ себя славой! Пренебрежемъ
жизнью!

Лучшимъ стихотвореніемъ Эминь-бея является № 2, гдѣ сильнымъ, мужественнымъ языкомъ прекрасно выражены чувства истинной любви къ родинѣ, какъ ее можетъ чувствовать простолюдинъ, привязанный всѣмъ сердцемъ къ своей землѣ, деревнѣ, вѣрѣ.

№ 2. Голосъ изъ Анатолиі или „Я иду на войну“.

Турокъ я, мой родъ и вѣра высоки;
Грудь, все существо мое полны огнемъ;
Человѣкъ—рабъ своей родины;
Рожденный туркомъ не останется дома. Я иду!

* * *

Я не дамъ уничтожить книгу Создателя;
Я не дамъ отнять знамя Османа;
Я не пущу врага вторгнуться въ мое отечество;
Домъ Всевышняго ⁴³⁾ не запустѣетъ. Я иду!

* * *

Эта земля—очагъ моихъ предковъ;
Мой домъ, деревня—лишь одинъ уголокъ этой страны;
Вотъ родина, а вотъ лоно Божіе;—
Сынъ не находитъ жилища предковъ? ⁴⁴⁾—Я иду!

* * *

Господь свидѣтель, я постою на своемъ словѣ;
Въ сердцѣ моемъ (живетъ) любовь къ моему народу;
Въ глазахъ моихъ, кромѣ родины, нѣтъ ничего.
Врагъ не возьметъ пристанища моихъ друзей. Я иду!

* * *

Бѣлой рубашкой я утру слезы;
Чернымъ камнемъ наточу свой ножъ;

⁴³⁾ По толкованію Дг. Ризы Тевфика (стр. 21), подъ этимъ разумѣется родина.

⁴⁴⁾ Смыслъ зтого нѣсколько темнаго стиха быть можетъ и таковъ, что истинный турокъ, видя лоно Божіе, раскрытымъ, чтобы принять героя, не можетъ отъ волненія и восторга найти свой домъ и прямо оттуда, гдѣ онъ находился, спѣшить на войну.

Ради отечества я ищу трудовъ ⁴⁵⁾.

Вѣдь въ этомъ мірѣ (все равно) никто не остается ⁴⁶⁾. Я иду!

Въ ту же группу можно отнести и стихотвореніе № 8, касающееся Корана. Смысль Мохаммедова ученія Эминъ-бей старается истолковать въ самомъ гуманномъ смыслѣ. Его трогаютъ тѣ заповѣди милосердія, состраданія къ сиротамъ и бѣднякамъ, которыя онъ тамъ находитъ. Онъ особенно цѣнитъ свободу мысли, которую, по его мнѣнію, допускаетъ Коранъ, приказывающій «подумать, прежде чѣмъ повѣрить».

Вотъ буквальный переводъ стихотворенія.

№ 8.

Коранъ Милостивый.

Вотъ книга, поучающая человѣка о его внутреннемъ и внѣш-
немъ мірѣ.

Заставляющая на небѣ и на землѣ, въ тѣлѣ и въ душѣ усмот-
рѣть нѣкоего Творца ⁴⁷⁾.

.....
..... ⁴⁸⁾.

Вотъ книга, дающая человѣку его «я»; открывающая дорогу
(истины);

Побуждающая украшать подарками-приношеніями выставку че-
ловѣчности;

Она—свѣточъ, озаряющій свѣтомъ и палатки, и дворцы,

Она заставляетъ запечатлѣвать на страницахъ исторіи дѣла
простого крестьянина.

Вотъ книга, возвращающая сердца добромъ.

Она говоритъ: «въ чужой садъ не входи» ⁴⁹⁾; она приказываетъ
перевязывать раны друга.

Она — мать ⁵⁰⁾, которая подзываетъ каждого сироту словами:
«Дитя мое!»,

Которая дѣлаетъ братьями столько душъ, заставляя ихъ плакать
другъ о другѣ.

Вотъ книга, побуждающая умъ спрашивать обо всемъ,

⁴⁵⁾ *يوجهلری* собств. высоты, а затѣмъ—трудности и т. д.

⁴⁶⁾ Своего рода *ورد زبان* турецкихъ поэтовъ. Такъ, наприм., Сами-паша въ своемъ *دنیاده قالماز حیچ کس الله بس باقی هوسل* говоритъ *کتابه سنک مزار*.

⁴⁷⁾ Въ текстѣ *بریارادان سز دیرن* (sic).

⁴⁸⁾ 2 стиха пропущены и въ подлинникѣ.

⁴⁹⁾ *ایل باغنه کیرمه*. Намъ не удалось найти подходящаго мѣста въ Коранѣ.

⁵⁰⁾ Отголосокъ арабскаго *آم الكتاب*, о толкованіи котораго см. Gibb, I, 339.

Говорящая: «Подумай, а потомъ повѣрь» ⁵¹⁾, указывающая правый путь.

Она—знаніе, научающее возводитъ зданія возвышеннаго.

Отъ нея зеленѣютъ горы, и становятся радостными заброшенныя деревни.

Братья! Не бросайте моего маленькаго подарка:

Онъ—бутонь, ожившій въ саду Мохаммеда.

Смотрите, не смѣшивайте его съ букетомъ поддѣльныхъ цвѣтовъ:

Вѣдь онъ данъ для того, чтобы открыть вамъ васъ самихъ.

Третій разрядъ произведеній нашего автора составляютъ картины жертвъ войны. Вотъ передъ нами солдатъ, умирающій на полѣ битвы. Какъ и подобаетъ мусульманину, изъ устъ его не вырывается жалобъ, вѣдь онъ палъ за вѣру и государство ⁵²⁾, онъ—шехидъ, котораго Богъ сейчасъ приметъ на Свое лоно. Онъ даже уговариваетъ мать и невѣсту примириться съ необходимостью жертвъ для родины:

№ 5. Герой ⁵³⁾, или Сердце Османа.

О, милая деревня! Не разрушайся и не старѣйся,

Пока въ твоихъ горахъ растутъ свѣжія травы и красныя розы.

Вы, пастухи! вспоминайте меня на берегу кипучихъ водъ,

Когда средь листвы поютъ молодыя пташки.

О, яркая луна! Лей свой свѣтъ въ глаза путниковъ

Тамъ, гдѣ злая ночь скрыла мою могилу.

Путники! спросите про мужество моего народа ⁵⁴⁾

Даже въ тотъ день, когда землетрясеніе сравняетъ мой надгробный холмъ.

Замолкни ты, турецкая дѣвушка и ты, мать! Разума у тебя нѣтъ, что ли?

⁵¹⁾ *دوشون صکره اینان* Подобнаго выраженія въ Коранѣ не знаютъ мусульмане, къ которымъ мы обращались. Быть можетъ, здѣсь разумѣется: Сура II, 221, гдѣ про Бога говорится, что онъ *وَيَبَيِّنُ آيَاتِهِ لِلنَّاسِ لَعَلَّهُمْ يَتَذَكَّرُونَ* т.-е. «Богъ объясняетъ свои знаменія (стихи Корана) людямъ, чтобы они поразмыслили». (Да и этотъ переводъ — нагрузка. Данный стихъ Корана значитъ: «Богъ открываетъ людямъ свой Коранъ въ надеждѣ, что они опомнятся и раскаются». — *Примѣч. ред.*). Съ другой стороны, конечно можно указать мѣста совершенно противоположнаго смысла, гдѣ сомнѣнія угрожаются вѣчнымъ огнемъ; ср. V, 101; II, 142. Др. Риза-Тевфикъ толкуетъ стихъ такимъ образомъ: Коранъ *جبر ایتمدی اینانلر قناعت وجدان ایله اینانیدی*. Въ концѣ концовъ, все же приходится понимать слова автора *cum grano salis*. Соглашаться можно лишь съ общеизвестной трезвостью, практичностью Корана, не требующаго большого напряженія вѣры. Эти-то свойства заставили В. Соловьева сравнить его съ здоровымъ „молокомъ“ въ противоположность вину высшей духовности христіанства и меду языческой чувственности.

⁵²⁾ При этомъ книга пріятно поражаетъ полнѣйшимъ отсутствіемъ рабобѣдничанія передъ султаномъ, столь обычнаго у турокъ. Его имя даже ни разу не упоминается.

⁵³⁾ *شهید* — воинъ, павшій на полѣ битвы.

⁵⁴⁾ Соб. *ملتکم اوزینه* значитъ: про душу, про сущность.

Ты принесла въ жертву своего сына, свой бутонъ — развѣ это такъ много?

Вѣдь изъ-за отечества на всѣхъ⁵⁵⁾ нагрянула забота.

Народъ турецкій! Родина! ты выше всѣхъ другихъ странъ.

Ты полна старыми, молодыми, сладкими и печальными голосами!

Пусть для тебя будутъ принесены въ жертву любовь, молодость, страсть и здоровье.

Если кто страдаетъ отъ войны, такъ это жены, оставшіяся съ дѣтьми послѣ смерти убитаго въ сраженіи мужа. Интересна мусульманская черточка въ изображеніи авторомъ одной изъ такихъ вдовъ. Она не жалуется на Бога и судьбу⁵⁶⁾: съ «кысметомъ» надо примириться; ей лишь больно видѣть безчувствіе людей, на помощь которыхъ ей даетъ право надѣяться ея религія:

№ 7. Ахъ, материнство! или Молитва Зейнебъ.

Дитячко мое!... Замерзнешь ты! Пойди, прижми свои руки къ моей груди.

Быть можетъ, огонь, горящій въ моемъ сердцѣ, согрѣетъ тебя.

Братцы!.. Не слышать ничего. Ахъ, нѣтъ ни отъ кого надежды...

Снѣгъ идетъ, буря⁵⁷⁾ (злится, а я выхожу)... Дорогу скрыли обвалы.

Ты, снѣжная гора, не отрѣзай мнѣ пути. Дай мнѣ охапку⁵⁸⁾ дровъ:

Вѣдь ребенокъ мой смотритъ на дорогу, сидя въ моей холодной, опустѣлой избѣ.

Морозный снѣгъ не даетъ мнѣ говорить... ухъ, какъ онъ жжетъ мнѣ лицо!

Дорога не извѣстна. Не знаю я, не пропасть ли скрывается подъ этимъ ровнымъ мѣстомъ.

О, Боже мой! не заботятся люди о другихъ!

Передо мной снѣжные горы; пропасти безчувственно (молчатъ).

О, сохрани меня! Не дай сироту въ обиду птицамъ и волкамъ⁵⁹⁾.

Если эти люди не знаютъ, что значитъ жалѣть,

⁵⁵⁾ هرکسک یاننه можно объяснить пропускомъ کسک или آدمک т. е. هرکسک یاننه (или просто هرک یاننه.—Ped.).

⁵⁶⁾ Ср. Chodzko, Gram. de la langue persane, P. 1883, p. 218. „Par un respect sincèrement profond pour la divinité, les Persans n'accusent jamais Dieu de ce qui leur arrive de malheureux. Le destin est aussi une chose sacrée; mais on s'en plaint parfois, tout en reconnaissant qu'il est irrévocable et préexistant antérieurement à la naissance de ceux qu'il frappe“.

⁵⁷⁾ Интересно простонародное فیروطنه вмѣсто ожидаемаго فورطونه изъ fortuna, φουρτοῦνα G. Meyer, Türkische Studien стр. 53.

⁵⁸⁾ Собс. топку او جاقلق, т. е. сколько войдетъ въ печку, или сколько нужно, чтобы ее протопить.

⁵⁹⁾ Соб. не дай съѣсть волку и птицѣ права сироты. حق یمک обычное выраженіе = обижать.

Если они не утрутъ слезъ сиротамъ,
Прекрати родъ мой и не давай намъ-людямъ⁶⁰⁾ дѣтей на этой землѣ.

Страдаетъ и мальчикъ - сиротка, который съ дѣтской тоской ждетъ возвращенія своего отца. Посвященное ему авторомъ стихотвореніе, дѣйствительно, очень милая идиллія, какъ его называетъ одинъ изъ корреспондентовъ Эминь-бея, Dr. Риза-Тевфикъ:

№ 6. Сирота, или Забота Ахмеда.

1. Рядомъ съ кучкой наломанныхъ вѣтокъ, тамъ, гдѣ во-кругъ подножья прохладной горы, отдѣляющей запусѣлую деревню отъ пастбища, вьется берегъ рѣки, томящейся по розо-вымъ и зеленымъ тѣнямъ,

2. Въ то время, какъ красное солнце разливаетъ по верши-намъ свой послѣдній свѣтъ, и тьма и непріютность⁶¹⁾ окутыва-ютъ долины:—тамъ, вечеромъ, въ самое тяжкое время на землѣ⁶²⁾,

3. Мальчикъ лѣтъ десяти, со склоненной головой и сокру-шеннымъ сердцемъ,—бѣдный ребенокъ, одѣтый въ лохмотья и босоногій,—стоитъ и ждетъ кого-то, устремивъ глаза на дорогу.

4. Онъ крѣпко, крѣпко жметъ къ своей маленькой груди яблоки, которыя онъ еще во время молотбы сорвалъ въ саду у дяди и сберегъ, а теперь снова досталъ изъ-подъ соломы.

5. Лишь увидитъ онъ издали на дорогѣ прямо передъ собой черное пятно, когда какой-нибудь молодой работникъ возвращается съ поля,—онъ бѣжитъ, радостно повторяя: «вотъ онъ, вотъ онъ!».

6. Если пастухъ, пася своихъ козъ и овецъ, приблизится, спустившись съ горы, мальчикъ подходитъ къ нему и, рыдая, го-воритъ голосомъ, трогаящимъ сердце:

7. «Сильно соскучился⁶³⁾ я безъ моего льва, молодца-тяти. Сильно томился я по немъ. Ужъ день потемнѣлъ, а я все смотрю

⁶⁰⁾ Соб.: не заставляй эту землю приносить отъ насъ дѣтей **جو تو پراغه بزدن اولاد** **کثیرتمة**.

⁶¹⁾ **غریبک** можетъ означать здѣсь и непріютность и причудливость, причудливая тѣни.

⁶²⁾ Это, конечно, можетъ грамматически относиться ко времени дня, но не понятно, почему вечеръ самая тяжкая часть дня. Не лучше ли видѣть здѣсь намекъ на войну?

⁶³⁾ Данный нами переводъ — чисто предположительный. Слова: **بابای پک غریبمدم** **اوزلهدم** для насъ очень неясны. Предположить глаголь **غریبمدمک** со значеніемъ: быть, чу-жакомъ, быть лишены кого, скучать безъ (хотя обривательный суффиксъ **س** известенъ въ османскомъ, напр. **کواسمک**) кажется прямо невозможнымъ. въ виду того, что его не даетъ ни одинъ словарь. Что касается условно-уступительной связи, то она не даетъ удовлетворительнаго смысла; мы ждали бы скорѣе уже причинной: потому то и томился по отцѣ, что былъ отъ него далеко».

на дорогу. Придетъ ли мой тятя? Не видалъ ли ты его гдѣ-нибудь?

8. «Въ нашу деревню возвращаются многіе, что отбыли солдатчину, а онъ ушелъ еще въ тотъ мѣсяцъ, когда цвѣты распустились, и до сихъ поръ объ немъ нѣтъ вѣсти. Что съ моимъ тятей случилось? Не спрашивалъ ты путниковъ?»...

Мы сдѣлали обзоръ всѣмъ произведеніямъ нашего автора, столь непохожимъ на обширные «диваны» прежнихъ турецкихъ писателей, и могли бы покончить на этомъ, но, какъ мы уже сказали, къ книгѣ приложены письма разныхъ турецкихъ знаменитостей, высказывающихъ свое мнѣніе о стихахъ Эминъ-бея, и мы думаемъ, что не лишено будетъ извѣстнаго интереса ознакомиться со взглядами ихъ на новое направленіе.

Начнемъ съ письма доктора Ризы Тевфика. Первая половина его занята восхваленіемъ стихотворенія «Коранъ», причемъ высказываются различныя мысли о выполненной исламомъ культурной миссиі, не безъ попытокъ цитировать имена европейскихъ ученыхъ. Далѣе говорится о стихотвореніи «Голосъ изъ Анатоліи», которое докторъ, самъ бывший на войнѣ, читалъ неоднократно раненымъ, и о томъ, какое глубокое впечатлѣніе оно на нихъ производило. Для насъ интереснѣе вторая половина письма, затрагивающая и общіе вопросы. Мы полагаемъ, что на насъ не посѣтуютъ, если мы приведемъ изъ него длинный отрывокъ. Быть можетъ, многое въ немъ покажется избытымъ и скучноватымъ, но намъ думается, что уже самая манера образованнаго турка разсуждать о литературѣ довольно интересна.

— «Нельзя не отнестись съ похвалой къ Вашему искусству. Всѣ мы знаемъ эти переходившія изъ рода въ родъ турецкія слова и выраженія, однако мнѣ не извѣстенъ ни одинъ поэтъ изъ современныхъ, который бы употреблялъ ихъ съ такой высотой замысла и умѣлъ бы находить такіе прекрасные образы, какъ Вы. Есть у насъ много силлабическихъ стиховъ, есть и красивые среди нихъ, однако не всѣ они написаны дѣйствительно по-турецки. Я уже объяснялъ, насколько мнѣ доступно, тѣ объективныя причины и лично Ваши свойства, благодаря которымъ произведенія Ваши выдѣляются изъ всѣхъ подобныхъ имъ, по внутреннему содержанію (معنى) и по искусству стиха.

«Переходя къ технической сторонѣ, надо поздравить Васъ съ тою успѣшностью, съ какой Вы владѣете перомъ. Оказывается, и силлабически можно было написать очень красивые, возвышенные и изящные стихи.

«Вамъ извѣстно, что за послѣдніе два года въ литературномъ мірѣ вновь былъ поднятъ и оживился старый, но важный вопросъ объ упрощеніи османскаго языка (لسانك ساده‌لشدی‌رلسی). Пресса наполнилась спорами по различнымъ вопросамъ, вродѣ напр. вопроса объ освобожденіи османскихъ стиховъ отъ метра (وزندن قورتارلسی). Частенько стали раздаваться голоса, которые говорили: «Силлабическое стихосложеніе—и весьма естественно, и свойственно нашему языку. Мы должны принять его. Метръ есть ничто иное, какъ вредныя оковы. Къ чему также такое рабство въ риомахъ (قافیہ)

(پرستلك)? Во всемъ этомъ кроется главное препятствіе развитію нашей литературы. Въ сущности, развѣ таковы были стихи нашихъ предковъ? Это арабско-персидское подражаніе». Среди подобныхъ, отчасти весьма справедливыхъ жалобъ попадались и высказывавшіяся съ большимъ жаромъ и малыми знаніями заявленія, что, дескать, «языкъ нашъ турецкій. Къ чему намъ теперь настойчиво стараться употреблять арабскія и персидскія слова? ⁶⁴⁾ Выбросимъ ихъ изъ нашего языка! Уничтожимъ иностранныя конструкціи (تركيبلر)!» Наконецъ, въ прессѣ стали находить отраженіе необыкновенныя мысли, хотя впрочемъ, онѣ врядъ-ли могли быть окружены блестящимъ ореоломъ во всѣхъ умахъ: именно, что надо османскую поэзію исправить:— *лишивъ* ее метра и риѣмы, сдѣлать неопредѣленнымъ и число слоговъ ⁶⁵⁾.

«Въ отвѣтъ на это, другая партія литераторовъ, по своему авторитету несомнѣнно превосходившая всѣ остальные, говорила, что «стиха безъ метра такъ же не можетъ быть, какъ горъ безъ луговъ (طاغلارچمنسز). И то и другое принадлежатъ къ числу неизбѣжно необходимыхъ вещей (لازم ملزوم). Метръ — музыка стиха. Музыка, это стихъ въ формѣ мелодіи, а стихъ — музыка, переложенная въ размѣренныя слова. Метръ не является черезчуръ докучными и надоѣдливymi путами; нужно лишь потрудиться немного, чтобы ознакомиться съ правилами метрики, и нѣсколько поупражняться въ писаніи».

«Я болѣе или менѣе внимательно слѣдилъ за этими спорами и пререканіями, и вотъ однажды, въ непринужденной бесѣдѣ относительно силлабическаго и метрическаго стихосложенія съ однимъ лицомъ, всю жизнь свою посвятившимъ служенію османской литературѣ, — человѣкомъ, сужденія котораго по этимъ вопросамъ заслуживаютъ полного вниманія, а знанія — совершеннаго довѣрія, — я выразилъ желаніе услышать краткое изложеніе его взгляда, на что и удостоился получить слѣдующій отвѣтъ: «силлабически можно сочинять небольшія стихотворенія, шарки и т. д. Они-то хорошо

⁶⁴⁾ Къ такимъ, казалось бы, совершенно справедливымъ требованіямъ, Dr. Риза Тевфикъ, подобно другимъ своимъ соотечественникамъ, относится скептически, такъ-какъ, дѣйствительно, „какими турецкими реченіями можно было-бы замѣнить арабскія *адамъ, дюнья, хава* и др.? Настоящія турецкія выраженія этихъ понятій давно уже лежатъ въ могилѣ забвенія“, и пришлось бы ихъ учить, тогда какъ указанные слова всякому простолюдину хорошо извѣстны и правильно рассматриваются турками, какъ составляющія нераздѣльную часть османскаго языка и подчиняющіяся правиламъ *его* грамматики. Фой въ 5 строкахъ изданныхъ Куношемъ простонародныхъ сказокъ насчиталъ 21 иностранное слово. Ср. выше нашъ подсчетъ по отношенію къ стихамъ Э.-б. См. K. Foy, Purismus bei den Osmanen, въ Mittheil. des Seminar. f. O. S. zu Berlin, 1898, II Abtheilung. Также: Vambéry, Die alt osmanische Sp., 33-4: „...die heute bei den Osmanen herrschende Ansicht, dass die Lehnwörter schon Bürgerrecht erhalten haben und im Osmanischen nicht mehr als Fremdlinge zu betrachten sind“.

⁶⁵⁾ Dr. Риза, повидимому, позабываетъ, что стихотвореніе № 9 Эминь-бея относится, какъ разъ, къ этой категоріи, но что это не мѣшаетъ ему быть звучнымъ и гармоничнымъ. Но на кого справедливо слѣдуетъ направить гнѣвъ, такъ это на турецкихъ декадентовъ... Увы, есть и такіе! Ихъ безсвязныя вирши безъ риѣмы и ритма, воспѣвающія какія-нибудь „трепетанія“ свѣта, не рѣдко красуются на страницахъ стамбульскихъ журналовъ, вродѣ *مجموعه ادبیات*.

удаются. Но писать крупныя поэмы, съ высокимъ содержаніемъ, при настоящемъ положеніи нашего языка — не возможно. Составныя прилагательныя (وصف ترکیبی) и изафеты являются большой помѣхой, такъ что безъ метра въ этомъ случаѣ обойтись нельзя».

«И въ самомъ дѣлѣ, въ сужденіи этомъ есть, хотя и не абсолютная, но, по крайней мѣрѣ, относительная правда. Дѣйствительно, возьмемъ слѣдующіе Ваши стихи:

ای کوزل کوی ویران اولما صاقین شو کنج یاشکده
طاغار کده تازه اونلر پنجه کولر بیترکن
ای چوبانلر بنی آکک جوشغون صولر باشنده
یاپراقلرک آراسنده یاوری بر قوش اونترکن

«Этотъ поэтическій отрывокъ, представляющій собой одну изъ прелестныхъ идиллій, конечно, выигрываетъ отъ того, что онъ безъ метра.

«Несомнѣнно, что отъ метра потерялъ бы часть своей меланхолической страстности (سودا) и слѣдующій стихъ неизвѣстнаго сочинителя:

آتشیم یانمه دن دو مانم توثر
ویران باغچه لرده بلبلر اوثر

[т.-е. огонь (моей страсти) не догорѣлъ, но дымъ уже клубится; въ запустѣлыхъ садахъ, (все еще) поютъ соловьи]*).

«Крайне проста слѣдующая кытѣя:

باش اورтоку бер طرفه آتمشшин
صاچлرکی бер берینه قاتمшшин
نیچюн بويله چمنلرده یاتمшшин
көнш طوغدی آرتق او یان سودیکم

[т.-е. ты сбросила въ сторону покрывало, ты спутала свои волосы; зачѣмъ улеглась ты такъ на лугу? Солнце взошло. Проснись же, милая!]

«Она—проста, но кокетлива и сладкозвучна, и хотя съ точки зрѣнія изысканности выраженій (احتشام افاده) она не выдержитъ сравненія со всячески изукрашенными [«съ тюлемъ въ рукѣ, съ розой на головѣ» (النده تول باشنده کل)] аристократическими стихотвореніями, однако можно-ли сказать, что она ниже ихъ, по искусству изображенія, по силѣ производимаго впечатлѣнія и наконецъ по эстетичности? Я лично этого не думаю.

«Я люблю стихи всякаго рода, если только они красивы. И не за то люблю ихъ, что они съ метромъ или нѣтъ, написаны изысканнымъ слогомъ или нѣтъ, а за то, что они прекрасны въ своихъ собственныхъ границахъ.

«Все это вѣрно, съ этимъ заранѣе всѣ согласны. Однако возражали, что родъ писаній, образцы котораго мы привели, удобенъ при изображеніи картинъ конкретныхъ (مناظر), а для стиховъ съ высокимъ, философ-

*) Кажется, что возможенъ другой переводъ: „Хотя огонь моей страсти еще не разгорѣлся, но дымъ ужъ клубится; хотя сады еще пусты (и розы не разцвѣли), но ужъ запѣли соловьи“.—Ред.

скимъ смысломъ онъ, будто бы, не достаточенъ на томъ основаніи, что составные прилагательныя и изафеты являются тому препятствіемъ.

«Я всегда считалъ совершенно ошибочнымъ то, чтобы эти *отчасти* вѣрныя замѣчанія высказывались въ видѣ абсолютной истины, и у меня въ умѣ были наготовѣ достаточно сильныя доказательства, чтобы убѣдить кого угодно. Я и раньше вѣрилъ, что искусство есть чисто личный даръ ⁶⁶⁾. Однако, у меня въ этихъ вопросахъ не было все же достаточно количества подтвердительныхъ фактовъ, и я лишь утѣшался надеждою, что нѣкогда придетъ день, и въ этомъ родѣ будутъ написаны высокія произведенія. Вы осуществили мою надежду и укрѣпили мое мнѣніе. Вы показали, что вещь, которую многіе считали неисполнимой, была въ предѣлахъ возможности. И вотъ сочиненія ваши вмѣсто того, чтобы оказаться неудачными, вышли прекрасными, потому-что вы вложили въ нихъ серьезное содержаніе (*مسلك حکمت*) и не сочли удобнымъ украсить ихъ разными «составными прилагательными».

«Правду сказать, я и не знаю, какое изъ 4 логическихъ отношеній (*منطقچه نسب اربعه*) существуетъ между метромъ и сложными прилагательными и изафетами; однако, каково бы оно ни было, мнѣ извѣстно лишь, что между силлабическимъ стихосложеніемъ и Вашимъ простымъ и, въ то же время, высокимъ способомъ изложенія связь есть, да еще какая!

— «Силлабически писать нельзя». — «Нѣтъ, можно». — «Не только можно, но и должно». «Нѣтъ не должно», — такими спорами были одно время полны столбцы газетъ и брошюръ, но Вашей подписи еще нигдѣ не было видно. Однако опубликованіе литературныхъ произведеній гораздо больше убѣждаетъ, чѣмъ ненужные разговоры. Вы такъ и сдѣлали.

«Изъ всѣхъ моихъ разсужденій слѣдуетъ впрочемъ понять, что я заодно безъ всякихъ ограниченій лишь съ тѣми, кто настаиваетъ на необходимости созданія національной поэзіи (*شعر ملی*); я желалъ сказать, что такого рода поэзія должна писаться силлабически, — по мѣрѣ возможности — по-турецки и избѣгая иностранныхъ конструкцій. Съ другой стороны, я не противъ и аристократической поэзіи, будь она классическая, романтическая или символическая; въ техническихъ вопросахъ нельзя высказывать абсолютныхъ сужденій. Мастера метрики дѣлаютъ чудеса. Служать-ли, вообще, метръ и риѐма препятствіемъ къ тому, чтобы сочинить хорошіе стихи? Ну, это смотря по сочинителю!...

«Кââни Ширазскій, этотъ, по моему мнѣнію, Нефъи нашего вѣка, для созданія своихъ перловъ пользовался метромъ и риѐмой, считая средствомъ къ обнаруженію своего искусства тѣ докучныя правила, которыя такъ плохо уживаются съ перомъ у столькихъ поэтовъ.

«Напримѣръ: *بگردون تیره ابری بامدادان بر شد از دریا
جواهر خیز و کوهوینز و کوهر سازو کوهرزا
زبس لاله زبس نسربن دمن رنگین چمن مشکین
زجوی آن زرنک این هوا دلکش زمین زیبا*

⁶⁶⁾ (Т.-е. не зависящій отъ того, въ какихъ рамкахъ оно примѣняется).

[т.-е. Утромъ поднялось съ моря къ небу темное облако, рождающее перлы, подымающее, нанизывающее и сыплющее ихъ, и отъ тюльпановъ и розъ расцвѣло поле, и запахъ мускусомъ лугъ. Отъ благоуханій и красокъ сталь воздухъ прелестнымъ и земля прекрасной].

«Есть-ли въ этомъ стихотвореніи хоть одинъ пропускъ въ ритмъ, недостатокъ въ риѣмъ? А если бы и былъ, то развѣ причиной ему непременно оказалась бы метрическая форма? Если уже непременно метрическая форма, отчего же среди метрической поэзіи могутъ быть такіе возвышенные и глубокіе стихи, какъ хотя бы та элегія Абуль 'Аля, которая начинается строфой:

غَيْرَ مَجْدٍ فِي مَلْتِي وَاعْتِقَادِي
نَوْحٍ بَاكٍ وَلَا تَرْثَمَ شَاد

[т.-е. Нѣтъ пользы по моей вѣрѣ и убѣжденію отъ рыданій плачущаго и напѣвовъ поющаго].

«Далѣе—прочія произведенія того же автора, философское стихотвореніе Хаканія Ширванскаго,

هان ای دل عبرت بین

наконецъ сочиненія Са'дія и другихъ истинныхъ поэтовъ, каждое слово произведеній которыхъ подобно драгоценному камню.

«Я хочу знать, какъ же поступали эти люди, чтобы создать такія вещи, если этотъ способъ изложенія такъ труденъ. Какъ это Кайни именно имъ-то писалъ касыды сотнями? Я хочу знать, почему мнѣ пріятно слушать эти стихотворенія, если они плохо звучатъ? Мнѣ это не извѣстно, но зато я убѣжденъ, что требуется извѣстная подготовленность, чтобы быть поэтомъ; что надо имѣть способности, чтобы писать. Мастера создаютъ высочайшіе образцы, да еще съ какой легкостью! Не только быть противъ риѣмы и метра, но вообще вдаваться во всякія крайности значитъ слишкомъ уклоняться отъ той умѣренности, которая является точкой зрѣнія, опирающейся на вѣсы истины.

«Для всякихъ стиховъ нуженъ талантъ. У насъ есть чувства всякаго рода. Въ нашей національной жизни есть различныя стороны. Естественно и необходимо, что и языкъ нашъ въ каждомъ случаѣ (لسان حال⁶⁷) будетъ различаться. Однако, дѣйствительно національныя стихотворенія наши должны быть написаны силлабически; вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ-то и слѣдуетъ признавать важнѣйшими.

«Хотя въ природѣ моей и нѣтъ такого ужъ поэтическаго дара, я наслаждаюсь стихами, я отношусь къ нимъ съ уваженіемъ. Даже невѣроятно предположеніе, что я могу смотрѣть на стихи съ презрѣніемъ, и не нравятся мнѣ только поэты, желающіе унижить науку, которая намъ нужна прежде и больше, чѣмъ стихи. Таковъ мой взглядъ. Что касается поэзіи, то она есть (لسان حال) отголосокъ всего народа, выражающаго въ ней свою любовь, печали и чувства всякаго рода. Этимъ и почтенна и высока поэзія.

⁶⁷) См. ссылку 24-ую.

Поэтому, чѣмъ національнѣе поэзія, тѣмъ болѣе она воспитываетъ и возвышаетъ народныя чувства, соединяя ихъ воедино и связывая стремленіемъ къ одной цѣли. И съ того дня, какъ она потеряетъ эту свою народность, она станетъ изсыхать и замирать сама.» (стр. 22—29.)

Не желая отвлекаться детальнымъ разборомъ мнѣній доктора, которыя для критики не слишкомъ неприступны, мы обратимъ вниманіе лишь на то обстоятельство, что метрическіе примѣры всѣ выбраны изъ иностранныхъ литературъ, а далѣе—вопросъ о долготахъ, которыхъ нѣтъ въ турецкомъ яз. и безъ которыхъ метрика не возможна, оставленъ совсѣмъ безъ разсмотрѣнія.

Болѣе интересно по прямолинейности и смѣлости взглядовъ другое письмо заслуженнаго османскаго литератора—Сами-бея, ни болѣе ни менѣе, какъ отрекающагося въ немъ отъ старой литературы:

«Эфенди!

«Я получилъ Ваше письмо и прочелъ Ваши стихотворенія. Дѣйствительно, я увидалъ въ нихъ истинное изображеніе мужественныхъ и патриотическихъ чувствъ турецкаго солдата. Нужно цѣнить по достоинству Вашъ выборъ языка, который, оставаясь въ предѣлахъ литературныхъ требованій, въ то же время таковъ, какимъ можетъ говорить и какой можетъ понимать любой турецкій рядовой. Когда представлялся случай, я неоднократно говаривалъ, да и теперь скажу, что литература и, особенно, поэзія должны заниматься изображеніемъ національныхъ (ملی) чувствъ и мыслей, а литературнымъ языкомъ долженъ быть лишь въ немного сглаженномъ⁶⁸⁾ видѣ тотъ языкъ, которымъ всѣ говорятъ. Пусть эти мысли и чувства возвышаются до какой угодно высоты, пусть этотъ языкъ будетъ достигать какой угодно степени совершенства и искусства, все жъ основаніе его, корень и начало должны находиться въ сердцахъ, умѣ и рѣчи той совокупности индивидуумовъ, которую мы зовемъ «простой народъ» (عوام). Изложить національныя мысли и чувства національнымъ языкомъ—вотъ въ чемъ поэзія, вотъ въ чемъ литература. Какъ овца, обнюхавъ, узнаетъ своего ягненка (sic), такъ народъ признаетъ свои настоящія мысли и чувства. Въ противномъ случаѣ, какъ бы красивы ни были стихи, какія бы высокія чувства, заимствованныя изъ Европы, они ни выражали, къ какимъ бы блестящимъ риторическимъ приемамъ, взятымъ у арабовъ и персовъ, они ни прибѣгали, народу они не понравятся, онъ не сольетъ ихъ со своей личностью, не скажетъ: «Это моя мысль, это плодъ моего сердца.» Слова, не принадлежащія къ его языку, не соответствующія его чувствамъ, не произведутъ никакого впечатлѣнія.

«Именно, на этомъ-то основаніи, съиздавна находящіяся въ Анатолиіи у всѣхъ на языкѣ силлабическіе стихи и пѣсни, хотя и не удостоены признанія въ нашемъ литературномъ мірѣ, все же заслуживаютъ предпочтенія передъ многими поэтическими произведеніями Неби, Баки и Фузули. Быть можетъ, грубоваты они, зато они сочинены по-турецки. Быть можетъ, мысли ихъ не слишкомъ высоки, зато въ нихъ есть чувство, есть настоящее на-

68) دوزكونجه.

ціональное чувство. Какъ они ни чужды всякимъ риторическимъ ухищреніямъ, нельзя же не увидать и не почувствовать того, какъ полны они задушевностью! Нѣтъ турка, ученаго, или неученаго, который бы не почувствовался при чтеніи ихъ. Даже отрывокъ, не заключающій въ себѣ съ внѣшней стороны ничего такого, отъ чего можно было-бы плакать, заставить турка прослезиться; и это потому, что онъ трогаетъ струны его души, тогда какъ самый блестящій, самый искусный стихъ Фузули не можетъ произвести никакого впечатлѣнія, не только на простого турка, а и на писателя подражательнаго направленія, будь онъ однимъ изъ пламеннѣйшихъ сторонниковъ старой школы (sic?!)

«Я нашель, что стихи, которые вы, руководствуясь лишь чувствомъ вашей любезности, представили на мое слабое разсмотрѣніе, написаны *турецкимъ* языкомъ и содержатъ *турецкія* мысли и чувства, и, полагая, что въ интересахъ національнаго прогресса нельзя не желать, чтобы наши молодые поэты вмѣсто поворачиванія повороченья отъ подражанія персамъ всецѣло въ сторону подражанія «френкамъ» пустили бы коней по ристалищу турецкихъ мыслей чувствъ и языка,—считаю нужнымъ поздравить лично Васъ, эфенди мой, и воздать хвалу Вашему благому дѣлу, такъ-какъ Вы открыли намъ путь къ указанной выше цѣли.

18 Хазирана (=іюня) 1313 года гилжры.

Сами.

Остальныя 3 письма менѣе интересны и заключаютъ въ себѣ общія похвалы языку нашего автора и его знанію народа.

Въ заключеніе позволимъ себѣ цѣликомъ привести маленькую замѣтку европейскаго историка турецкой литературы объ интересующей насъ книгѣ:

«Въ началѣ нынѣшняго 1316 (1899) года появился небольшой томикъ стихотвореній, озаглавленный «Тюркдже ши'рлар»⁶⁹⁾ (Турецкія стихотворенія) и принадлежащій перу Эминъ-бея. Въ этой книжкѣ сдѣлана первая попытка представить въ литературной формѣ настоящую рѣчь и чувства всей массы турецкаго народа. Въ этихъ маленькихъ поэмахъ, вложенныхъ въ уста простыхъ солдатъ и анатолійскихъ крестьянъ, впервые заговорилъ въ литературѣ истинный голосъ турецкаго народа»—Gibb, A Hist. of the Ott. Poetry, Lond. 1900, стр. 134—5, (примѣчаніе 1). Это—все, что покаместъ сказано объ Эминъ-беѣ⁷⁰⁾.

Припоминая вкратцѣ всѣ неотъемлемыя заслуги Эминъ-бея: чистый языкъ, избавленіе стиха отъ несвойственнаго ему метра (*عروض وزنی*), любовь къ простому народу, гуманные и искренніе мотивы,—мы пожелаемъ, чтобы въ турецкой литературѣ не заглохъ этотъ свѣжій и здоровый отпрыскъ поэзіи⁷¹⁾ и чтобы подольше продолжалась дѣятельность симпатичнаго писателя.

Москва, мартъ, 1902.

⁶⁹⁾ Sic. Вм. ши'рлеръ.

⁷⁰⁾ Стихотворенія Эминъ-бея будутъ, конечно, разсмотрѣны въ одномъ изъ имѣющихъ выйти томовъ „Исторіи“ англійскаго ученаго. Въ I-мъ томѣ изложеніе доведено лишь до XV в.

⁷¹⁾ Замѣтимъ, что, повидимому, стихотворенія Эминъ-бея ужъ нѣсколько привелись. Такъ, въ общепринятой въ настоящее время въ турецкихъ школахъ хрестоматіи *اقتطاف* составленной Мехмедомъ 'Ата (Стамбуль 1317), помѣщены его стихотворенія: «Голосъ изъ Анатоли» (часть I, стр. 102) и «Коранъ» (I, 68).

ИЗЪ БЕЙРУТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЛЬТОПИСИ

XVI—XVIII в.

Изъ бейрутской церковной лѣтописи XVI—XVIII в.

(Рукопись «Мохтасар тарих эль-асâқыфе» изъ собранія А. Е. Крымскаго.)

I.

При моемъ изслѣдованіи православныхъ рукописныхъ книгохранилищъ Бейрута (въ 1896—1898 г.) мнѣ, между прочимъ, попался списокъ (сперва одинъ, а потомъ—еще одинъ) полуцерковной, полусвѣтской исторіи бейрутской митрополіи съ 1532 года, которая меня заинтересовала прежде всего тѣмъ, что въ ней я нашелъ свѣдѣнія объ осадѣ Бейрута русскимъ флотомъ при Екатеринѣ II. Исторія эта носитъ длинное заглавіе: مختصر تاريخ الاساقفة الذين رفقوا مرتبة كرسى رئاسة الكهنوت الجليله فى مدينة بيروت وذلك من سنة ١٥٣٢ مسيحية فقط т.-е. «Краткое изложеніе исторіи епископовъ, восходившихъ на высокую архіерейскую кафедру города Бейрута, притомъ только съ 1532-го года христіанскаго лѣтосчисленія»; покороче можемъ называть ее «Мохтасар тарих эль-асâқыфе», или—основываясь на ея содержаніи—«Бейрутская церковная лѣтопись».

Тотъ ея списокъ, который мнѣ встрѣтился прежде всего, находится въ цѣнномъ собраніи арабскихъ рукописей Салима Шхâде (سليم شحادة) и изготовленъ имъ самимъ съ рукописи (нынѣ, должно быть, покойнаго) Халиля Файяда. Салимъ Шхâде очень не безызвѣстенъ въ арабской литературѣ нѣкоторыми трудами по арабской исторической географіи; по должности же онъ—драгоманъ Россійскаго генеральнаго консульства въ Бейрутѣ. Уступить мнѣ свою рукопись онъ не могъ, но предоставилъ ее на довольно долгое время въ мое пользованіе. Тщательно ее прочитавши, я разбилъ ее, для себя, по главамъ (которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ), составилъ по-малорусски подробный конспектъ и заглавное резюме къ каждой главѣ, а наиболѣе интересныя главы переписалъ цѣликомъ по-арабски; при перепискѣ арабскаго текста мною попутно были сдѣланы нѣкоторыя подстрочныя примѣчанія по-малорусски.

Вернувшись въ Россію, я предоставилъ мой автографъ тремъ моимъ слушателямъ: В. Θ. Окуло - Кулаку, М. К. Марти и П. Θ. Введенскому. Всѣ трое служатъ теперь въ Персіи (два первые—въ учрежденіяхъ россійскаго министерства финансовъ, третій—въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), а тогда они были студентами Специальныхъ классовъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ. Подъ моимъ руководствомъ они перевели на русскій языкъ всѣ сдѣланныя мною арабскія извлеченія изъ рукописи Шхаде. Малорусское же мое сокращенное конспективное изложеніе

прочихъ главъ, равно какъ заглавныя резюме и примѣчанія, перевелъ на русскій языкъ, сколько помню, К. А. Фрейтагъ (теперь онъ въ Техранѣ). Вотъ этотъ-то переводъ (не весь) четырехъ моихъ слушателей здѣсь и издается.

При изданіи я озаботился, чтобы читатель ни въ какомъ случаѣ не могъ смѣшать того, что переведено съ арабскаго, съ тѣмъ, что переведено съ малорусскаго. Текстъ моего сокращеннаго изложенія, переведенный съ малорусскаго, напечатанъ болѣе узкими строками и имѣетъ поля съ лѣвой стороны, а резюмирующія заглавія и примѣчанія напечатаны петитомъ. Такимъ образомъ, переводъ съ малорусскаго рѣзко выдѣляется по своему внѣшнему виду среди того общаго основнаго текста, который изданъ въ переводѣ съ арабскаго.

Замѣчу, что я и не имѣлъ времени и не считалъ нужнымъ сплошь провѣрять переводъ моихъ слушателей постоянною свѣркою съ арабскимъ оригиналомъ. Правда, просматривая ихъ переводъ передъ сдачей въ печать, я его значительно обработалъ: передѣлалъ студенческой буквальный дубовый стиль на удобочитаемый и сличилъ съ арабскимъ подлинникомъ всѣ тѣ мѣста, которыя при чтеніи ихъ перевода вызвали во мнѣ кое-какія сомнѣнія. Но въ общемъ арабскій языкъ лѣтописи настолько простъ и ясенъ, что едва ли мои слушатели могли при переводѣ надѣлать ошибокъ, существенно измѣняющихъ смыслъ.

II.

Шхаде скопировалъ «Бейрутскую церковную лѣтопись» со списка, принадлежавшаго бейрутскому священнику о. Ильѣ Мжâ'асу (مجاّعص), къ которому эта его рукопись попала отъ послѣдняго списывателя — Халиля Ны' металлâха Файяда. Спустя нѣкоторое время я досталъ и этотъ Файядовъ списокъ, принадлежавшій о. Ильѣ Мжâ'асу; мнѣ удалось даже пріобрѣсти его отъ владѣльца въ мою личную собственность и привезти въ Москву. Такъ какъ Файядова рукопись вездѣ полна, нигдѣ не сокращена (и къ тому же она именно и послужила оригиналомъ для Шхаде), то при изданіи русскаго перевода я всюду сдѣлалъ ссылки на страницы именно этой самой, — прежде Мжâасовской, теперь московской, — полной арабской рукописи. Для російской публики ссылка на пагинацію московской рукописи, конечно, удобнѣе, чѣмъ ссылка на пагинацію рукописи бейрутской, Шхадевской. Вдобавокъ, эта Файядова рукопись подарена мною теперь въ общественное книгохранилище — въ бібліотеку Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, гдѣ доступна всякому желающему.

Я еще въ Бейрутѣ успѣлъ сличить рукопись Файяда (нынѣ московскую) со спискомъ Селима Шхаде. Оказалось, что Шхаде переписалъ текстъ «Бейрутской церковной лѣтописи» со списка Файядâ почти буквально и лишь кое-гдѣ сдѣлалъ незначительныя стилистическія и грамматическія измѣненія. Такъ, первая же строка обѣихъ рукописей начинается разное:

у Шхâде — *بسم الاب و الابن و الروح القدس الاله الواحد امين* (= «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единого Божества, аминь»), а у Файяда — многословнѣе и съ крупными грамматическими ошибками — *بسم الاب و الابن* (= «Начнемъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единое Божество, аминь»). Бываютъ и другіе случаи, гдѣ оба списка чуть-чуть разнятся; такая разница объясняется тѣмъ, что Шхâде, какъ человѣкъ педантичный въ классическомъ языкѣ, привыкъ и при перепискѣ производить поправки на классическій или, по крайней мѣрѣ, на новолитературный ладъ ¹⁾, тогда-какъ Файядъ переписывалъ точь-въ-точь: на л. 285 онъ, извиняясь передъ читателемъ за *بعض الجملة و ركائة*, въ которыхъ окажутся въ его списокѣ, прямо сознается, что свой оригиналъ онъ воспроизводилъ буквально: *نقلنا عنها حرفياً*. Но въ общемъ, несмотря на нѣкоторыя стилистическія отличія въ списокѣ Шхâде и списокѣ Файяда, можно ихъ назвать тождественными.

Надо замѣтить, что я имѣю въ виду тождественность только текста спеціально «Бейрутской церковной лѣтописи», а не обѣихъ рукописей цѣликомъ. Дѣло въ томъ, что рукопись Файяда вслѣдъ за лѣтописью содержитъ въ себѣ два приложенія полемическаго противополопаистскаго свойства, о которыхъ мы еще скажемъ два слова ниже и которыя въ списокъ Салима Шхâде не вошли.

III.

Другихъ списковъ «Мохтасар тâрих эль-асâқыфе» мнѣ найти въ Сиріи не удалось. Однако я не сомнѣваюсь, что даже въ томъ же Бейрутѣ, гдѣ я понапрасну производилъ разспросы, могутъ оказаться еще списки — у кого-нибудь изъ менѣе извѣстныхъ лицъ, а въ Дамаскѣ или, вообще, какомъ-нибудь митрополичьемъ городѣ — и подавно. По крайней мѣрѣ часто случается, что, когда въ бесѣдѣ съ православными бейрутинцами коснешься какого-нибудь событія изъ исторіи ихъ города, то они замѣчаютъ, что это событіе, помнится, хорошо изложено въ особой рукописной исторіи епископовъ Бейрута, которую тому или другому иногда случалось видѣть. Почти навѣрное можно сказать, что тѣ списки, которые еще со временемъ удастся найти, окажутся болѣе старыми, чѣмъ Файяда и Шхâде. Очень сожалѣю, что мнѣ не удалось разыскать того списка, который въ концѣ 40-хъ годовъ былъ въ рукахъ прежняго русскаго консула въ Бейрутѣ К. Базили и упомянуть въ предисловіи къ его сочиненію «Сирія и Палестина подъ турецкимъ владычествомъ» (2-ое изд. Спб. 1875). Тотъ списокъ принадлежалъ семьѣ бейрутскихъ нотаблей Бюстросовъ, и отъ нихъ его получилъ Базили. Теперь у Бюстросовъ этого списка нѣтъ, — по крайней мѣрѣ, я не могъ получить о немъ свѣдѣнія;

¹⁾ Рѣдкій арабъ можетъ при перепискѣ сохранить неизмѣненнымъ то выраженіе или то слово, которое онъ считаетъ ошибкою противъ литературнаго языка. Срв. французское предисловіе о. Сальхани при вульгарномъ приложеніи къ V тому *الف ليلة و ليلة*.

неизвѣстно даже, былъ ли онъ имъ возвращенъ обратно. Могу только догадываться, что и списокъ Файяда имѣетъ связь (не непосредственную) съ Бюстроровскимъ черезъ промежуточную стадію рукописи Абдаллаха Трада 1824 г., съ которой списывалъ Файядъ (см. л. 209).

Правда, съ точностью я не могъ установить этого: очень я неумѣло повелъ свои разспросы, такъ-что получилъ отъ угодливыхъ бейрутинцевъ отвѣты, слишкомъ подозрительно совпадающіе во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ съ моими априорными догадками²⁾.

Во всякомъ случаѣ сомнѣваться нельзя, что «Бейрутская церковная лѣтопись» составлялась и развивалась при участіи дома Бюстроровъ. Это видно изъ анализа составныхъ частей ея, къ которому мы приступимъ.

IV.

Составъ и способъ возникновенія «Мохтасар таріх эль-асâқыфе» представляютъ немало аналогіи съ исторіею всякой другой лѣтописи. Возьмемъ, на примѣръ, старо-русскую «Начальную лѣтопись». Въ основѣ ея лежитъ вовсе не годичное лѣтописаніе, но связная «Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля», а затѣмъ ужъ эта «Повѣсть» получила постепенныя лѣтописныя наращенія и прибавки. Такъ же возникла и Бейрутская церковная лѣтопись. Ея основа и старѣйшая часть — не лѣтописаніе, но связное, вполне литературно изложенное «Сказаніе о введеніи латинской уніи въ Сиріи», которое — какъ показываютъ всѣ данныя — сперва существовало отдѣльно, а затѣмъ испытало три стадіи развитія и дополненій.

1) Сказаніе о введеніи уніи, составленное какимъ-то очевидцемъ событій (во 2-ой четверти XVIII в. — срв. л. 34 и 68)³⁾, оказывается давно извѣст-

²⁾ Не имѣю я въ виду чернить сирійскихъ арабовъ, — людей, которые во мнѣ всегда вызвали высшее изумленіе своей талантливостью и блестящими умственными способностями и къ которымъ я питаю самую глубокую симпатію, — однако невозможно скрыть, что чувство правдивости у сирійскихъ горожанъ вообще не слишкомъ развито, а врожденная ихъ любезность часто доводитъ ихъ до прямой таки лживости. Срв. мое „Мусульманство и его будущность (М. 1899)“, стр. 51 сл. и мою „Исторію арабовъ“, стр. 200 (Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревск. Инст. Вост. яз., вып. XV, М. 1903). Ландбергъ, авторъ *Proverbes et dictons du peuple arabe* (Лейд. 1883), замѣчаетъ, что въ бесѣдахъ даже о такихъ невинныхъ предметахъ, какъ арабская діалектологія, онъ тщательно долженъ былъ сохранять строго-апатичный видъ и не высказывать своихъ филологическихъ мнѣній прямо; а стоило ему только высказать какое-нибудь соображеніе или догадку прямо и настаивать хоть немного на своемъ объясненіи, — предупредительный собесѣдникъ-арабъ съ готовностью подтверждалъ его объясненіе, ошибочности котораго не могъ не видѣть. Я тоже много разъ имѣлъ случай убѣдиться, что если я обнаруживалъ малѣйшій интересъ къ тому, чтобы моя догадка была вѣрна, то арабъ-горожанинъ всегда давалъ утвердительный отвѣтъ.

³⁾ Выраженія, употребляемые рассказчикомъ на тѣхъ листахъ, показываютъ, что онъ самъ былъ очевидцемъ-современникомъ.

нымъ, какъ совершенно самостоятельное сочиненіе. Достать это сочиненіе въ отдѣльномъ арабскомъ подлинникѣ мнѣ не удалось, но его имѣлъ въ своихъ рукахъ преосв. Порфирій Успенскій и опубликовалъ его по-русски въ I томѣ своего «Востока Христіанскаго» (Кіевъ 1874, оттискъ изъ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи). Нужно сказать, что арабскаго языка преосв. Порфирій не зналъ, и потому, желая ознакомиться со «Сказаніемъ», онъ заказалъ себѣ два перевода—греческій и (при помощи одного армянина) итальянскій. Греческій переводъ былъ исполненъ небрежно, а армянскій (по замѣчанію самого Порфирія) недобросовѣстно, — оттого и русскій переводъ самого Порфирія, основанный на этихъ двухъ переводахъ, не точенъ, сбивчивъ и полонъ недоразумѣній. Тѣмъ не менѣе онъ вполне достаточенъ для ознакомленія съ общимъ составомъ «Сказанія», и такъ-какъ оказывается, что старѣйшая часть «Бейрутской церковной лѣтописи» приблизительно совпадаетъ съ этимъ «Сказаніемъ», то можно утверждать, что лѣтопись составила путемъ послѣдовательныхъ прибавокъ къ «Сказанію». Характерная особенность этой, стариннѣйшей части лѣтописи—та, что свѣдѣнія про Бейрутскую митрополию втиснуты въ нее совершенно механически, и они только нарушаютъ общее плавное теченіе разсказа о введеніи уніи.

2) Тотъ моментъ, когда какой-то православный бейрутинецъ или, быть можетъ, цѣлая семья стали къ «Сказанію объ уніи» добавлять обзоръ послѣдующихъ событій за XVIII вѣкъ, явился второй стадіей въ развитіи «Мохтасар таріх эль-асâқыфе». Я употребилъ выраженіе: «или цѣлая семья», потому-что имѣлъ на это извѣстныя данныя. Какъ ужъ было сказано выше, консулъ Базили, пользовавшійся «Мохтасаромъ» для составленія своего труда: «Сирія и Палестина» (2-е изд. Спб. 1875), отмѣчаетъ, что имѣвшая у него рукопись Бейрутской церковной лѣтописи принадлежала семьѣ Бюстроровъ и хранилась фамильно въ ихъ родѣ. Хронологія событій, при изложеніи которыхъ (напримѣръ, осады Бейрута русскими) Базили ссылается на Бейрутскую церковную лѣтопись, позволяетъ думать, что Бюстроры довели лѣтопись до конца XVIII вѣка или до первыхъ годовъ XIX вѣка.

3) По всему вѣроятію, въ XVIII вѣкѣ на Ливанѣ существовала свѣтская исторія, или лѣтопись, княжескаго дома Шхэбовъ (Шихâбовъ), владѣвшаго Ливаномъ и Бейрутомъ: трудно предположить, чтобы этотъ владѣтельный родъ не имѣлъ своей лѣтописи. Въ предполагаемую мною свѣтскую лѣтопись эмировъ-Шхэбовъ входилъ, очевидно, и разсказъ объ осадѣ Бейрута русскими, и повѣсть о возвышеніи Джебзара Аккскаго, который сумѣлъ взять себѣ въ подчиненіе династію Шхэбовъ и сгубилъ эмира-Юсифа. И вотъ, надо думать, что одинъ изъ продолжателей православной «Бейрутской церковной лѣтописи» воспользовался этой (предполагаемой мною) свѣтской княжеской лѣтописью Шхэбовъ (маронитовъ), чтобы компилятивно пополнить обширными выписками изъ нея свою православную хронику. Произвелъ онъ такую компиляцію, однако, съ большою технической неумѣlostью, чисто механически, такъ-что читателю остаются ясны слѣды швовъ и рубцовъ; но что самое главное—произвелъ онъ эту компиляцію, не сведши концы съ концами: такъ, напримѣръ, домоправитель эмира Юсифа—Гандуръ эль-Хури—въ

одномъ лоскуткѣ хроники оказывается изображенъ какъ заклятый и проклятый фанатическій врагъ православія (л. 132 сл.), а въ другомъ лоскуткѣ Гандуръ фигурируетъ, какъ самоотверженный другъ православной общины (л.).—Кто же совершилъ это неудачное компилированіе церковно-православной бейрутской лѣтописи съ маронитской свѣтской княжеской хроникой, конца XVIII вѣка? Былъ ли это одинъ изъ Бюстросовъ, ведшихъ лѣтопись, или кто-либо иной?—Мнѣ думается, что авторомъ компилятивной вставки былъ тотъ человѣкъ, который продолжалъ «Бейрутскую церковную лѣтопись» послѣ Бюстросовъ и который довелъ ее до четверти XIX столѣтія. Этотъ продолжатель былъ бейрутинецъ Абдаллахъ ибнъ-Михаилъ Трада (طارذ). Его участіе (какое бы оно ни было) въ составленіи «Бейрутской церковной лѣтописи» совершенно точно свидѣтельствуется Файядовой припиской красными чернилами послѣ изложенія событій 1824 года. Въ этой припискѣ (л. 209) Файядъ, продолжатель Трада, говоритъ: «До сихъ поръ шло то, что я нашелъ написанное рукою покойнаго Абдаллаха б. Михаила Трада, бейрутинца; а жилъ онъ тогда, по словамъ другихъ, въ городѣ Траболосѣ (Триполи); намъ теперь остается сообщить отъ себя о патріархахъ, слѣдовавшихъ за киръ-Меѳодіемъ, равно какъ о митрополитахъ бейрутскихъ, слѣдовавшихъ за киръ-Веніаминомъ».

4) Авторъ этой приписки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній заключитель лѣтописи есть Халиль Ни'металлахъ (вульг. «Ны'мталла») Файядъ خليل نعمة الله فياض. Онъ довелъ лѣтопись до 1885 года. Повидимому, онъ не разсчитывалъ, чтобы ему пришлось еще что-нибудь вписывать въ нее, и потому (л. 244) закончилъ свою запись словами: «Аминь, и паки аминь!» (امين ثم امين). Однако онъ случайно оставилъ здѣсь небольшое количество пустого, незаполненнаго мѣста въ своей рукописи, и вотъ въ 1892 году новый владѣлецъ рукописи о. Илья Мжâасъ внесъ сюда, болѣе блѣдными чернилами и менѣе красивымъ почеркомъ, новую запись—по поводу выборовъ на Антиохійскій патріаршій престолъ Спиридона, бездарнаго ставленника себялюбивыхъ грековъ-святогробцевъ. Объ этихъ выборахъ, во время которыхъ греческое духовенство, желающее держать свою арабскую паству въ темнотѣ и подчиненіи, сыграло самую некрасивую роль, можно бы было написать очень многое, но о. Мжâасъ ограничился лаконической замѣткой (л. 245): «Про это избраніе смотри особую, печатно изданную книгу: الخلاصة الوافية في انتخاب بطريك انطاكية. Изъ нея ты можешь поучиться, до чего начали доходить поступки греческаго духовенства и до какой степени оно способно попирать священные законы и позорить (تفحيش) всю православную вѣру ради исключительныхъ выгодъ греческой націи».

Съ этой Можâасовой припиской собственно лѣтопись и кончается.

Итакъ «Бейрутская церковная лѣтопись» представляетъ по своему составу: а) «Сказаніе объ уніи Сиріи», б) лѣтопись Бюстросовъ, в) лѣтопись Трада, г) лѣтопись Файяда.

V.

Но самая-то рукопись Файяда здѣсь еще не кончается.

На лл. 246-285 вписанъ цѣлый историко-полемическій трактатъ, состоящій изъ предисловія, десяти главъ и заключенія и носящій заглавіе: «*الدر المنظوم*»; авторъ его—о. Герасимъ Халѣбій (*الحلبی*), который, какъ видно изъ примѣчанія (*تنبیه*) Файяда на л. 285—286, былъ католическимъ, т.-е. уніатскимъ епископомъ, но позналъ лживость римскаго католицизма, бросилъ всѣ католическія почести, разошелся даже со своими родными и обратился въ православіе, причемъ ужъ не счелъ себя достойнымъ принять въ православіи тоже епископскій санъ; жизнь въ Халѣбѣ (Алеппо) сдѣлалась для него нестерпимой, и онъ переселился въ Бейрутъ, гдѣ провелъ свою жизнь въ составленіи книгъ, изобличающихъ католическія интриги. На одну его рукописную книжицу (*كراسة*), именно на *الدر المنظوم*—наткнулся (*عثر على*, л. 246) Халиль Файядъ и внесъ въ свою Бейрутскую церковную лѣтопись, какъ догматическое и историческое подтвержденіе тѣхъ взглядовъ на унію и православіе въ Антиохійской патриархіи, которые проведены и въ Бейрутской церковной лѣтописи. Трактатъ этотъ, какъ видно изъ даты самого Халѣбія (л. 284 Файядовой рукописи), составленъ въ 1856 году.

Отъ л. 287 почти до конца рукописи приведено (по-арабски, конечно) отлученіе, произнесенное Константинопольскимъ синодомъ 1725 года противъ тѣхъ, кто отступитъ отъ православія въ папизмъ.

Наконецъ на заключительномъ листѣ рукописи, послѣ слова «аминь», имѣется запись, изъ которой я и узналъ имя послѣдняго переписчика и продолжателя Бейрутской церковной лѣтописи: *الحقير خلیل نعمة الله قياض* = «Презрѣнный Халиль Ни‘металлахъ Файядъ».

Всѣхъ листовъ Файядовой рукописи 311. То, что здѣсь предлагается въ русскомъ переводѣ, занимаетъ собою у Файяда лл. 1—163.

[НАЧНЕМЪ]

во имя Отца, и Сына и Святого Духа

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ИСТОРІИ ЕПИСКОПОВЪ,

всходившихъ на высокую архіерейскую кафедру города Бейрута, и это — только съ 1532 г. христіанскаго лѣтосчисленія и далѣе.

л. 1. Излагая исторію бейрутскихъ епископовъ, мы коснемся и исторіи антиохійскихъ патріарховъ въ хронологически послѣдовательномъ порядкѣ, а кромѣ того, намъ придется упомянуть также и о возникновеніи въ ихъ время злой ереси *), распространившей новшества при посредствѣ хищныхъ волковъ. Послѣдніе принадлежали къ сектѣ, прозываемой католической ¹⁾. Всякій, кому только прійдется прочесть эту краткую лѣтопись, будетъ знать изъ нея поганое происхожденіе уніатовъ и будетъ освѣдомленъ относительно того, откуда они похитили свое священство, которое въ сущности не смѣетъ и называться священствомъ. Ему также будутъ небезызвѣстны ихъ продѣлки, направляемыя не только противъ владыкъ-патріарховъ и митрополитовъ, но и прямо противъ святой восточной церкви. Познакомившись со всѣмъ этимъ, всякій будетъ въ состояніи взвѣсить заблужденія этихъ злыхъ еретиковъ и, отряхнувъ отъ себя ихъ гнусныя дѣянія, избѣгать даже сообщества съ ними. Въ случаѣ же, если ему прійдется вести съ ними преніе, то онъ будетъ имѣть свѣдѣнія относительно основы ихъ секты и самой сути ихъ скверны. Онъ будетъ крѣпко уповать на свою святую апостольскую вѣру, о наставленіи въ которой мы просимъ нашего Господа Иисуса Христа. Да охранитъ и спасетъ Онъ насъ отъ гибели, которую неизбежно влечетъ за собой заблужденіе, и да не допуститъ насъ молитвами Пресвятой Дѣвы, источника чистоты, воплощенія чести и красоты, пасть въ ущелье этой гибели.

*) т. е. уніи.

¹⁾ Здѣсь подъ католиками надо, кажется, понимать дѣйствительно латинянъ (именно — миссіонеровъ). Обыкновенно же католиками арабы-сирійцы называютъ своихъ же земляковъ-уніатовъ.

л. 2—4. Въ 1532 году епископомъ города Бейрута назначенъ былъ Іоакимъ. По истеченіи одиннадцатилѣтняго служенія на этомъ поприщѣ онъ былъ выбранъ на антїохійскій патріаршій престолъ. Во время своего патріаршества Іоакимъ на должность бейрутскаго епископа посвятилъ Аѳанасія, настоятеля монастыря св. Симеона чудотворца. Послѣ смерти этого Аѳанасія на его мѣсто рукоположенъ былъ Парѳеній, священникъ изъ Кясбы. Преемникомъ же этого въ свою очередь былъ избранъ Іоакимъ, игуменъ Бельмендскаго монастыря. Послѣ смерти Іоакима епископомъ былъ Іоасафъ Хури, а за нимъ Хури Фарахъ, основавшій въ Бейрутѣ большую библіотеку. Должность епископа послѣ Фараха исполнялъ Макарій, монахъ монастыря св. Ильи Мхайдаскаго. Онъ былъ назначенъ главнымъ образомъ по настоянію и оказанному содѣйствию со стороны одного очень вліятельнаго человѣка, по имени Абу-Нѳаль²⁾.

Появленіе папскихъ миссіонеровъ въ Сиріи при патріархѣ Макаріи.

л. 4. Да будетъ тебѣ извѣстно, читатель, что въ концѣ семнадцатаго вѣка, во время патріаршества благословеннаго Макарія (1648—1672 г.)³⁾, въ Сирію явились папскіе монахи и обосновались въ Дамаскѣ, Халербѣ (Алеппо) и Сайдѣ (Сидонѣ). Поселившись въ вышеупомянутыхъ городахъ, они тайно стали заниматься лѣченіемъ и прилагали всяческія старанія къ тому, чтобы войти въ сношенія съ нашими епископами и священниками. Такъ, ходя часто въ православныя церкви, они старались выставлять на показъ свою благотворительность, кротость и единство вѣры, и своей ловкой политикой обманывали православныхъ. Самую важную роль изъ нихъ играла хитрая лисица, прозывавшаяся Мальвиномъ. Но дѣло не ограничивалось только этимъ однимъ: они старались также убѣдить патріарха и въ томъ, что вѣра ихъ чисто православная. На это не потребовалось особыхъ усилій. Послѣдній, по чистотѣ своихъ сердечныхъ помысловъ, повѣрилъ ихъ лукавымъ словамъ, дозволилъ имъ, какъ чужестранцамъ, поселиться въ патріаршемъ дворѣ, находящемся въ Дамаскѣ, и разрѣшилъ посѣщать мѣста, въ которыхъ находились православные. Разрѣшеніе такого рода дало католикамъ возможность во время своихъ визитовъ еще съ бѣльшимъ успѣхомъ сѣять сѣмена раздора, какъ въ самомъ обществѣ, такъ и въ умахъ отдѣльныхъ лицъ. Для достиженія этой цѣли они прибѣгали къ ризличнымъ средствамъ. Они высказывали сожалѣніе о раздѣленіи церквей: восточной и западной, внушая при этомъ въ сердцахъ простого народа мысль, что вышеупомянутое раздѣленіе не существенно, и что оно возникло съ тѣхъ поръ, какъ исламъ пустилъ корни своего владычества на востокѣ. Болѣе же хитрымъ и дѣй-

²⁾ Шейхъ изъ рода маронитскихъ дворянъ Хазанъ, оказывавшій большое содѣйствіе западнымъ миссіонерамъ и получавшій награды отъ Франціи.

³⁾ Того самаго патріарха Макарія, который ѣздилъ въ Россію во времена Алексѣя Михайловича и участвовалъ въ осужденіи патріарха Никона.

ствительнымъ было то, что католики привлекали къ своей вѣрѣ сердца послѣдователей сокровищами, подарками и тому подобными вещами. Практиковалось это до тѣхъ поръ, пока они не приобрѣли значительнаго числа сторонниковъ своего ученія. Ты, читатель, въ послѣдующемъ изложеніи старайся подмѣтить, каковъ съ ихъ стороны способъ добиваться разъ намѣченной цѣли (это будетъ тебѣ указано въ соотвѣтствующихъ главахъ, если только послѣднее будетъ угодно Богу).

Безпорядки въ антиохійской патриархіи: а) борьба Кирилла съ Неофитомъ.

л. 6—17. Послѣ смерти вышеупомянутаго патриарха Макарія нѣкоторые епископы вмѣстѣ съ жителями Дамаска просили Константинопольскій синодъ о рукоположеніи на мѣсто умершаго патриарха—его внука Кирилла, сына Павла⁴⁾. Константинопольскій синодъ утвердилъ ихъ выборъ, и Кириллъ былъ рукоположенъ. Произошло такое назначеніе, съ одной стороны потому, что Кириллъ, несмотря на свой ранній возрастъ, былъ даровитъ, краснорѣчивъ и образованъ, а съ другой стороны—и въ силу того, что были приняты во вниманіе заслуги его дѣда—патриарха Макарія. Пожалуй, можно добавить еще одно соображеніе, что деньги, оставленныя его дѣдомъ (и вывезенныя, слѣдовательно, изъ его странствованій по православнымъ землямъ—*А. Кр.*), могли также оказать воздѣйствіе и заставить молчать претендентовъ. Однако такой выборъ и утвержденіе Константинопольскаго синода должны были породить цѣлый рядъ неудовольствій среди владыкъ. Достаточнымъ будетъ напомнить слѣдующую исторію. Иерусалимскій патриархъ Досиѳей⁵⁾, проѣздомъ побывавшій въ Дамаскѣ и видѣвшій юнаго патриарха, у котораго, между прочимъ, онъ былъ принятъ гостепріимно, остался недоволенъ назначеніемъ такого юнаго Кирилла въ патриархи и затаилъ чувство злобы и желаніе, во что бы то ни стало, смѣстить послѣдняго. Онъ не долго задумывался надъ своимъ рѣшеніемъ и сейчасъ же приступилъ къ дѣлу. Для того Досиѳей вошелъ въ соглашеніе съ Неофитомъ епископомъ города Хамы (Епифаніи), который также былъ недоволенъ рукоположеніемъ Кирилла въ патриархи, какъ будто неканоническимъ; они сговорились, и вотъ одинъ изъ нихъ, все тотъ же Досиѳей, отправляется въ Константинополь и тамъ всякими правдами-неправдами склоняетъ синодъ на свою сторону. Послѣдній соглашается удалить Кирилла. Для этого онъ приглашаетъ Неофита явиться въ Константино-

⁴⁾ До времени избранія онъ былъ іереемъ антиохійской патриархіи, и имя его было Константинъ. Обычай переименованія, какъ это указалъ и проф. Лебедевъ въ своемъ трудѣ *Ист. Греко Восточной церкви*, т. II, стр. 762, вытекъ изъ того, что Антиохія своимъ первымъ епископомъ признаетъ апостола Петра, тоже переименованнаго—изъ Симона.

⁵⁾ Въ лѣтописи значится имя патриарха іерусалимскаго Хрисанѳъ, но это простая описка, такъ какъ въ то время патриархомъ іерусалимскимъ былъ Досиѳей. Однако эта ошибка, имѣющаяся и въ «Сказаніи объ уніи», вкралась также въ работу Порф. Успенскаго: «Востокъ христіанскій»; Хрисанѳъ же занималъ кафедру уже въ 18 вѣкѣ, и онъ между прочимъ принималъ участіе въ борьбѣ противъ антиохійскаго патриарха Сильвестра (1724 г.).

поль, рукополагаетъ его патріархомъ и, снабдивъ нужными грамотами и приказами, посылаетъ въ Дамаскъ ⁶⁾. Такой поступокъ Константинопольскаго синода, естественно, долженъ былъ обидѣть Кирилла. Почему онъ, въ свою очередь, заручившись прошеніемъ почетныхъ гражданъ, лично отправляется въ Синодъ и добивается отъ него возвращенія для себя патріаршаго престола. Здѣсь-то и коренится причина раздора, который такъ долго тянулся между нимъ и Неофитомъ,—раздора, потребовавшего большихъ расходовъ и въ концѣ концовъ породившаго большіе долги у обоихъ Наконецъ одинъ изъ нихъ, а именно Неофитъ, уступаетъ своему противнику и добровольно отрекается отъ престола. Онъ удаляется въ Лаодикію и тутъ по истеченіи четырехъ лѣтъ умираетъ; его хоронятъ въ церкви св. Николая, у предѣла ея во имя св. Моисея Мурина... Что касается его отношеній къ Бейруту, то замѣтимъ, что Неофитъ, во время пребыванія въ Триполи ужъ послѣ своего добровольнаго отреченія, рукоположилъ бейрутскимъ епископомъ священника Макарія, хотя патріархъ Кириллъ, глава церкви, не захотѣлъ этого сдѣлать. Послѣ вышеупомянутаго Макарія въ Бейрутѣ епископомъ былъ Сильвестръ, игуменъ монастыря пророка Ильи. Онъ тоже былъ рукоположенъ не патріархомъ Кирилломъ, такъ-какъ послѣдній тогда былъ смѣненъ и отозванъ въ Константинополь, а тремя епископами. Своей епархіей Сильвестръ управлялъ десять лѣтъ (онъ погребенъ въ Бейрутѣ).

б) Борьба Кирилла съ Аѳанасіемъ, и раздоры среди паствы.

Съ именемъ митрополита Сильвестра связано воспоминаніе о новыхъ раздорахъ въ въ Антиохійской патріархіи. Нѣсколько почтенныхъ алеппинцевъ, отправившихся на поклоненіе въ монастырь св. Савы, встрѣтили тамъ монаха родомъ изъ Дамаска, по имени Аѳанасія. Скромность и другія достоинства Аѳанасія очень понравились алеппинцамъ, и они рѣшили выбрать его епископомъ въ Алеппо на мѣсто своего только-что умершаго пастыря. Но не достаточно было ихъ собственнаго желанія и выбора, необходимо было еще и законное утвержденіе со стороны патріарха. Тутъ-то и встрѣтилось препятствіе: Кириллъ отказался рукоположить его на эту должность. Тогда жители Алеппо возмутились и написали заявленіе въ Константинополь о томъ, что они не хотятъ признавать Кирилла законнымъ патріархомъ, какъ назначеннаго не канонически и, мало того, требующаго теперь отъ нихъ денегъ за утвержденіе Аѳанасія въ епископскомъ достоинствѣ. Аѳанасій лично отправился въ Константинополь съ

⁶⁾ Этотъ примѣръ двоевластія уже не первый; такъ при патріархѣ Михаилѣ (1576—82 г.) жителями города Дамаска, которыхъ онъ отлучилъ отъ церкви, какъ принимавшихъ участіе въ козняхъ противъ него, былъ рукоположенъ новый патріархъ въ лицѣ триполійскаго епископа Іоакима Дова. Припомнимъ затѣмъ рукоположеніе Кирилла, имѣвшее мѣсто незадолго до смерти Аѳанасія при наличности другого патріарха Игнатія. То же повторялось и впослѣдствіи. См. у Лебедева: Исторія Греко-Восточной церкви, т. II стр. 765. Онъ пользовался Порф. Успенскимъ, (т. I, Кіевъ 1874 г.).

этими жалобами, и поѣздка его увѣнчалась успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что онъ заручился рекомендательными письмами отъ консуловъ къ константинопольскимъ европейскимъ посланникамъ. Но, какъ тамъ ни было, онъ убѣдилъ и Синодъ, что обвиненія алеппинцевъ противъ Кирилла не ложны и синодъ назначилъ Аѳанасія патріархомъ вмѣсто Кирилла. По пріѣздѣ Аѳанасія въ Алеппо ужъ въ качествѣ патріарха, а не просто епископа, произошло разногласіе: одни оставались вѣрными Кириллу, другіе же признали Аѳанасія. Особую вражду противъ Аѳанасія проявлялъ новопосвященный Бейрутскій епископъ Сильвестръ: онъ усердно повторялъ, что Аѳанасія посвятили патріархомъ франки и что самъ Аѳанасій сдѣлался франкомъ.

Раздорами среди православныхъ искусно пользуются патеры и пытаются ввести нѣкоторыя латинскія новшества въ Халебѣ и другихъ мѣстахъ.

л. 17 — 20. Для доказательства, что Аѳанасій — франкъ, Сильвестръ увѣрялъ, будто Аѳанасій, немедленно по своемъ прибытіи въ Алеппо, сократилъ посты и великодушно разрѣшилъ христіанамъ ѣсть рыбу въ дни великаго поста и др. Это увѣреніе не имѣетъ никакого основанія и ошибочно: въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. А было вотъ что. Рукоположеніе Аѳанасія патріархомъ и возникшія, послѣ его прибытія въ Алеппо, разногласія послужили началомъ сѣянія сѣмянъ патерской ереси и распространенія ихъ ученія. Хитрые католики съумѣли соблазнить наивныя умы христіанъ Алеппо, и тѣ (не питая достаточнаго уваженія къ Аѳанасію) стали вступать въ общеніе съ католиками для обсужденія догматовъ вѣры и, между прочимъ, вопроса объ облегченіи отъ постовъ. Католики сказали алеппинцамъ, что ѣсть рыбу въ дни великаго поста позволительно; жители Алеппо и сами сильно склонялись къ этому по причинѣ стѣсненія въ пищѣ, которое замѣчалось въ вышеупомянутомъ городѣ. Но въ душѣ католиковъ таилось и другое, болѣе глубокое намѣреніе, и конечной цѣлью своихъ стремленій они поставили, чтобы мало-по-малу привлечь алеппинцевъ на сторону латинской вѣры и подчинить такимъ образомъ владычеству папы. Дѣйствія католиковъ увѣнчались успѣхомъ: большинство людей присоединилось къ ихъ общинѣ. Имъ удалось поколебать прежнюю простоту жителей и вселить въ ихъ умахъ любовь къ пьянству, чревоугодію и другимъ удовольствіямъ, которымъ они и сами предавались тайно. — Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Аѳанасія, то онъ велѣлъ христіанамъ прекратить общеніе съ католиками, перестать слушать ихъ ересь и оставить легкомысленное отношеніе къ постамъ. Слова Аѳанасія повидимому произвели впечатлѣніе на однихъ: они вняли его голосу и оставили послабленіе; другіе же изъ-за любви къ чревоугодію не оставляли ложнаго пути. Патріархъ Аѳанасій въ силу своего ума и дальновидности, дававшей ему возможность предвидѣть, къ чему можетъ привести лишняя строгость (и къ чему она насъ въ дѣйствительности и привела), пересталъ настаивать на исполненіи постовъ и закрывалъ глаза на скоромничанье алеппинцевъ, видя, что они и сами склонны къ этому. Такая разумная политика оказала свое дѣйствіе:

волненіе мало-по-малу утихло, и алеппинцы остались въ лонѣ православной церкви. За то враги Аѳанасія, слыша о его снисходительномъ отношеніи, стали говорить, что онъ принялъ латинскую вѣру (соб. что онъ франкъ). Въ сущности же онъ, какъ человѣкъ умный и терпѣливый, допускалъ все это лишь съ извѣстной цѣлью, а именно: чтобы ласковымъ обращеніемъ снова вернуть христіанъ къ своему пасенію. И нужно сказать правду: Аѳанасій поступилъ, какъ нельзя благоразумнѣе, и предпринялъ посильное рѣшеніе, какое только могъ. Главнымъ его стремленіемъ въ это время было сохранить сущность вѣры и не допустить ее погибнуть въ спорахъ, что случилось съ ней въ послѣдствіи. Опасность была большая: вышеупомянутые римскіе сподвижники, прибѣгая ко лжи и чрезмѣрной хитрости, подарками, прикрашиваніями своихъ законовъ, бесплатнымъ обученіемъ дѣтей, врачеваніемъ больныхъ и разными другими подобными средствами склонили большинство христіанъ на сторону своего ученія не только въ Алеппо, но и въ Дамаскъ, и въ Сидонъ, и въ другихъ ближайшихъ христіанскихъ общинахъ. Вообще католики обольщали христіанъ всякими почестями и привлекали ихъ къ своему заблужденію, пока христіане не дошли до того состоянія, въ которомъ находятся. За ихъ отступничество и отдѣленіе отъ насъ, за ихъ злыя рѣчи и за оказанное сопротивленіе мы назвали ихъ мятежными (нечестивцами); они же тайно называли себя католиками. Но мало того: они не только уклонились отъ ученій православной вѣры, но подчинились даже власти западной церкви.

Сидонской епископій ищетъ Серафимъ и, отринутый патриархомъ, обращается за помощью къ латинникамъ и маронитамъ.

— Враждебныя отношенія и раздоры между патриархомъ Аѳанасіемъ и Кирилломъ не прекращались, пока наконецъ дѣло не дошло снова до Константинопольскаго синода. Послѣдній, взвѣсивъ и оцѣнивъ всѣ жалобы, представленныя обвинителями, рѣшилъ дѣло въ пользу Кирилла, оставивъ все-таки Аѳанасію право пребывать въ Алеппо и носить титулъ патриарха. Ему кромѣ этого представлено было право пользоваться доходами съ деревень — Адлябъ и Киллисъ. Само собой понятно, что такое рѣшеніе лишь внѣшнимъ образомъ уладило рознь, на дѣлѣ же далеко не приводило къ желанной цѣли. Да и могло ли оно привести? Припомнимъ, что Синодомъ было вмѣнено въ непремѣнное условіе — блюсти вышеуказанное двоевластіе, пока одинъ изъ соперниковъ не умретъ. Раньше умеръ Кириллъ. Аѳанасію поэтому, послѣ смерти своего противника Кирилла, удалось вновь воспользоваться своими правами патриарха. Онъ занялъ патриаршій престолъ, но жить остался по прежнему въ Алеппо. — Что касается дѣла Бейрута, то тамъ, вскорѣ послѣ смерти Кирилла, наступила смерть Сильвестра, послѣ котораго бейрутскій епископскій престолъ оставался вакантнымъ, пока на мѣсто покойнаго не былъ назначенъ Неофитъ. Во время этого послѣдняго умеръ сидонскій епископъ Евѳимій, тотъ самый, который былъ послѣдователемъ латинской вѣры и написалъ книгу подъ заглавіемъ «Сіяющее руководство» — «الدلالة الالامعة», стараясь въ ней доказать главенство папы.

л. 22—27. Вотъ этотъ-то злосчастный Евѳимій ⁷⁾ оставилъ послѣ себя наслѣдника еще худшаго, чѣмъ онъ самъ,— племянника своего по сестрѣ, Серафима. Послѣдній со смертью своего дяди сильно желалъ быть возведеннымъ на епископскую кафедру, чтобы имѣть возможность разлить ядъ своего ученія, распространить свою ересь и, однимъ словомъ, довершить дѣло своего дяди. Онъ былъ сильно оболещенъ заблужденіями папскихъ миссіонеровъ и, воспитавшись за столомъ католиковъ, возымѣлъ страстное желаніе самому сдѣлаться владыкой и во что бы то ни стало обогатиться. А потому онъ ожидалъ только, пока ему представится удобный случай привести въ исполненіе желаемое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространить свое заблужденіе. Теперь обстоятельства какъ разъ этому благопріятствовали. И вотъ Серафимъ послѣ смерти своего дяди беретъ съ собой солидные подарки и направляется въ Алеппо къ патріарху Аѳанасію, съ намѣреніемъ просить у него для себя рукоположенія въ Сидонъ на мѣсто своего дяди. Но это ему не удается, потому что патріархъ Аѳанасій вѣдь зналъ еретическое направленіе мыслей дяди Серафима и соблазнъ, который таился въ его сердцѣ. Онъ зналъ и то, что Серафимъ также проникнутъ всецѣло смертоноснымъ ядомъ римскихъ проповѣдниковъ и убѣжденіями своего дядюшки, который раньше, при своей жизни, слишкомъ уже надоѣдалъ и ставилъ въ затруднительное положеніе патріарха Аѳанасія, не смотря на то, что этотъ послѣдній неоднократно давалъ Евѳимію добрые совѣты и увѣщевалъ его своими многочисленными письмами. Письма эти не оказали на Евѳимія никакого вліянія, и онъ не послѣдовалъ совѣтамъ патріарха Аѳанасія, такъ что тотъ, узнавъ теперь о смерти Евѳимія, въ душѣ даже обрадовался. И вотъ для того чтобы остальные православные христіане не были введены въ заблужденіе относительно его настоящаго образа мыслей, патріархъ не принялъ подарковъ и не даровалъ Серафиму желаемого: онъ его не рукоположилъ епископомъ, но тотчасъ же назначилъ другого и отправилъ въ Сидонъ. Однимъ словомъ, Серафимъ обманулся въ своихъ надеждахъ и долженъ былъ удалиться обратно. Но врагъ человѣческой — шайтанъ — не переставалъ ему внушать мысль сдѣлаться епископомъ, хотя Серафимъ могъ быть увѣренъ, что ему не удастся достигнуть этого безъ разрѣшенія патріарха. Но такъ-какъ прямо на патріарха разчитывать было нечего, то онъ рѣшилъ обратиться за ходатайствомъ къ кому-нибудь изъ правителей. Былъ тогда правителемъ горы Шуфъ эмиръ Хайдаръ Шхѣбскій, маронитъ. Серафимъ взялъ съ собой богатые подарки и большую сумму денегъ и поѣхалъ къ нему, (а надо сказать, что и римское духовенство, находящееся при вышеупомянутомъ эмирѣ, къ этому времени сдѣлало значительные шаги впередъ въ успѣхахъ ходатайства передъ послѣднимъ). Представивши по-

⁷⁾ Объ этомъ Сидонскомъ архіереѣ Евѳиміи, который въ числѣ первыхъ сталъ на сторону папскаго ученія и сдѣлался «первымъ послѣдователемъ появившихся тогда въ Сиріи папскихъ мудрованій», см. въ трудѣ проф. Лебедева, стр. 769, который беретъ свѣдѣнія изъ Порфирія Успенскаго, т. I, Кіевъ 1874 г., стр. 99—100.

дарки эмиру, Серафимъ склоняетъ его позвать бейрутскаго епископа Неофита для того, чтобы тотъ рукоположилъ его-Серафима епископомъ. Эмиръ соглашается, посылаетъ привести митрополита насильно (послѣдній не соглашался на рукоположеніе, но вѣдь Бейрутъ находился тогда подъ управленіемъ этого эмира) и приказываетъ ему рукоположить Серафима въ епископы. Митрополитъ на такое требованіе эмира отвѣтилъ, что «во-первыхъ, онъ можетъ сдѣлать это только по приказанію самого патріарха, а, во-вторыхъ, каноническія правила не допускаютъ, чтобы одинъ епископъ самостоятельно могъ рукополагать другого въ такое достоинство; напротивъ, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ рукополагающихъ должно быть, по меньшей мѣрѣ, трое». Эмиръ, по полученіи отвѣта такого содержанія, увѣдомилъ Серафима. Послѣдній не удовлетворяется вышеупомянутымъ отвѣтомъ и вторично проситъ эмира, прибѣгая въ этомъ случаѣ уже къ содѣйствию приближенныхъ и совѣтчиковъ эмира, которыхъ онъ задариваетъ подарками и деньгами. (Образъ дѣйствій папскихъ монаховъ и вліяніе послѣднихъ на маронитскую общину извѣстны). Приближенные, дѣйствительно, оказали воздѣйствіе на эмира, упросивъ его повліять на Неофита и склонить къ рукоположенію Серафима въ епископы безъ разрѣшенія патріарха. А кромѣ того, если Неофитъ станетъ отговариваться тѣмъ, что одинъ епископъ не можетъ рукополагать другого, то убѣдить его тѣмъ соображеніемъ, что въ крайнихъ случаяхъ два епископа могутъ рукоположить одного, и послать за находящимся въ это время въ горахъ Кясруана армяно-католическимъ епископомъ: оба они и совершатъ рукоположеніе. Эмиръ послалъ за вышеупомянутымъ епископомъ, и тотъ было явился, но, когда понялъ цѣль и сущность дѣла, затѣваемаго эмиромъ, сталъ отказываться отъ совершения такого рукоположенія, какъ неканоническаго. Эмиръ былъ недоволенъ подобнымъ заявленіемъ, а потому, призвавши обоихъ — и католическаго и православнаго — епископовъ, сталъ угрожать имъ смертию въ случаѣ отказа рукоположить Серафима въ епископское достоинство. Неофитъ, услышавъ насильственное требованіе со стороны эмира, предъявленное подъ вліяніемъ римскихъ монаховъ и произнесенное въ присутствіи же самого претендента, обратился къ Серафиму и спросилъ: «Въ какую жъ епархію мы тебя рукоположимъ! вѣдь всѣ мѣста на должность епископа въ антioxійскихъ епархіяхъ заняты!» Серафимъ отвѣтилъ: «въ Кесарію Каппадокійскую». На это Неофитъ возразилъ, что указанная имъ епархія находится подъ вѣдомствомъ Константинопольскаго патріарха, и что на ея престолѣ сидитъ архіепископъ, который признается главнымъ изъ епископовъ Востока. Выслушавъ эти слова, претендентъ сказалъ Неофиту: «ну, такъ рукоположи меня на какую тебѣ угодно». Послѣ всѣхъ подобныхъ разсужденій эмиръ все-таки приказалъ епископамъ отправиться съ Серафимомъ и рукоположить его. Вмѣстѣ съ ними онъ послалъ также своихъ слугъ, дѣлая это по личному требованію Серафима.

Подъ давленіемъ эмира-маронита бейрутскій-православный и армяно-католическій епископы, напившись до-пьяна, совершаютъ рукоположеніе Серафима въ сайдскіе епископы, но при этомъ произносятъ на него анаѳему.

И вотъ они отправились. Во время пути оба епископа не переставали отлучать Серафима и всячески надругаться надъ послѣднимъ. Издѣвательства, впрочемъ, не оказали никакого воздѣйствія на Серафима: желаніе сдѣлаться епископомъ было у него очень сильно. Но прежде чѣмъ они успѣли дойти до деревни, въ которой рѣшено было остановиться, ихъ застигла дурная погода, и пошелъ сильный дождь. Тогда Серафимъ упротилъ свиту эмира склонить епископовъ расположиться на ночлегъ въ близъ находящейся пещерѣ. Сдѣлалъ онъ это потому, что не хотѣлъ, чтобы епископы искали убѣжища въ какомъ-нибудь изъ сосѣднихъ селеній и провели тамъ ночь до утра. Ему это удалось, и они согласились пріютиться въ пещерѣ... Серафимъ же для такого случая припасъ много ѣды и вина въ мѣхахъ. А потому, расположившись здѣсь въ пещерѣ, они поужинали и напился до пьяна. Моментъ былъ благопріятенъ, и Серафимъ не преминулъ воспользоваться удобнымъ случаемъ; онъ обошелъ слугъ эмира, ослѣпивъ ихъ взятками, что впрочемъ и не трудно было сдѣлать въ виду ихъ опьяненія, и побудилъ къ совершенію насилія надъ епископами съ цѣлью такимъ хотя путемъ заставить послѣднихъ рукоположить себя въ епископы внутри этой пещеры. Въ самомъ дѣлѣ, Серафимъ могъ рассчитывать и побаиваться, какъ бы епископы, прибывши въ сосѣдную деревню, не попросили тамъ помощи у христіанъ; естественно, рукоположеніе Серафима тогда было-бы отложено. Слуги эмира, принявъ подарки, стали настаивать и требовать отъ епископовъ совершенія рукоположенія надъ Серафимомъ въ вышеупомянутой пещерѣ. Тѣ, видя насильственное требованіе со стороны пьяныхъ слугъ эмира и, сознавая, что они осквернены пьянствомъ, обратились къ Серафиму съ слѣдующей рѣчью: «О ты, несчастный,— тотъ, на кого обрушился гнѣвъ Божій! Вѣдь мы находимся не въ церкви, а въ пещерѣ, мало того—мы всѣ пьяны; какимъ же образомъ можетъ быть совершено надъ тобой рукоположеніе въ епископы?» Серафимъ отвѣтилъ: «каково-бы ни было,—пусть будетъ». Епископы, убѣдившись во очію въ его чрезмѣрномъ безстыдствѣ, облачились въ епитрахили и омофоры и, во гнѣвѣ стали совершать отлученіе надъ Серафимомъ, прося Всевышняго наказать его за подобное насмѣяніе надъ таинствомъ и за его великое злодѣйство. Такимъ образомъ, рукоположеніе Серафима оказалось не рукоположеніемъ, а анаѳемой и поруганіемъ. — Самъ же претендентъ, желая добиться разъ намѣченной цѣли, хотя и слышалъ все это, но не проронилъ ни слова. По совершеніи этого, всѣ легли спать и спали до наступленія слѣдующаго дня. На разсвѣтѣ свита эмира отправилась обратно къ себѣ во свояси, а каждый изъ епископовъ возвратился въ свою епархію. Что касается Серафима, то онъ вышелъ изъ пещеры подобно хитрой лисицѣ и подобно ехиднѣ, извергающей смертоносный ядъ.

Борьба патріарха Аѳанасія съ католическими интригами продолжается до самой его смерти

л. 28—30. Аѳанасій послѣ смерти своего соперника патріарха Кирилла, получивъ, по рѣшенію Константинопольскаго синода, патріаршій столъ, не захотѣлъ перебраться въ Дамаскъ, но предпочелъ остаться въ Алеппо. Священнику же своему Герасиму, котораго онъ посвятилъ въ Алеппскіе епископы, приказалъ поселиться въ Дамаскъ. Но этому всячески постарались помѣшать жители города Алеппо, побуждаемые къ тому тайными воздѣйствіями европейскихъ монаховъ. Они хотѣли, во что бы то ни было, отдѣлаться отъ своего патріарха и потому, войдя въ соглашеніе съ вышеупомянутымъ Герасимомъ, убѣждали его дѣйствовать въ свою пользу, т. е., другими словами, склоняли его къ тому, чтобы онъ перешелъ изъ Дамаска въ свой Алеппо. Послѣднее обстоятельство было бы для нихъ очень кстати: они могли бы тогда успѣшнѣй пропагандировать католическое ученіе, такъ-какъ Герасимъ самъ тайно былъ къ нему склоненъ. Желаніе ихъ осуществилось и на дѣлѣ. Патріархъ вновь настаивалъ, чтобы Герасимъ уѣхалъ въ Дамаскъ, но тотъ отказывался и выставлялъ предлогомъ то, что онъ не можетъ оставить своей паствы. Такой образъ дѣйствій со стороны Герасима не былъ желательнымъ для патріарха; опечалившись, онъ показалъ видъ, какъ будто отправляется въ Дамаскъ, но на самомъ дѣлѣ было иначе: патріархъ отправился въ Константинополь съ цѣлью принести тамъ жалобу на Герасима. Поѣздка его увѣнчалась успѣхомъ: Герасимъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ на островъ Лимносъ (?)⁸⁾. Когда патріархъ, совершивши путешествіе за милостыней по Валахїи и Молдавіи, вернулся въ Алеппо, жители встрѣтили его съ торжествомъ и съ покорностью.

л. 30—32 Да будетъ тебѣ извѣстно, читатель, что все это произошло въ силу ловкихъ продѣлокъ римскихъ миссіонеровъ, не останавливавшихся передъ примѣненіемъ всевозможныхъ средствъ, лишь бы только привлечь алеппинцевъ въ число послѣдователей своей вѣры. Такъ, когда они видали безсильное положеніе патріарха, они побуждали алеппинцевъ къ открытому неповиновенію и къ нечестію. Напротивъ, когда католики видѣли перевѣсъ на сторонѣ патріарха, то научали жителей Алеппо лицемѣрію передъ священниками, убѣждая ихъ ходить въ церковь, исповѣдываться у православныхъ служителей и вообще облекаться въ одежду агнцевъ; но при этомъ они облегчили имъ исполненіе постовъ, позволивъ предаваться страстямъ и другимъ запрещеннымъ вещамъ, чтобы при помощи такихъ средствъ имѣть надъ ними постоянную власть. Пуская въ ходъ свою хитрость и проницательность, они втянули алеппинцевъ такимъ искуснымъ способомъ въ подчиненіе папѣ, пославшему ихъ. Что касается патріарха Аѳанасія, то онъ зналъ обо всемъ этомъ, и сердце его горѣло огнемъ при видѣ смѣшенія алеппинцевъ съ папскими посланниками. Но его неустанное наблюденіе за ихъ

⁸⁾ Въ текстѣ написано: Л-и-м-и, такъ-что нельзя съ точностью установить названіе мѣста его ссылки.

дѣлами, произносимыя наставленія и всяческія запрещенія не приносили ровно никакой пользы. Спустя нѣкоторое время онъ скончался и былъ погребенъ въ Алеппо. Послѣ его смерти нашлись такіе люди, которые взводили на него обвиненія въ приверженности къ мнѣнію заблуждающихся католиковъ и ихъ ереси. Такое утвержденіе, само собой понятно, могло поддерживаться развѣ сторонниками Кирилла, но въ дѣйствительности ничего подобнаго не было: Аѳанасій не былъ согласенъ съ этимъ нечистымъ ученіемъ и лишь поневолѣ, какъ мы упомянули выше, долженъ былъ показывать видъ, что не замѣчаетъ уклоненія алеппинцевъ въ постахъ, и обходиться съ ними ласково и гуманно, чтобы хотя такимъ образомъ имѣть возможность и средство, не выпускать ихъ изъ-подъ своей власти, какъ это случилось въ концѣ-концовъ при другихъ патріархахъ. Со стороны жъ католиковъ такіе наговоры практиковались часто и вошли даже въ привычку: какъ только умиралъ какой-нибудь православный, въ силу своего миролюбиваго характера не вступавшій съ ними въ споръ, то они говорили, будто онъ умеръ приверженцемъ ихъ ереси. «Да онѣмѣютъ уста лживыя, которыя противъ праведника говорятъ злое съ гордостью и презрѣніемъ. (Псаломъ XXX, 19)». Какъ бы предвидя возможность такихъ толковъ о себѣ, патріархъ Аѳанасій во время своей болѣзни по божественному внушенію уже высказывалъ это находившемуся тогда въ Алеппо священнику Петру изъ Каира, настоятелю монастыря св. Георгія Хумейра, котораго онъ во все время своей тяжелой болѣзни не отпускалъ отъ себя. И потому всякій разъ, какъ у постели патріарха находились архіепископы города Алеппо, приходившіе навѣщать его по случаю болѣзни, онъ приказывалъ позвать къ себѣ вышеупомянутаго православнаго священника и говорилъ: «Подойди и прійми отъ меня исповѣдь». Повторялось это неоднократно, въ силу чего священникъ какъ-то обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: «Зачѣмъ, Владыка, ты все призываешь меня и заставляешь принимать отъ тебя исповѣдь, дѣлая это именно тогда, когда у твоего святѣйшества находятся эти архіепископы?» На его слова патріархъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Да будетъ тебѣ извѣстно, что они, вслѣдствіе моего снисходительнаго къ нимъ отношенія, порождаемаго моею челоувѣчностью, послѣ моей смерти станутъ увѣрять, будто я умеръ, исповѣдывая при жизни ихъ ученіе, а потому, чтобы разсѣять ихъ заблужденія относительно моихъ настоящихъ помысловъ, я и позвалъ тебя, зная твою сильную къ нимъ ненависть; — да пусть и они это знаютъ!» Онъ умеръ въ святой православной вѣрѣ. Священникъ же, неотлучно находившійся при постели больного, лично повѣдалъ о словахъ патріарха многимъ лицамъ, заслуживающимъ довѣрія.

Послѣ смерти Аѳанасія епископъ сидонскій Серафимъ стремится къ патріаршеству, получивши посвященіе отъ католическаго патера.

л. 32—35. Разказы объ этомъ, послѣ смерти вышеупомянутаго патріарха, дошли и до Серафима, того самого, который получилъ рукоположеніе въ епископы въ пещерѣ, а вѣрнѣе сказать, того самого, который подвергся насмѣшкамъ и всяческимъ поруганіямъ со стороны какъ армяно-католиче-

скаго, такъ и православнаго епископовъ, и который удалился въ горы Ливанскія и тамъ сталъ распространять свое ученіе, равно какъ и слухъ о своемъ рукоположеніи въ епископы. Онъ началъ заботиться о постройкѣ монастыря на упомянутыхъ горахъ, который и назвалъ впоследствии монастыремъ Спасителя: Дейр-эль мохаллес. Въ немъ Серафимъ собралъ всѣхъ злосчастныхъ монаховъ, согласныхъ съ его лжеученіемъ, какъ изъ Дамаска, такъ и изъ прочихъ мѣстъ. Но однимъ этимъ дѣло не ограничилось: этотъ достойный насмѣшки человекъ не переставалъ и въ другихъ мѣстахъ проповѣдывать ученіе, противное православной вѣрѣ. Смерть патріарха Аѳанасія представилась злосчастному Серафиму очень удобнымъ случаемъ, и вотъ онъ, недовольный обладаніемъ только епископскаго достоинства, стремится стать еще и патріархомъ, чтобы воспользоваться еще большей свободой для всенароднаго распространенія своего нечистаго ученія.

У Серафима былъ братъ, по имени Таразія-паша, состоящій въ то время на службѣ у губернатора Сиріи и пользовавшійся особымъ вниманіемъ и расположеніемъ этого визиря. Имѣя въ виду значеніе Таразія у послѣдняго, Серафимъ пишетъ къ нему посланіе, въ которомъ совѣтуетъ отправиться къ правителю съ цѣнными подарками, склонить его на свою сторону и затѣмъ получить отъ него разрѣшеніе на отправленіе его-Серафима въ Дамаскъ, столицу Сиріи, въ качествѣ патріарха. Къ этому Серафимъ прибавляетъ, что онъ-де уже выбранъ для занятія вакантнаго престола послѣ смерти антїохійскаго патріарха; словомъ онъ убѣдительно просилъ брата приложить всѣ старанія для достиженія успѣшныхъ результатовъ въ этомъ дѣлѣ.

Что касается упомянутаго несчастнымъ Серафимомъ избранія его въ патріархи, то это было дѣло хуже и гнуснѣе, чѣмъ даже его посвященіе въ епископскій санъ. Произошло вотъ что. Серафимъ написалъ главѣ римскихъ миссіонеровъ капуцинскаго ордена письмо, въ которомъ обѣщалъ послѣднему, въ случаѣ своего рукоположенія въ патріархи, подчинить всѣхъ православныхъ ученію западной церкви. На это посланіе капуцины отвѣтили Серафиму: «Если ты дашь мнѣ слово и обѣщаніе, что при исповѣданіи вѣроученія западной церкви съумѣешь сохранять обряды церкви восточной, то я имѣю власть назначить тебя патріархомъ хоть сейчасъ». Отвѣтъ такого содержанія со стороны вышеупомянутаго капуцина, посланника запада, былъ высказанъ со злымъ расчетомъ. Расчетъ былъ такой: дѣлая всевозможныя внѣшнія уступки простымъ и наивнымъ христіанамъ, склоннымъ по одному внѣшнему отсутствію разницы въ обрядахъ предположить, что и по существу въ обѣихъ вѣрахъ нѣтъ разногласія, легче будетъ привлекать ихъ такимъ способомъ на сторону своего ложнаго ученія. Серафимъ, прочитавъ заявленіе о подобномъ требованіи, направился къ патеру⁹⁾, и охотно согласился на все. Тогда капуцины дунули ему въ лицо и сказали: «по данной

⁹⁾ Въ текстѣ сказано: «услыхавъ», какъ будто бы Серафимъ лично присутствовалъ при отвѣтѣ капуцина, между тѣмъ раньше говорилось, что послано было письмо. Затруднительна связь и съ слѣдующей фразой: «тогда капуцины дунули ему въ лицо». Приходится поэтому вставить для связи: «прочитавши, направился къ патеру»....

мнѣ благодати отъ Бога и по власти, которою я облеченъ отъ римскаго папы,—я рукополагаю тебя патріархомъ надъ великой Антиохіей и надъ прочимъ Востокомъ». Вотъ на этомъ основаніи Серафимъ, какъ было упомянуто немного раньше, написалъ своему брату о назначеніи себя въ патріархи.

П р и м ѣ ч а н і е.

л. 34—35. Вышесказанное свидѣтельство исходитъ отъ католическаго же священника Михаила Джарбу'а алеппинскаго, брата митрополита Игнатія Джарбу'а. Взгляни же, читатель, на этого несчастнаго Серафима и на его посмѣяніе надъ божественными вещами. Какъ онъ жалокъ! А равно, пусть и тѣ, которые согласны съ ученіемъ Серафима, отвѣтятъ намъ и докажутъ его право на патріаршество, а что еще важнѣе, вообще на священство. Неужели у нихъ допустимы такія гнусныя дѣянія и развѣ гдѣ-нибудь бывало, чтобы патеръ-капуцинъ однимъ дуновеніемъ человѣку въ лицо могъ сдѣлать его патріархомъ?! Да, наконецъ, рѣшился-ли кто-нибудь черезъ подобное дуновение получить избраніе даже въ дьяконы! Надо удивляться, какъ только эта «хитрая змѣя» могла рѣшиться подобнымъ образомъ пролѣзть въ патріархи. Какъ велико Твое долготерпѣніе, Владыко нашъ Иисусе Христе! и какъ велика Твоя милость! А если у католиковъ явится желаніе отрицать вышеприведенное сообщеніе, то вѣдь вотъ же свидѣтельство ихъ собственнаго священника, признаннаго представителя католицизма. Очень возможно, что будущее ихъ поколѣніе станетъ отрицать это старое свидѣтельство, но ихъ отрицаніе врядъ-ли принесетъ какую-нибудь пользу: свидѣтельство ихъ же священника Михаила, какъ цѣпь, будетъ переходить отъ одного поколѣнія къ другому—то въ письменномъ изложениі, то въ устной передачѣ; отъ современниковъ оно въ формѣ такихъ сообщеній дошло до насъ,—ну, и послѣ насъ, если то будетъ угодно Богу, останется предметомъ вѣчнаго воспоминанія объ ихъ униженіи и позорѣ.

Серафимъ по губернаторскому фирману, пріѣзжаетъ въ Дамаскъ.

л. 35—36. Братъ Серафима Таразіій немедленно по полученіи увѣдомленія отъ Серафима отправляется къ визирю съ великолѣпными подарками и старается склонить его своими просьбами поступить согласно плану, задуманному и предначертанному его злокозненнымъ братомъ въ своемъ письмѣ. Визирь уступаетъ просьбѣ Таразія и выдаетъ фирманъ, разрѣшающій его брату явиться въ Дамаскъ, не унывая ни сердцемъ, ни душой. Естественно, получивъ такой благопріятный отвѣтъ, Серафимъ тотчасъ же направился въ Дамаскъ и съ роскошными подарками явился къ визирю. Послѣдній успокоилъ Серафима въ его стремленіяхъ и въ свою очередь отплатилъ ему подаркомъ (خلع عليه). Такимъ путемъ Серафимъ добился своего и занялъ патріаршество. Въ Дамаскѣ находилось тогда два православныхъ епископа. Но ни оба православные епископы, ни священники, ни простой народъ не вступали съ нимъ въ сношенія, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ обманутыхъ и соблазненныхъ римскими сподвижниками, да и то впрочемъ старающихся скрывать это и внѣшне выказывать себя приверженцами православія.

Успѣхи латинства въ Дамаскѣ еще до его пріѣзда, со временъ Макарія.

л. 36—37. Дамаскинцы уклонялись въ латинство раньше алеппинцевъ, причину чего мы ужъ указывали выше. Начало ихъ переходовъ на сторону латинской вѣры совершилось впервые во дни блаженной памяти патріарха Макарія. Первый, кто посѣялъ эту ересь, былъ фратеръ-капуцинъ, по имени Мальвинъ. Онъ, вводя своимъ поведеніемъ въ заблужденіе патріарха Макарія, часто посѣщалъ послѣдняго и проводилъ время въ бесѣдахъ съ нимъ. Патріархъ даже приблизилъ его къ себѣ, прельщенный тѣми достоинствами, какія онъ старательно передъ нимъ выказывалъ. Но и это еще не все. Мальвину удалось добиться гораздо большаго. Онъ, съ одной стороны, при помощи обманчиваго поведенія, о которомъ мы только что упомянули, а съ другой—прибѣгая и ко многимъ другимъ подобнымъ средствамъ, добился отъ патріарха разрѣшенія не только для себя лично на частыя посѣщенія домовъ христіанъ, но и для своихъ товарищей. Патріархъ не препятствовалъ этому, равно какъ и не запрещалъ христіанамъ принимать послѣднихъ въ своихъ жилищахъ. Причину этого нужно видѣть въ томъ, что Макарій, по чистотѣ своихъ сердечныхъ помысловъ, не могъ даже допустить мысли о возможности скриванія зла въ сердцахъ подобныхъ хищниковъ. Такое посѣщеніе и распространеніе лжеученія продолжалось до смерти патріарха Макарія. Мы знаемъ, что на его мѣсто въ патріаршій санъ былъ возведенъ Кирилль. При немъ Мальвинъ могъ пользоваться еще большей свободой въ своихъ дѣяніяхъ, вслѣдствіе расположенія къ себѣ этого патріарха, и онъ еще чаще сталъ посѣщать самого патріарха и жилища христіанъ. Сильное расположеніе патріарха къ Мальвину объяснялось тѣмъ, что Кирилль помнилъ о любви своего дѣда къ нему. Благодаря продолжительнымъ и постояннымъ посѣщеніямъ домовъ христіанъ какъ со стороны самого Мальвина, такъ и со стороны его сообщниковъ-патеровъ, а также благодаря эффектнымъ софизмамъ и умѣнью незамѣтно разливать ядъ своихъ ложныхъ ученій, папскіе сподвижники посѣяли ересь въ умахъ нѣкоторыхъ православныхъ. Такимъ образомъ они продолжали сѣять и посѣяли не мало плевеловъ на Божьемъ полѣ вплоть до появленія Серафима въ Дамаскѣ.

При помощи мусульманской полиціи Серафимъ водворяется на патріаршествѣ и насильно требуетъ себѣ присяги отъ негодующихъ православныхъ.

л. 39—40. По пріѣздѣ своемъ въ Дамаскѣ Серафимъ былъ встрѣченъ со всевозможнымъ почетомъ вышеупомянутыми патерами, которые не замедлили повѣдать ему обо всѣхъ помыслахъ, скрытыхъ въ ихъ грязныхъ сердцахъ. Что касается двухъ епископовъ и священниковъ, о которыхъ рѣчь шла немного выше, то они не только не явились на зовъ Серафима, но, напротивъ, совсѣмъ скрылись. Тогда Серафимъ послалъ къ нимъ нѣсколь-

кихъ перешедшихъ на его сторону христіанъ, съ фирманомъ отъ визиря, приказавъ извлечь епископовъ и священниковъ изъ мѣстъ, въ которыхъ они укрылись. Дѣйствительно, посланные найдя епископовъ и священниковъ въ ихъ убѣжищахъ, силой потащили ихъ по улицамъ, совершая надъ ними всевозможныя издѣвательства, на глазахъ у мимо проходившаго народа, — издѣвательства, продолжавшіяся до самого момента прибытія посланныхъ къ патріаршему подворью. Здѣсь Серафимъ, явившись въ церковь и взойдя на патріаршій престолъ, повелѣлъ визирской полиціи ввести только-что приведенныхъ епископовъ и священниковъ и заставить послѣднихъ провозгласить ему: «исполла эти деспота». Какое позорное зрѣлище могло представиться твоимъ глазамъ, читатель! Внутри церкви около святого престола и, по обѣ стороны, на клиросахъ находилась толпа войска съ оружіемъ и палками въ рукахъ. И все-таки тамъ же, внутри церкви св. Господа, ты могъ бы услышать въ поднявшемся сильномъ гамѣ, что Серафимъ есть «воръ-похититель патріаршескаго достоинства, который подобно рыкающему льву возсѣдаетъ на престолѣ патріаршемъ и отдаетъ повелѣнія о наказаніи словно царь Навуходоносоръ, принуждавшій народъ и юношей къ преклоненію передъ изображеніями идоловъ, которыхъ онъ воздвигъ для себя». Такъ и этотъ несчастный принуждалъ епископовъ и священниковъ преклоняться передъ собой и приносить себѣ повиновеніе, угрожая наказаніемъ тѣмъ, которые вздумали-бы отказаться отъ принесенія покорности. Совершивъ такое насиліе надъ приведенными священниками и епископами и отославъ солдатъ, Серафимъ и самъ отправился въ подворье. Съ этого момента онъ сталъ называть себя патріархомъ и далъ себѣ вмѣсто Серафима имя Кирилла. Извѣстенъ онъ подъ именемъ Кирилла Танаса. Водворившись, Кириллъ Танасъ сталъ вступать въ сношенія съ христіанами, придерживающимися догматовъ православной вѣры, съ цѣлью склонить ихъ къ своему нечистому ученію, грозя и запугивая непокорныхъ наказаніемъ и мученіемъ. Конечно, результатомъ подобныхъ дѣйствій было то, что одни изъ нихъ, которыми овладѣлъ страхъ и угрозы или которые дали католикамъ обмануть себя ложными софизмами, склонились на сторону новаго патріарха; другіе же, оставшіеся вѣрными православному ученію, перестали даже посѣщать церковь, гдѣ загнивалось латинство, но, переживая подобныя несчастія и испытанія, въ душѣ молились объ избавленіи Всевышнему Богу, который нѣкогда освободилъ отроковъ отъ печи огненной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Серафимъ послалъ указъ всѣмъ епископамъ антїохійской епархіи, объявляя въ немъ о своемъ утвержденіи на патріаршемъ антїохійскомъ престолѣ, чтобы они его признали, повиновались и произносили его имя во время службъ. При чемъ прибавилъ, что всѣхъ, кто вздумаетъ отказаться отъ исполненія его требованій, онъ низложитъ съ епархіи и на ихъ мѣсто пошлетъ людей, признающихъ его. Такъ вѣдь изстари поступали еретики въ тѣхъ случаяхъ, когда епископскій престолъ дѣлался вакантнымъ самъ собою или вслѣдствіе низложенія людей, твердыхъ въ вѣрѣ. Непокорныхъ Серафимъ грозилъ удалить силою мірской власти.

По жалобѣ православныхъ епископовъ Константинопольскій Синодъ назначаетъ надъ ними патриархомъ Сильвестра (1724). Серафимъ убѣгаетъ на Ливанъ.

л. 40—41. Православные епископы ничего не отвѣтили теперь Серафиму на его заявленіе, потому что еще раньше, до полученія извѣстнаго намъ указа, они отправили въ святѣйшій Константинопольскій синодъ посланіе, въ которомъ сообщали о смерти патриарха Аѳанасія, о возмутительныхъ дѣяніяхъ вора-Серафима, насильно завладѣвшаго патриаршимъ саномъ, о его насильственномъ входѣ въ патриаршее подворье Дамаска и о другихъ продѣлкахъ со стороны послѣдняго. Они сообщили также о цѣли его появленія и провозглашенія себя патриархомъ, равно и то, что онъ не оставляетъ Дамаска; при этомъ они просили Синодъ рукоположить для нихъ другого патриарха и прислать его немедленно. Синодъ, получивши письмо, единодушно, по божественному внушенію Святого Духа, остановился въ своемъ выборѣ на Сильвестрѣ, святость и кротость котораго, какъ человека безукоризненнаго, была ему извѣстна. Это тотъ самый Сильвестръ, который при патриархѣ Аѳанасіи былъ сначала дьякономъ, а затѣмъ при поѣздкѣ патриарха изъ Алеппо въ Константинополь и изъ Константинополя въ Румынію—священникомъ; затѣмъ онъ получилъ отъ патриарха позволеніе отправиться на монашество во святую гору, гдѣ онъ и оставался долгое время, совершенствуясь въ огнѣ чистой вѣры. Синодъ, выбравъ Сильвестра, послалъ ему извѣщеніе о пріѣздѣ въ Константинополь. Получивъ такой приказъ, Сильвестръ не противился рѣшенію Синода, но, напротивъ, по божественному внушенію, тотчасъ же прибылъ и былъ рукоположенъ въ патриархи на антійхійскую кафедру. Произошло это въ 1724 году. Затѣмъ, по рукоположеніи, члены Синода вручили Сильвестру обычные султанскіе приказы вмѣстѣ съ фирманомъ объ изгнаніи вора-Серафима, реченнаго Кирилла. Когда слухъ о назначеніи патриархомъ Сильвестра дошелъ до несчастнаго притѣснителя, силой завладѣвшаго патриаршимъ престоломъ, то онъ, порочный воръ-насилникъ, похитилъ все, что только нашелъ въ церкви и патриаршемъ подворьѣ, а именно: церковныя одѣянія, митры, кресты, чаши, дискосы, и всю священную утварь, представлявшую собою значительную цѣнность, въ особенности тѣ вещи, которыя привезъ съ собою блаженной памяти патриархъ Макарій изъ русскихъ городовъ ¹⁰⁾, бѣжалъ на гору Кясруанъ и тамъ нашелъ убѣжище.

Строгость Сильвестра возбуждаетъ алеппинцевъ противъ него. Покушеніе на его жизнь.

л. 41—44. Что касается патриарха Сильвестра, который по прибытіи въ Алеппо былъ встрѣченъ жителями города съ величайшими почестями,

¹⁰⁾ Макарій два раза ѣздилъ въ Россію. Первое путешествіе Макарія въ Россію описано его сыномъ Павломъ Алеппскимъ. Наилучшая рукопись—та, съ которой сдѣланъ англійскій переводъ Бельфора (Лонд. 1829—1836). Съ этого англійскаго перевода сдѣланъ рукописный русскій — Полуденскаго — и хранится въ московскомъ Архивѣ Министерства Иностраннхъ Дѣлъ вмѣстѣ съ новой, очень плохой арабской рукописью. По этой рукописи, повидимому, по русскому переводу Полуденскаго напечатанъ новый русскій переводъ . Муркоса (М. 1896—1900).

то онъ, узнавъ о дѣянiяхъ вора-Серафима, пробылъ здѣсь только нѣскольکو дней и направился въ Дамаскъ. Жители этого города тоже приняли его съ большимъ почетомъ, такъ что это подѣйствовало даже на отступившихъ и выказывавшихъ себя сторонниками Серафима. Они снова вернулись къ исповѣданiю правой вѣры и просили прощенiя у блаженнаго Сильвестра. Патрiархъ сильно негодовалъ, узнавъ о томъ, что воръ-Серафимъ, похитивъ церковныя сокровища, спасся бѣгствомъ, и зъ особенности отъ того, что чувствовалъ себя безсильнымъ заставить Серафима возвратить всѣ похищенныя вещи. Сильвестръ только два мѣсяца оставался въ Дамаскѣ, а затѣмъ отправился обозрѣвать свою епархiю.

Это путешествiе продолжалось полтора года, по истеченiи которыхъ патрiархъ прiѣхалъ снова въ Алеппо; онъ рѣшилъ остаться здѣсь по примѣру своего предшественника и учителя Аѳанасiя и устроить здѣсь патрiаршiй престолъ. Алеппинцы, какъ и въ первый разъ при прiѣздѣ Сильвестра, приняли его съ большимъ почетомъ. И вотъ, оставаясь тутъ долгое время, патрiархъ началъ обличать жителей и настаивать на томъ, чтобы они совершенно не принимали въ своихъ домахъ католиковъ, не водили знакомства съ ними и отказались отъ дружбы. Равнымъ образомъ онъ убѣждалъ ихъ помнить и воздерживаться отъ ѣды рыбы въ великiй постъ и въ каждую среду и пятницу, т.-е. поступать согласно съ постановленiями святой церкви; что же касается постовъ рождественскаго и апостольскаго — то патрiархъ совѣтовалъ исполнять ихъ по уставу св. отцовъ, не смотря ни на какiя трудности. При этомъ онъ грозилъ имъ, въ случаѣ уклоненiя отъ исполненiя такихъ заповѣдей, подвергнуть всѣхъ церковному и мiрскому отлученiю, полагая, что, можетъ быть, хотя такими мѣрами ему удастся возвратить ихъ отъ заблужденiя на истинный путь. Но въ дѣйствительности получилось какъ разъ противоположное. Такiя крутыя мѣры со стороны патрiарха породили въ сердцахъ жителей только гнѣвъ и раздраженiе, какъ нѣкогда обличенiе Господа нашего Иисуса Христа вселило раздраженiе въ сердцахъ iудеевъ, книжниковъ и фарисеевъ, когда Онъ сталъ указывать на заблужденiя ихъ. И вотъ алеппинцы, подобно iудеямъ, стали совѣщаться и замышлять зло противъ него, а пока, до конечнаго рѣшенiя, перестали только посѣщать церкви и патрiаршее подворье. Дѣло въ томъ, что въ ихъ сердцахъ укоренилось сѣмя ученiя римскихъ миссiонеровъ, и послѣднiе уже успѣли заронить въ ихъ умахъ свои заблужденiя....

Наконецъ, когда патрiархъ Сильвестръ прогуливался какъ-то въ одномъ изъ своихъ садовъ, злоумышленники собрались и рѣшили его убить здѣсь, какъ нѣкогда iудеи собрались противъ нашего Господа Христа. Выбравъ удобный моментъ, они поднялись, направились толпой и напали на него неожиданно, какъ одинъ человекъ, совсѣмъ такъ же, какъ это сдѣлали злѣйшiе iудеи, нападая на Господа Христа въ Геосиманскомъ саду. Патрiархъ же Сильвестръ, замѣтивъ внезапное направление къ себѣ такой толпы, бросился въ рѣку и, въ виду того, что онъ былъ искусный пловецъ, а также въ виду помощи, оказанной однимъ православнымъ алеппинцемъ, по

имени Зомрайа, переплылъ съ послѣднимъ на другой берегъ рѣки, не смотря на то, что и это было сопряжено съ большой опасностью. Благополучно достигнувъ противоположнаго берега рѣки, Сильвестръ немедленно оттуда направился тайно въ Адлябъ, а изъ него прямо въ Константинополь....

Константинопольскій Синодъ для разбора дѣла между патріархомъ Сильвестромъ и алеппинцами посылаетъ въ Алеппо, для провѣрки, своего представителя Григорія. Уступки, сдѣланныя алеппинцамъ въ постѣ, примиряють ихъ на время съ православнымъ патріархомъ.

л. 44 — 45. Злоумышленники, замѣтивъ, что патріархъ ускользнулъ отъ ихъ рукъ и не извѣстно, куда скрылся, тотчасъ же, по обсужденіи могущихъ возникнуть изъ этого дѣла послѣдствій, отправляютъ посланіе въ Константинопольскій синодъ съ жалобой на патріарха Сильвестра; она заключалась въ томъ, что онъ, дескать, бьетъ и истязаетъ священниковъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ отдаетъ даже подъ судъ; мало того — причиняетъ имъ всякаго рода ущербы, угрожаетъ изгнаніемъ и даже смертью, оправдывая подобныя дѣянія съ своей стороны тѣмъ, что они-де: — франки (латинники), тогда какъ на самомъ дѣлѣ они чисты отъ такого подозрѣнія. При этомъ они добавили, что такъ какъ ихъ терпѣніе изсякло, то они прогнали его и снова принять не могутъ. Если же Синодъ хочетъ знать о ихъ образѣ мыслей, то они твердо держатся православной вѣры и не повинны въ проступкахъ. Даже больше того: если Синодъ не вѣритъ ихъ письменному заявленію, то пусть пошлетъ отъ себя какого-нибудь митрополита произвести разслѣдованіе. Одновременно съ полученіемъ посланія въ Константинополь прибылъ и патріархъ Сильвестръ. Здѣсь онъ принесъ жалобу на тѣ дурныя отношенія къ нему алеппинцевъ, которымъ онъ подвергался со стороны послѣднихъ. Синодъ нашель лучшимъ и болѣе цѣлесообразнымъ обойтись съ ними кротко и снисходительно, чтобы видѣть къ чему приведутъ алеппинцевъ подобныя поступки. Съ этой цѣлью члены Синода испросили у патріарха Сильвестра согласіе на посылку къ нимъ въ Алеппо изъ своей среды митрополита, который, согласно ихъ просьбѣ, произвелъ бы надъ ними разслѣдованіе. Патріархъ далъ свое согласіе на такое предложеніе. Тогда Синодъ послалъ въ Алеппо въ качествѣ намѣстника — епископа, по имени Григорія, и повелѣлъ ему провозглашать имя патріарха Сильвестра. Помимо этого, члены Синода въ сообществѣ Сильвестра же составили письма къ алеппинцамъ, въ которыхъ увѣщевали послѣднихъ къ подчиненію и повиненію патріарху. По прибытіи въ Алеппо Григорій вручилъ письма жителямъ этого города. Они стали оказывать ему почетъ и расположеніе, ходить въ церкви, посѣщать его и старались не выказывать передъ нимъ своего заблужденія, и не скрывали развѣ вотъ только нарушеній, совершаемыхъ въ постахъ. Патріархъ противъ этого ужъ не сталъ принимать никакихъ мѣръ и, полагая, что нарушеніе происходитъ по причинѣ трудности добывать съѣстные припасы въ Алеппо, не говорилъ объ этомъ ничего. Онъ увѣдомилъ обо всемъ тутъ происходящемъ константинопольскій Синодъ, который посмотрѣлъ на вещи одними съ нимъ глазами и предпочелъ миръ.

Сильвестръ отправляется собирать милостыню по православнымъ странамъ и отсутствуетъ шесть лѣтъ, а Григорій, соскучившись, тоже уѣзжаетъ изъ Халеба... Покинутые пастырями, халебинцы упрашиваютъ Константинопольскій Синодъ вернуть имъ изъ ссылки Герасима (латинствующаго). Герасимъ осторожно ведетъ Халебъ къ латинству, а патриархъ Сильвестръ развѣзжаетъ по чужимъ землямъ.

л. 45—48. У патриарха возникла еще другая мысль, а именно отправиться въ Румынію за сборомъ средствъ для поддержанія апостольскаго престола ¹¹⁾, въ виду того, что на немъ накопилось очень много долговъ еще со временъ Кирилла, Неофита и Аѳанасія, — долговъ, явившихся результатомъ происходившихъ между этими патриархами враждебныхъ отношеній. А къ тому же, вѣдь и воръ Серафимъ, какъ было указано немного выше, похитилъ все, что только нашелъ въ церкви и подворьѣ. На это путешествіе патриархъ Сильвестръ испросилъ разрѣшеніе у Синода. Отсутствіе Сильвестра по епархіи продолжалось въ теченіе шести лѣтъ. Что касается митрополита Григорія, то онъ, пробывъ въ Алеппо два года, въ концѣ концовъ соскучился, такъ какъ у него не было тамъ престола и, испросивъ разрѣшеніе и согласіе у алеппинцевъ, возвратился обратно въ Константинополь. Тамъ по своемъ пріѣздѣ Григорій доложилъ Синоду, что онъ не замѣтилъ со стороны алеппинцевъ никакихъ нарушеній въ вѣрѣ, кромѣ своего рода отношенія къ постамъ, выражавшагося въ употребленіи рыбной пищи по средамъ и пятницамъ, а также въ томъ, что въ рождественскій постъ они постятся только пятнадцать дней, а въ апостольскій двѣнадцать. При этомъ онъ прибавилъ, что подобныя нарушенія происходятъ отъ недостатка пищи въ постные дни. Да въ дѣйствительности такъ и было; другими словами, епископъ Григорій говорилъ чистѣйшую правду и сообщалъ только свои личныя впечатлѣнія отъ поведенія алеппинцевъ, старавшихся не обнаружить передъ нимъ ровно ничего и даже не ѣвшихъ рыбы въ дни великаго поста. Синодъ повѣрилъ сообщенію Григорія. Что касается алеппинцевъ, то они въ свою очередь, увѣдомили Синодъ объ уходѣ митрополита изъ Алеппо и оставленіи имъ этого города, а равно и о томъ, что патриархъ ихъ Сильвестръ находится далеко въ отлучкѣ, да помимо того еще и гнѣвается на нихъ. А такъ какъ жителямъ епархіи по церковнымъ законамъ вообще не допускается быть безъ митрополита, то, если члены Синода найдутъ возможнымъ, пусть освободятъ митрополита Герасима изъ мѣста заключенія на островѣ Лимносѣ (? см. стр. 39), сосланнаго туда еще патриархомъ Аѳанасіемъ, и пусть пришлютъ его къ нимъ. Расходы, тѣсно связанные съ его возвращеніемъ, они готовы заплатить. Они ссылались при этомъ на то, что Герасимъ — бывший ихъ митрополитъ и сынъ ихъ же города. Синодъ по полученіи только-что упомянутаго посланія былъ увѣренъ въ правотѣ алеппинцевъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе доклада Григорія, и полагалъ, что жители Алеппо мирно перейдутъ къ полнѣйшему подчиненію, а послѣднее, по ихъ мнѣнію, было бы лучше споровъ

¹¹⁾ Антиохійскіе патриархи считаются преемниками апостола Петра.

и всевозможныхъ пререканій. Но Синодъ и не подозрѣвалъ, что къ нимъ можно было совершенно справедливо отнести слова нашего Господа—хвала Ему: «Мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали; мы пѣли вамъ плачевныя пѣсни, и вы не плакали». (Ев. отъ Луки, гл. VII, 32). Ихъ нельзя было удержать облегченіями, ни привлечь дружественными отношеніями.

Уступая ихъ просьбѣ, Синодъ вернулъ митрополита Герасима изъ мѣста ссылки и заключенія, въ которомъ онъ пробылъ пять съ половиною лѣтъ, но строго-на-строго приказалъ ему поступать по правиламъ православной церкви, не возвращаясь снова къ прежнимъ заблужденіямъ; и возглашать имя патріарха Сильвестра. Герасимъ съ покорностью согласился на поставленныя условія и отправился въ Алеппо. По прибытіи своемъ въ Алеппо, Герасимъ былъ встрѣченъ жителями этого города со всевозможнымъ почетомъ и утѣшеніемъ въ перенесенныхъ имъ испытаніяхъ. При исполненіи своихъ обязанностей Герасимъ лично поступалъ очень осторожно. Хотя, какъ мы объ этомъ упомянули выше, онъ и принадлежалъ къ числу послѣдователей римской ереси, но все-таки, боясь новой ссылки, скрывалъ свою приверженность къ ней и лишь тайно въ сообществѣ съ единомышленниками проводилъ свои убѣжденія. Даже больше того: чтобы устранить всякія подозрѣнія, онъ провозглашалъ въ церкви имя патріарха Сильвестра и этимъ самымъ, хотя внѣшне, показывалъ видъ, что несетъ свои обязанности добросовѣстно, какъ это и подобаетъ православному епископу. Не хуже Герасима умѣли скрывать свои настоящія убѣжденія жители города Алеппо. Они всѣ безъ исключенія, какъ православные, такъ и неправославные, посѣщали церкви, оставаясь каждый въ глубинѣ души при своемъ настоящемъ мнѣніи. Между тѣмъ фратеры, римскіе сподвижники, не переставали вести враждебныхъ дѣйствій противъ православной вѣры, прибѣгая при этомъ ко всевозможнымъ средствамъ, какія только можно было пускать въ ходъ. Да и что важнѣе всего: они сѣяли ядъ своихъ заблужденій при тайномъ согласіи на то самого Герасима, привлекая такимъ путемъ ежедневно на сторону своего лжеученія большое количество послѣдователей.

Въ Дамаскѣ, пользуясь отсутствіемъ патріарха Сильвестра, возвращается изгнанный Серафимъ и, съ помощью европейскихъ посланниковъ, получаетъ султанскій берать на патріархію.

л. 48—50. Возвратимся снова къ несчастному вору-Серафиму, называемому иначе Кирилломъ Танасомъ. Онъ, послѣ бѣгства изъ Дамаска въ Ливанскія горы, скрываясь въ нихъ, занимался распространеніемъ ереси и также успѣлъ склонить къ принятію своего ложнаго ученія значительное количество мѣстнаго населенія. Продолжалось это до того самого момента, пока до него не дошло извѣстіе объ отъѣздѣ патріарха Сильвестра въ Румынію. Находя такой случай вполне для себя благопріятнымъ, Серафимъ прибѣгаетъ къ содѣйствию римскихъ миссіонеровъ и отправляетъ, вмѣстѣ съ большими взятками, письмо къ посламъ австрійскому и французскому, въ которомъ проситъ послѣднихъ исходатайствовать для него полученіе при-

казовъ отъ правительства Великой Порты, утверждающихъ его патриархомъ, на антиохійскую епархію. Онъ даже прямо заявляетъ имъ, что все это нужно для успѣшнаго распространенія проповѣди римскаго ученія въ прочихъ городахъ Востока и поголовнаго подчиненія жителей вышеупомянутыхъ городовъ западной церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ, значитъ, и папскому владычеству. [Справься, что писали объ этомъ римскіе миссіонеры]. Посланники, по полученіи письма Серафима, выхлопотали для него полученіе султанскихъ приказовъ, обычно выдаваемыхъ православнымъ патриархамъ, но—главное—сдѣлали это безъ вѣдома Константинопольскаго Синода и всѣхъ православныхъ христіанъ. Да послѣдніе и не могли знать объ этомъ, такъ какъ посланники сдѣлали все тайнымъ образомъ: съ одной стороны—путемъ вліянія своего западнаго посольства, что случалось и раньше, а съ другой стороны—при содѣйствіи знатныхъ армянъ, сторонниковъ римскаго ученія, тоже оказавшихъ имъ поддержку при Великой Портѣ. Серафимъ, по полученіи приказовъ, сейчасъ же отправляется въ Дамаскъ, столицу Сиріи, предъявляетъ тамъ вышеупомянутые приказы и занимаетъ патриаршій престолъ этой епархіи. Тогда къ нему начинаютъ стекаться всѣ тѣ, которые такъ давно съ нетерпѣніемъ его ожидали, и въ особенности тѣ, которые были согласны съ распространяемой имъ ересью. Что касается приверженцевъ православія, то они были удручены тѣмъ обстоятельствомъ, что имъ пришлось подвергаться оскорбленіямъ и всевозможнаго рода притѣсненіямъ, какъ со стороны отступниковъ, такъ и ихъ архонта Серафима. Онъ,—подобіе непокорныхъ дьяволовъ, не удовлетворяется результатомъ настоящихъ своихъ дѣяній и дерзаетъ увѣдомить епископовъ всей епархіи, будто назначеніе его надъ ними патриархомъ произошло съ согласія Константинопольскаго Синода. При этомъ Серафимъ предписываетъ епископамъ отнынѣ возглашать его имя, а въ случаѣ несогласія и сопротивленія онъ подвергнетъ ихъ строжайшему суду. Не вѣрится, неужели этотъ воръ и злой насильникъ могъ рассчитывать, что епископы склонятся на его убѣжденія и повѣрятъ ему! Неужели Серафимъ могъ не сознавать, что онъ походитъ на вора, который похитилъ имущество изъ дома купца, находящагося въ отлучкѣ, и мнитъ себя господиномъ и имущества и дома. Неужели могъ найтись хоть одинъ человѣкъ, повѣрившій притязаніемъ Серафима, за заключеніемъ, можетъ быть, сторонниковъ его заблужденія да людей, согласныхъ съ нимъ относительно творимыхъ имъ дѣяній, которыя внушала ему дьяволь.

Константинопольскій Синодъ вызываетъ законнаго патриарха Сильвестра изъ его странствованій и отправляетъ его, съ подтвердительнымъ султанскимъ указомъ, въ Сирію.

л. 50—52. Епископы не дожидались Серафима и, еще до полученія писемъ отъ него, увѣдомили сами Константинопольскаго патриарха и Святѣйшій синодъ о вторичномъ прибытіи вора-Серафима въ Дамаскъ и о всѣхъ его продѣлкахъ. Кромѣ того, они также просили Синодъ увѣдомить съ своей стороны патриарха Сильвестра обо всемъ происходящемъ и просить

его немедленно возвратиться въ свою епархію, чтобы тѣмъ самымъ избавить свое стадо изъ пасти герзающаго волка и вырвать изъ рукъ вора-похитителя. Въ случаѣ же, если патріархъ по какимъ бы то ни было обстоятельствомъ не можетъ явиться во время, то пусть Синодъ приложитъ стараніе и найдетъ способъ удалить этого лицемѣра, принимая во вниманіе, что отъ чрезмѣрнаго зла, порождаемаго Серафимомъ, апостольскій престолъ близокъ къ разрушенію. Посланіе такого горестнаго содержанія, будучи получено въ Синодѣ, конечно, могло причинить членамъ его только великую печаль и заставило послѣднихъ скорбѣть объ антїохійскомъ престолѣ. Въ особенности удручающе подѣйствовала на Синодъ вѣсть объ исходатайствованіи для насильника и отступника Серафима султанскихъ приказовъ помимо Синода, при содѣйствіи австрійскаго и французскаго посланниковъ. Однако члены Синода ничего не могли предпринять до прибытія въ епархію законнаго патріарха Сильвестра, въ виду того, что у него-то въ рукахъ находились султанскіе указы, подтверждающіе его патріаршество. Кромѣ того они надѣялись, что если эти указы да будутъ еще подтверждены особымъ фирманомъ отъ правительства, то тогда у нихъ въ рукахъ будетъ сильная опора. Обсудивъ все это хорошенько, Синодъ посылаетъ увѣдомленіе патріарху Сильвестру, въ которомъ сообщаетъ ему подробно обо всемъ происшедшемъ. Послѣдній тотчасъ же является и, совмѣстно съ св. Синодомъ, пишетъ заявленіе въ Великую Порту о насильственномъ захватѣ воровъ-Серафимомъ антїохійскаго патріаршаго престола при жизни дѣйствительнаго, законнаго патріарха, безправіе тѣмъ болѣе важное что Серафимъ—латинянинъ и послѣдователь вѣры франковъ, а такого случая раньше не встрѣчалось при утвержденіи патріарховъ въ странахъ османской имперіи. Писали они и о томъ, что у Сильвестра въ рукахъ находятся подлинныя указы, и при этомъ сообщали вскользь объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ полученіе такихъ указовъ для вора-насильника Серафима черезъ западныхъ пословъ. Основываясь на всемъ вышесказанномъ, требовали отъ великой Порты подтвержденія указовъ, находящихся въ рукахъ Сильвестра, и отмены указовъ, принадлежащихъ насильнику-Серафиму. Все просимое было сейчасъ же исполнено, а вмѣстѣ съ тѣмъ данъ еще особый указъ объ изгнаніи Серафима. По полученіи такихъ указовъ патріархъ рѣшилъ отправиться въ Сирію.

Тѣмъ временемъ воръ-Серафимъ торжественно посѣтилъ Бейрутъ, гдѣ ужъ раньше образовалась уніатская община стараніями ибнъ-Саққала и успѣла отнять у православнаго бейрутскаго митрополита Несфита придѣлъ церкви св. Георгія. Серафимъ, прибывши, ставитъ бейрутинцамъ новаго митрополита—уніата Θεодосія Даххана.

л. 52—55. Тѣмъ временемъ насильникъ-Серафимъ, пробывъ нѣкоторое время въ Дамаскѣ, отправился оттуда въ Бейрутъ, гдѣ уже среди нѣкоторыхъ православныхъ, пользующихся уваженіемъ, къ этому времени былъ разлитъ смертоносный ядъ и обнародовано католическое ученіе такимъ же самымъ образомъ, какъ это имѣло мѣсто и въ Алеппо, Дамаскѣ, Акѣ и другихъ мѣстахъ. Причину успѣшнаго распространенія ложнаго ученія нужно

видѣть въ любви жителей къ роскоши и чревоугодію. Пропаганда этого ученія началась здѣсь очень рано и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ Бейрутѣ изъ Яфы прибылъ священникъ по имени ибнъ-Саккâль. Онъ, въ силу своей склонности къ взяткамъ и подаркамъ, поддался и былъ соблазненъ ученіемъ римскихъ миссіонеровъ подобно всѣмъ прочимъ, которыхъ они склоняли этимъ способомъ съ цѣлью сѣянія своихъ тлетворныхъ сѣмянъ. Такъ вотъ этотъ самый оболщенный ибнъ-Саккâль сталъ въ свою очередь сѣять сѣмена ихъ ложнаго ученія въ сердцахъ и умахъ людей, поддавшихся и повѣрившихъ обману. Онъ облегчилъ жителямъ ѣду рыбы въ дни среды и пятницы, а равно и въ дни святого великаго поста, ссылаясь на то, что такое исполненіе постовъ не воспрещается закономъ, да и что, на самомъ дѣлѣ, посты не такъ уже необходимы для простаго народа. Въ этомъ якобы, можетъ убѣдиться всякій, кто прочтетъ законы, а епископы читать законы простому народу не разрѣшаютъ изъ боязни, какъ бы міряне не просвѣтились и не убѣдились въ ихъ лжи. Словомъ, онъ говорилъ въ такомъ родѣ. Какъ только голосъ его раздался въ ушахъ большинства людей, любящихъ взятки и предающихся чревоугодію — они согласились съ его мнѣніемъ, и такимъ образомъ мало-по-малу ибнъ-Саккâль сталъ привлекать жителей на сторону своей ереси, прибѣгая для этого ко всевозможнымъ средствамъ, какія только можно было пускать въ ходъ. Результатомъ явилось — совращеніе бейрутицевъ.

Въ числѣ отступниковъ, согласившихся съ доводами ибнъ-Саккâля, были люди знатнаго рода, а именно: — члены дома Яредовъ и дома Даххâновъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Георгій Дахханъ, пользовавшійся большимъ значеніемъ у эмировъ и правителей, доставилъ священный санъ одному изъ членовъ своего семейства, и нарекли его Θεодосіемъ. Пользуясь вліяніемъ и силой своихъ послѣдователей, отступники взяли верхъ надъ православными христіанами и овладѣли сѣвернымъ предѣломъ алтаря, посвященнымъ во имя св. Ильи и находящимся въ церкви св. Георгія. Священники униатовъ стали въ немъ совершать службу отдѣльно отъ православныхъ. Епископъ этого города Неофитъ отъ сильнаго волненія и гнѣва, возникшихъ въ его душѣ отъ того, что онъ чувствовалъ себя безсильнымъ оказать противодѣйствіе ихъ продѣлкамъ (а нужно принять во вниманіе, что правителями тогда были марониты изъ дома Шихâбовъ и что успѣхи римской религіи у нихъ были значительны), получилъ тяжелую болѣзнь глазъ и лишился зрѣнія. Вотъ во время такого несчастья съ епископомъ Неофитомъ прибылъ въ Бейрутъ воръ - Серафимъ. Въ Бейрутѣ онъ съ большимъ торжествомъ и славой былъ принятъ вышеупомянутыми отступниками, а Георгій Дахханъ принесъ правителю-эмиру Мальхамъ-Шихâбу большую сумму денегъ и показалъ ему указы отъ правительства, выданные черезъ посредство посланниковъ - папистовъ злосчастному Серафиму. Посмотрѣвши на эти указы, эмиръ далъ Серафиму и его общинѣ право завладѣть церковью. Это обстоятельство сильно опечалило православныхъ жителей, а между тѣмъ не было никого, кто могъ бы оказать имъ поддержку. Даже визирь сидонской области, къ которому можно было бы обратиться за содѣйствіемъ,

былъ смѣщенъ, а новый, назначенный на его мѣсто, еще не явился. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, они, естественно, могли только предоставить дѣло на волю Господню, не оставляющую ничего безъ попеченія. Между тѣмъ Георгій Даххъанъ вмѣстѣ съ своими сторонниками потребовалъ отъ вора - Серафима, чтобы въ Бейрутѣ былъ рукоположенъ епископомъ Θεодосій. Серафимъ немедленно посылаетъ на Ливанскія горы и приказываетъ пригласить оттуда двухъ епископовъ: маронитскаго и сирскаго. Когда тѣ явились, это было ужъ послѣ полудня, но Серафимъ облачился вмѣстѣ съ ними въ церковныя одѣянія, облачилъ также епитрахилью и омофоромъ Неофита, принужденнаго явиться въ церковь по приказу правителя, и при такихъ обстоятельствахъ они совершили надъ Θεодосіемъ позорное посвященіе.

Извѣстіе о близкомъ приѣздѣ законнаго патріарха Сильвестра заставляеть Серафима и Θεодосія бѣжать изъ Бейрута на Ливанъ. Одновременно это же извѣстіе наноситъ ударъ его приверженцамъ въ Траболюсъ. Православные бейрутинцы вмѣстѣ съ ослѣпшимъ своимъ митрополитомъ Неофитомъ испрашиваютъ у Сильвестра новаго, благочестиваго митрополига для своего города — Іоанникія.

л. 55—58. Но, слава Богу, управленіе Θεодосія продолжалось недолго, всего только семь дней, съ утра понедѣльника до поздняго вечера субботы, такъ что они даже не имѣли возможности совершить воскресное богослуженіе. Божественное Провидѣніе не допустило такого дѣла. Случилось подобное тому, что произошло со святыми апостолами, когда они собрались вмѣстѣ изъ боязни передъ іудеями, послѣ воскресенія Христова. Между ними тогда явился Христось и разсѣялъ ихъ сомнѣніе. Вотъ такъ же произошло и въ Бейрутѣ. Когда вечеромъ въ субботу православные христіане собрались въ домѣ одного изъ своихъ старѣйшихъ, блаженной памяти шейха Юнуса сына Николы, и стали предаваться великому горю и печали въ размышленіяхъ о томъ, гдѣ имъ въ воскресенье утромъ совершать литургію, къ нимъ внезапно прибыло извѣстіе, что сидонскій намѣстникъ — въ пути и находится въ Триполи, и что ему даны приказы отъ великой Порты о передачѣ православной церкви въ руки православной общинѣ. Сообщалось также и о томъ, что патріархъ Сильвестръ отправился уже изъ Константинополя и скоро прибудеть къ нимъ. Жители, получивъ такое утѣшительное увѣдомленіе, конечно, очень обрадовались и стали возносить хвалы Господу, творящему чудеса, дающему силу святой церкви и оказывающему поддержку правой вѣрѣ. Не то было съ Серафимомъ. Онъ въ ту же ночь, взявъ съ собою такъ позорно рукоположеннаго епископа, вмѣстѣ съ нимъ убѣгаетъ на горы Ливанскія, а онѣ въ то время были совсѣмъ неприступны, и ищетъ тамъ убѣжища. Выбралъ же это мѣсто Серафимъ еще потому, что ему удалось подарками и взятками расположить эмировъ и правителей въ свою пользу, дабы они его охраняли. Средства на подобныя нужды Серафимъ получалъ непрерывно отъ папскихъ миссіонеровъ¹²⁾.

¹²⁾ Относительно средствъ и источниковъ ихъ полученія см. у К. Базили: Сирія и Палестина подъ Турецкимъ владычествомъ. Спб. 1875 г. II, стр. 251—254.

Поселившись въ ливанскихъ горахъ, онъ началъ опять строить здѣсь монастыри и заселять ихъ монахами, послѣдователями его ложнаго ученія. А православные Бейрута, послѣ бѣгства Серафима, снова заняли церковь, и никто ужъ изъ отступниковъ послѣ этого не приближался къ ней.

Неудача постигла Серафима и въ Триполи. Надѣясь на свой прежній беретъ, которымъ давалась ему власть на занятіе церкви, Серафимъ копію фирмановъ отправилъ своему уполномоченному марониту. Посланіе это прибыло въ Триполи въ субботу днемъ. И такъ какъ нельзя же было противиться высочайшему повелѣнію, то пришлось уговориться, что православные отдадутъ свою церковь въ субботу вечеромъ, послѣ вечерни; такимъ образомъ у православныхъ отнималась возможность совершить въ ней литургію въ воскресенье. Не имѣя силъ противиться, православная община вмѣстѣ съ своимъ митрополитомъ Николаемъ, сыномъ шейха Ильи, предалась горю и вознесла громко мольбы къ Всевышнему, слезно прося у Него облегченія.

Мольбы ихъ были услышаны: во время вечерняго богослуженія и какъ разъ при чтенія вечерняго псалма *مزبور الغروب* явился ясаkdжи патриарха Сильвестра и принесъ имъ радостную вѣсть отъ патриарха о перемѣнѣ счастья для еретиковъ и о подкрѣпленіи православныхъ. Тотчасъ присутствующіе возрадовались, и въ церкви же раздались женскіе запѣвы (*زلاغيط*), всѣ усердно возносили хвалы Господу и праздновали день воскресенія. Клевретъ же лже-патриарха былъ опозоренъ.

Что касается его святости бейрутскаго епископа Неофита, то онъ, склоняясь на просьбу старѣйшихъ изъ духовенства, послалъ къ патриарху Сильвестру увѣдомленіе о всемъ происшедшемъ, а именно: какъ приходилъ тиранъ-насильникъ Серафимъ, какъ онъ позорно рукоположилъ Θεодосія въ епископы и какъ они убѣждали, узнавши о близкомъ прибытіи его святѣйшества; но—прибавлялъ Неофитъ—я ужъ ослѣпъ отъ горя и печали, причиненныхъ мнѣ отъ прежнихъ событій, а потому бейрутинцы просятъ, чтобы патриархъ выбралъ челоуѣка добродѣтельнаго, кроткаго и, рукоположивъ его епископомъ немедленно прислалъ въ Бейрутъ. Посланіе это попало въ руки его блаженства во время его остановки въ Эрзерумѣ. Принемъ какъ разъ тогда находился челоуѣкъ добродѣтельный—дьяконъ Іоанникій, уроженецъ Кипра, а потому патриархъ, получивъ вышеупомянутое посланіе, сейчасъ же рукополагаетъ Іоанникія священникомъ, а затѣмъ въ ближайшее воскресенье—епископомъ, и отправляетъ его въ Бейрутъ. Іоанникій по своемъ прибытіи въ Бейрутъ былъ принятъ съ почетомъ и уваженіемъ и занялъ кафедру этой епархіи. Неофитъ прожилъ послѣ этого не долго, скончался и былъ погребенъ въ Бейрутѣ, гдѣ онъ пробылъ слишкомъ тридцать лѣтъ митрополитомъ.

Однако въ Дамаскѣ и Халебѣ успѣхи патриарха Сильвестра значительно менѣе утѣшительны, и изгнанный воръ-Серафимъ втайнѣ продолжаетъ здѣсь имѣть своихъ послѣдователей.

л. 58—61. Патриархъ Сильвестръ, возвращаясь изъ своего путешествія, не заѣзжалъ ни въ Алеппо, ни въ другія мѣста, а тотчасъ же направился

въ Дамаскъ, столицу Сиріи. Православные жители этого города встрѣтили его со всевозможнымъ почетомъ и повѣдали ему съ горестью о дѣянїяхъ вора - Серафима. Выслушавъ жалобы, патріархъ сильно опечалился и главнымъ образомъ потому, что Серафимъ вторично ускользнулъ отъ его рукъ. Не въ меньшей степени опечалило его и то обстоятельство, что много народа, позволившаго себя обмануть этому нечестивцу и совращеннаго его клеветами, не пришло въ церковь. Патріархъ посылалъ за всѣми ими и увѣщевалъ ихъ, стараясь подѣйствовать на толпу ласковымъ обхожденіемъ, въ надеждѣ, что авось они возвратятся на правый путь отъ своихъ заблужденій. Когда же это не привело ни къ какимъ результатамъ, и совращенные не оставляли своихъ прежнихъ поступковъ, патріархъ рѣшилъ прибѣгнуть къ иному средству, а именно: порицаніямъ и угрозамъ. Эти мѣры также не оказывали на нихъ никакого воздѣйствія. Они, по прежнему, оставались твердыми въ своихъ сопротивленіяхъ и заблужденіяхъ. Къ нимъ можно было отнести слова посланника Божія: «отъ еретика послѣ перваго и втораго увѣщеванія отступи». Патріархъ, къ тому же боявшійся возможныхъ съ ихъ стороны какихъ-нибудь продѣлокъ, подобныхъ хотя бы продѣлкѣ алеппинцевъ, а именно какъ бы и они не замыслили покушенія на его жизнь, оставилъ ихъ въ покоѣ и ужъ не останавливалъ отъ заблужденій. Вѣдь въ нечистомъ западномъ ученіи, которому они предались по темнотѣ, допускается убить того, кто, по ихъ мнѣнію, еретикъ, похитить его достояніе и все, что только можно, а въ особенности—у православнаго. Они отдѣлились; назначили себѣ священниками лицъ изъ числа отпавшихъ отъ правой вѣры и изъ монаховъ, рукоположенныхъ Серафимомъ въ горахъ Ливана и согласныхъ съ римскимъ ученіемъ, чтобы они, не будучи обременены заботами о семьяхъ, могли свободно сѣять свое ученіе и заблужденіе: вѣдь Серафимъ нѣсколькихъ изъ нихъ прислалъ въ Дамаскъ и въ другія мѣста. Ходить по домамъ христіанъ эти лжесвященники могли лишь негласно, въ виду того, что правительство не подтвердило лже-избраніе самоправнаго вора - Серафима въ патріархи, но и негласно они разсѣвали сѣмена своего ложнаго ученія. Эти подвижники католической вѣры тайно въ домахъ христіанъ совершали и литургіи, и другіе обряды, за исключеніемъ вѣнчанія, крещенія и погребенія, которые совершались въ православной церкви, и жители платили имъ ¹³⁾ положенную — «нуріе» ¹⁴⁾ и крестильный сборъ; такое положеніе дѣлъ остается и донинѣ (т.-е. до времени покойнаго Абдаллаха Трада, писавшаго это) ¹⁵⁾. Патріархъ сильно печалился, видя, что даже и половина христіанъ не ходитъ и не посѣщаетъ церкви, а также и тѣмъ, что воръ - Серафимъ, послѣ вторичнаго похищенія всѣхъ вещей,

¹³⁾ кому «имъ», не ясно изъ контекста.

¹⁴⁾ «Нуріе»—или ежегодный сборъ съ епархіи въ пользу епископа—состоитъ въ томъ, что каждое семейство взноситъ по своимъ средствамъ и усердіи отъ 10 к. до 2½ р. сер. Цифры эти приведены у К. Базили въ цитир. сочиненіи на стр. 179.

¹⁵⁾ Приписка эта принадлежитъ, очевидно, Халилю Файяду, который списывалъ съ рукописи Абдаллаха Трада (см. л. 209).

принадлежащихъ православнои церкви и патриархїи, укрылся на Ливанѣ и усердно старается привлечь къ себѣ и сбить съ пути большую часть и городского и сельскаго христіанскаго населенія.

Печалился патриархъ и оттого, что лицемѣрь-Герасимъ, освободившись изъ ссылки и вернувшись въ Халябъ (Алеппо), съумѣлъ развратить и остальную массу халябскихъ христіанъ, за исключеніемъ очень немногихъ, въ чемъ ему помогали римскіе миссіонеры. Приходилось однако терпѣть это, скрѣпя сердце, и утѣшаться словами Господа: «Мнѣ—отмщеніе, и Азъ воздамъ». Къ тому же съ своей стороны Герасимъ, изъ боязни новой ссылки, держалъ себя по внѣшности, какъ православный, возглашалъ имя патриарха Сильвестра и посылалъ ему ежегодный сборъ—«нурійе» и пособія.

Халябцы, при помощи своего земляка въ Константинополь, главнаго придворнаго врача Мансурія, добиваются султанскаго согласія на выдѣленіе Халябской митрополїи въ автокефальную епархію и намѣрены сдѣлать своимъ митрополитомъ Мансуріева брата Михаила.

л. 61-65. Такъ прошло пять лѣтъ. А жилъ въ это время одинъ человекъ, по имени Мансурій, родомъ изъ Халяба, по профессїи врачъ, притомъ искусный. Этотъ Мансурій, поселившись въ Константинополь, отрекся отъ христіанства, принялъ исламъ и, этимъ путемъ, равно какъ своимъ замѣчательнымъ медицинскимъ умѣньемъ, достигъ того, что сдѣлался главнымъ врачомъ («хакимъ-башы») при Высочайшемъ дворѣ; вліяніе его здѣсь было огромно. Былъ у него братъ, монахъ, и какъ-разъ изъ числа тѣхъ, которые совратились въ вышеуказанную латинскую ересь. Когда халябцы провѣдали, что ихъ соотечественникъ аль-Мансурій достигъ такого высокаго положенія, они тайкомъ согласились безъ вѣдома Герасима и написали письмо къ монаху Михаилу;—такъ назывался братъ Мансурія. Михаилъ по письму явился къ нимъ. Они ему сообщили, что желали бы имѣть его своимъ епископомъ—въ виду того, что Герасимъ уже состарился, изнемогъ и не въ силахъ покрывать ихъ отпаденіе отъ православія и увлеченіе римскимъ идоломъ.—«Поэтому»—просили халябцы Михаила,—«ты напиши совместно съ нами къ брату своему Мансурію, пусть онъ похлопочетъ объ отдѣленіи Халябской епископїи отъ Антіохійской епархіи и о признаніи самостоятельности за Халябскимъ митрополитомъ, который съ своей стороны будетъ выплачивать Верховному правительству годичный взносъ, равный взносу любого изъ патриарховъ».

Такое заявленіе, конечно, обрадовало священника Михаила, и онъ согласился исполнить ихъ просьбы. Онъ вмѣстѣ съ алеппинцами написалъ посланіе съ жалобой на притѣсненія, которымъ они-де подвергаются со стороны патриарха Сильвестра и которыя якобы нѣтъ никакой возможности переносить. При этомъ они прибавили, что возносятъ хвалу Всевышнему Творцу за возвышеніе его-Мансурія въ такую степень, за то что Онъ сдѣлалъ его, какъ соотечественника и единомышленника, помощникомъ и поддержкой для нихъ; они у него просятъ облегченія отъ несчастій, которыя они испытываютъ при Сильвестрѣ, а также просятъ похлопотать объ отдѣленіи алеппской епархіи отъ антіохійскаго патриархата, дѣлая, между прочимъ,

такую оговорку, что эта епархія пусть будетъ ввѣрена верховной власти Порты, и пусть епархія имѣетъ право на сохраненіе самостоятельности, платя ежегодно установленные взносы, какъ это дѣлаютъ и остальные патріархи. Избираютъ-де священника Михаила епископомъ именно потому, что въ лицѣ послѣдняго они отнынѣ найдутъ для себя поддержку.

Вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ алеппинцы отправляютъ Мансурію щедрые подарки. Мансурій получивъ ихъ письмо, повѣрилъ ложнымъ заявленіемъ алеппинцевъ, и, естественно, какъ соотечественникъ, сильно пожалѣлъ о печальномъ положеніи послѣднихъ. Въ виду этого онъ приложилъ всяческія старанія къ исполненію ихъ желаній, а въ особенности того, чтобы назначенъ былъ для нихъ епископомъ его братъ Михаилъ. Для этого Мансурій немедленно отправляется въ великую Порту и добивается тамъ отдѣленія алеппской епархіи отъ антїохійской патріархїи, равно какъ и того, чтобы митрополитъ вышесказанной епархїи былъ признанъ зависящимъ отъ Порты. Что касается установленныхъ закономъ взносовъ, то рѣшено было посылать ежегодно 256 піастровъ великому визирю и 60 піастровъ дефтердару-эфендію. Мансурій одновременно получилъ и указъ на имя своего брата Михаила и переслалъ таковой жителямъ Алеппо вмѣстѣ съ отвѣтомъ съ своей стороны, въ которомъ сообщалъ о своей готовности исполнять всякія предлагаемыя ими требованія передъ правительствомъ. Алеппинцы, получивъ такой утѣшительный отвѣтъ, возрадовались, какъ говорится, великой радостью.

Все вышеупомянутое произошло втайнѣ: знали дѣло алеппинцы да священникъ Михаилъ, тогда какъ митрополитъ Герасимъ ровно ничего объ этомъ не зналъ. Получивъ приказы, выхлопотанные при содѣйствіи Мансурія, жители Алеппо явились къ митрополиту, убѣждая его отказаться отъ своего сана и рукоположить для нихъ еще при своей жизни священника Михаила. Добиться согласія митрополита они старались рѣчью слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ твое имя постоянно подвергается поношеніямъ вслѣдствіе подозрѣваемой за тобою склонности къ латинской вѣрѣ, то знай, что патріархъ не оставитъ тебя въ покоѣ, да и насъ съ тобою въ покоѣ не оставитъ, а вѣдь ты не забывай, что тебя извлекли изъ мѣста ссылки помимо его желанія и намѣренія; во вторыхъ, ты уже въ преклонныхъ лѣтахъ и слабъ, и не можешь рѣшать запутанныхъ дѣлъ паствы и ея тревогъ; въ третьихъ, ты долженъ опасаться, принимая во вниманіе свою старость, какъ бы не приключилось съ тобой неожиданно какого-нибудь несчастія; если же, чего добраго, это несчастіе случится, то патріархъ можетъ намъ прислать митрополитомъ какого-нибудь чужеземца, и мы снова очутимся въ непріятномъ положеніи. Для тебя, значитъ, выгоднѣе отказаться добровольно; мы же, въ свою очередь, возьмемъ на себя заботы и попеченія о средствахъ для твоего существованія; если ты такъ поступишь, почеть и уваженіе къ тебѣ сохранятся и, пожалуй, даже станутъ больше прежняго». Но всѣ разговоры алеппинцевъ ни къ чему не привели. Патріархъ отвѣтилъ имъ, что онъ не согласенъ отказаться и оставить свою кафедру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и епархію.

Ворвавшись ночью въ келію Герасима, халебинцы насильственно принуждаютъ его и бывшаго хомскаго митрополита Игнатія рукоположить Михаила и отречься отъ кафедръ въ его пользу.

л. 65—68. Этотъ отказъ со стороны Герасима послужилъ началомъ возникшихъ между нимъ и алеппинцами споровъ и породилъ великую распрю, въ теченіи которой они не оставляли митрополита въ покоѣ. Дѣло дошло до того, что, наконецъ, однажды ночью, по минованіи ея первой трети, алеппинцы явились къ Герасиму въ келью. Какъ разъ въ это самое время у него находился Игнатій, бывший раньше эмесскимъ митрополитомъ; родомъ онъ изъ Алеппо. Это, замѣтимъ, тотъ самый Игнатій, который былъ при патріархѣ Аѳанасіи іеродіакономъ и въ то же время тайно принадлежалъ къ числу лицъ, совращенныхъ ученіемъ римскихъ миссіонеровъ. Патріархъ, не зная этого, назначилъ Игнатія епископомъ въ Эмессу незадолго передъ своей смертью и отправилъ туда. Въ Эмессѣ Игнатій не оставался покойнымъ и началъ пускать въ ходъ всевозможныя средства для распространенія своего грязнаго ученія. Жители этого города питали къ нему сильное отвращеніе, но изъ уваженія къ его наставнику ничего не предпринимали противъ Игнатія. Но зато послѣ смерти патріарха эмессы прогнали Игнатія отъ себя, боясь, какъ бы онъ не склонилъ жителей на сторону своей ереси. Потерпѣвъ въ Эмессѣ неудачу, Игнатій отправился въ Алеппо, а это, вѣдь, была его родина, и поселился тамъ. Но вернемся къ старому. Итакъ этотъ Игнатій въ вышеупомянутую ночь засидѣлся у митрополита Герасима. Къ нимъ неожиданно ворвалась толпа католиковъ и обратилась съ такою рѣчью: «Мы настаиваемъ на томъ, чтобы вы намъ рукоположили священника Михаила». Герасимъ и Игнатій отказались отъ этого. Алеппинцы настаивали все-таки на своемъ, говоря: «Волей не волей, а вы его должны рукоположить; въ противномъ случаѣ мы войдемъ въ соглашеніе съ патріархомъ Сильвестромъ насчетъ васъ обоихъ и сошлемъ въ заточеніе». Тогда епископы, взявъ воду, выпили ее, чтобы этимъ самымъ показать, что они, принявши пищу, не могутъ исполнить службы литургіи и обряда рукоположенія. Алеппинцы на это имъ сказали: «Съѣшьте хотя барана, мы и этого не станемъ принимать въ соображеніе, пока вы не рукоположите намъ священника Михаила». Тутъ, епископы, убѣдившись, съ одной стороны, что они не свободны въ своихъ дѣйствіяхъ передъ такой многочисленной толпой, а съ другой—побоявшись быть сосланными, въ особенности Герасимъ, который пять съ половиною лѣтъ пребывалъ въ заточеніи, гдѣ потерялъ было всякую надежду на освобожденіе, должны были отправиться въ церковь, совершить литургію и рукоположить священника Михаила. Это было совершено только устами безъ сочувствія сердца, потому-что Герасимъ громко хиротонисалъ, а потихоньку проклиналъ и отлучалъ Михаила. Новорукоположенному дали имя Максима вмѣсто прежняго Михаила, уступая и въ этомъ случаѣ требованіямъ толпы.

Когда Максимъ сдѣлался епископомъ, алеппинцы вмѣстѣ съ нимъ перестали скрывать свое отступничество, выказали свою и его приверженность къ заблужденіямъ католическимъ и стали ставить своихъ священниковъ, согласныхъ съ лжеученіемъ. Христіанъ же, не соглашавшихся съ ними и

остававшихся твердыми въ своей вѣрѣ—они отдавали въ руки судебныхъ властей; иногда отпускали, запугивая ссылками и даже угрожая смертью; бѣдныхъ же подкупали деньгами и подарками. Тяжело было положеніе христіанъ, исповѣдавшихъ святую вѣру и оставшихся ей вѣрными. Они находились въ презрѣніи и сильно печалились. Одни изъ нихъ разбѣжались, уходя въ другое отечество, на чужбину, другіе старались всячески укрыться, оставаясь на мѣстѣ. Страшно было смотрѣть на гоненіе противъ христіанъ, воздвигнутое лицомъромъ Максимомъ, епископомъ отступниковъ, и на ненависть къ православнымъ; это превосходило гоненія прежнихъ еретиковъ, подобныхъ ему (спаси насъ Господи отъ сего явнаго заблужденія!).

Когда жители Алеппо достигли своей цѣли, они сказали своему бывшему митрополиту Герасиму: «Отправляйся на гору Ливанъ и живи тамъ въ монастырѣ; мы же будемъ давать тебѣ средства для существованія». Герасимъ не хотѣлъ на это согласиться, а потому они отправили его насильно. По прибытіе его въ монастырь св. Михаила архистратига они опредѣлили ему содержаніе. Но это было только нѣкоторое время; въ концѣ концовъ они отняли и это. Герасимъ отъ лишеній заболѣлъ какой-то болѣзнью въ колѣняхъ. Монахи вышеупомянутаго монастыря прописали ему средство: кипяченую воду съ сухой травой, въ которую и нужно будетъ поставить ноги. Онъ согласился и приказалъ имъ приготовить это средство. Но, какъ только онъ поставилъ свои ноги въ приготовленное снадобье, то не успѣвши ихъ вытащить, закричалъ: «ахъ, ахъ, я горю!» и затѣмъ испустилъ духъ.

Примѣчаніе (л. 68, срв. л. 34—35).

Знай, что смерть Герасима, рукоположеніе епископомъ Максима, а также рукоположеніе вора-Серафима въ пещерѣ—все это передано со словъ Игнатія, митрополита Эмессы, упомянутаго выше. Смотри же, какъ самъ Господь принудилъ Игнатія высказать правду, чтобы она была для нихъ вѣчнымъ воспоминаніемъ о позорѣ! Онъ вѣдь былъ изъ числа епископовъ латинской вѣры, и ему алеппинцы назначили опредѣленное содержаніе и отправили на гору Ливанъ (гдѣ онъ погибъ). Свидѣтельство это даже сами католики не могутъ считать ложнымъ, потому что Игнатій, какъ это указано выше, былъ однимъ изъ ихъ епископовъ и главнымъ распространителемъ ихъ ученія; онъ сначала изъ своей эмесской епархіи удалился въ Алеппо, а затѣмъ на Ливанъ. Относительно рукоположенія несчастнаго Серафима, — рукоположенія, происшедшаго въ пещерѣ, — есть свидѣтельство и отъ армянскаго епископа, который былъ вмѣстѣ съ блаженной памяти бейрутскимъ патріархомъ Неофитомъ. Онъ утверждаетъ, что Серафима вовсе не рукополагали, но предали внутри той пещеры проклятію и поруганію и что они были пьяны: принуждены же они были это сдѣлать по приказанію правителя, угрожавшаго имъ смертью въ случаѣ отказа; рукоположеніе это состоялось безъ избранія со стороны епархіи и паствы, а просто воровски. Что же касается рукоположенія и назначенія Максима, то свидѣтельство объ немъ тѣмъ достовѣрнѣе, что самъ Игнатій присутствовалъ при совершеніи обряда и потому зналъ, что оно было совершено по принужденію и подъ угрозами, а не по приказу патріарха, путемъ хищенія у епископа, назначен-

наго въ эту епархію и при его жизни, вопреки церковному закону. Герасимъ лично передавалъ Игнатію, что во время рукоположенія гнѣвъ огнемъ пылалъ въ его душѣ, а потому онъ отлучилъ рукополагаемаго и гнѣвался на него. И, право, онъ не виноватъ въ томъ, до чего его довели. Его можно уподобить тому человѣку, который сочетался бракомъ съ любимой женщиной, послѣ того какъ для достиженія этой цѣли претерпѣлъ много неприятностей: и вотъ, когда онъ сталъ уже ея полновластнымъ господиномъ, къ нему являются жестокіе насильники, увлекаютъ его жену противъ ея воли, сочетаютъ ее съ другимъ, на его собственныхъ глазахъ, и принуждаютъ, чтобы онъ на свадьбѣ вторгшагося пришлеца призывалъ на него благословеніе Творца съ пожеланіями ему всякаго благополучія. Что можно сказать о такомъ человѣкѣ? Неужели можно допустить, чтобы онъ дѣйствительно сталъ благословлять этого насильника и посылалъ ему благія пожеланія въ душѣ своей и помыслахъ? Это вѣдь недопустимая вещь. Такъ и при рукоположеніи Михаила: хотя по принужденію и противъ воли Герасимъ устами своими посылалъ благословеніе, но во всякомъ случаѣ въ глубинѣ сердца онъ долженъ былъ проклинать Михаила*).

Семь лѣтъ длилась уніатская автономія Халябской митрополіи. Съ потерей вліянія Мансуріемъ, Сильвестръ добился ссылки митрополита Максима (Михаила) и назначилъ вмѣсто него Геннадія, а когда тотъ оказался безсиленъ справиться съ халебинцами, — непреклоннаго Софронія. Воспользовавшись отсутствіемъ Халябскаго губернатора, уніаты напали на митрополичье подворье.

(л. 75 — 82). Когда патріархъ Сильвестръ узналъ о случившемся въ Алеппо, а именно: о рукоположеніи Максима, возникновеніи уніи и гоненіи, воздвигнутомъ противъ православныхъ, онъ сильно горевалъ и скорбѣлъ, не будучи въ состояніи что-нибудь подѣлать, такъ какъ вѣдь почти всѣ жители Алеппо обратились въ унію, за исключеніемъ очень немногихъ изъ нихъ, оставшихся вѣрными своей правой вѣрѣ, да и то скрывавшихъ приверженность вслѣдствіе сильнаго гоненія. Но что всего болѣе связывало руки патріарху, такъ это — покровительство, оказываемое уніатамъ Мансуріемъ, главнымъ врачомъ султана. При такихъ обстоятельствахъ патріарху, конечно, ничего не оставалось, какъ только предоставить это дѣло на волю Всевышняго Творца и ждать Его рѣшенія. Подобное положеніе дѣлъ въ Алеппо продолжалось семь лѣтъ, — до тѣхъ поръ пока патріархъ, отправившись лично въ Константинополь, не узналъ тамъ, что Мансурій удаленъ отъ занимаемой имъ должности. Послѣ того патріархъ Сильвестръ тотчасъ же сталъ дѣйствовать за одно вмѣстѣ съ Синодомъ. Онъ сталъ преслѣдовать свои цѣли до тѣхъ поръ, пока, хотя и съ большимъ трудомъ и при помощи значительныхъ затратъ и взятокъ, не успѣлъ исходатайствовать приказъ о возвращеніи митрополита алеппскаго подъ его начало, или собственно — Алеппской епархіи Антиохійскому престолу Патріархъ Сильвестръ добился также приказа о ссылкѣ Максима, вмѣсто котораго на должность митрополита алеппскаго онъ съ согласія Синода назначилъ Геннадія и послалъ послѣдняго въ Алеппо. Максимъ узналъ объ этомъ еще до прибытія Геннадія. А потому, захвативъ изъ церкви всѣ ризы, священные сосуды и утварь,

*) Здѣсь кончается переводъ В. Ѳ. Кулака.

бѣжалъ съ ними къ собрату своему Кириллу Танасу въ Кесруанъ, гдѣ они оба стали привлекать многихъ православныхъ къ уніи*). Прибывъ въ Алеппо, Геннадій на первыхъ порахъ не встрѣтилъ никакого противодѣйствія со стороны уніатовъ. Онъ принялъ церковь и немногихъ христіанъ, оставшихся твердыми въ правовѣрїи, и сталъ совершать богослуженіе въ церкви. Приверженцы же уніи (а они были многочисленны) нѣкоторое время совершали литургію въ своихъ домахъ. Но затѣмъ, благодаря своему коварству, они добились того, что митрополитъ согласился уступить имъ и въ самой церкви одинъ или два придѣла, гдѣ бы священники для нихъ совершали литургію, но только послѣ окончанія службы православныхъ. Однако уніаты, не довольствуясь этимъ, до того забылись въ своей дерзости, что даже выразили желаніе совершать свою службу раньше православныхъ, и въ концѣ концовъ благодаря своему нахальству и хитрости, таки изгнали совершенно православныхъ и овладѣли ихъ церковью. Тогда Геннадій бѣжалъ въ Константинополь. Патріархъ Сильвестръ находился еще тамъ. Онъ счелъ нужнымъ замѣстить Геннадія, пославъ на мѣсто послѣдняго Софронія, прежняго митрополита Акарскаго, человѣка добродѣтельнаго и просвѣщеннаго. Сначала этотъ митрополитъ сумѣлъ понравиться жителямъ Алеппо и привлечь ихъ къ правовѣрїю. Но это обращеніе длилось не долго: сыновья, какъ и отцы, снова приняли свою вѣру. Они стали просить Софронія, какъ раньше просили и Геннадія, уступить имъ въ церкви нѣсколько придѣловъ. Софроній отказалъ имъ въ этомъ, послѣ чего они нагло стали настаивать на своемъ требованіи и дошли до того, что посылали дѣтей своихъ бросать въ митрополита камни при его выходѣ изъ церкви. Софроній пожаловался губернатору Алеппо Саадъ-эддину пашѣ, который пригрозилъ злодѣямъ и наказалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но немного спустя, въ то именно время, когда Саадъ-эддинъ паша отправился на паломничество, эти злодѣи за извѣстную сумму денегъ подкупили намѣстника послѣдняго и напали на митрополита въ его подворьи.

Мученія, которымъ уніаты подвергали Софронія въ теченіи 4½ мѣсяцевъ. Изгнаніе Софронія изъ Халяба.

(л. 82 – 85). Тутъ, ворвавшись неожиданно къ митрополиту, они поносили его, плевали въ его пречистое лицо, а въ довершеніе всего заключили его въ маленькую келью во внѣшнемъ подворьи, приставивъ къ нему сторожей, которые караулили бы патріарха и днемъ и ночью, чтобы ему не представилось удобнаго случая для побѣга и чтобы никто изъ христіанъ не приходилъ къ нему. Мало того, къ нему приходили люди специально съ цѣлью насмѣхаться надъ нимъ и поносить его; и, подобно тому какъ это продѣлывалось съ Господомъ его Богомъ, они кивали ему головами и скрежетали на него зубами, словно желая поглотить его. «Нечестивый подсматриваетъ за праведникомъ и ищетъ его умертвить, но Господь не отдастъ его въ руки его». (Псаломъ 36.) Стекались къ мѣсту заключенія и дѣти ихъ и, швыряя въ него камнями, кричали: «А ну-ка, гдѣ ты,

*) На поляхъ рукописи (л. 42) о. Илья Можасъ слѣлалъ свою приписку: «Вѣроятно, они жили въ монастырѣ Маръ. Юханна т.-Табше подъ Шуэйромъ. Этотъ монастырь принадлежитъ къ округу Кясруанскому, и въ немъ кромѣ мѣстныхъ монаховъ жила и халебинцы».

лжець! пойдѣ-ка теперъ въ свою церковь пѣть со своимъ народомъ и паствой!..» Они ругали его неприличными словами и, глядя на него черезъ маленькія окна, издѣвались надъ нимъ и плевали въ его лицо.

Плохо приходилось тому изъ христіанъ, кого они встрѣчали возлѣ подворья: сейчасъ подступали къ нему и расправлялись, говоря: «Ты пришелъ навѣститъ своего митрополита? Мы его похоронили живьемъ. А вскорѣ и васъ всѣхъ сотремъ съ лица земли». Каково жѣ было положеніе митрополита! Заключенный внутри той маленькой, темной кельи, онъ днемъ и ночью долженъ былъ сидѣть на полу, такъ какъ тамъ вовсе не было никакой постели. (л. 84). Мало того: ему не позволяли даже выходить наружу для отправленія естественныхъ потребностей, а заставляли выполнять это внутри той же кельи — въ теченіе ровно четырехъ съ половиной мѣсяцевъ!

Попеченіе Господа о немъ проявилось въ лицѣ одной православной женщины, вдовы покойнаго Ханна, сына Ильеса. Дѣти ея изъ-за постояннаго преслѣдованія покинули Халѣбъ, но сама она все время оставалась тамъ, и при ней была лишь маленькая дочь. Ежедневно она съ дочуркою ходили къ окошку митрополита, закрытыя *), такъ что никто не могъ узнать ихъ среди прочихъ женщинъ и дѣвушекъ, приходившихъ любоваться и издѣваться надъ нимъ: онъ вѣдь сталъ обычнымъ посмѣшищемъ и предметомъ униженія для враговъ своихъ, хотя и оставался образцомъ для терпѣливыхъ вѣрующихъ. Эта женщина съ дочерью тайкомъ приносили митрополиту что-нибудь поѣсть и ловко бросали это черезъ маленькія окна, такъ что присутствующіе не замѣчали. Если бъ не состраданіе этихъ двухъ женщинъ, то митрополитъ померъ бы отъ голода, потому что подлые люди отпускали ему ежедневно только унцію сухого хлѣба изъ отрубей, который можно было ѣсть развѣ съ крайнимъ отвращеніемъ. (л. 85). Все подобное переносилъ этотъ святой отецъ, благодаря Всевышняго Творца за то, что Онъ, Преславный, сподобилъ его, подобно мученикамъ и святымъ, претерпѣть это гоненіе за правую вѣру; поддержку находилъ онъ въ молитвахъ, подобныхъ молитвамъ Даніила во рву львиномъ.

(л. 85). По истеченіи этого тягостнѣйшаго 4½-мѣсячнаго заключенія, жители Халѣба, узнавши о скоромъ возвращеніи Са'д-эд-дина-паши, вернули митрополиту свободу, но предварительно взяли съ него росписку, что онъ больше не вернется въ Халѣбъ. Софроній принужденъ былъ согласиться на такую росписку, далъ ее и уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ и рассказалъ все, что съ нимъ случилось. Патріархъ Сильвестръ, чувствуя, что онъ лично не въ состояніи поправить дѣла, съ грустью только взиралъ на то, какъ ослабѣваетъ и гаснетъ православіе въ Халѣбѣ.

*) Во многихъ глухихъ городишкахъ Палестины и Сиріи до сихъ поръ женщины христіанки ходятъ укутанныя изарами и закрытыя вуалями-мандилями, словно мусульманки. Въ большихъ центрахъ этотъ обычай, конечно, исчезъ, хотя вызываетъ нареканія со стороны очень старыхъ людей, какъ своего рода развратъ.

Патріархъ Антіохійскій Сильвестръ уступаетъ Халѣбскую митрополію Константинопольскому патріарху. Константинопольскій Синодъ изгоняетъ уніата Максима и назначаетъ на халѣбскій престолъ Филимона. По смерти патріарха Сильвестра (1766) избираютъ Филимона въ Антіохійскіе патріархи. Ему наслѣдуетъ на патріаршемъ престолѣ Данииль (1767), хотя въ числѣ кандидатовъ былъ Іоанникій, митрополитъ Бейрута. Постройка бейрутскими уніатами особой церкви. Перестройка бейрутскими православными своей церкви сопровождается несчастьемъ.

л. 87—104. Наконецъ, увидѣвши необходимость сложить съ себя и предоставить другимъ хлопоты о томъ, какъ бы помочь дѣлу, антіохійскій патріархъ Сильвестръ уступилъ, по требованію Синода, халѣбскую епархію константинопольскому патріарху. Этотъ послѣдній поспѣшилъ назначить халѣбскимъ митрополитомъ Филимона, своего синодальнаго архіерея, и отправилъ его въ Халѣбъ въ сопровожденіи турецкаго правительственнаго комиссара (1753 г.).—л. 92. Когда прибылъ митрополитъ Филимонъ, то уніатъ Максимъ, который съ успѣхомъ претендовалъ было на митрополичій престолъ, освободившійся послѣ изгнанія православнаго Софронія паствою изъ Халѣба, теперь снова бѣжалъ въ Кясруанъ. Жители Халѣба не рѣшились устроить прибывшему Филимону какую-нибудь враждебную демонстрацію. Число православныхъ было тогда очень незначительно; они имѣли только одного священника, да и то очень стараго.

л. 93. Патріархъ Сильвестръ умеръ 13 марта 1766 г. въ Дамаскѣ. Соборъ епископовъ избралъ въ антіохійскіе патріархи Софронія, того самаго, который былъ нѣкогда митрополитомъ въ Халѣбѣ и пострадалъ отъ уніатовъ; но самъ Софроній отказался принять избраніе. Послѣ многихъ затрудненій, константинопольскій патріархъ предложилъ дамасскому собору избрать въ антіохійскіе патріархи Филимона, поставленнаго отъ Константинополя въ митрополиты халѣбскіе. Предложеніе было исполнено (въ концѣ апрѣля 1766 г.). Филимонъ, отправляясь на патріаршій престолъ, назначилъ на свое мѣсто въ Халѣбъ своего архидіакона Неофита. Вскорѣ однако новый патріархъ Филимонъ умеръ, въ Лаодикіи (5 іюля 1767 г.). л. 99. На антіохійскомъ престолѣ наслѣдовалъ ему Данииль, избранный по настоянію патріарха константинопольскаго; мѣстные же сирійскіе епископы выставляли кандидатами въ свои патріархи Іоанникія Бейрутскаго, Макарія Сидонскаго и другихъ.

Въ Бейрутѣ за этотъ періодъ, во время епископства Іоанникія, часто происходили раздоры между православными и уніатами изъ-за храма. Наконецъ уніаты, видя, что имъ не справиться съ православными, приобрѣли себѣ садъ отъявленнаго бейрутскаго пьянчуги Абу-Бешира и построили тамъ свое собственное уніатское подворье съ церковью. Кромѣ того, они отвоевали у православныхъ придѣлъ св. Іліи.—л. 100. Православные тогда рѣшили разобрать свою церковь—она ужъ очень обветшала—и перестроить ее. Митрополитъ Іоанникій былъ противъ перестройки, и потому паства спѣшно привела свой планъ въ исполненіе тогда, когда митрополитъ находился съ прочими митрополитами въ Дамаскѣ. Во время службы 4-го марта 1767 года колонны, подпиравшія своды церкви обрушились, и 87 человекъ

погибло подъ развалинами. Спустя три мѣсяца возобновилась перестройка, ужъ болѣе прочная и основательная. Закончена она была 1-го марта 1772 года. 27-го марта того же года, вечеромъ, въ Страстную пятницу, первый разъ начали совершать въ ней богослуженіе.

Бомбардировка Бейрута русской эскадрой съ 7 мая 1772 года. Бѣгство богатыхъ христіанъ на Ливанъ. Русскіе одолѣваютъ мусульманъ и одинаково грабятъ какъ дома мусульманскіе, такъ и христіанскіе. Послѣ изгнанія русскихъ на суда, Бейрутъ подвергается грабежу горцевъ-друзовъ. Получивши отъ бейрутскаго эмира Юсифа окупъ, русскіе отплываютъ къ Аккѣ. Опираясь на ихъ помощь, аккскій правитель шейхъ Дагеръ возстаетъ противъ Порты и старается овладѣть городами сирійскаго побережья, въ томъ числѣ и Бейрутомъ.

л. 104—107. Послѣ этого, въ четвергъ, слѣдовавшій за Вознесеніемъ, именно 7-го мая (1772 г.), прибыла къ Бейруту русская эскадра и открыла бомбардировку по городу. На жителей города напалъ страхъ. Послали они русскимъ съѣстные припасы и узнали отъ нихъ, что они намѣрены овладѣть городомъ. Правитель Бейрута, эмиръ Юсифъ Шихабъ, находился въ отсутствіи.

Бейрутскіе мусульмане проявили ожесточенное сопротивленіе русскимъ и стрѣляли въ нихъ изъ пушекъ — съ бортовъ крѣпости и башни («Бюржъ»), находившейся у гавани; они защищали и окрестности города, такъ какъ у Бейрута не было ни стѣнъ, ни другихъ башенъ.

Знатные христіане-бейрутинцы во время этой суматохи бѣжали со своими семьями на Ливанъ, оставляя свое имущество и добро въ магазинахъ каравансараяхъ и домахъ. Въ понедѣльникъ на первый день петровскаго поста солдаты, находившіеся на русскихъ военныхъ корабляхъ («гальюнахъ»), высадились на берегъ (л. 105) и вступили въ сраженіе съ жителями, которые строили у воротъ Сантіи стѣну изъ кулей и сундуковъ, наполненныхъ пескомъ, и рыли окопы. Въ ночь перваго дня поста десантъ вступилъ въ городъ, и первымъ мѣстомъ, куда онъ пришелъ, былъ каравансарай эмира Юсуфа. Русскіе его ограбили, равно какъ ограбили и дома христіанъ, находившіеся по сосѣдству съ нимъ, взявъ все, что можно было унести съ собой, изъ пожитковъ, утвари и имущества, хотя и легкое по вѣсу, но дорогое по цѣнѣ. Спустя нѣкоторое время послѣ этого, мусульманскіе жители города одержали надъ ними верхъ и прогнали ихъ обратно къ судамъ. Пользуясь этимъ случаемъ, горные жители друзья, какъ знатные — такъ и простые крестьяне, спустились въ городъ и начали грабить все, что находили въ домахъ и магазинахъ, а именно: всякаго рода имущество, пожитки и товары, разбивая одну фарфоровую посуду и стекло, которыя нельзя было унести съ собой. Только въ кварталѣ Минâ (портовой части города) христіане потерпѣли значительный убытокъ отъ такого грабежа ихъ домовъ и магазиновъ, такъ какъ другая часть города, выдающаяся въ море, была защищаема мусульманами. Между тѣмъ прибылъ Са'дъ-эль-Хури, министръ эмира Юсуфа, и отпустилъ русскихъ съ миромъ, причемъ дѣло у нихъ кончилось тѣмъ, что онъ (Саадъ) уплатилъ имъ 300.000 піастровъ.

(л. 106). Русскіе взяли эти деньги и удалились къ Аккѣ; они были приглашены шейхомъ Дагеръ эль Омаромъ, правителемъ Акки, для того, чтобы овладѣть для него Бейрутомъ, если будутъ въ состояніи это сдѣлать. Поступалъ онъ такъ потому, что обнаружилъ неповиновеніе противъ Высокой Порты и согласился съ Али-беемъ, правителемъ Египта, соединиться съ русскими; событіе это имѣло мѣсто во время султана Мустафы (III-го) и продолжалось до времени султана Абдуль-Хамида. (Такъ написано въ оригиналѣ, но, кажется, смыслъ этого тотъ, что во время этихъ обоихъ султановъ тянулася война съ русскими *). Что касается эмира Юсуфа Шхаба, правителя Бейрута, то онъ не сошелся съ ними въ этомъ.

Дегеръ-эль-Омаръ, правитель Акки, потянулся далеко, взявъ Яффу и поставилъ въ ней своего намѣстника, затѣмъ взявъ Сидонъ при помощи силы шейховъ мотуалиевъ, правителей области Саффетъ, и поставилъ въ ней своимъ намѣстникомъ мавра, по имени Мухаммеда-Агу-Денгизли, но надежда завладѣть Бейрутомъ обманула его. Между тѣмъ эмиръ Юсуфъ Шхабъ собралъ сильное войско и отправился въ сопровожденіи его свѣтлости Османа-паши, намѣстника Сиріи, противъ Акки, но не имѣлъ успѣха. Тогда онъ вторично собралъ войско съ Ливана, отправился противъ Сидона вмѣстѣ съ его свѣтлостью губернаторомъ Халилемъ, но и здѣсь не имѣлъ успѣха по предопредѣленію, о которомъ знаетъ промысль Божій.

На помощь эмиру Юсуфу бейрутскому противъ завоевательнаго Дагера аккского, дамасскій губернаторъ присылаетъ конницу подъ начальствомъ Джеззара. Джеззаръ дѣлается полновластнымъ хозяиномъ Бейрута, и встревоженный эмиръ Юсуфъ бейрутскій мирится съ Дагеромъ аккскимъ, чтобы совмѣстно дѣйствовать ужь противъ Джеззара. Тогда Дагеръ проситъ союзную ему русскую эскадру пойти на Бейрутъ вновь,—и русскіе за плату 600.000 піастровъ соглашаются начать вторичную осаду Бейрута.

л. 107-114. Когда русская эскадра ушла, эмиръ Юсуфъ написалъ Осману-пашѣ въ Дамаскъ письмо, прося послѣдняго прислать ему гарнизонъ въ Бейрутъ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней прибылъ гарнизонъ въ числѣ 400 всадниковъ, подъ начальствомъ Ахмеда Джеззара. Эмиръ Юсуфъ оказалъ имъ хорошій пріемъ и приказалъ имъ повиноваться ему. Нѣсколько дней спустя Джеззаръ сталъ набирать новыхъ солдатъ, чтобы достроить укрѣпленія. Такъ какъ Джеззаръ сталъ собирать подаги, то эмиръ Юсуфъ потребовалъ отчета о дѣйствіяхъ такого рода. Джеззаръ далъ весьма уклончивый отвѣтъ, а когда эмиръ продолжалъ настаивать на своемъ требованіи, Джеззаръ отвѣтилъ, что онъ вернетъ ему городъ по прошествіи 40 дней. Но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было: работы по сооруженію укрѣпленій продолжались съ удвоенной энергіей, вслѣдствіе чего эмиръ Юсуфъ все болѣе и болѣе безпокоился. Наконецъ, придя въ отчаяніе, онъ держитъ совѣтъ со своими совѣтниками, результатомъ котораго и было постановленіе: просить свиданія съ Дагеромъ эль-Омаромъ, правителемъ Акки, для того

*) То, что въ скобкахъ, написано краснымъ черниломъ и принадлежитъ перепишечнику.

чтобы на свиданіи эмиръ могъ попросить у него помощи. Они написали письмо Дагеру-эль-Омару, прося послѣдняго о свиданіи подъ предлогомъ переговоровъ о мирѣ. Свиданіе состоялось около Сидона, у гробницы пророка Іоны. Къ гробницѣ пророка Іоны явился эмиръ Юсуфъ въ сопровожденіи членовъ своей семьи и шейха Ливана; сюда же со своей свитой прибылъ и шейхъ Дагеръ-эль-Омаръ.

(л. 113). Такъ состоялась ихъ встрѣча; противники подали другъ другу руки, помирились и заключили союзъ, причемъ эмиру Юсуфу было оказано полное уваженіе со стороны шейха Дагера. Они совѣщались другъ съ другомъ о дѣлѣ осады Джебзара въ Бейрутѣ. Эмиръ Юсуфъ просилъ шейха Дагера помочь ему своимъ совѣтомъ, на что шейхъ Дагеръ отвѣтилъ: «я напишу на островъ Паросъ требованіе о прибытіи русской эскадры въ Египетъ для оказанія помощи Али бею (вѣдь Али-бей, какъ разъ тогда отправился изъ Акки въ Египетъ, гдѣ былъ разбитъ и раненъ самъ, послѣ чего и умеръ) и, если придутъ корабли, пусть онъ отправитъ ихъ для осады Бейрута съ морской стороны, а ты собери свое войско и спустись (съ горъ) къ Джебзару, чтобы осадить его съ суши». Порѣшивъ на этомъ, они разстались весьма дружелюбно и условились продолжать переписку другъ съ другомъ. Послѣ того какъ шейхъ Дагеръ отправился въ Акку, прибыла русская эскадра, и онъ направилъ ее въ Бейрутъ, чтобы она, осадивъ и взявъ его, передала послѣдній во власть эмира Юсуфа. Русскіе сошлись съ эмиромъ на 600.000 піастровъ, которые онъ долженъ былъ уплатить имъ послѣ взятія Бейрута. Къ городу прибыли большія и малыя военныя суда, числомъ до 40; явился со своимъ войскомъ и эмиръ Юсуфъ сухимъ путемъ, и начали осаду, открывъ огонь по городу.

Осажденный въ Бейрутѣ, Джебзаръ нѣсколько мѣсяцевъ храбро отражаетъ всѣ атаки русской эскадры. Только 2 ноября 1773 г. при посредничествѣ шейха Дагера аккского, Джебзаръ мирно покидаетъ Бейрутъ и удаляется наконецъ въ Стамбуль.

л. 114—116. Кто можетъ описать, какіе труды пришлось перенести жителямъ города и войску Джебзара! Днемъ и ночью они находились на стѣнахъ или у моря, преимущественно въ кварталѣ Сантіи. Русскіе устроили тамъ валъ и окопы, поставили пушки и производили ночью внезапныя нападенія. Пушечные и ружейные залпы, крики людей и шумъ нападенія на (городскія) стѣны можно было слышать на разстояніи шести часовъ (ходьбы). Всякій разъ какъ они разрушали часть стѣны, Джебзаръ и горожане тотчасъ возобновляли ее, возводя передъ (разрушенной) стѣной другую стѣну изъ пустыхъ сундуковъ и кулей, наполненныхъ пескомъ. Дѣло все шло своимъ порядкомъ, и осада тянулась. Войско сухопутное не приносило пользы, такъ какъ шейхи стакнулись съ Джебзаромъ, и войско ихъ мало-по-малу разбѣгалось.

Когда капитанъ русской эскадры Адольфъ Михайловичъ *) и помощникъ его (второй капитанъ) графъ И. Войновичъ (? كونت جوائی?) увидѣли

*) Капитанъ Кожуховъ.

такое положеніе сухопутнаго войска, то были огорчены этимъ и хотѣли уѣхать. Эмиръ Юсуфъ находился въ затруднительномъ положеніи и на колѣняхъ долженъ былъ умолять обоихъ капитановъ не уходить, прежде чѣмъ возьмутъ городъ. Тѣ, увидя дѣйствительно весьма затруднительное положеніе эмира, сжалились надъ нимъ и изъ сожалѣнія къ нему обѣщали продолжать осаду до тѣхъ поръ, пока не овладѣютъ городомъ, потребовавъ однако, чтобы онъ далъ имъ поручителя объ уплатѣ денегъ, или заложника. Эмиръ далъ имъ въ качествѣ заложника своего племянника, эмира Мусу. Они возобновили осаду и усилили нападенія.

Такъ дѣло продолжалось въ теченіе 4 мѣсяцевъ, при чемъ они не могли овладѣть городомъ, такъ какъ войско Джаззара и жители съ большимъ ожесточеніемъ защищали его. Послѣдніе не терпѣли нужды ни въ чемъ, ни въ военныхъ снарядахъ, ни въ сѣстныхъ припасахъ, а только развѣ въ нѣкоторыхъ незначительныхъ предметахъ, на которые цѣны повысились, какъ напр., турецкаго и персидскаго табаку.

Послѣ этого состоялась переписка между капитанами и Джаззаромъ, причемъ они приглашали къ себѣ другъ друга. (л. 116). Джаззаръ съ безопасностью для себя побывалъ на эскадрѣ; пріѣзжалъ въ городъ въ свою очерель и графъ Войновичъ, чтобы погостить у Джаззара, и ему былъ оказанъ полный почетъ. Но послѣ того какъ онъ вернулся на эскадру, возобновилась осада, и положеніе дѣлъ стало совершенно невыносимымъ; обѣ стороны находились въ затруднительномъ положеніи: эскадру ставила въ такое (стѣсненное) положеніе зима, непогода и продолжительность осады, а жителей—чрезмѣрная усталость. Наконецъ шейхъ Дагеръ сталъ посредникомъ мира между обѣими сторонами; состоялось соглашеніе, по которому Джаззаръ съ безопасностью можетъ выйти изъ города, а также будетъ пропущено его войско и имущество сухимъ путемъ, и никто не будетъ противодѣйствовать ему въ этомъ.

Такъ кончилось дѣло. Джаззаръ вышелъ изъ города 2-го ноября 1773 года со своими людьми и имуществомъ и направился въ Акку къ шейху Дагеру, а войско свое распустилъ. Нѣкоторое время онъ оставался у шейха, затѣмъ послѣдній послалъ его въ Шафа-Омаръ для наблюденія за аккуратнымъ поступленіемъ ячменя въ государственные амбары. Джаззаръ взялъ муловъ для перевозки ячменя и всадниковъ, отправился въ Шафа-Омаръ, откуда также взялъ нѣсколько всадниковъ, и бѣжалъ съ ними въ Стамбуль. О немъ еще будетъ рѣчь впереди.

Передача Бейрута русскими законному бейрутскому эмиру Юсуфу Шхэбу. Заключение мира между Россіей и Турціей и окончательный уходъ русскихъ изъ Бейрута.

(л. 117). Когда Джаззаръ вышелъ изъ Бейрута, въ него вошелъ эмиръ Юсуфъ и вся семья Шхэбовъ; въ городъ вступили также и оба капитана русской эскадры. Войско ихъ помѣстили въ крѣпости и башняхъ, при чемъ Русскіе развернули свои флаги. Денежная контрибуція была разложена между христіанами и мусульманами; ее собрали и уплатили обоимъ

взяли въ плѣнъ; они конфисковали казну ихъ, состоявшую изъ неисчисли-
мыхъ сокровищъ, а также казну Али-бея. Дѣло въ томъ, что онъ, послѣ
своего удаленія изъ Египта, прибылъ въ Акку и отдалъ казну свою
тамъ на храненіе, послѣ чего отправился въ Египетъ, гдѣ былъ убитъ.
Всю эту казну взялъ капитанъ-паша и удалился. Въ Константинополѣ
Ибрагима Саббага и Денгизли казнили, но оставили (въ живыхъ) сына
Дагера-эль-Омара и обѣщали ему милость, а онъ между тѣмъ умеръ. Въ
этотъ промежутокъ времени послали Мухаммеда-пашу эль-Азама правите-
лемъ въ Сидонъ. Онъ короткое время оставался тамъ, затѣмъ былъ пере-
веденъ въ Румелію, послѣ чего Высокая порта выказала свое благоволеніе
по отношенію къ Ахмеду-бею Джаззару, даровала ему дружбу (تواخ) и по-
слала его намѣстникомъ въ Акку; по прибытіи въ городъ въ душу эмира
Юсуфа, правителя Бейрута и Ливана, запалъ страхъ: онъ послалъ Джаз-
зару дары и поздравленіе съ назначеніемъ на Аккскій постъ. И пришло
къ нему въ отвѣтъ отъ Джаззара благоволеніе и обезпеченіе, что онъ мо-
жетъ править Бейрутомъ и Ливаномъ по-старому. Послѣ этого Бейрутъ
на нѣкоторое время успокоился, такъ какъ Джаззаръ проявлялъ необыкно-
венную справедливость во всей своей провинціи.

Вскорѣ къ Бейруту прибываетъ еще одна турецкая эскадра по поводу семилѣтнихъ недо-
имокъ. Едва она отъѣзжаетъ, какъ Джеззаръ Аккскій рѣшается совершенно овладѣть
Бейрутомъ и прогнать эмира Юсуфа Шхэба. Домоправитель эмира Юсуфа догоняетъ
отъѣхавшій турецкій флотъ и приглашаетъ прійти на помощь противъ Джеззара. Вер-
нувшемуся турецкому адмиралу Джеззаръ отвѣчаетъ притворнымъ повиновеніемъ, а когда
тотъ окончательно уѣзжаетъ, Джеззаръ повелѣваетъ своему визирю держать Бейрутъ
въ осадномъ положеніи.

л. 119—123. Затѣмъ вторично прибыла въ Бейрутъ турецкая эскадра,
требуя недоимокъ и податей за 7 лѣтъ, накопившихся за то время, когда
правительство было занято (войной), Сидонъ былъ безъ правителя, а Ли-
ванъ вышелъ изъ повиновенія. (л. 120). Когда хищная эскадра подѣхала,
на жителей Бейрута и правителей его напалъ страхъ; правители и хри-
стіане бѣжали на Ливанъ; остались въ городѣ одни только мусульмане. Въ
то время, какъ эскадра подходила еще къ Кипру, она встрѣтилась съ венеци-
анскимъ судномъ, нагруженнымъ приблизительно 100 центнерами шелка, ве-
зеннаго изъ Бейрута и предназначеннаго египетскимъ купцамъ. Капитаномъ
на этомъ суднѣ былъ Хаджи Алій Звейнъ, родомъ изъ Сидона. Эскадра
овладѣла этимъ судномъ, причемъ шелкъ конфисковали, а Алія Звейна повѣ-
сили на мачтѣ. Что касается купцовъ, то они готовы были уплатить боль-
шую сумму денегъ въ выкупъ за шелкъ, но капитанъ-башы не пошелъ
на это, и причина этого та, что шелкъ стали перегружать въ то время,
какъ галеры таможеннаго вѣдомства стояли въ заливѣ.

По прибытіи эскадры въ Бейрутъ послали требовать отъ эмира Юсуфа,
находившагося на Ливанѣ, недоимокъ податей за 7 лѣтъ. Тогда выступили
шейхи областей и объявили капитану, что у эмира Юсуфа есть фирманы
отъ правительства, прощающіе недоимки податей за 3—4 года, а за осталь-

ные годы у него есть квитанціи отъ Османъ-паши, уполномоченнаго султана, намѣстника Дамасскаго, выданныя взаимъ расходовъ, которые взялъ на себя эмиръ Юсуфъ во время 2-хъ походовъ противъ Дагера-эль-Омара: перваго — противъ Акки съ Османомъ-пашой, а втораго — противъ Сидона съ правителемъ Халилемъ-пашой. Такимъ путемъ, а также подношеніемъ подарковъ, они удовлетворили капитана Хасана-пашу, который послѣ этого рѣшилъ уѣхать изъ Бейрута.

Въ то время, какъ эскадра удалилась изъ гавани и стала выходить въ открытое море, вдругъ Джаззаръ и его конница неожиданно подступили къ Бейруту, чтобы овладѣть имъ, какъ нѣкогда. Но объ этомъ узналъ негръ Вакидъ, завѣдующій имѣніемъ эмира Юсуфа. Онъ, взявши лодку (фелуку) догналъ капитана и извѣстилъ его о прибытіи Джаззара. Такъ какъ между ними были нелады и такъ какъ Хасанъ-паша выдалъ эмиру Юсуфу грамоту на управленіе Бейрутомъ и Ливаномъ въ качествѣ намѣстника султана, то тотчасъ вернулся съ эскадрой, высадился на берегъ и сталъ засѣдать въ диванѣ. Джаззаръ, узнавъ о его прибытіи, пришелъ привѣтствовать его. Хасанъ-паша тотчасъ принялъ его сдержанно, говоря: «Что за причина твоего прихода въ Бейрутъ?» Джаззаръ отвѣчалъ: «Это мой городъ, я и пришелъ сюда (въ него)». Хасанъ-паша возразилъ ему: «Онъ принадлежитъ не тебѣ, а эмиру Юсуфу». (л. 122). Джаззаръ отвѣтилъ: «Султанъ пожаловалъ его мнѣ, какъ принадлежащій къ моей провинціи, и я не намѣренъ предоставлять власти надъ нимъ эмиру Юсуфу». Хасанъ-паша сказалъ ему: «Я въ качествѣ уполномоченнаго султана пожаловалъ городъ ему (эмиру Юсуфу) и желаю, чтобы ты немедленно же вернулся въ Акку; въ противномъ случаѣ я уничтожу тебя и дамъ отвѣтъ султану». Джаззаръ, услышавъ такое заявленіе со стороны Хасана-паши, рѣшилъ уйти изъ города со своими людьми. Паша послалъ извѣстить эмира о случившемся, а также и о томъ, что Джаззаръ готовится выступить изъ города и что при немъ находится небольшое число всадниковъ; пусть они встрѣтятъ его на дорогѣ и расправятся съ нимъ. Извѣстіе это пришло къ эмиру Юсуфу; между тѣмъ Джаззаръ вышелъ изъ Бейрута, а Хасанъ-паша удалился со своей эскадрой, зная, что сила горцевъ (Ливана) такова, что они одолѣютъ Джаззара, стѣснятъ его и овладѣютъ городомъ.

Но по предопредѣленію, о которомъ знаетъ Богъ, это было первое несчастіе горцевъ Ливана и начало счастья Джаззара, что часть всадниковъ отправилась къ границамъ Сидона и съ ними дѣти шейха Колейба Накада, шейхъ Вакидъ и сынъ его дяди, и небольшое число всадниковъ, которые были пьяны. Они сразились съ Джаззаромъ (л. 123) и его воинами и были разбиты, причемъ всадники Джаззара захватили въ свои руки шейха Вакида, сына шейха Кулейба Накада, и сына его дяди, а остальные убѣжали. Джаззаръ помѣстилъ ихъ въ крѣпости Сидона.

Когда объ этомъ пришло извѣстіе къ эмиру Юсуфу и жителямъ Ливана, они были потрясены и растерялись и не осмѣливались явиться въ Бейрутъ, такъ какъ эскадра удалилась. Они стали придумывать средства къ освобожденію дѣтей шейховъ изъ крѣпости Сидона, ибо въ это время и

самъ шейхъ Кулейбъ Накадъ, и его семья пользовались вліяніемъ и поче- томъ на Ливанѣ, а эмиру Юсуфу принадлежала власть только номинально. Шейхъ Кулейбъ Накадъ, пользовавшійся вліяніемъ въ странѣ, и всѣ при- верженцы его написали Джаззару и предлагали ему деньги, но онъ не осво- бождалъ ихъ, пока они спустя нѣкоторое время сами не убѣжали изъ крѣ- пости при содѣйствіи христіанина изъ числа жителей Дейръ-эль-Камара, по имени Іоанна.

Джаззаръ послалъ своего «кяхью», приказавъ ему держать въ осад- номъ положеніи Бейрутъ при помощи немногочисленного войска.

Осадное положеніе Бейрута въ рукахъ Джеззарова «кяхьи». Невыносимыя бѣдствія бей- рутскихъ христіанъ-купцовъ, не убѣжавшихъ съ остальными на Ливанъ. Кровавое и гра- бительское хозяйничанье Джеззара по всему Ливану.

л. 123—125. Кяхья запретилъ горцамъ-друзамъ являться въ Бейрутъ ради какихъ бы то ни было надобностей. Что касается знатныхъ христіанъ изъ Бейрута, то они со времени прибытія турецкой эскадры не переставали жить на Ливанѣ; поэтому кяхья Джаззара не нашелъ (передъ собой) никого изъ христіанъ, кромѣ купцовъ, и сталъ онъ ихъ заключать въ тем- ницу, мучить, а нѣкоторыхъ заставлялъ уплатить непосильную сумму де- негъ, и такъ какъ у нихъ не было средствъ для уплаты, то они предста- вляли поручителей, послѣ чего ихъ отпускали собирать милостыню у ихъ друзей, живущихъ на Ливанѣ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они, вер- нувшись, уплатили требуемую сумму. Были между ними такіе, которыхъ онъ казнилъ сажаніемъ на колъ, продѣваніемъ крюка и посредствомъ повѣшенія; поступилъ онъ съ ними такъ жестоко вслѣдствіе доноса клеветниковъ утверждавшихъ, что будто бы они провинились во время войны съ русскими. Между прочимъ прибыло греческое судно, на грузенное кассіей*). На этомъ суднѣ было 7 молодыхъ грековъ, на которыхъ на- клеветали, что они были въ русской эскадрѣ. Кяхья Джаззара задер- жалъ ихъ и, когда они не пожелали отказаться отъ своей вѣры, повѣсилъ ихъ на сикоморахъ**). Съ этого времени настало весьма бѣдственное по- ложеніе для христіанъ, переселившихся на Ливанъ, явившееся послѣдствіемъ дороговизны, осады, горя, пребывания на чужбинѣ и опасенія, что остав- шіеся въ городѣ люди убиты или заключены въ темницу, мучимы и уни- жаемы. Джаззаръ сталъ помогать своему кяхьѣ войскомъ и деньгами для охраны города. Войско размѣщалось въ домахъ христіанъ и разорило городъ, какъ прежде; (л. 125) оно не дало людямъ собрать шелкъ во время его сезона и разграбило станки.

*) Непонятное мѣсто; можетъ, вмѣсто *شینر فیشای* слѣдовало бы ожидать турецкаго *چنبر قایقی*, что значитъ «дровяникъ», судно для перевозки дровъ.

**) Сикоморы, о которыхъ идетъ рѣчь, растутъ (въ числѣ 3) въ самой людной части города Бейрута, и по ихъ имени эта часть называется «Сикоморный базаръ» (Су' жом-мейзе). Находится неподалеку отъ гавани и такъ называемаго «Буржа».

Когда Джаззаръ увидѣлъ, что съ удаленіемъ эскадры изъ всего (Средиземнаго) моря для него настало благоприятное время и что онъ сталъ властитель страны съ задержаніемъ шейховъ, то собралъ войско и послалъ его произвести внезапно нападеніе на границы страны, прежде всего на Шуфъ, что въ сторонѣ Сидона. Войско его стало бить, грабить, похищать (имущество), затѣмъ вернулось обратно, причемъ никто не оказывалъ ему сопротивленія изъ опасенія за задержанныхъ дѣтей шейховъ. Послѣ этого Джаззаръ отправилъ войско въ область Бука (البقاع), предписавъ ему сжечь имущество и посѣвы жителей Ливана и ограбить ихъ. Намъ не хватило бы мѣста въ этомъ краткомъ очеркѣ упомянуть о всѣхъ происшествіяхъ, которыя имѣли мѣсто во время Джаззара. Все время онъ перемѣнялъ правителей, оставаясь доволенъ послѣдними только при уплатѣ ими крупной суммы денегъ. Для удовлетворенія Джаззара, на жителей Ливана были наложены чрезвычайные налоги, и люди продавали свое добро по самой низкой цѣнѣ. Затѣмъ, бывало, разсердится Джаззаръ вторично на правителя и смѣститъ его, требуя большей суммы денегъ, чѣмъ прежде.

Бейрутскіе христіане, жившіе уже три года на Ливанѣ и бѣдствовавшіе, посылаютъ къ Джеззару посломъ его прежняго пріятеля—православнаго шейха Юноса Нуля. Джеззаръ ставитъ Юноса на должность главнаго откупщика Бейрутскаго и даетъ большія полномочія. При Юносѣ бейрутскіе христіане возвращаются въ свой городъ, въ томъ числѣ—православный митрополитъ Макарій и униатскій митрополитъ Игнатій.

л. 125—128. Что касается христіанъ Бейрута, то они испытывали горе вслѣдствіе трехлѣтняго пребыванія на чужбинѣ и очень тяготились бездѣйствіемъ и расходами, не находя средствъ выйти изъ этого положенія (л. 126). Шейхъ Юнусъ Никула (Иона Николаевичъ) рѣшилъ написать Джаззару, прося свиданія съ нимъ, и послалъ ему прошеніе свое черезъ христіанина-алайлійца, по имени Соломона Иваба [въ другой рукописи — جواب]. Джаззаръ былъ расположенъ къ упомянутому мужу и къ шейху Юнусу, такъ какъ Джаззаръ, по своемъ изгнаніи изъ Египта, прибывъ въ Бейрутъ во время правленія эмира Юсуфа, часто посѣщалъ шейха Юноса въ таможенѣ, причемъ шейхъ оказывалъ ему почтеніе, и Джаззаръ помнилъ это. Поэтому тотчасъ, какъ прибылъ къ нему Соломонъ, онъ принялъ его съ довольнымъ выраженіемъ лица; съ радостью взялъ письма отъ шейха и отвѣтилъ ему такъ, какъ привыкъ всегда ему писать: «О, ты, слава тебѣ подобныхъ, вѣрный своимъ словамъ, нашъ почтенный шейхъ Юнусъ Никула!» Джаззаръ приказалъ ему явиться къ себѣ въ Акку, и быть спокойну въ душѣ и помыслахъ своихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Шейхъ тотчасъ собрался изъ городка «ساحل علما» *) и, взявъ съ собой приличный подарокъ, отправился. Когда Джеззаръ узналъ о его прибытіи, онъ приказалъ отвести ему подобающее помѣщеніе, гдѣ бы онъ могъ остановиться. Состоялось свиданіе съ Джаззаромъ. Когда шейхъ былъ представленъ (передъ нимъ), Джаззаръ исполнилъ всѣ его желанія и ока-

*) Этотъ городокъ находится вблизи Акки.

залъ величайшее почтеніе. Въ это время на службѣ у Джаззара въ качествѣ завѣдующихъ его дворцомъ находились и пользовались вліяніемъ два бывшихъ учителя Михаилъ и братъ его Петръ, сыновья Іоанна Сакружа (л. 127), такъ какъ они были еще со временъ Дагера-эль-Омара писцами въ Аккѣ. Въ виду расположенія самого Джаззара къ шейху Юнусу Никулѣ, о которомъ мы упомянули раньше, и въ виду пребыванія въ его дворцѣ этихъ православныхъ *سكارجة*, онъ пожаловалъ ему великолѣпный халатъ и назначилъ его таможеннымъ досмотрщикомъ въ Бейрутѣ и надзирателемъ за благоустройствомъ города и поручилъ ему, въ свою очередь, назначить намѣстникомъ и тафикджи-баши, кого онъ пожелаетъ. Поручилъ ему Джеззаръ завѣдывать бейрутскими чыфтлыками, которые прежде были владѣніемъ эмировъ Шагабовъ, а со временъ Джеззара и до настоящаго времени составляютъ принадлежность казны.

Шейхъ Юнусъ прибылъ въ Бейрутъ и назначилъ мутасаллимомъ (т. е. намѣстникомъ области) Ахмеда-агу изъ Тортуса, а самъ сталъ засѣдать въ таможнѣ, причемъ подъ началомъ его находился братъ его Салимъ. Шейхъ послалъ христіанамъ Бейрута приказъ отъ имени визиря *) и письма отъ себя, чтобы они явились съ Ливана и вновь отстроили свои дома, разрушенные войскомъ, и занялись своими дѣлами. Между тѣмъ христіане, какъ мы уже раньше упомянули, очень скучали вслѣдствіе пребыванія на чужбинѣ и тяготились расходами, бездѣйствіемъ и тѣмъ, что остались несобранными ихъ посылки; къ тому же все время правители Ливана налагали на нихъ насильственные налоги. Когда пришла грамота Джеззара и письма шейха Юноса, (л. 128) христіане вполне довѣрились ему: они сами и ихъ семьи пожелали вернуться въ городъ. Вслѣдствіе своей обходительности шейхъ Юносъ написалъ его святости митрополиту Макарію, чтобы и онъ явился и привелъ съ собой митрополита католическаго Игнатія для успокоенія своей паствы. Всѣ вернулись (въ городъ), и не осталось на Ливанѣ никого, кромѣ Фѣриса Деххѣна и братьевъ его, ибо онъ, будучи очень состоятельнымъ человѣкомъ, тратилъ свои деньги на правителей Ливана и не желалъ видѣть шейха Юноса Никулу въ такомъ почетѣ, такъ какъ сильно ненавидѣлъ его изъ-за религіозныхъ и мірскихъ соображеній. Далѣе будетъ упомянуто, какой вредъ причинилъ христіанамъ этотъ несчастный **).

*) Надо помнить, что визиремъ очень часто титулуется здѣсь Джеззаръ (въ качествѣ султанскаго визиря), хотя у него были и собственные визири.

***) Дальнѣйшая исторія шейха-Юноса и его столкновеній съ Фѣрисомъ Деххѣномъ продолжается на л. 139 и слѣд.; впрочемъ конецъ л. 128-го, отнесенный мною въ начало слѣдующей главы, относится, повидимому, тоже непосредственно къ исторіи шейха-Юноса. А то, что здѣсь далѣе написано на л. 129—139, имѣетъ очевидный характеръ механической вставки и даже плохо согласуется съ подробностями продолженія исторіи шейха-Юноса.

Благоленствіе Бейрута подъ финансовымъ управленіемъ шейха Юноса нарушается возстаніемъ бывшаго бейрутскаго эмира Юсифа Шхэба на Ливанѣ. Джебзаръ прибываетъ изъ Акки въ Бейрутъ и велитъ христіанамъ носить иновѣрческія платья. Захватъ эмира-Юсифа въ плѣнъ и отправка въ Акку. Возвращеніе его изъ Акки и кровавая его расправа съ враждебными ему ливанскими эмирами. Противъ эмира Юсифа Шхэба выступаетъ войско Джебзара.

л. 128—132. Когда переселившіеся христіане вернулись, они занялись исправленіемъ своихъ домовъ и принялись за свои дѣла и занятія. Положеніе дѣлъ въ городѣ улучшилось; между мусульманами и христіанами во время короткаго правленія шейха Юноса существовало полное согласіе. Въ Бейрутѣ, отовсюду, стали стекаться люди, лишь только стало извѣстно, что наступилъ покой и безопасность. Визирь-Джаззаръ хорошо управлялъ жителями своей области, такъ что люди желали ему продолжительной жизни.

Продолжалось такъ это до тѣхъ поръ, пока въ Бейрутѣ не прибылъ однажды Джаззаръ, чтобы отправить войско противъ Ливана; онъ (л. 129) не поладилъ съ эмиромъ Юсуфомъ и послалъ войско осадить Джюбейль. Эмиръ Юсуфъ обратился въ бѣгство и бѣжалъ въ Лаодикійскія горы. Шейха Юноса это очень огорчило, такъ какъ онъ былъ воспитателемъ эмира Юсуфа и очень любилъ его. Вслѣдствіе сильной тоски, причиной которой было стѣсненное положеніе эмира Юсуфа, шейхъ заболѣлъ, и кровь полилась у него изъ горла. Жители города возмутились. Извѣстіе объ этомъ дошло до Джаззара и огорчило его очень. Онъ тотчасъ призвалъ своего врача Сулеймана Сывана и потребовалъ у него объясненія причины болѣзни. Врачъ отвѣтилъ: «это (у шейха) тоска, причиной которой является то, что произошло по волѣ твоей свѣтлости по отношенію къ эмиру Юсуфу, такъ какъ шейхъ воспитывалъ его, какъ своего сына». Визирь, убѣдившись въ томъ, что это дѣйствительно такъ, послалъ тотчасъ снять осаду съ Джюбейля, отправилъ приказъ эмиру Юсуфу вернуться въ свою область и распустилъ войско. Эмиръ прибылъ въ окрестности Бейрута и, послалъ своего сына на свиданіе съ визиремъ, былъ вновь облеченъ властью надъ областью и получилъ на это грамоту. Все это время, въ теченіе котораго Джаззаръ находился въ Бейрутѣ, было спокойно и безопасно для христіанъ. Когда знатные христіане пришли привѣтствовать его, онъ далъ имъ полное удовлетвореніе (л. 130) и успокоилъ ихъ, чтобы они были благонадежны относительно своего имущества и продолжали свою торговлю и торговыя сношенія и молились бы за шейха Юноса Никулу о продленіи его жизни, такъ какъ городъ принадлежитъ шейху, а не ему (Джаззару). Таковы были его благодѣянія. Послѣ этого визирь вернулся въ Акку, и дѣла на нѣкоторое время стихли.

Но затѣмъ Джаззаръ вторично разсердился на эмира Юсуфа, собралъ войско, прибылъ въ Бейрутъ и осадилъ Ливанъ и приказалъ отобрать оружіе у христіанъ и перемѣнить имъ одежду свою. Они перемѣнили свое верхнее цвѣтное одѣяніе, парчевые плащи и вышитый кашемиръ на хлоп-

чато-бумажную матерію синяго цвѣта изъ Хомса (Эмессы) и на простое одѣяніе темнаго цвѣта изъ хлопчатой бумаги и полосатой матеріи изъ Дамаска. Перемѣнили свое одѣяніе всѣ кромѣ шейха Юноса, которому визирь приказалъ не перемѣнять парчевого плаща. Джаззаръ усилилъ осаду Ливана и отправилъ (новое) войско, предоставивъ начальство надъ нимъ эмиру Исмаилу и эмиру сейиду Ахмеду. Затѣмъ настало перемиріе, во время котораго состоялись переписка и переговоры между эмиромъ Юсуфомъ и Джаззаромъ. Послѣдній послалъ успокоить эмира и просилъ его явиться на свиданіе къ себѣ въ Бейрутъ, обѣщая ему безопасность. Эмиръ Юсуфъ явился, а визирь встрѣтилъ его, тотчасъ его захватилъ и увезъ его самого, его министра Саада-эль-Хури (л. 131) и шейха Касима изъ Джынблатовъ въ Акку на галерѣ, которая была у него на морѣ со множествомъ судовъ, побѣдоносныхъ благодаря страху, внушаемому Джаззаромъ, а это видно изъ того, что они захватили нѣсколькихъ корсаровъ, разбѣжавшихъ ради поживы по морю. Визирь привезъ въ Акку эмира Юсуфа съ его свитой. Здѣсь онъ содержалъ его въ полномъ почетѣ, пока не получилъ съ другихъ эмировъ, которыхъ назначилъ, большой суммы денегъ за ихъ назначеніе.

Послѣ этого онъ тайкомъ соединилъ отрядъ эмира Юсуфа со своимъ войскомъ и послалъ его на Ливанъ. Эмиръ неожиданно въ полночь прибылъ въ Дейръ-эль-Камаръ, тотчасъ захватилъ своего дядю, эмира Исмаила и, заключивъ его въ темницу, овладѣлъ его имуществомъ. Что касается эмира сейида Ахмеда, то онъ убѣждалъ. Но эмиръ Юсуфъ послалъ завѣдующаго его имѣніемъ (ملكباشی) выколоть у него глаза и сталъ править на Ливанъ и налагать чрезмѣрные налоги.

Визирь-Джеззаръ послалъ съ полномочіями (طواخ) двухъ изъ своихъ мамлуковъ, которые стали у него пашами: это Салимъ-паша и Сулейманъ-паша, назначенные имъ только на время. Онъ далъ имъ войско и послалъ ихъ къ Сидону, чтобы они пошли на Ливанъ противъ эмира Юсуфа. Въ числѣ офицеровъ войска находился мавръ, по имени Абу-‘Ази, и письмоводитель и довѣренное лицо Джаззара при войскѣ, по имени Ибрагимъ Абу-Калушъ. Они прибыли въ Сидонъ.

У Юсифа Шхэба министромъ былъ въ это время Гандуръ; онъ извѣстенъ, какъ ревностный врагъ православныхъ. Вступивши въ переговоры съ Джеззаровыми военачальниками, онъ убѣдилъ одного изъ нихъ, Салима-пашу, отложиться отъ Джеззара и провозгласить себя господиномъ Бейрута. Войско возмущившихся Джеззаровыхъ полководцевъ и войско эмира Юсифа идутъ сообща противъ Джеззара на самую Акку.

л. 132—134. Министромъ у эмира Юсуфа былъ Гандуръ, сынъ Саада-эль-Хури. Онъ сталъ завѣдывать дѣлами эмира послѣ отца своего, когда тотъ очутился у Джаззара въ Аккѣ въ качествѣ заложника по уплатѣ денегъ. Впослѣдствіи Джаззаръ освободилъ Гандурова отца, такъ какъ его постигла болѣзнь, и онъ прибылъ на Ливанъ и лѣчился долго у врача Джабура-эль-Джилде; но не принесло ему пользы лѣченіе, онъ умеръ и похороненъ въ Джубейлѣ. Онъ былъ хорошаго образа жизни и любилъ примирять (враждующія) общины.

Что касается его сына Гандура, то онъ, двинувшись впередъ въ своемъ (служебномъ) положеніи, сталъ домогаться даже званія французскаго консула ¹⁾. Онъ ужъ собирался было явиться въ Бейрутъ и поднять консульскій флагъ, что онъ и исполнилъ бы, если бы не вмѣшался Джеззаръ, который помѣшалъ выйти указу на его имя, обычному со стороны Высокой Порты. Что касается до его могущества, то оно было очень велико на Ливанѣ; самъ эмиръ Юсуфъ писалъ ему: «Дорогой братъ!», а правители страны и подданные затруднялись, какъ ужъ ему и писать. Когда онъ возгордился очень въ своемъ величій, то воздвигъ гоненіе на православныхъ христіанъ, нарушалъ покой ихъ жизни, тѣснилъ ихъ поборами и наносилъ имъ ущербъ безъ жалости, (л. 133) и стремился къ тому, чтобы они вслѣдствіе такого обращенія съ ними отказались отъ своей правой православной вѣры и приняли неправую вѣру католическую. Объ этомъ усердствовалъ католическій митрополитъ Игнатій при содѣйствіи папскихъ миссіонеровъ. Нашлось много такихъ, которые вслѣдствіе сильнаго гоненія пали, а нѣкоторые дали себя обмануть деньгами и обѣщаніями. Католики овладѣли православными церквями на Ливанѣ и захватили нѣкоторыя силой. Въ это время его святѣйшество митрополитъ Макарій, испуская горестные вздохи, возсылалъ непрерывныя молитвы къ Господу съ горючими слезами, моля Его, чтобы Онъ прекратилъ это гоненіе, исходящее противъ святой церкви и ея смиренной паствы, со стороны еретиковъ. Мольбамъ этимъ внялъ Господь нашъ, какъ будетъ упомянуто послѣ, а теперь вернемся къ предмету нашего повѣствованія.

Итакъ, когда прибыли паши и войско къ Сидону, чтобы направиться противъ Ливана, состоялась переписка между министромъ эмира Гандуромъ аль Хури и довѣреннымъ лицомъ Джеззара Ибрагимомъ Абу-Калушемъ. Тотъ склонилъ пашей къ тому, чтобы они вышли изъ повиновенія Джеззару, и убѣдилъ Салима-пашу распространить извѣстіе (л. 134), будто онъ получилъ свое назначеніе на должность отъ османскаго правительства, и отправить объ этомъ грамоты въ Бейрутъ и Ливанъ. Затѣмъ они подкупили войско, чтобы оно согласилось на это, прекратили походъ противъ Ливана и вернули войско, чтобы взять Суръ и, отправившись оттуда, осадить Джеззара и взять Акку.

Когда пришелъ приказъ Салима-паши въ Бейрутъ, предписывающій провозглашать его имя, жители устроили совѣщаніе, на которомъ было рѣшено не соглашаться на это, и отвѣтили ему: «мы подданные султана; если повинуется Акка и Джеззаръ, то и мы будемъ слѣдовать (имъ), но сами не сдѣлаемъ почина въ этомъ». Въ это время засѣдалъ въ диванѣ уже Селимъ Никула, такъ какъ его братъ блаженной памяти шейхъ Юнусъ недавно умеръ ²⁾. Когда пришелъ отвѣтъ къ Салиму-пашѣ, послѣдній раз-

¹⁾ Слѣдовательно, должности со специально-католическими интересами.

²⁾ Хроника предвосхищаетъ здѣсь событія и касается момента, состоявшагося ужъ по смерти шейха-Юниса. Дальше же мы увидимъ, что хроника еще вернется къ исторіи шейха-Юниса и очень подробно изложитъ ея конецъ.

сердился на жителей Бейрута, на Селима начальника таможни, и грозилъ имъ злобно отомстить въ случаѣ, если окажется побѣдителемъ и овладѣть Аккой... Это и было причиной злости Гандура на общину православныхъ христіанъ. Онъ вѣдь желалъ побѣды Салима-паши, ибо (ему) было обѣщано возвращеніе власти надъ Бейрутомъ эмиру Юсуфу. Онъ ожидалъ лишь исполненія этого обѣщанія, чтобы причинить православнымъ и ихъ митрополиту всякія бѣды (л. 135). Къ тому же до него дошло, что они проклинали его за гоненіе ихъ братьевъ на Ливанѣ.

Но, какъ сказалъ пророкъ (Давидъ): «нечестивый подсматриваетъ за праведникомъ, скрежещетъ на него зубами и ищетъ умертвить, а Господь не отдастъ его въ руки».

Салимъ-паша, Сулейманъ-паша, Абу-'Ази выступили со всѣмъ войскомъ и отправились осадить Акку. Между тѣмъ у Джаззара не осталось совсѣмъ войска, такъ какъ все свое войско онъ отправилъ съ этими пашами; при немъ осталось только нѣсколько слугъ, каменщиковъ и рабочихъ, да нѣсколько мамлюковъ. Увидѣвъ такое вѣроломство по отношенію къ себѣ, Джаззаръ разсердился и убилъ большую часть своихъ мамлюковъ и наложницъ и нѣсколькихъ людей (постороннихъ). Войско, прибывъ къ Суру, взяло его и разграбило, затѣмъ направилось къ Аккѣ и осадило ее.

Сперва растерявшійся и лишенный своего войска, Джеззаръ по совѣту друга-Мохаммеда вооружаетъ аккскихъ каменщиковъ и рабочихъ и разбиваетъ возстанцевъ. Радость бейрутскихъ мусульманъ и православныхъ, избавившихся отъ маронита-Гандура. Не смотря на старанія Юсуфа Шхэба вымолить себѣ пощаду и власть, Джеззаръ казнитъ его съ Гандуромъ, а надъ Ливаномъ ставитъ Бешира Шхэба.

л. 134. Джеззаръ пришелъ въ смятеніе и растерялся. Тогда онъ освободилъ изъ темницы родъ Сакружей-учителей, такъ какъ раньше, разсердившись на нихъ, конфисковалъ ихъ движимое и недвижимое имущество, а самихъ ихъ посадилъ въ темницу. Теперь онъ вернулъ ихъ къ ихъ должностямъ, чтобы обсудить вмѣстѣ съ ними положеніе дѣлъ, такъ какъ онъ зналъ, что эта измѣна замыслилась противъ него во время устраненія ихъ отъ его дворца, по мысли Ибрагима Абу-Калуша, завѣдывавшаго дворцомъ во время заключенія въ темницѣ Сакружей. Вѣдь именно Абу-Калушъ измѣнилъ и склонилъ войско къ измѣнѣ. (Но Господь воздалъ ему по его дѣламъ, такъ какъ, послѣ того какъ войско разсѣялось, онъ бѣжалъ въ Хыснъ (الحصن), гдѣ ему отрубили голову и прислали ее Джаззару, который конфисковалъ его имущество и стеръ съ лица земли самые слѣды его дома. Таково было воздаяніе, полученное имъ за измѣну своему повелителю).

(л. 136). Когда паши разграбили Суръ и, отправившись къ Аккѣ, осадили ее, Джаззаръ очутился въ стѣсненномъ положеніи и просилъ совѣта у шейха города Акки Абдуллаха муфтїя, что ему дѣлать. Шейхъ посоветовалъ ему при помощи хитрости перенести казну свою на одну изъ галерей и отправиться на Кипръ и (такимъ образомъ) спастись, покинувъ городъ. Но при Джеззарѣ былъ нѣкій другъ, по имени шейхъ Мухаммедъ аль-Кадый, умный и тонкій политикъ, которому эмиръ Юсуфъ выкололъ глаза и отрѣ-

залъ часть его языка и большой палецъ правой руки за его обильную политическую дѣятельность, послѣ чего послалъ его къ Джаззару въ качествѣ заложника. Визирь положилъ ему жалованье деньгами и натурой, оказывалъ ему великое почтеніе, такъ какъ онъ въ перепискѣ Джаззара съ Ливаномъ умѣлъ стилизовать ее именно такъ, какъ хотѣлъ Джеззаръ. Вотъ этотъ-то шейхъ Мухаммедъ, когда Джаззаръ у него попросилъ совѣта, что ему дѣлать въ этомъ затруднительномъ положеніи, далъ ему хорошій совѣтъ, а именно, чтобы Джаззаръ, оставшись въ Аккѣ, сразился съ врагами, несмотря на малочисленность оставшихся у него людей, и просилъ помощи у Бога, ибо Онъ дастъ ему побѣду надъ ними, а если онъ и не побѣдитъ, то все равно не умретъ раньше назначеннаго ему дня (предполагаютъ, что шейхъ гадалъ по песку). Дѣйствительно счастье не переставало служить Джаззару. Это было такимъ образомъ: Джаззаръ вывелъ оставшихся у него людей, каменщиковъ и рабочихъ, которыхъ вооружилъ — сразился, и Богъ даровалъ ему удивительную побѣду, ибо войско пашей было разбито и разсѣялось.

(л. 137) Когда извѣстіе объ этомъ дошло до жителей Бейрута, мусульмане и православные христіане очень обрадовались, потому что избавились (такимъ образомъ) отъ угрозъ подлаго Гандура-аль-Хури (онъ былъ маронитъ) и воздавали великое благодареніе Всевышнему Богу. Когда войско пашей разсѣялось послѣ побѣды Джаззара, послѣдній конфисковалъ дома пашей и мамлюковъ, находившихся внѣ Бейрута, затѣмъ послалъ конфисковать домъ Абу-‘Ази, начальника мавровъ, въ Сидонѣ, и домъ Ахмед-агиваль-Джабури въ Триполи и, овладѣвъ имуществомъ, находившимся въ нихъ, исключилъ ихъ изъ военной службы. Затѣмъ Джаззаръ послалъ продать съ аукціона всѣ пожитки и оружіе, которыя конфисковалъ у пашей, агиваль-мамлюковъ въ Аккѣ, Сидонѣ и Бейрутѣ, совершая продажу по самой высокой цѣнѣ. (л. 138). Онъ собралъ всѣ деньги, вырученныя отъ продажи, и послѣ этого отправилъ сильное войско противъ Ливана и послалъ требовать къ себѣ эмира Бешира, сына эмира Касима Шхэба, котораго облекъ властью надъ Ливаномъ. Тогда эмиръ Юсуфъ бѣжалъ въ область Хиснъ, затѣмъ въ область Лаодикійскую. Войско эмира Бешира и Джаззара гнало и преслѣдовало его съ мѣста на мѣсто, пока онъ не находилъ ужъ себѣ мѣста, куда укрыться.

Наконецъ эмиръ Юсуфъ принялъ планъ министра Гандура-эль-Хури, состоявшій въ томъ, что они съ эфендіями ушли изъ страны и явились въ Акку, ночью. Эмиръ Юсуфъ тутъ и пробылъ нѣкоторое время въ Аккѣ, въ полномъ почетѣ, а эмиръ Беширъ, правитель Ливана, между тѣмъ собиралъ деньги для Джеззара. За это время гнѣвъ Джаззара на эмира Юсуфа улегся, и онъ согласился вернуть ему власть надъ Ливаномъ подъ условіемъ уплаты 7000 мѣшковъ денегъ, такъ какъ эмиръ Беширъ принялъ власть надъ Ливаномъ, обязуясь уплатить 4000 мѣшковъ денегъ и уже внесъ часть суммы. Въ тотъ день, когда Джаззаръ хотѣлъ водворить эмира Юсуфа, распространилась радостная вѣсть въ Бейрутѣ, по странѣ и среди приверженцевъ его партіи, что эмиръ Юсуфъ ѣдетъ назадъ. Они обрадова-

лись и стали поджидать его. Но явился къ Джаззару эмиръ Беширъ и обратился къ нему съ мольбой, говоря: «Я взошелъ благодаря тебѣ, ибо ты назначилъ меня правителемъ Ливана. Я проявилъ вражду по отношенію къ своему дядѣ эмиру Юсуфу и дурно обходился со всѣми жителями страны, собирая для тебя деньги. (л. 138). Теперь же ты возвращаешь эмира Юсуфа! Я не ожидалъ этого! Оставь же за мною управление страной, а я готовъ уплатить 11000 мѣшковъ денегъ, которыя внесу въ твою благоустроенную казну». Джаззаръ склонился на его просьбу и вторично предоставилъ ему власть надъ страной и отправилъ его. (Министромъ же у него былъ мужъ по имени Фарисъ Насифъ).

Послѣ этого Джаззаръ посадилъ эмира Юсуфа въ темницу, спустилъ его министра Гандура въ колодець, задержалъ всю ихъ конницу и захватилъ ихъ оружіе, наказалъ ихъ и всѣхъ бывшихъ съ ними, только немногіе изъ нихъ убѣжали, укрываясь по всей странѣ. Немного спустя Джаззаръ казнилъ эмира Юсуфа и его министра Гандура черезъ повѣшеніе, своего совѣтника Мухаммеда-аль-Кадія «Слѣпого» закололъ, а шейха Абдуллаха, муфтія города Акки, четвертовалъ. Могущество Джаззара послѣ этого усилилось, равно какъ и значеніе эмира Бешира.

Жестокая переменна въ характерѣ Джеззара Аккскаго.—Вымогательства и поборы; казни; религиозныхъ убѣжденій онъ, впрочемъ, не касается.—Безуспѣшныя ходатайства податного откупщика шейха-Юниса за бейрутинцевъ, его отставка и назначеніе податнымъ откупщикомъ уніата Фѣриса Даххѣна.

Л. 139—144*). Еще прежде, чѣмъ, кончились всѣ эти событія [т.-е. еще при жизни шейха Юниса и раньше казни эмира-Юсифа и Гандура] многія склонности въ характерѣ Джеззара измѣнились. Началъ онъ своихъ подчиненныхъ и приближенныхъ казнить, сталъ отсѣкать у нихъ ноздри, уши, уродовать; постоянно онъ ихъ смѣнялъ, однихъ казня и на мѣсто ихъ ставя другихъ. Копя въ теченіи многихъ лѣтъ пшеницу въ кладовыхъ, онъ сталъ продавать ее въ другихъ мѣстностяхъ; остатки же онъ пускалъ въ продажу на мѣстѣ по возвышенной цѣнѣ, съ цѣлью притѣсненія. Въ Бейрутѣ онъ продаетъ старый хлѣбъ, на мѣсто его ссыпаетъ новый. Беретъ онъ въ свою монополію хлопокъ (л. 140), съ тѣмъ, чтобы никто не могъ нажитья кромѣ него, устраиваетъ монополію продажи оливковаго масла, коровьяго масла и проч. Помимо этого Джезаръ сталъ истощать всѣхъ поборамъ и насильно требовать уплаты взноса по уничтоженнымъ обязательствамъ—въ Дамаскѣ, Аккѣ, Бейрутѣ и въ другихъ мѣстахъ своей провинціи.

*) Здѣсь (на л. 139) кончается переводъ М. Марти и начинается переводъ П. Введенскаго. Что касается состава рукописи, то именно въ этомъ мѣстѣ ярко замѣтенъ компиляторскій шовъ: здѣсь кончается эпизодическая вставка о судьбѣ эмира Юсифа Шхэба и его визиря Гандура (=лл. 128—139) и начинается продолженіе прерванной (съ листа 128-го) исторіи шейха-Юсифа и Фѣриса Деххѣна. Замѣчательно, что въ этомъ продолженіи Гандуръ (срв. л. 150, печ. 71) вовсе не является тѣмъ непріятнымъ человѣкомъ и врагомъ православныхъ, какимъ онъ былъ изображенъ въ эпизодической вставкѣ (л. 132, печ. 62).

Призадумались сильно люди, стѣсненные до крайности Джеззаровыми распоряженіями, его покровительствомъ наущничеству и его вымогательствами по отношенію къ тѣмъ, кто уже давно погасилъ обязательства. Онъ грабилъ имущества людей и присваивалъ ихъ себѣ. Никто не могъ себя считать застрахованнымъ отъ Джеззаровой безсовѣстности, пока не отдавалъ въ залогъ дѣтей и жену и пока самъ человѣкъ не дѣлался нищимъ. Ужасъ, побоища и разоренія, которые происходили въ его время, не поддаются описанію. Одно надо признать: онъ не причинялъ вреда вѣрѣ и не возставалъ противъ религіозныхъ убѣжденій чьихъ бы то ни было.

Пріѣхалъ однажды Джеззаръ въ Бейрутъ, чтобы произвести обычный наборъ рекрутовъ на Ливанъ, именно въ частяхъ, управляемыхъ Ка'даномъ и Хейдаромъ. Во время его пребыванія въ Бейрутѣ Ферисъ Деххенъ, жившій на Ливанѣ, списался съ однимъ человѣкомъ, который имѣлъ силу у Джеззара, а назывался Фейзи-эфенди. Ферисъ попросилъ этого Фейзи-эфендія походатайствовать за него передъ «везиремъ» *) и испросить у него позволенія—явиться къ нему въ Бейрутъ. Фейзи-эфенди преподнесъ Джеззару 4.000 «джензирли» стоимостью въ 22 мѣшка піастровъ**), (л. 141) расположилъ его въ пользу Фериса Деххена и выхлопоталъ ему грамоту на проѣздъ въ городъ. Немедленно Ферисъ явился къ Джеззару, вошелъ къ нему въ благоволеніе и вернулся домой—для занятія торговлей.

Шейхъ Юносъ Никула пока еще не отказывался отъ таможни и отъ завѣдыванія отчетностью города. Но съ тѣхъ поръ, какъ перемѣнился Джеззаръ и сталъ увеличивать шейху требованія на переводныя суммы,—этому приходилось дѣлать займы, тѣснить купцовъ. Юносъ Никула негодовалъ, что ему приходится притѣснять жителей, которыхъ онъ довѣрчиво и безбоязненно пригласилъ въ городъ. Написалъ онъ Джеззару: «Я уже сталъ немощнымъ старикомъ, я не въ состояніи служить, управлять городомъ и взимать деньги», а Сакружамъ написалъ о томъ, чтобы они подали отъ него Джеззару прошеніе объ отставкѣ и просили—дозволить ему, старику, отдохнуть дома; вмѣсто же него пусть Джеззаръ поручитъ кому-либо другому вѣдать финансовыя дѣла города. Такой отказъ со стороны шейха Юноса не былъ вызванъ дѣйствительно старостью. Просто, онъ старался сказываться старикомъ только передъ Джеззаромъ, и единственно только для того, чтобы Джеззаръ пересталъ требовать у него присылки денегъ. Но, зная любовь и довѣріе Джеззара къ себѣ одному, (л. 142) шейхъ Юносъ не зналъ, что у него есть подъ бокомъ врагъ, силящійся всякими способами и просьбами добиться той должности, которая была предметомъ его желаній въ теченіи многихъ ужъ лѣтъ и которой онъ не могъ достигнуть. Этотъ врагъ былъ Фарисъ Дехханъ. Ради полученія почетнаго мѣста, онъ готовъ былъ жертвовать богатствами своими. Онъ былъ тщеславенъ, и его снѣдала ненависть къ шейху Юносу, который такъ близко стоялъ къ семьѣ Сакруджей. Надо сказать, что и Джеззару хотѣ-

*) Такъ вѣдь не разъ титулуется Джеззаръ, въ качествѣ султанскаго визиря.

**) = 11.000 піастровъ.

лось бы проложить себѣ дорогу къ богатствамъ Фѣриса Деххѣна, но не было повода: тотъ постоянно былъ занятъ дѣлами торговли и не имѣлъ отношенія къ казеннымъ имуществамъ. Оба, такимъ образомъ, ожидали удобнаго момента: визирь Джеззаръ, чтобы пограбить Фѣриса Деххѣна, Фѣрисъ Деххѣнъ—чтобы погубить шейха Юноса и столкнуть его съ должности. А шейхъ Юнисъ былъ себѣ покоенъ и ничего не зналъ. Поэтому, когда Джеззаръ не ослаблялъ своихъ требованій о присылкѣ денегъ, шейхъ Юнисъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ, но притѣснять купцовъ и жителей города—не притѣснялъ. И вотъ вдругъ однажды получается къ нему грамота отъ Джеззара, слѣдующаго содержания: «О ты, гордость подобныхъ тебѣ, вѣрный въ своихъ словахъ, многоуважаемый нашъ шейхъ Юнисъ Никуля! Какъ-то ты поживаешь? (л. 143). Жаль намъ твоей старости, и потому мы даемъ свое согласіе на уходъ твой въ отставку. Успокойся же и отдохни отъ нашихъ дѣлъ и возноси молитву за насъ. А податную таможенную, казенные документы Бейрута и окрестностей вручи нашему уважаемому господину Фѣрису Деххѣну». Одновременно была получена грамота и Фѣрисомъ Деххѣномъ о томъ, чтобы онъ, принявъ отъ шейха Юноса таможенную и отчетность города, приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей съ вѣрою и правдою.

Каждый повиновался полученнымъ рескриптамъ. Фѣрисъ Деххѣнъ принялъ отъ шейха таможенную, документы и отчетность города. Шейхъ ушелъ въ отставку, сохранивши почетъ и уваженіе жителей города Ливана еще больше, чѣмъ прежде.—Это былъ человѣкъ, внушавшій къ себѣ почтеніе, любимый, заслуженнѣйшій и умный. Люди надѣялись, что онъ еще вернется къ должности, да и самъ онъ, обсудивши все послѣ удаленія своего, сталъ раскаиваться въ томъ, что сдѣлалъ,—въ особенности, когда еще увидѣлъ въ этомъ происки Фѣриса. Шейхъ и не ожидалъ отъ него, (л. 144) что онъ приметъ такую должность: былъ это богатый купецъ и не нуждался въ правительственной службѣ. Впрочемъ шейхъ думалъ, что все еще кончится прекраснымъ образомъ, что онъ снова займетъ свой служебный постъ. И тѣмъ болѣе онъ этого желалъ, что онъ не могъ мириться съ мыслью сидѣть дома и нуждаться въ чужой помощи. Да зналъ онъ и характеръ Фѣриса Деххѣна. Фѣрисъ Деххѣнъ былъ человѣкъ очень гордый, упрямый, злопамятный, мстительный, фанатикъ своего вѣроисповѣданія, алчный къ деньгамъ. Кого-нибудь богаче себя онъ не выносилъ. Шейхъ заранѣе могъ себѣ представить, что Фѣрисъ, когда водворится и восторжествуетъ, то возможно, что проявитъ жестокость и гнусныя выходки и противъ его родныхъ и противъ всѣхъ православныхъ. Чувало сердце шейха, что сдѣлаетъ Фѣрисъ.

По уходѣ шейха въ отставку, Фѣрисъ навѣщалъ его, лицемерно осведомляясь о его здоровьи. А шейхъ тѣмъ временемъ терпѣливо ждалъ желаннаго момента, когда къ нему опять вернется утраченная должность.

Опала, постигшая Фѣриса Деххѣна и возвращеніе православнаго шейха Юниса на должность полатнаго откупщика въ Бейрутѣ. Великодушіе его по отношенію къ Фѣрису Деххѣну и рядъ козней Фѣриса противъ него. Часто козни разоблачаются, но въ концѣ концовъ Джебзаръ Акксій налагаетъ на шейха Юниса штрафъ въ 100 кошельковъ. Всеобщее участіе жителей къ пострадавшему. Кончина и похороны шейха Юниса (11 марта 1789 г.).

л. 144—152. И дѣйствительно, продержался въ должности Фѣрисъ не долго. Джебзаръ, приводя въ исполненіе, какъ раньше сказано, намѣченную имъ мысль, взвелъ на него какое-то обвиненіе и отдалъ распоряженіе губернатору Бейрута заключить Фѣриса въ тюрьму, примѣнить къ нему строгія мѣры наказанія и взыскать съ него (л. 145) 1000 кошельковъ. Шейха же Юниса Джебзаръ обычною грамотою возвращалъ къ таможднѣ. Убѣжденный въ его честности и въ нечестности Фѣриса Деххѣна, Джебзаръ просилъ теперь шейха не отказываться отъ предлагаемой должности, не быть нерадивымъ по отношенію къ своему государю, дѣйствовать согласно его волѣ и заняться взысканіемъ денегъ, требуемыхъ съ Фѣриса, какъ обманувшаго довѣріе.

Шейхъ могъ бояться, какъ бы Фѣрисъ не умеръ отъ дурнаго обращенія и какъ бы не была взыскана съ него черезчуръ крупная сумма (это подало бы поводъ Джебзару вообще предъявить болѣе сильныя вымогательства по отношенію ко всѣмъ жителямъ Бейрута, якобы разбогатѣвшимъ), а потому шейхъ уговорилъ и тюремщика и намѣстника-губернатора мягко обращаться съ Фѣрисомъ и смягчить мѣры наказанія. Но перепуганный Фѣрисъ уже согласился, по первому принужденію, внести цѣлыхъ 700 кошельковъ въ счетъ растраты, въ присутствіи нѣкоторыхъ мусульманъ и христіанъ. Услышавъ объ этомъ, шейхъ былъ изумленъ и не зналъ что дѣлать. Убѣдивши причастныя лица не разглашать нигдѣ объ этомъ фактѣ, онъ вмѣстѣ съ другими сталъ распространять, что Фѣрисъ съ трудомъ, и то лишь въ силу тюремнаго гнета и мукъ, въ состояніи внести 300 кошельковъ. Такъ шейхъ доложилъ Джебзару, причемъ прямо сѣтовалъ на злополучное положеніе Фѣриса, принужденнаго выплачивать непосильную сумму вслѣдствіе лишь тяжелыхъ мукъ. «Фѣрисъ, — докладывалъ шейхъ Юнисъ, — можетъ выплатить лишь 300 кошельковъ, но для этого онъ долженъ быть выпущенъ на поруки, чтобы собрать требуемую сумму». (л. 146). Джебзаръ-визирь уступилъ ходатайству шейха Юниса и согласился принять 300 кошельковъ съ Фѣриса, но съ условіемъ только—не выпускать Фѣриса Деххана изъ заключенія въ серафъ, пока онъ не внесетъ этой суммы. Онъ вѣдь опасался, что Фѣрисъ можетъ сбѣжать, и отвѣтственность за невзысканныя деньги падетъ на шейха. Насчетъ срока уплаты никто Фѣриса не стѣснялъ: онъ вносилъ понемногу, причемъ попрежнему его торговые агенты ѣздили въ Египетъ и другія страны съ важными порученіями, и дѣятельно шла у него упаковка шелка. Когда же наступило время, что Фѣрисъ успѣлъ выплатить черезъ шейха-Юноса въ казну уже 200 кошельковъ, шейхъ Юносъ написалъ Джебзару, что Фѣрисъ въ силу старости не можетъ нажать требуемой суммы, и она ему не по силамъ. Были, молъ, у

него нѣкоторыя деньги, причитавшіяся съ разныхъ ливанскихъ князей, — ихъ-то онъ и вносилъ теперь, да и то пришлось не мало самому признать какъ у ливанскихъ князей, такъ и у крестьянъ Ливана; у бейрутинцевъ же онъ ничего и занять не могъ, ни піастра. Вслѣдствіе ряда усиленныхъ письменныхъ ходатайствъ передъ Джеззаромъ, шейхъ Юнисъ успѣлъ выхлопотать Фѣрису грамоту, по которой ему великодушно прощались 100 кошельковъ и по которой онъ отпускался домой для пріисканія средствъ пропитанія семьѣ.

(л. 147). Фѣрисъ однако не успокоился. Онъ былъ, какъ сказано выше, злопамятенъ, мстителенъ. Предполагая, что все преслѣдованіе противъ него поднято было шейхомъ Юносомъ, онъ отрицалъ всякое значеніе послѣдняго въ поворотѣ его дѣла къ лучшему и не вѣрилъ, что шейхъ ходатайствовалъ за него и сберегъ ему его капиталъ. Дождался онъ, когда шейхъ, въ свитѣ его превосходительства-визиря, долженъ былъ съѣздить въ Іерусалимъ, направляясь сухимъ окольнымъ путемъ черезъ Дамаскъ. По пути шейха къ Джеззаровой резиденціи, Аккѣ, Фѣрисъ догналъ ѣдущаго шейха. Началъ онъ здѣсь его молить и плакаться на то, что съ тѣхъ поръ какъ онъ въ опалѣ, должники его, жители Ливана, не желаютъ платить ему долговъ. Онъ просилъ шейха устроить ему свиданіе съ Джеззаромъ, чтобы онъ могъ взыскать съ должниковъ свои деньги, и добавилъ, что онъ будетъ служить визирю въ Бейрутѣ безъ всякой выгоды для себя. Между тѣмъ, при дворѣ Джеззара онъ уже подкупилъ кой-кого. И визирь Джеззаръ отдалъ распоряженіе, чтобы «таможня» была на началахъ товарищества между шейхомъ-Юносомъ и Фѣрисомъ Деххеномъ. Вернулись оба они въ Бейрутъ и стали совмѣстно завѣдывать таможней. Но о согласіи между ними не могло быть и рѣчи. Шейхъ отказался отъ должности въ пользу Фѣриса и вышелъ въ отставку. Фѣрисъ остался единственнымъ податнымъ откупщикомъ города съ прилегающими округами. (л. 148). Тѣмъ временемъ вспыхнуло обычное волненіе жителей Ливана противъ Джеззара. Приказано было не допускать подвоза провіанта изъ Бейрута въ Ливанъ. Возставшимъ былъ князь Хейдаръ съ нѣкоторыми земляками, а эмиръ Бширъ правилъ отъ имени визиря - Джеззара. Фѣрисъ тайкомъ началъ снабжать возставшихъ пшеницей. Бширъ, узнавъ объ этомъ, донесъ Джеззару. Тотъ немедленно отдалъ распоряженіе бейрутскому намѣстнику схватить Фѣриса и посадить въ тюрьму. Приказаніе было исполнено. Откупившись отъ тюрьмы обѣщаніемъ уплатить 100 кошельковъ, Фѣрисъ, раздобывая ихъ, бросился къ эмиру Бширу и умолилъ ходатайствовать передъ везиремъ, чтобы тотъ простилъ ему его проступокъ. Послѣ Бширова доклада визирь изъявилъ согласіе простить Фѣрису 20 кошельковъ. Заплативши 80 кошельковъ, Фѣрисъ освободился отъ тюрьмы и отправился домой. Таможню опять получилъ шейхъ-Юносъ.

Въ этотъ годъ случилась чума въ Бейрутѣ. Шейхъ поставилъ на время своей отлучки повѣреннаго въ таможнѣ, а самъ отправился жить въ свою деревню Мансуріе, бывшую его имѣніемъ. Фѣрисъ Деххенъ тѣмъ временемъ прибылъ въ Зукъ и узналъ, что Джеззаръ изъ хажжа уже

Юносомъ отъ аккскихъ учителей получены были письма о томъ, (л. 151) чтобы онъ соизволилъ пріѣхать съ горъ въ Бейрутъ: Джебзаръ, изъ уваженія къ его старости, не хочетъ утруждать его вызовомъ въ свою резиденцію Акку, а когда пріѣдетъ въ Бейрутъ, онъ ему пришлетъ почетное платье съ назначеніемъ надъ таможеню. Шейхъ началъ готовиться, какъ вдругъ—Богъ знаетъ отъ чего—заболѣлъ *ایلاوص*-омъ. Немедленно онъ призвалъ православнаго священника Мансурійи, исповѣдался и вскорѣ же предалъ душу Богу Всевышнему. Нѣкоторые, въ виду того, что смерть его постигла послѣ обѣда, полагали, что онъ отравленъ врагами. Но скорѣе всего, Богъ, за его добрыя качества, за его христіанское [= православное] рвеніе, за помощь при построеніи многихъ церквей и за дѣла милосердія, соблаговолилъ своевременно взять его къ себѣ, испытаннаго и очищеннаго, чтобъ ужъ больше не приходилось ему имѣть обильное общеніе со свѣтскими правительственными дѣлами и дрязгами. И взялъ онъ его къ себѣ со славою и честію.

Тотчасъ, какъ вѣсть о его смерти дошла до Бейрута, христіане съ митрополитомъ Макаріемъ, священниками, отправились къ мѣсту кончины шейха-Юниса и встрѣтили большую толпу жителей Ливана, которые уже несли тѣло покойника на ладоняхъ *), —несли со всею торжественностью, величественностью, въ сопровожденіи громадной процессіи. На встрѣчу процессіи выходили изъ домовъ мусульмане и старики - христіане, которые не имѣли силъ подняться въ горы навстрѣчу шествію. Тѣло усопшаго (л. 152) внесли въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ въ Бейрутѣ, и устроили ему горькое оплакиваніе, подобно тому, какъ оплакали нѣкогда сыны Израилевы отца своего, Іакова **). Похоронили шейха Юноса, съ торжественностью, въ той могилѣ, которую онъ самъ себѣ приготовилъ еще при жизни, рядомъ съ выстроенною имъ въ Бейрутѣ церковью (о ней было упомянуто выше). И было это въ понедѣльникъ второй седмицы Великаго поста, 11 марта 1789 года. Царствіе ему небесное! Аминь.

Узнавъ о смерти шейха, визирь Джебзаръ сильно опечалился. Немедленно онъ вытребовалъ въ Акку брата его, Сѣлима, обласкалъ его и предалъ въ завѣдываніе таможеню и всю казенную отчетность Бейрута, какъ это было при его братѣ. Такимъ образомъ почтилъ онъ и возвеличилъ Сѣлима-Нүлю.

Судьба Бейрутской митрополии за это время. По настоянію престарѣлаго митрополита Іоанникія, въ 1773 г. бейрутская паства выбрала ему въ преемники, еще при его жизни, краснорѣчиваго Макарія Садаку, триполійскаго араба. При немъ православная община подверглась страшнѣйшимъ испытаніямъ со стороны новаго начальника податныхъ сборовъ — извѣстнаго уже уніата Фѣриса-Деххѣна.

л. 152—163. Возвратимся назадъ, еще ко временамъ Іоанникія, митрополита Бейрутскаго.

*) Знакъ особаго уваженія при похоронахъ на востокѣ.

**) «Исходъ», 50.

Послѣ Пасхи 1773 года, когда русскіе овладѣли Бейрутомъ и когда христіане возвратились въ свои жилища, митрополитъ Іоанникій, собравъ къ себѣ въ покои свою паству, сказалъ: «Я уже немощенъ, старъ и слабъ и служить болѣе не въ силахъ. Изберите себѣ другого митрополита,—кого захотите». Христіане не согласились.—«Пока ты живъ,—говорили они,—мы не допустимъ, (л. 153) чтобы другой кто управлялъ нами!» На это Іоанникій отвѣтилъ имъ: «Нельзя, я старъ. Подумайте же сами, кого бы вамъ выбрать. Если жъ хотите, то предоставьте выбрать мнѣ. Но во всякомъ случаѣ мнѣ пора на покой: слишкомъ я старъ!» Увидѣвши, что это—непреклонное желаніе митрополита, христіане отвѣтили: «Разъ такъ, то выборъ преемника мы отдаемъ на твое благоусмотрѣніе. Кого бы ты ни пожелалъ, мы на него согласимся, но съ условіемъ, чтобы ты оставался у насъ, въ митрополичьихъ покояхъ, съ подобающимъ тебѣ почетомъ и честью до самой смерти». Дѣло въ томъ, что они часто слышали отъ митрополита Іоанникія о его желаніи уйти въ одинъ изъ монастырей и потому теперь поставили вышеозначенное условіе. Уступая ихъ желанію, митрополитъ далъ слово остаться у нихъ до самой смерти и затѣмъ заявилъ: «Я думалъ бы избрать для васъ митрополитомъ Макарія Садаку, трипольца, рукоположеннаго блаженной памяти патріархомъ Сильвестромъ надъ епархіей Тира, Сидона, Хасбейи и Рашейи».

Этотъ Макарій Садака былъ въ Дамаскѣ патріаршимъ повѣреннымъ (вакиль), какъ при Сильвестрѣ, такъ и при двухъ слѣдующихъ—Филимонѣ и Даніилѣ. Въ Дамаскѣ онъ проповѣдывалъ и училъ, а время отъ времени онъ навѣщалъ своею проповѣдью и Бейрутъ, гдѣ былъ митрополитомъ Іоанникій. Макарій былъ природный арабъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, и митрополитъ охотно позволялъ ему проповѣдывать въ Бейрутѣ.

(л. 154). — «Онъ — хорошей жизни, — продолжалъ митрополитъ, — а какъ арабъ будетъ близокъ къ вамъ. Его вы всѣ знаете и уважаете. Только смотрите, какъ бы онъ не ушелъ изъ вашихъ рукъ! Вѣдь Парѣеній, митрополитъ Трипольскій, умеръ, и триполяне будутъ приглашать къ себѣ Макарія. Если жъ послѣ того я умру, къ вамъ, по всей вѣроятности, будетъ назначенъ митрополитомъ грекъ, чуждый вамъ и по языку, и по натурѣ». Митрополитъ Іоанникій, дѣйствительно, любилъ свою паству и чувствовалъ расположеніе къ Макарію. Какъ при жизни своей онъ желалъ всего лучшаго для паствы, такъ желалъ ей добра и послѣ своей смерти. О, благословенный былъ это часъ, когда Св. Духъ вдругъ сошелъ надъ всѣми во время рѣчи митрополита Іоанникія, намѣтившаго себѣ въ преемники этого единственнаго и самаго безпорочнаго челоука своего времени! Всѣ рѣшили просить себѣ Макарія. Особенно же ихъ радовала мысль о краснорѣчии ихъ ожидаемаго митрополита Макарія,—краснорѣчии, въ которомъ едва ли равенъ былъ ему кто-либо изъ арабовъ тогдашнихъ, да и врядъ ли кто будетъ равенъ. Немедленно отъ всей общины было приготовлено Его Святѣйшеству, патріарху Даніилу, прошеніе о назначеніи въ Бейрутъ митрополитомъ Макарія, и составлено два письма къ самому Макарію: одно отъ Іоанникія, другое отъ народа — съ просьбой занять Бейрутскую кафедру.

Отправленъ былъ особый гонецъ. Предсказаніе митрополита Іоанникія дѣйствительно исполнилось: съ прибытіемъ въ Дамаскъ гонца отъ бейрутинцевъ,—въ Дамаскъ прибылъ (л. 155) въ тотъ же день гонецъ трипольскій. Патріархъ Даніилъ вызвалъ къ себѣ епископа Макарія. Сообщивши ему, въ чемъ дѣло, онъ предложилъ ему на выборъ двѣ каѳедры. Макарій остановился на Бейрутской.—«Триполи—твой родной городъ; почему же ты выбираешь Бейрутъ?» — спросилъ патріархъ. Его Высокопреосвященство отвѣтилъ: «Выбираю Бейрутъ по двумъ причинамъ:—духовной и свѣтской. Духовная требуетъ особаго вниманія. Въ Бейрутѣ есть плевелы между пшеницею, заглушающіе ее. И вотъ туда требуется земледѣлецъ той же народности и того же языка, что и бейрутинцы,—земледѣлецъ, хорошо знающій ту землю, чтобы пшеницу не заглушали плевелы. Триполи же, слава Богу, свободенъ отъ этой бѣды. Вторая причина—свѣтскія отношенія Бейрута. При нынѣшнемъ бейрутскомъ эмирскомъ правительствѣ въ городѣ наступила свобода и водворилось спокойствіе, такъ что у меня будетъ досугъ заняться наукой и популяризацией ея. Въ Триполи же теперь безпокойное турецкое правленіе. А я, правду сказать, боюсь тяжкихъ заботъ правленія, которыя отвлекаютъ отъ сѣянія духовнаго сѣмени. Наконецъ, въ Бейрутѣ есть два ученыхъ богослова, у которыхъ я могу кое чему поучиться. Это—митрополитъ Іоанникій и (л. 156) бывшій діаконъ патріарха Сильвестра—Ѳеодосій Халѣби. Послѣдній, со смертію патріарха Сильвестра, переселился въ Бейрутъ и теперь преподаетъ греческія науки и арабскія». (Это былъ тотъ Ѳеодосій, который, по просьбѣ и на счетъ Макарія, во время его пріѣздовъ въ Бейрутъ перевелъ съ греческаго на арабскій книгу подъ заглавіемъ: «Предсмертныя наставленія». Макарій въ своихъ проповѣдяхъ почти всегда опирался на это произведеніе.)

Помимо указанныхъ лицъ, въ Бейрутѣ въ это время былъ еще одинъ ученѣйшій книголюбецъ, писатель-полемистъ, священникъ Юсифъ Маркъ, родомъ триполіецъ, открывшій цвѣтущую прекрасную школу съ науками словесными и богословскими. Онъ нѣкогда, въ Триполи, былъ учителемъ митрополита Макарія. Теперь же, съ назначеніемъ въ Бейрутъ на митрополию, Макарій явился главою своего учителя, какъ священника. Но вскорѣ, во время управленія Бейрута русскими, онъ умеръ, этотъ лучший изъ священниковъ, свѣтило богословскихъ наукъ и слава арабскихъ писателей. Ему были устроены торжественныя похороны. Изъ дома въ церковь его несли при зажженныхъ свѣчахъ (л. 157). Впереди несли святой крестъ, дальше шли священники въ епитрахиляхъ и, наконецъ, у самыхъ носилокъ, митрополитъ съ группой русскихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и множествомъ христіанъ. Отслужена была торжественная литія, и, оплакиваемый горько, онъ былъ похороненъ со всѣми почестями. Въ немъ лишились христіане духовнаго учителя и драгоцѣннаго писателя. Да покроетъ его Богъ своими милостями и да помилуетъ насъ его благословеніемъ и молитвою.—Аминь!

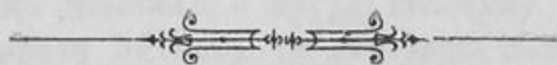
л. 157—163. Прибылъ Макарій въ Бейрутъ 18 мая 1774 года. Еще до своего избранія въ митрополиты онъ внушалъ къ себѣ

уваженіе всѣхъ за услуги, оказанныя вѣрѣ. Съ прибытіемъ турецкаго флота, въ числѣ другихъ христіанъ выселились изъ Бейрута и два нашихъ митрополита. Мѣстомъ жительства своего они избрали аль-Мансурійе на Ливанѣ. Тамъ митрополитъ Іоанникій и кончилъ свои дни. (л. 159). Онъ былъ перевезенъ и похороненъ въ Бейрутѣ 9-го октября 1776 года.

Макарій же (л. 160) съ настойчивостью продолжалъ въ Бейрутѣ дѣла святости и милосердія. Однако, (л. 161), подъ конецъ онъ долженъ былъ выдержать невыносимыя страданія и преслѣдованіе, именно когда умеръ шейхъ Юнисъ, православный начальникъ бейрутской «таможни», собиравшій подати и налоги для Джебзара Аккского. Правда, на мѣсто шейха Юниса-Н'ули Джебзаръ поставилъ было его брата — Сѣлима-Н'улю. Но въ концѣ 1791 года злой мстительный уніатъ Фѣрисъ Деххенъ рѣшилъ столкнуть Сѣлима-Н'улю и отомстить. И дѣйствительно, онъ въ этомъ успѣлъ при помощи своихъ интригъ и при содѣйствіи одного фаворита и наушника Джебзара (Мохаммеда Шихебедина бейрутинца); Сѣлимъ (л. 162) былъ смѣщенъ, и его должность занялъ Фѣрисъ Деххенъ. При этомъ онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе Джебзара налагать пошлыны по своему усмотрѣнію, такъ что могъ истощать поборами всѣхъ христіанъ. Въ это же время былъ назначенъ надъ Бейрутомъ новый намѣстникъ отъ Джебзара — турокъ Мохаммедъ - Ага; а съ нимъ приѣхали и два его подручные, ужаснаго вида и крайне жестокаго характера: когда совершался правезъ или иное наказаніе, они сами присутствовали при мученіяхъ.

(л. 163). Въ грамотѣ, которую привезъ съ собою Фѣрисъ Деххенъ, было дано предписаніе городскимъ властямъ, что они обязаны быть помощниками Фѣриса въ дѣлѣ сбора денегъ и доставленія ихъ въ казну и что никто не долженъ чинить ему препятствій въ его мѣрахъ.

Съ этого времени начинается одинъ изъ самыхъ скорбныхъ періодовъ исторіи православной церкви въ Бейрутѣ.

Въ статьѣ *Л. Мсеріанъ* — Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи подлежатъ исправленію нижеслѣдующія опечатки:

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	7 св.	5	15
1	16 сл.	dousième	douzième
2	1 сл.	égyrto-	égypto-
10	4 св.	имъ	ими
10	12 св.	размотрѣніе	разсмотрѣніе
13	11 сл.	מְיִנָּה	מְיִנָּה
14	1 сл.	Arsâm	Aršâm
16	19 св.	Dârayava ušahyâ	Dârayavahušahyâ
20	20 св.	דְּבָרֵי	דְּבָרֵי
27	3 сл.	Sahâka-	Dahâka-
27	8 сл.	Sarmesteter	Darmesteter
36	2 св.	ארתהשמש	ארתהשמש
37	6 сл.	גזשביא	דשביא
38	11 св.	פרתרך	פרתרך (?)
42	4 св.	דחבריא	דחבריא

Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи.

Предварительное примѣчаніе.

Первою мыслью заняться страсбургскимъ египетско-арамейскимъ папирусомъ мы обязаны статьѣ академика П. К. Коковцова — *Занятія семитической секціи XII-го конгресса ориенталистовъ въ Римѣ (съ 4 по 5 октября нов. ст. 1899 г.)*, появившейся въ XII томѣ «Записокъ восточн. отдѣленія Имп. русск. археолог. общ.» (стр. 076—094) и отдѣльно С.-Петербургъ, 1900). Именно, среди рефератовъ, о которыхъ сообщалось въ этой статьѣ, наше особенное вниманіе остановилъ на себѣ докладъ проф. Ю. Эйтинга (J. Euting) о страсбургскомъ египетско-арамейскомъ папирусѣ (о. с., стр. 087—088). Заинтересовавшись формою, въ которой являлось переданнымъ въ этомъ папирусѣ имя царя Дарія (𐎠𐎼𐎷𐎡𐎴), мы съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали полученія «Трудовъ» упомянутаго конгресса, чтобы ознакомиться съ этимъ интереснымъ документомъ, сумевшимъ внести дань и въ сокровищницу древне-иранской филологіи. Однако, значительно запоздавшіе тома съ трудами римскаго конгресса („Actes du douzième congrès international des orientalistes. Rome—1899“) не принесли съ собою желаннаго удовлетворенія. Въ томѣ, посвященномъ работамъ по семитскимъ языкамъ и мусульманскому міру (томъ III, ч. 1; Florence, 1902), реферата Эйтинга не оказалось вовсе, и всѣ о немъ свѣдѣнія исчерпывались всего лишь пятью строками сухого resumé секціоннаго бюллетеня (о. с., I [1901], p. CLXXII).

Не получивъ отвѣта на интересовавшіе насъ вопросы изъ официальнаго изданія римскаго конгресса, мы рѣшили обратиться къ автору статьи — *Занятія семитической секціи XII-го конгресса ориенталистовъ въ Римѣ и пр.* Въ отвѣтъ на наше письмо отъ 6-го декабря 1903 г., въ которомъ указывалось на важность для исторіи звуковъ древне-персидскаго языка семитской (египетско-арамейской) транскрипціи имени царя Дарія (именно на наличность знака для звука *h* въ положеніи передъ гласнымъ *u*: *Dārayavahuš) и было сдѣлано нѣсколько запросовъ по поводу „консонантнаго остова“ данной семитской транскрипціи, — нами вскорѣ были получены отъ акад. Коковцова необходимыя разъясненія. Однако акад. Ко-

ковцовъ не ограничился этимъ: 16-го декабря мы получили отъ него уведомленіе, что онъ имѣетъ въ виду обратиться къ проф. Эйтингу съ просьбою сообщить in extenso интересующую насъ выдержку изъ его реферата. Въ отвѣтъ проф. Эйтингъ, въ половинѣ января 1904 г., прислалъ акад. Коковцову, для передачи намъ, отдѣльный оттискъ своего только что изданнаго римскаго реферата (*Notice sur un papyrus égypto-araméen de la Bibliothèque Impériale de Strasbourg*. Paris, MDCCCIII).

Ознакомившись съ работою проф. Эйтинга, мы тотчасъ же сообщили акад. Коковцову (въ письмѣ отъ 20-го января 1904 г.) нѣкоторыя предварительныя замѣчанія относительно того иранскаго элемента, который оказался среди семитскаго текста страсбургскаго папируса. Объ нѣкоторыхъ изъ этихъ замѣчаній акад. Коковцову пришлось упоминать въ своемъ докладѣ—*О новомъ арамейскомъ папирусе Императорской страсбургской библиотеки*, прочитанномъ въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Имп. русск. археологическаго общества, 19-го февраля 1904 г. (См. «Записки вост. отд. И. русск. арх. общ.», т. XVI, вып. IV-й, стр. XXII—XXVII; отд. изд. вышло подъ заглавіемъ: *Арамейскій папирусъ Императорской страсбургской библиотеки*. С.-Петербургъ, 1905, стр. 8).

Уже послѣ того, какъ наша работа, въ общихъ чертахъ, была окончена, намъ пришлось познакомиться со статьею проф. Hübschmann'a—*Armen. Գուշակ gušak* (въ «Z. f. armen. Philologie», II, pp. 264—266), въ которой онъ подвергъ разсмотрѣнію иранскій элементъ текста папируса, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, интересъ, представляемый этимъ элементомъ для изучающихъ исторію персидскихъ заимствованій въ древне-армянскомъ языкѣ.

Желая подвергнуть, прежде чѣмъ приступить къ печати, свою работу предварительному обсужденію со стороны представителей различныхъ отраслей востоковѣдѣнія, мы прочли ее въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Имп. русск. археолог. общества, 28-го октября 1904 г., въ видѣ реферата, озаглавленнаго—*Древне-персидскіе элементы въ египетско-арамейскомъ папирусе, издаиномъ Эйтингомъ*¹⁾. Этотъ рефератъ, подъ заглавіемъ—*Египетско-арамейскій страсбургскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи* былъ нами повторенъ, съ нѣкоторыми дополненіями, въ засѣданіи Восточной комиссіи Имп. московскаго археологическаго общества, 18-го ноября 1904 г.

Оба только что упомянутыхъ реферата легли въ основаніе настоящей работы, причемъ намъ пришлось сдѣлать какъ нѣкоторыя дополненія, отчасти вызванныя появившеюся за послѣднее время литературою предмета²⁾, такъ и внести значительныя измѣненія по нѣкоторымъ вопросамъ, какъ, напр., по вопросу относительно эпохи происхожденія папируса и пр.

¹⁾ Краткое содержаніе этого реферата, вмѣстѣ съ замѣчаніями акад. Коковцова, акад. Залемана и проф. Марра по поводу отдѣльныхъ частей доклада, появилось въ «Запискахъ вост. отдѣл. И. русск. арх. общ.», т. XVI, вып. IV, стр. XXXII—XXXIII (отдѣлъ протоколовъ засѣданій).

²⁾ Мы имѣемъ въ виду, именно, работы Ch. Clermont-Ganneau (*Textes araméens d'Égypte. I. Le papyrus Euting* въ его *Recueil d'archéologie orientale*, t. VI [Paris, 1904], § 25, pp. 221 sq.; срв. его же краткое сообщеніе въ засѣданіи Académie des inscriptions et belles-lettres, 14 августа [н. ст.] 1903, появившееся въ «Comptes rendus des séances de l'année 1903», p. 364) и Halévy (*Nouvel examen du papyrus égypto-ara-*

Въ заключеніе, считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность какъ академику П. К. Коковцову за неоднократное оказаніе намъ любезнаго содѣйствія во время занятій настоящимъ этюдомъ, такъ и Восточному отдѣленію Императорскаго русскаго археологическаго общества и Восточной комиссіи Императорскаго московскаго археологическаго общества, въ лицѣ ихъ предсѣдателей академика бар. В. Р. Розена и проф. Вс. Θ. Миллера, за предоставленіе намъ возможности прочесть и обсудить настоящую работу въ одномъ изъ ихъ засѣданій.

Москва, апрѣль 1906.

Авторъ.

Р. S. Въ *транскрипціи* мы слѣдовали общепринятымъ способамъ передачи звуковъ извѣстныхъ языковъ знаками латинскаго (отчасти и греческаго) алфавита. Отступленія, допущенныя нами въ этомъ отношеніи, незначительны: такъ, авестійскій зубной спирантъ, близко стоящій къ спирантамъ *θ* и *δ* и физиологическій характеръ котораго остается темнымъ (срв. Bartholomae, *Awestasprache und Altpersisch* въ «Grundriss d. iran. Phil.», I, p. 153; Brugmann, *Grundriss*, I², § 63), — транскрибируется черезъ курсивное *t* (вмѣсто принятой въ настоящее время передачи черезъ *t* съ подписаннымъ знакомъ обличеннаго ударенія); древне-арм. особое *г* (у Hübschmann'a *г* съ надписанною точкою) — черезъ курсивное *r*; древне-инд. *anusvāga* — черезъ курсивное *m* и т. д.

Что касается *сокращеній*, встрѣчающихся въ настоящей работѣ, то они общеизвѣстны. — Заглавія нѣкоторыхъ наиболее часто цитуемыхъ спеціальныхъ журналовъ обозначены, по общепринятому обычаю, инициалами, а именно: Z. D. M. G. («Zeitschrift der Deutschen Mongenländischen Gesellschaft»), W. Z. K. M. («Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes»), I. F. («Indogermanische Forschungen») и т. д.

méen de la bibliothèque de Strasbourg въ «Revue sémitique d'épigraphie et d'histoire ancienne», 1904, janvier, pp. 67 sq.).

По поводу разбора Halévy мы должны замѣтить, что находящіяся въ ней попытки истолкованія иранскихъ элементовъ въ многихъ случаяхъ являются неприемлемыми. На недостаточную удовлетворительность этой части работы обратилъ вниманіе и Clermont-Ganneau (о. с., pp. 235, 237). Съ своей стороны отмѣтимъ особенно бросающійся въ глаза грамматическій анахронизмъ, заключающійся въ попыткѣ чтенія въ A, 1 формы „bendegân“ (составленной изъ соединенія въ одно двухъ отдѣльныхъ словъ подлинника) со значеніемъ „serviteurs, esclaves“; исходъ *-ân*, какъ исходъ *nom. plur.*, каковымъ онъ является въ средне- и ново-персидскомъ (изъ древне-персидскаго суффикса *gen. plur. -ânâm*; см. Salemann, *Mittelpersisch* [въ „Grundriss der iran. Philologie“, I], § 54), не можетъ быть допущенъ для эпохи Дарія II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ.— Вопросъ о времени его происхожденія.— Египетско-арамейскіе папирусы персидской эпохи.

I.

Фрагментарный папирусъ, содержащій текстъ на египетско-арамейскомъ нарѣчій ¹⁾ и составляющій предметъ настоящаго этюда, былъ приобрѣтенъ въ Луксорѣ профессорами Reizenstein'омъ и Spiegelberg'омъ, во время ихъ научной поѣздки въ Египетъ въ 1898—99 гг., и составляетъ въ настоящее время обшественность Императорской страсбургской библіотеки.

Первое изданіе текста этого папируса (съ его фототипическимъ fac-simile), въ сопровожденіи (латинскаго) перевода и обстоятельнаго историко-филологическаго комментарія, было представлено проф. страсбургскаго университета Ю. Эйтингомъ (J. Euting)—авторомъ предварительнаго сообщенія, доложеннаго на римскомъ конгрессѣ ориенталистовъ (см. выше—*Предварит. примѣчаніе*)—и появилось подъ заглавіемъ: *Notice sur un papyrus égypto-araméen de la bibliothèque Impériale de Strasbourg* въ «Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et belles-lettres», I-re série, Tome XI, II-e partie, pp. 297—311, и отдѣльно (Paris, MDCCCIII) ²⁾. Такимъ образомъ, въ спе-

¹⁾ См. *Семитскіе языки и народы Теодора Нельдеке въ обработкѣ А. Крымскаго (съ участіемъ ак. П. К. Коковцова)*. М. 1903, стр. 126—127 („Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ“, вып. V).

²⁾ Подробное содержаніе работы Эйтинга находится въ *Répertoire d'épigraphie sémitique*, Т. I, 5-me livr. (Paris, 1903), s. n°. 361 [Aram.], pp. 291—297 и сопровождается замѣчаніями Cl[er]mont-G[anneau]. — Дальнѣйшему изслѣдованію текста папируса, а также пересмотру толкованія и перевода, представленныхъ проф. Эйтингомъ, посвятили свой трудъ французскіе семитологи Cl[er]mont-Ganneau и Halévy, объ соответствующихъ этюдахъ которыхъ уже было упомянуто въ *Предварительномъ примѣчаніи*. Отмѣтимъ здѣсь для полноты, что предварительное сообщеніе Cl[er]mont-Ganneau объ страсбургскомъ папирусѣ, доложенное въ засѣданіи, 14 авг. (н. ст.) 1903 г., Académie des inscriptions et belles-lettres, появилось въ ея „Comptes rendus“, 1903, p. 364 (срв. также *Répertoire d'épigraphie sémitique*, Т. I, 6-me livr., s. n°. 498, p. 385).

Отмѣтимъ также замѣтку египтолога W. Spiegelberg'a — *Zu dem Strassburger aramäischen Papyrus* въ „Orientalistische Litteratur-Zeitung“, 1904, № 1.

Въ *Bulletin papyrologique*, помещаеомъ Seymour de Ricci въ „Revue des études

ціальной литературѣ, на ряду съ названіемъ «страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ», получило право гражданства также наименованіе «папирусъ Эйтинга».

Однородные папирусы, т. е. папирусы съ текстами на египетско-арамейскомъ нарѣчій, пока очень немногочисленны. Доселѣ извѣстно было всего лишь 18 представителей этой палеографической семьи, хранящихся въ музеяхъ Турина, Лондона, Рима, Берлина, Парижа и Гизэ. Всѣ они собраны въ I-мъ томѣ II-й части *Corporis inscriptionum semiticarum*, изданномъ подъ редакціей de Vogüé. (См. cap. VI, art. VII: Papyri in Aegypto reperti, p. 148 sq.). Такимъ образомъ, страсбургскій папирусъ является по счету 19-мъ ¹⁾.

II.

Съ внѣшней стороны страсбургскій папирусъ представляетъ собою ленту длиною, по измѣренію проф. Эйтинга (*Notice*, p. 2), въ 63 сант. и шириною (наибольшая ширина!) въ 7,3 сант. Recto папируса заключаетъ текстъ, написанный въ два столбца, по пяти строкъ въ каждомъ ²⁾. Такъ какъ данный папирусъ дошелъ до насъ въ фрагментарномъ видѣ, то въ немъ, какъ это выяснено Clermont-Ganneau (*Rec. d'arch. orientale*, VI, pp. 224—225), недостаетъ нѣсколькихъ строкъ, благодаря чему оба столбца не представляютъ связнаго, непрерывнаго текста. Отсылая за подробностями внѣшняго описанія папируса къ обстоятельной работѣ Clermont-Ganneau (*ibid.*, p. 224 sq.), считаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться на вопросѣ о палеографическихъ особенностяхъ папируса.

Сравнивая письмо страсбургскаго папируса съ письмомъ саккарской (Saqqarah) стелы (*Corpus inscriptionum semiticarum*, II, t. 1, № 122), датированной 4-мъ годомъ царствованія Ксеркса (т. е. 482 г. до Р. Хр.), проф. Эйтингъ (*Notice*, p. 4) приходитъ къ заключенію, что она «est...d'un archaïsme indiscutable et il n'est pas hasardé de prétendre qu'une transformation de ces types jusque dans les formes de notre papyrus exige une période d'à peu près 70 ans». Акад. Коковцовъ (*Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 7) также обращаетъ внима-

гrecques“, объ изданіи Эйтинга (съ указаніемъ нѣкоторыхъ замѣтокъ и рецензій) говорится на стр. 353—354 тома XVIII (Juillet—Octobre, 1905) этого „Revue“.

¹⁾ Въ настоящее время извѣстенъ уже 20-й египетско-арамейскій папирусъ, восходящій такъ же, какъ и остальные девятнадцать, къ эпохѣ персидскаго владычества исторіи Египта. (См. подробности ниже, въ IV подраздѣленіи настоящей главы). Этотъ папирусъ, открытый на о. Элефантинѣ, хранится въ настоящее время въ бодлеянской библіотекѣ. См. о немъ сообщеніе Clermont-Ganneau, сдѣланное въ засѣданіи, 27 мая (н. ст.) 1904 г., Académie des inscriptions et belles-lettres (см. ея „Comptes rendus“, 1904, p. 330).

²⁾ Что касается verso папируса, то оно, вслѣдствіе сильной порчи текста, почти совершенно не поддается истолкованію, представляя собою арену для болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ и построений. Въ настоящемъ этюдѣ мы его совершенно не касаемся и интересующихся отсылаемъ къ соответствующимъ мѣстамъ работъ Эйтинга, Clermont-Ganneau и Halevy.

ніе на нѣкоторыя особенности языка (сравнительно съ библейско-арамейскими формами въ кн. Эзры), указывающія скорѣе на болѣе позднюю эпоху происхожденія страсбургскаго папируса.

Для ознакомленія съ содержаніемъ текста даннаго папируса ¹⁾ мы приводимъ его въ русскомъ переводѣ ²⁾, сдѣланномъ акад. Коковцовымъ (о. с., стр. 5 – 6):

Столбецъ А.

1. ...мы..., что египтяне возмутились, мы господина нашего не оставили (?)
- 2 и никакого вреда не было за нами замѣчено. Въ 14 году царя (?) Дарьявахуша, когда нашъ господинъ Аршамъ
- 3 пошелъ къ царю, вотъ злое дѣло, которое учинили въ крѣпости Іебъ жрецы Хануба...
- 4 ... вмѣстѣ съ..., который тамъ (?) находился. Серебро и драгоценности они ему дали. Есть нѣкоторые
- 5 изъ ...царя, которые... врѣпость... и одна стѣна... въ проломѣ (?) крѣпости Іебъ (?).

Столбецъ В.

1. И теперь эта стѣна выстроена въ проломѣ (?) крѣпости. Есть одинъ колодець, который сооруженъ
- 2 внутри крѣпости и который доставлялъ всегда достаточное количество воды для питья войску, такъ что въ случаѣ, если (люди) бывали въ осадѣ (?),
- 3 они воду пили изъ этого колодца. Эти жрецы Хануба колодець этотъ закрыли. Если (дѣло) будетъ
- 4 разузнано судьями, тифтаями, гаушаками, поставленными въ области Та-шет-ресъ,
- 5 то господинъ нашъ узнаетъ, (что оно было такъ), какъ мы сказали или какъ мы изложили.

Какъ можно видѣть изъ только что приведеннаго перевода текста лицевой стороны страсбургскаго папируса, въ немъ, повидимому, идетъ рѣчь о злодѣяннн, совершенномъ египетскими жрецами бога Хнуба ³⁾, которые, воспользовавшись

¹⁾ Желающіе ознакомиться съ самимъ текстомъ страсбургскаго папируса найдутъ его, помимо изданія Эйтинга и др., также въ работѣ акад. Коковцова — *Арамейскій папирусъ и пр.* въ „Зап. вост. отдѣл. И. русск. арх. общ.“ т. XVI, в. IV-й, стр. XXIV (= отд. изд. стр. 5).

²⁾ Срв. также переводы: Эйтинга (латинскій), Clermont-Ganneau и Halévy (оба французскіе). Среди этихъ переводовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ принадлежащій Clermont-Ganneau (*Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 224).

³⁾ Хнубъ или Хнумъ (𓆎𓅓) нашего папируса, изъ древне-егип. формы Hnwn, обратившейся у грековъ въ Χυοῦμις, Χυοῦβις [Χυοῦφις] и т. д.)—извѣстное (по преимуществу нильское) божество египетскаго пантеона, творецъ міра, боговъ и челове-

какими то работами въ крѣпости (ремонтъ крѣпостной стѣны?) на о. Элефантинѣ¹⁾, закрыли колодець, находившійся внутри этой крѣпости и предназначенный для пользованія ея гарнизона на случай осады. Этотъ проступокъ египетскихъ жрецовъ, уже и раньше успѣвшихъ подкупить кого то изъ мѣстныхъ властей (см. текстъ столбца А), и составляетъ предметъ донесенія сатрапу персидскаго царя въ Египтѣ.

Кто авторъ даннаго донесенія, пока остается невыясненнымъ. Въ то время какъ проф. Эйтингъ думаетъ, что авторомъ нашего документа является египетско-персидскій чиновникъ, подчиненный мѣстному сатрапу (*Notice*, p. 1),— Clermont-Ganneau убѣдительно доказываетъ (см. *Recueil d'arch. orientale*, VI, p. 227 sq.), что текстъ даннаго папируса коллективнаго происхожденія, т. е. восходитъ къ опредѣленной группѣ лицъ египетскаго населенія и представляетъ собою доносъ. Такъ какъ въ періодъ персидскаго владычества надъ Египтомъ среди его населенія, помимо туземнаго элемента, мы встрѣчаемъ и персовъ и семитовъ и грековъ и нѣкоторыя другія народности, то вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи національности составителей нашего документа является не изъ легкихъ. Судя по манерѣ изложенія, Clermont-Ganneau полагаетъ, что авторы доноса не египтяне, и склоненъ признать въ нихъ евреевъ (главнымъ аргументомъ чего служить для него то обстоятельство, что, говоря о богѣ Хнубѣ, авторы «ne lui donnent pas son qualificatif de ⲕⲁⲓⲛⲁ le dieu», *ibid.*, VI, p. 229, будучи исключительно поклонниками Іеговы). Акад. Коковцовъ также стоитъ за коллективный характеръ «официальной жалобы»; что же касается національности составителей этой жалобы, то онъ склоненъ видѣть въ нихъ «персовъ и въ частности... лицъ персидскаго гарнизона, состоявшаго изъ инородцевъ подъ командою персовъ и имѣвшаго свое постоянное мѣстопробываніе въ Элефантинѣ для охраны южной границы Египта» (*Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 7).

ческаго рода — пользовался особеннымъ почитаніемъ на о. Элефантинѣ и величался „господиномъ Элефантины [= Іеба]“. (См. Wiedemann, *Die Religion d. alten Aegypten*. Münster i. W., 1890, p. 71 sq., его же—*Herodots zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen*. L. 1890, p. 118; Spiegelberg, „Orient. Litt.-Zeit.“, 1904, № 1, p. 11 съ подстрочн. прим. 3). Въ виду этого понятно, какое значеніе могли играть въ мѣстной жизни жрецы этого бога.

Выясненіе имени бога Хнуба въ текстѣ нашего папируса явилось результатомъ опредѣленія значенія группы ⲕⲁⲓⲛⲁ „въ Іебѣ [Элефантинѣ]“ (см. ниже) и принадлежитъ проф. Spiegelberg'у (см. „Orient. Litt.-Zeit.“, 1904, p. 10 sq.), который до этого полагалъ, что ⲕⲁⲓⲛⲁ = егип. ha-nub („la maison d'or“) и что здѣсь дѣло идетъ о мемфисскомъ серапеумѣ. (Это мнѣніе Spiegelberg'a, приведенное у Эйтингга, *Notice*, pp. 9—10, было принято и Halévy, „Revue sémitique“, 1904, p. 71).

¹⁾ Элефантина это и есть находящееся въ текстѣ нашего папируса ⲕⲁⲓⲛⲁ [А, 3: ⲕⲁⲓⲛⲁ ⲕⲁⲓⲛⲁ = „въ крѣпости Іебѣ“]. Выясненіемъ значенія этого ⲕⲁⲓⲛⲁ , соответствующаго др.-егип. ⲕⲁⲓⲛⲁ [въ вокализированномъ видѣ Iēbew; cf. Spiegelberg, „Orient. Litt.-Zeit.“, 1904, № 1, p. 11], въ транскрипціи греч. ассуанской надписи ⲕⲁⲓⲛⲁ (Clermont-Ganneau, *Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 234)—мы обязаны Clermont-Ganneau (см. „Comptes rendus“ за

III.

Если эпоха, къ которой долженъ быть отнесенъ страсбургскій папирусъ является вполнѣ опредѣленною, какъ это мы увидимъ далѣе, то нельзя сказать того же о времени написанія этого документа. Единственнымъ хронологическимъ даннымъ, могущимъ служить (до извѣстной степени), въ этомъ отношеніи, руководящею нитью—является находящаяся во 2-й строкѣ столбца А нашего папируса дата, которая читается слѣдующимъ образомъ: «въ 14-мъ году царя Дарія».

На выясненіи значенія этой даты мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться. Проф. Эйтингъ принимаетъ вышеприведенную дату какъ указаніе времени, къ которому относится *самый документъ*. Въ самомъ началѣ его *Notice* мы читаемъ: «La pièce en question (страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ) a d'autant plus d'importance (сравнительно съ другими однородными папирусами) qu'elle porte une date; elle remonte à la 14-e année du règne de Darius» (р. 1.). Такимъ образомъ, проф. Эйтингъ находитъ возможнымъ относить страсбургскій папирусъ «къ 14-му году царствованія Дарія» и сосредоточиваетъ далѣе свое вниманіе на выясненіи вопроса, о которомъ, именно, Даріѣ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ, о Даріѣ ли I-мъ (521—485) или же о Даріѣ II-мъ (424—405) ¹⁾.

Внимательное разсмотрѣніе египетско-персидскихъ отношеній въ царствованіе Дарія I и Дарія II приводитъ проф. Эйтинга къ заключенію, что упоминаемый въ нашемъ папирусѣ Дарій это—Дарій II. Главнымъ основаніемъ раз-

сѣданій Académie des inscr. et belles-lettres за 1903, стр. 364; *Rec. d'arch. orient.*, VI, p. 222; срв. также у Halévy, „*Révue sémitique*“, 1904, p. 71, которому, повидимому, осталось неизвѣстнымъ исправленіе Clermont-Ganneau), внесшему исправленіе въ толкованіе проф. Эйтинга, считавшаго группу כב (т. е. כ+ב) за одно слово (см. *Notice*, p. 10) со значеніемъ „canalis“ („fecerunt canalem arcis“). Это важное исправленіе въ настоящее время является общепринятымъ (см., напр., Spiegelberg, *l. c.*).

Какъ извѣстно, эфантинская крѣпость была однимъ изъ пограничныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, а именно предназначенная для охраны южной границы Египта. О персидскомъ гарнизонѣ эфантинской крѣпости мы въ частности знаемъ изъ повѣствованія Геродота, который, упоминая о трехъ египетскихъ крѣпостныхъ гарнизонахъ (φυλακαί) временъ Псамметиха, говоритъ: „ἔτι δὲ ἐπ' ἐμεῦ καὶ Περσέων κατὰ ταῦτα αἱ φυλακαὶ ἔχουσι, ὡς καὶ ἐπὶ Ψαμμητίχου ἦσαν· καὶ γὰρ ἐν Ἐλεφαντίνῃ Πέρσαι φρουρέουσι καὶ ἐν Δάφνησι“ (II, 30).

Выясненіе группы כב, помимо того, что даетъ возможность локализовать сообщаемые въ нашемъ фрагментѣ историческіе факты,—является важнымъ и для опредѣленія мѣста происхожденія даннаго папируса, который, какъ думаетъ Clermont-Ganneau (*Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 222), происходитъ или изъ Ассуана (егип. Sunu, Sunu, на правомъ берегу Нила, напротивъ Элефантины) или изъ самой Элефантины, подобно многимъ другимъ однороднымъ документамъ. (Такого же мнѣнія держится и проф. Spiegelberg, *l. c.*).

1) О Даріѣ III не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ его царствованіе обнимаетъ всего шесть лѣтъ (336—330 до Р. Хр.).

сужденія проф. Эйтинга служить то обстоятельство, что о возстаніи въ Египтѣ въ 14-й годъ царствованія Дарія I (т. е. въ 508 г. до Р. Хр.) не имѣется никакихъ извѣстій и что таковое произошло лишь въ предпоследній годъ его жизни, когда дошедшія до Египта вѣсти о поражении Персовъ при Марафонѣ (490) подготовили неудавшуюся попытку освободиться отъ персидскаго владычества. Исходя изъ этихъ соображеній, проф. Эйтингъ склоняется къ приуроченію египетскаго возстанія къ 14 г. царствованія Дарія II, т. е. къ 411—410 г. до Р. Хр. Онъ, именно, имѣетъ въ виду то возстаніе, о которомъ намъ было извѣстно и раньше, какъ о событіи, падающемъ на вторую половину царствованія Дарія II, когда Египтяне, увлеченные начавшимися повсюду въ персидскомъ государствѣ смутами, подняли, въ свою очередь, мятежъ подъ главенствомъ Амиртея. «Tandis que, — читаемъ мы у Эйтинга, — le premier soulèvement sous le règne de Darius I-er fut combattu par Xerxès et étouffé sous Artaxerxès, malgré le secours prêté par les Grecs, les Égyptiens parvinrent, cette fois, à secouer le joug perse, à recouvrer leur indépendance et à la maintenir pendant plusieurs décades. La XXVIII-e dynastie nationale des Saïtes, fondée par Amenrout, dont les Grecs ont fait Amyrtaios (414 à 408 av. J.-C), chassa avec l'assistance de mercenaires grecs les Perses du territoire égyptien. Amyrtaios avait su profiter de certaines circonstances exceptionnellement favorables en agissant pendant que les forces militaires perses étaient occupées à étouffer le soulèvement de Pissouthnès en Lydie contre Tissaphernès (415—414) et celui d'Amorgès en Carie (413—412). Amyrtaios se vit bientôt maître de toute l'Égypte jusque dans les regions de Thèbes...» (*Notice*, pp. 3—4).

Въ заключеніе проф. Эйтингъ приходитъ къ тому выводу, что «c'est dans cette période seule (царствованіе Дарія II) que peut se situer le rapport d'un employé perse au satrape... sur un épisode du soulèvement des Égyptiens dans la 14-e année du roi Darius» (*l. c.*), т. е. нашъ папирусный фрагментъ.

Предположеніе проф. Эйтинга не можетъ быть принято цѣликомъ. Возраженіе вызываетъ, именно, приуроченіе нашего документа къ 14-му году царствованія Дарія, такъ какъ на такое хронологическое фиксированіе контекста, заключающій вышеприведенную дату, не даетъ намъ надлежащаго основанія. Внимательно вчитываясь въ содержаніе нашего папируса, мы не можемъ не замѣтить, что та часть текста, гдѣ упоминается 14-й годъ царствованія Дарія, относится собственно къ событію уже *прошлому*, а не *современному*, къ эпизоду, о которомъ сочли нужнымъ вспомнить, чтобы имъ воспользоваться въ извѣстныхъ цѣляхъ. Авторы документа указываютъ на одно уже *раньше* учиненное жрецами Хнуба злодѣяніе, а именно «въ 14-й годъ царя Дарія, когда нашъ господинъ Аршамъ пошелъ къ царю» (А, 2—3). Вслѣдъ за этимъ, тѣми же лицами указывается на новое, современное написанію документа, злодѣяніе тѣхъ же жрецовъ. Нельзя, такимъ образомъ, не видѣть, что въ документѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя фактами: прошлымъ и (близкимъ къ нему) современнымъ, и что первый долженъ служить или для дополненія или для подкрѣпленія второго. Въ первомъ случаѣ — авторы документа имѣли въ виду указать на факты изъ близкаго прошлаго, находящіеся, вѣроятно, въ

известной связи съ фактами настоящаго; во второмъ—нельзя не видѣть известнаго приема со стороны составителей донесенія, желавшихъ, указаніемъ на уже имѣвшее мѣсто нелойальное поведеніе жрецовъ Хнуба, заручиться болѣе широкимъ довѣріемъ къ сообщаемому имъ новому факту. Акад. Коковцовъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что вышеприведенная дата (14-й годъ царя Дарія) «даетъ только известнаго terminus a quo...» (*Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 7). Такимъ образомъ, приходится установить, что дата: «въ 14-й годъ царя Дарія» не имѣетъ прямого, непосредственнаго отношенія ко времени написанія самаго папируса.

Но, тѣмъ не менѣе, эта дата, служа точкою отправленія, можетъ, до известной степени, способствовать опредѣленію времени написанія страсбургскаго папируса. Какъ мы уже видѣли, подробное разсмотрѣніе исторіи египетско-персидскихъ отношеній привело проф. Эйтинга къ тому выводу, что возстаніе, упоминаемое въ нашемъ папирусѣ, есть, именно, то, которое произошло въ царствованіе Дарія II. Этотъ выводъ врядъ ли можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Всѣ изслѣдователи, въ томъ числѣ и тѣ, которые сначала склонны были видѣть въ Даріѣ нашего папируса—Дарія I, пришли къ тому же заключенію, какъ и Эйтингъ. (Срв. Clermont-Ganneau, *Recueil d'arch. orientale*, VI, p. 230¹⁾; Halévy, *Nouvel examen etc.* въ «*Revue sémitique etc.*», Janvier 1904, p. 68). Акад. Коковцовъ считаетъ дату 411—410 г. (т. е. 14-й годъ царствованія Дарія II) болѣе близкою къ истинѣ «въ виду упоминанія въ папирусѣ возстанія Египтянъ» (*Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 7).

Теперь переходимъ къ вопросу: что же даетъ находящаяся въ текстѣ дата для приблизительнаго опредѣленія времени написанія? Мы полагаемъ, что разъ авторы нашего документа сочли нужнымъ (для подкрѣпленія достовѣрности своего сообщенія или его дополненія) сослаться на известнаго фактъ, современниками и свидѣтелями котораго они являются, то уже eo ipso промежутокъ времени между моментомъ составленія документа и прошлымъ фактомъ не можетъ быть особенно значителенъ, и, такимъ образомъ, можно вполне присоединиться къ формулировкѣ, представленной акад. Коковцовымъ, а именно, что страсбургскій папирусъ слѣдуетъ «приурочить къ концу V или, пожалуй, къ началу IV в. до Р. X.» (*Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 7).

Весьма важнымъ обстоятельствомъ, не говорящимъ въ пользу особенной древности нашего папируса, являются, конечно, его палеографическія особенности. Какъ мы уже знаемъ, проф. Эйтингъ предполагаетъ (*Notice*, p. 4), что на видоизмѣненіе письма саккарской стелы въ письмо нашего папируса тре-

¹⁾ Особеннаго вниманія заслуживаетъ предлагаемое Clermont-Ganneau исправленіе встрѣчающагося у Ктесія (ed. Didot, p. 55^a, § 47) имени Ἀρξάνης въ Ἀρξάμης (= Ἀρσάμης; срв. подобную же описку у Діодора Сицилійскаго, XVII, V, 5: Ἀρσάνου [cf. Pape's *Wörterbuch d. griech. Eigennamen* 3, s. v.]—имя отца Дарія III), которое носилъ сатрапъ, правившій Египтомъ при воцареніи Дарія II, въ 424 г. „Il n'est pas inadmissible, —говоритъ далѣе Clermont-Ganneau,—que ce personnage... se soit encore maintenu pendant 14 ans dans son gouvernement, jusqu'au moment où il y fut remplacé par le satrape inconnu destinataire de notre lettre...“ (l. c.).

буется около семи десятилѣтій. Такимъ образомъ, приуроченіе времени написанія страсбургскаго папируса на нѣсколько лѣтъ позже 411 — 410 года со стороны арамейской палеографіи не можетъ вызывать возраженій. Далѣе, среди намъ извѣстныхъ папирусовъ, страсбургскій не представляетъ типа древняго письма (какъ туринскій, что отмѣчаетъ акад. Коковцовъ, *Арам. папирусъ и пр.*, стр. 7). Наконецъ, какъ уже было отмѣчено, нѣкоторыя особенности языка также указываютъ на болѣе позднюю эпоху (см. по этому поводу у акад. Коковцова, *тамъ же*, стр. 7, который приводитъ въ качествѣ примѣра нѣкоторыя глагольныя формы, представляющія болѣе позднюю фазу развитія въ сравненіи съ библейско-арамейскими формами въ книгѣ Эзры).

Намъ пришлось нѣсколько подробнѣе остановиться на вопросѣ о времени написанія страсбургскаго папируса, такъ какъ выясненіе этого пункта представляетъ особенный интересъ при изученіи того иранскаго элемента, который сохранился въ этомъ папирусѣ.

IV.

Страсбургскій папирусъ принадлежитъ къ извѣстной серіи египетско-арамейскихъ папирусовъ, восходящей къ эпохѣ персидскаго владычества въ Египтѣ и имѣющей, по своему содержанію, то или другое отношеніе къ этому владычеству. Какъ извѣстно, обстоятельнымъ изученіемъ этой группы папирусовъ мы обязаны Clermont-Ganneau, который въ своемъ изслѣдованіи — *Origine perse des monuments araméens d'Égypte*, появившемся въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ «Revue archéologique» (начало въ т. XXXVI, 1878, Août), показала, что почти всѣ памятники арамейскаго языка, открытые въ Египтѣ, восходятъ къ эпохѣ персидскаго владычества въ странѣ фараоновъ. «Je propose donc, — говоритъ почтенный ученый, — de regarder presque tous, pour ne pas dire tous ces fragments de papyrus araméens, comme remontant à l'époque perse, comme écrits sous l'influence perse, et comme provenant très probablement des archives de l'administration perse en Égypte, ou des dossiers d'individus qui avaient quelque rapport avec elle» («Rev. arch.», t. XXXVII, 1879, Janvier, pp. 23—24). Своимъ изслѣдованіемъ Clermont-Ganneau устранилъ раньше господствовавшее въ наукѣ мнѣніе, согласно которому египетско-арамейскіе папирусы разсматривались какъ «des écrits rédigés pendant la période ptolémaïque et... par des Juifs aramaisants» (*ibid.*, 1878, pp. 94—95). Этотъ новый взглядъ Clermont-Ganneau на время происхожденія египетско-арамейскихъ папирусовъ — взглядъ, составившій эпоху въ исторіи изученія этихъ памятниковъ — подтверждается каждымъ вновь открытымъ фрагментомъ египетско-арамейскаго папируса, въ числѣ которыхъ, въ этомъ отношеніи, особенно важное мѣсто должно быть отведено фрагменту, изданному проф. Эйтингомъ.

V.

Арамейскій языкъ египетскихъ папирусовъ персидской эпохи объясняется тѣмъ въ настоящее время хорошо выясненнымъ обстоятельствомъ, что онъ являлся официальнымъ, канцелярскимъ языкомъ древне-персидской администраціи

при ея сношеніяхъ съ западными областями, подвластными «царю царей». Арамейскій языкъ въ этой своей функціи—языка древне-персидской администраціи—широко перешагнулъ за собственныя границы семитическаго міра, и мы видимъ его господство не только въ сирійскихъ земляхъ, но и въ Малой Азіи и Египтѣ ¹⁾. (Обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса, весьма важнаго въ лингвистическомъ и культурно-историческомъ отношеніяхъ, см. у Ed. Meyer'a, *Die Entstehung des Judenthums*. Halle a. S., 1896, p. 3 sq.).

Остановливаясь въ частности на египетско-арамейскихъ памятникахъ персидской эпохи, представляется естественнымъ задаться вопросомъ, насколько отразилось на упомянутыхъ памятникахъ, въ отношеніи языка, и прежде всего на его лексическомъ составѣ, персидское вліяніе—предполагать которое (хотя бы и въ ограниченныхъ размѣрахъ) возможно уже *a priori*, благодаря связямъ съ мѣстною и, въ особенности, съ центральной администраціей ²⁾. До послѣд-

¹⁾ „Nous savons pertinemment,—говоритъ Clermont-Ganneau,—que toute la chancellerie de l'empire perse, et en particulier des satrapies occidentales, était araméenne. C'était un legs de l'organisation assyrienne. En Cilicie, en Lycie, en Syrie, etc., les bureaux étaient araméens. Les légendes des monnaies frappées en ces pays par les satrapes qui les gouvernaient au nom de grand roi étaient araméennes. Araméenne était la langue employée dans la correspondance de l'État et le libellé des édits royaux. Notre débris de papyrus nous prouve qu'il en était de même en Égypte, et que l'araméen y jouait la même rôle que dans le reste de l'empire („Rev. archéologique“, t. XXXVI, 1878, Août, p. 103). Срв. также *Corp. inscr. sem.*, II, 1, p. VI.

На основаніи такой роли арамейскаго языка, ставшаго какъ бы языкомъ международныхъ сношеній, профессоромъ Th. Nöldeke уже давно была высказана мысль, что подъ выраженіемъ Ἀσσύρια γραμματα у Фукидида, кн. IV, 50 (гдѣ говорится о перехваченныхъ письмахъ Артаксеркса, адресованныхъ въ Лакедемонъ: „... οἱ Ἀθηναῖοι τὰς μὲν ἐπιστολάς μεταγραφεύμενοι [здѣсь въ значеніи: сдѣлавъ переводъ] ἐκ τῶν Ἀσσυρίων γραμμάτων ἀνέγυωσαν“) — „весьма вѣроятно“ разумѣется „арамейское письмо и языкъ“, а не клинописное письмо, какъ это можно было бы предполагать. См. его этюдъ—Ἀσσύριος, Σύριος, Σύρος въ „Hermes“, V, 3 (1871 г.), p. 461.

[Впрочемъ, сношенія были возможны и на языкахъ соотвѣствующихъ народовъ и странъ. Характерное указаніе въ этомъ отношеніи представляютъ извѣстныя мѣста въ книгѣ Эсеири (I, 21; III, 12; VIII, 9). Въ качествѣ же конкретнаго случая можетъ служить, напр., извѣстное письмо царя Дарія I къ Гадату, написанное по гречески (или, по крайней мѣрѣ, переведенное на греческій), о которомъ намъ придется говорить ниже].

²⁾ Подобно тому какъ связь съ персидскою культурою проявляется нерѣдко и въ памятникахъ другихъ языковъ — памятникахъ, имѣющихъ извѣстное отношеніе къ персидскимъ дѣламъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего должны быть упомянуты извѣстныя библейскія книги (напр., книги Даніила, Эзры, Эсеири), дающія много цѣннаго матеріала какъ для древне-персидскаго словаря, такъ и для изученія стилистическаго вліянія древней Персіи. (Изученіе этого матеріала можно найти, помимо нѣкоторыхъ старыхъ работъ, какъ напр., Benfey'я, Haug'a и др., — у Ed. Meyer'a въ упомянутомъ его изслѣдованіи *Entstehung des Judenthums*, p. 21 sq., у Andreas'a въ словарѣ при грамматикѣ библейско-арамейскаго нарѣчія К. Marti [*Kurzgef. Gramm. d. biblisch-aram. Spr.* B., 1896], въ диссертациі Scheftelowitz'a—*Arisches im Alten Testament*. I. Königsberg i Pr. [1901] и пр.).

няго времени такое вліяніе не могло быть отмѣчено. Во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ намъ египетско-арамейскихъ папирусахъ персидской эпохи мы имѣли (за исключеніемъ именъ собственныхъ) почти одни лишь *отдѣльные арамейскіе термины, имѣющіе болѣе или менѣе тѣсное отношеніе къ персидской администраціи и государственному устройству вообще.*

Такъ, мы встрѣчаемъ въ ватиканскомъ папирусѣ слово מרדנא (fragm. B, l. 8). «Ce mot, — читаемъ у Clermont-Ganneau, — qui veut dire littéralement *jurisdiction, diocèse*, désigne d'une façon spéciale, dans les livres araméens de la Bible, *les provinces de l'empire perse, les Satrapies*» («Rev. archéol.», 1879, p. 24)¹⁾. Или мы находимъ такіа обозначенія чиновныхъ лицъ, какъ מרדנא²⁾ — «une espèce particulière de *gouverneur perse*... préposé à une circonscription d'importance moindre que la satrapie» (Clermont-Ganneau, *ibid.*, p. 25), или въ качествѣ титула сатрапа מרדנא — «dominus» (срв. у Clermont-Ganneau, *ibid.*, 1878, pp. 104—105, подстрочн. прим. 1) и т. д.

Подобные специальные арамейскіе термины мы встрѣчаемъ и въ нашемъ папирусѣ. Такъ, въ B, 4 мы имѣемъ: ב-מרדנא «in districto (T-š-t-r-s)». Сатрапъ, упоминаемый въ донесеніи, называется מרדנא «dominus noster» (A, 2; B, 5), подобно тому какъ въ туринскомъ папирусѣ титулуется Митравахишта (1 строка: א ל מרי מתרוהשת עבדך פרס «ad dominum meum M. servus tuus P.»; C. *inscr. sem.*, II, 1, no. 144). Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи страсбургскій папирусъ

Далѣе, среди памятниковъ греческаго языка, интересно отмѣтить уже упомянутое нами письмо царя Дарія I къ правителю Гадату, сохранившееся въ надписи, открытой въ 1886 году въ Деирмеджикѣ (въ древней Карин) и изданной G. Cousin и G. Deschamps (*Lettre de Darius fils d'Hystaspe*—въ „Bull. de corr. hell.“, XIII [1889], pp. 529—542). Въ этомъ письмѣ не трудно отмѣтить факты, указывающіе на вліяніе древнеперсидскаго стиля. Отмѣтимъ прежде всего вступленіе: βασιλεύς βασιλέων Δαρείος ὁ Ὑστάσπεω... τάδε λέγει — что было бы по древнеперсидски, имѣя образцомъ стиль клинообразныхъ надписей, приблизительно такъ: θātiy Dārayava^huš ḡšāyāθiya^h ḡšāyāθiyānām Vištāspahyā ruθga^h; далѣе, характерно названіе правителя Гадата — δουλος, что, конечно, представляетъ переводъ др.-перс. bandaka „рабъ, слуга“ (срв. среднеперс. bandak, новоперс. bāndā[h]), каковымъ терминомъ Дарій I называетъ (Bh. V, 8) перса Гобрюаса, поставленнаго имъ начальникомъ (maθišta-, собс. superl. со значеніемъ: „maximus, μέγιστος“) Сусіаны; наконецъ, интересно отмѣтить выраженіе: ἐμ βασιλέως οἴκωι и пр. (Срв. также, что говоритъ о значеніи этого документа Ed. Meyer — *Entstehung des Judenthums*, p. 19 sq.).

1) Gesenius-Buhl, *Hebr. u. Aram. Handwörterbuch* ü. A. T. (ed. XII), s. v. מרדנא: „Ein aram. Wort: eig. Gerichtsbezirk [отъ корня ׀׀׀ „richten etc.“], dann übertr. 1) Provinz...; von den Statthalterschaften Persiens, Esth. 1, 1. 22; 3, 12. 14... 2) Landschaft.— Siegfried—Stade, *Hebr. Wörterb. z. A. T.* (Leipzig, 1893): «Landschaft, Gau...; übertr. auf die pers. Satrapien...» (s. v.).

2) Въ библейскомъ текстѣ מרדנא: „Statthalter einer Provinz (der aber zugleich Militärführer war) bei den Assyriern... Chaldäern, Persern...“ (Gesenius-Buhl, *Словарь*, s. v.). „Titel des Landpfleger (Satrapen, Statthalter) des pers. Reiches (Siegfried—Stade, *Словарь*, s. v.). [Терминъ этотъ вавилонско-ассирійскаго происхожденія: по ассирійски paḥātu значитъ: 1) „Verwaltungsbezirk“ (отсюда bēl paḥāti „Statthalter“), 2) „Statthalter“ (сокращено изъ bēl paḥāti); см. Delitzsch, *Assyr. Handwörterb.*, s. v.

не представляет ничего новаго въ сравненіи съ другими однородными памятниками. Особенность его заключается, именно, въ томъ иранскомъ, точнѣе «древне-персидскомъ» (въ широкомъ смыслѣ этого термина) лексикальномъ элементѣ, который спорадически встрѣчается среди основнаго семитскаго текста. Каждый, кто изучалъ тексты доселѣ извѣстныхъ египетско-арамейскихъ папирусовъ, знаетъ, что въ нихъ иранскаго элемента нѣтъ совершенно (за исключеніемъ именъ собственныхъ). Въ этомъ отношеніи нашъ папирусъ, какъ заключающій извѣстное количество древне-персидскихъ формъ, занимаетъ совершенно особое мѣсто и представляетъ собою особенно цѣнный документъ. Мы позволяемъ себѣ даже выразить надежду, что страсбургскій папирусъ, повидимому, открываетъ собою новую серію египетско-арамейскихъ папирусовъ, въ которыхъ иранскій элементъ является перемѣшаннымъ съ основнымъ семитскимъ.

Къ разсмотрѣнію этого иранскаго элемента въ нашемъ папирусѣ мы теперь и обращаемся.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Иранскіе элементы, встрѣчающіеся въ страсбургскомъ египетско-арамейскомъ папирусѣ.

А, 2: 𐤀𐤓𐤌𐤍 (Dāraṣavahuš, т. е. Dāraṣavahuš).

Когда намъ стало извѣстно содержаніе реферата проф. Эйтинга о страсбургскомъ папирусѣ (см. выше—*Предварительное примѣчаніе*), мы не могли прежде всего не обратить вниманія на приведенную въ немъ семитскую транскрипцію формы имени царя Дарія: Dāraṣavahuš¹⁾. Транскрипція эта являлась интересною въ виду передачи звука *h* (𐤀), который въ соответствующей древне-персидской формѣ (пом. Dāraṣavahuš) фактически отсутствовалъ въ клинописномъ письмѣ, но наличность котораго въ живой рѣчи уже давно предполагалась многими иранистами.

Какъ извѣстно, въ древне-персидской графикѣ *h* въ положеніи передъ *u* не передается (см. Bartholomae, *Awestasprache und Altpersisch*, § 270, с. 5 въ «Grdr. d. iran. Phil.», I, p. 160); мы имѣемъ, такимъ образомъ, при формѣ gen. Dāraṣavahuš (Bh. III, 57) формы: пом. Dāraṣava-uš и асс. Dāraṣava-um;

¹⁾ Относительно *-u* въ *-uš* отмѣтимъ, что оно въ данномъ случаѣ (равно какъ и въ *duškart* [A, 3]) служитъ лишь для выраженія качества гласнаго (*scriptio plena*), а не обозначаетъ долготы.

Что касается *ā* (Dāraṣavahuš), то оно оставалось безъ особаго внѣшняго обозначенія; срв. ниже А, 2: Arsām.

точно также первая часть имени верховнаго перскаго божества изображена какъ а-ига-, съ чѣмъ сравните авест. ahuga-.

Уже одно сопоставленіе древне-персидскихъ надежныхъ формъ имени царя Дарія (съ одной стороны genitivi, съ другой — nominativi и accusativi) не могло не наводить на мысль, что и въ данномъ случаѣ намъ приходится считаться съ явленіемъ недостаточнаго соотвѣтствія древне-персидской графической системы фонетической дѣйствительности. Въ данномъ случаѣ это несоотвѣтствіе между внѣшнимъ, графическимъ обозначеніемъ и звуковой реальностью обращаетъ на себя вниманіе еще и потому, что у древнихъ персовъ была возможность выразить звукъ *h* и, наримѣръ, a^huga- могло бы быть изображено слѣдующими клинописными знаками: а—h^a—u—r^a—. Такимъ образомъ, мы, собственно, имѣемъ дѣло не съ недостаткомъ, такъ сказать, «графическихъ силъ», но съ извѣстною манерою или приемомъ письма: не изображать звука *h* въ положеніи передъ звукомъ *u*. Въ виду этого, не безъ основанія, за послѣднее время входитъ въ обычай изображать въ латинской транскрипціи надстрочнымъ *h* соотвѣтствующій звукъ древне-персидскаго языка въ указанномъ положеніи.

Какъ мы только что видѣли, древне-персидскіе писцы, имѣя возможность выразить графически слогъ *hu*, не обозначали *h* передъ *u*. Это обстоятельство давало поводъ предполагать, что придыханіе передъ *u* въ древне-персидскомъ произношеніи отсутствовало. Подтверженіемъ такого предположенія, казалось, являлись такія стороннія показанія, какъ напр. эламская (сусіанская) транскрипція имени Дарія въ видѣ Tariyamaoš (срав. также формы: вав.-асс. Da-a-ri-ia-mu-š, Da-a-ri-muš и пр., Schrader, *Keilinschr. Bibl.*, IV, 304 sq.; др.-евр. דַרְיָאִימָאוֹשׁ) или вав.-ассир. —ūramazdā, передающая древне-перс. A^huramazdā¹⁾, тогда какъ вав.-ассир. A^huramazdā, по замѣчанію Фоу'я (K. Z. XXXV, p. 67; XXXVII, p. 508), представляетъ авестійское заимствованіе (иначе—Darmesteter, *Études iraniennes*, I, p. 6). Но, съ другой стороны, такія транскрипціи, какъ арамейская нашего папируса, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ произношеніи звукъ *h* передъ *u* дѣйствительно звучалъ въ тѣхъ, именно, случаяхъ, когда мы теоретически, на основаніи показаній фактовъ какъ самаго древне-персидскаго, такъ и близко родственныхъ языковъ, въ правѣ предполагать его фонетическую наличность въ живой рѣчи. Такимъ образомъ, мы можемъ писать: Dārayava^huš, a^huga-, ^huvašpa «pferdereich, εἰκλος (срв. авест. hvaspa-, др.-инд. svasva-).

Арамейская транскрипція имени царя Дарія въ нашемъ папирусѣ представляетъ собою цѣнное показаніе по вопросу о звукѣ *h* въ древне-персидскомъ языкѣ. Транскрипція черезъ семит. ה соотвѣтствующаго древне-персидскаго звука является новымъ подтверженіемъ со стороны, что отсутствіе въ письмѣ *h* передъ *u* въ древне-персидскомъ было лишь явленіемъ графическимъ²⁾. Кромѣ

¹⁾ Въ настоящее время основу этого собств. имени Bartholomae (*Altiran. Wörterbuch*) выставляетъ въ видѣ a^hura^hmazdah- (m.), поясняя: „aus der syntakt. Verbindung a^hura^hmazdā. N.S. hervorgegangen...“ (s. v.).

²⁾ Значеніе арамейской транскрипціи имени царя Дарія было отмѣчено и проф. Эйтингомъ, который говоритъ: „Cette orthographe du nom Darius est très remarquable, car elle correspond exactement à la forme du persan vieux Dārayawa^hu...“ (*Notice*, p. 7).

того, эта же транскрипция, въ связи съ другими, наводитъ насъ на нѣкоторыя соображенія относительно характера самого звука *h*. Сопоставляя, именно, всѣ эти противоположныя показанія можно, какъ намъ кажется, притти къ тому предположенію, что въ древне-персидскомъ *h* въ положеніи передъ *u*, хотя и слабо, но всетаки звучало, вслѣдствіе чего одни были въ состояніи улавливать этотъ звукъ (арамейская транскрипція нашего папируса), другіе (срв. выше-приведенныя транскрипціи вавилонскія и эламскія) нѣтъ ¹⁾.

Проф. Эйтингъ и, вслѣдъ за нимъ, нѣкоторые другіе ученые обратили вниманіе на отсутствіе передъ именемъ царя Дарія арамейской частицы *genitivi zī* (или *l*), которую мы въ правѣ были бы ожидать, такъ какъ это имя, какъ зависящее отъ другого, должно было быть поставлено въ родительномъ падежѣ (*Notice*, p. 7). Въ виду этого проф. Hübschmann («*Zeitschr. f. arm. Phil.*», II, p. 264) былъ бы склоненъ читать форму *genitivi* ²⁾, а именно *Dārayavahauš* (= *Dārayavahōš*), если бы только подобная форма, какъ это отмѣчаетъ онъ самъ, могла появиться въ документѣ временъ Дарія II. Въ самомъ дѣлѣ, форма род. пад. *Dārayavahauš*, являющаяся въ надписяхъ Дарія I и Ксеркса, была бы слишкомъ «классическою» или книжною для эпохи Дарія II, такъ какъ уже въ самой Персіи, на надписи его преемника — Артаксеркса II Мнемона (404—361) мы встрѣчаемъ форму не *Dārayavahauš*, но *Dārayava ušahyā* (*Art. Sus. a*, 1; см. изд. Weissbach-Bang, *Die altpers. Keilinschr.* I, p. 44), представляющую новообразование, заключающееся въ присоединеніи исхода *gen. sg. -ahyā* (отъ основъ на -a) къ формѣ именительнаго, который уже начинаетъ приниматься за основу.

Помимо этого, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что было бы въ высшей степени странно среди сплошного арамейскаго текста встрѣтить одиночную древне-персидскую форму *genitivi*. Всего вѣроятнѣе въ данномъ случаѣ предположить пропускъ арамейской частицы *zī* или *l* — пропускъ тѣмъ болѣе интересный, что онъ не является единичнымъ. Акад. Коковцовъ обратилъ наше вниманіе на аналогичное явленіе въ датировкѣ саккарской стелы (482 г.), гдѣ точно также опущена передъ именемъ царя Ксеркса частица *zī* ³⁾. «Такое

¹⁾ По поводу сопоставленія древне-армянской формы имени Дарія *Dareh* (встрѣчается въ текстахъ Библии, Хроникѣ Евсевія Памфила, у Моисея Хоренскаго и т. д.) съ древне-персидскою *Dārayavahauš* (черезъ посредствующую средне-персидскую ступень), сдѣланнаго Hübschmann'омъ (намъ пришлось коснуться его въ своихъ рефератахъ о страбургскомъ папирусѣ), мы имѣемъ въ виду высказаться особо, когда вылеземъ нѣкоторые возникшіе вопросы. Одновременно мы рассмотримъ и указанія, сдѣланныя проф. Марромъ (см. „Зап. вост. отд. И. русск. арх. общества“, т. XVI, вып. IV, стр. XXXIII).

²⁾ Какъ видно изъ указанія, сдѣланнаго акад. Залеманомъ („Зап. вост. отд. И. русск. арх. общ.“, т. XVI, вып. IV, стр. XXXIII), за признаніе формы *genitivi* высказался и г-нъ Н. Д. Мионовъ.

³⁾ Срв. также, что говоритъ по этому поводу Clermont-Ganneau въ *Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 231.

совпаденіе, — говоритъ акад. Коковцовъ, — памятниковъ изъ одной мѣстности и одной эпохи въ допущеніи одинаковой грамматической неправильности въ однородномъ случаѣ наводитъ на мысль о неслучайномъ характерѣ упомянутой неправильности и даетъ право предполагать, что въ арамейскихъ текстахъ персидской эпохи писцами допускалась въ датировкахъ грамматическая вольность относительно употребленія частицы *zi* передъ собственными именами царей» («Зап. вост. отд. И. русск. арх. общ.», т. XVI, в. IV, стр. XXXII—XXXIII).

А, 2: ארשא (Aršam, т. е. Aršām).

Н. гр. персидскаго сатрапа (правившаго въ Египтѣ въ 411—410 г.) ארשא мы должны транскрибировать и читать какъ Aršām. Данной формѣ въ др.-перс. клинописи соответствуетъ Aršāmah (напр. Bh. I, 4—5), срв. въ греч. передачѣ: Ἀρσάμας (Xen.), Ἀρσάμης (Herod., Aeschyl. и др.); въ др.-армянскомъ это собств. имя является какъ Արշամ (Aršam) — cf. Justi, *Iran. Namenbuch*, p. 29, s. v. Ἀρσάμης; Hübschmann, *Armen. Gramm.* I, p. 27, n°. 25, pp. 211—212, n°. 473, I. F., VIII, «Anzeiger», p. 44, «Z. f. armen. Phil.», II p. 265—и по своей формѣ соответствуетъ средне-персидскому оригиналу *Aršām.

Сопоставляя форму нашего папируса Aršām съ соответствующей формою древне-персидскихъ клинописей (Aršāmah), мы наблюдаемъ исчезновеніе конечнаго слога, т. е. одно изъ явленій, характерныхъ уже для эпохи такъ называемаго «средне-персидскаго» языка. Наша форма интересна въ томъ отношеніи, что она является съ вполне выраженной средне-персидскою физиономіей, баковая засвидѣтельствована, какъ мы только что видѣли, древне-армянскимъ заимствованіемъ.

А, 3: דושכרתא (duškarta).

Проф. Эйтингъ совершенно справедливо считаетъ эту форму древне-персидскимъ обозначеніемъ понятія «*méfait, mauvaise action*» (въ лат. переводѣ текста: *maleficium*); она транскрибируется имъ въ видѣ др.-перс. основы «*duškarta-» (*Notice*, p. 8). Эта основа, т. е. *duškarta- или *duškṛta- (если слѣдуетъ читать со слоговымъ *r*¹) вм. слога *ar*), представляетъ собою извѣстный видъ сложенія (cf. Brugmann, *Grundriss d. vergl. Gramm.*, II, §§ 14, 23), состоящаго изъ

¹) В опросѣ о томъ, было ли получено изъ индо-иранскаго (арійскаго) *ṛ (изъ индо-европ. *ṛ и *r¹) въ древне-персидскомъ ṛ (ṛ слоговое) или же изъ него развился слогъ ar—остается невыясненнымъ (см. Bartholomae, *Vorgesch. d. iran. Sprachen*, § 57, 2—въ „Grdr. d. iran. Phil.“ I, p. 24 и его же *Awestasprache u. Altpers.*, § 290, 3—*ibid.*, pp. 168—169; срв. также Brugmann, *Grundriss d. vergl. Gramm. etc.* I², § 502). Литература (важнѣйшая) по данному вопросу указана у Bartholomae, „Grdr. d. iran. Phil.“, I, p. 24, а также у Brugmann'a, *l. c.*; въ дополненіе отмѣтимъ: Bartholomae, *Arisc. X* (№ 53. Zur Vertretung des urir. ṛ in Altiranischen) въ I. F., IX, p. 261 sq.—Въ послѣдующемъ мы будемъ писать въ данныхъ случаяхъ исключительно ar, не предпрѣшая этимъ самого вопроса о судьбѣ индо-иранскаго *ṛ въ древне-персидскомъ языкѣ.

отрицательной частицы *duš-*, соответствующей др.-инд. *duṣ-*; авест. *duš-*, греч. *δυσ-* и т. д., и *karta-* «factus», partic. praeteriti passivi отъ глагольнаго корня, означающаго «дѣлать» (срв. др.-инд. *kr̥tá-*, авест. *kərətá-*) — такъ что др.-перс. **duškarta-*, какъ основа средняго рода, собственно значить «male factum», т. е. «maleficium» и вполне соответствуетъ др.-инд. *duṣkr̥ta-* «Übelthat, Sünde»; срв. также авест. *duš-kərət-* «übelthuend, Übelhäter» = др.-инд. *duṣ-kr̥t-* «id.».

Что же касается того обстоятельства, уже обратившаго на себя вниманіе проф. Эйтинга, а именно, что «l'u bref est exprimé... par *waw*» (*Notice*, p. 8), то мы полагаемъ, что какъ и въ *𐤀𐤎𐤁𐤏* (A, 2), такъ и въ данномъ случаѣ, являється, при передачѣ персидскихъ словъ, не для обозначенія количества известнаго гласнаго, но для выраженія его качества ¹⁾.

Сохраненное въ арамейской транскрипціи *duškart* (конечное *-ā* въ *duškartā* служить для образованія такъ называемаго *status emphaticus*) представляетъ собою вполне средне-персидское (несохранившееся) образование **duškart* ²⁾, состоящее изъ *duš-* = древне-перс. *duš-* [срв., напр., *duš-xēm* «vom schlechtem Character» (откуда др.-арм. заимствование — *դժխիմ*, *džxēm* «злой, злонравный, дурной») — въ противоположность *hu-xēm* «von gutem Character», Salemann, *Mittelpersisch*, § 52, 2—3] и *-kart* ³⁾ — формы partic. praeteriti.

Такимъ образомъ, арамейская транскрипція *duškart* нашего папируса представляетъ собою форму съ характерною средне-персидскою физиономіей.

¹⁾ Такого же взгляда держится и Clermont-Ganneau; см. *Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 232.

Аналогичными являются случаи *scriptio plena* и въ такихъ болѣе позднихъ памятникахъ, каковы средне-персидскіе манихейскіе тексты изъ Турфана (см. ниже *Эккурсы*), записанные видоизмѣненнымъ сирійскимъ алфавитомъ эстрангело. Здѣсь мы имѣемъ, напримѣръ, такіе случаи написанія (приводимъ въ транскрипціи издателя — F. Müller'a), какъ напр.: *dūšmēn* „Feind“, *dūšqêrdagān* „die Südner“ и т. д. Срв. однородныя явленія въ хотанскомъ еврейско-персидскомъ отрывкѣ (не позже конца VIII в.) — документъ древнѣйшаго періода ново-персидскаго языка, о чемъ см. у акад. Залемана — *По поводу еврейско-персидскаго отрывка изъ Хотана*. С.-П. Б., 1904 (= „Зап. вост. отд. И. русск. арх. общ.“, т. XVI, стр. 048), а также вообще въ еврейско-персидскихъ памятникахъ (переводы книгъ Ветхаго Заветъа и пр.; cf. Geiger, „Grdr. d. iran. Phil.“, I, 2, p. 408 sq.), *scriptio plena* которыхъ (*i* какъ *'*, *u* какъ *u*) составляетъ одну изъ орфографическихъ ихъ особенностей (см. Salemann, *Literatur-Blatt f. oriental. Phil.*, II, p. 79; Nöldeke, *Judenpersisch* въ *Z. D. M. G.*, LI, p. 669; Geiger, *o. c.*, p. 411, § 202, 1).

²⁾ Въ качествѣ средне-персидскаго заимствования въ древне-армянскомъ Hübschmann („*Z. f. arm. Phil.*“, II, p. 265) предполагаетъ (несохранившееся въ текстахъ **dž-kert*: срв. *dž-* въ *dž-xēm* (изъ средне-перс. *duš-xēm*, см. ниже) и *-kert* въ многочисленныхъ сложенияхъ (Hübschmann, *Armen. Gramm.* I, p. 168 sq., s. n°. 314).

³⁾ Мы читаемъ средне-персидскую форму вслѣдъ за Bartholomae, Salemann'омъ (*Mittelpersisch*, § 43, p. 274; § 50, 24) и др. какъ *-kart*. Напротивъ, Hübschmann, имѣя въ виду др.-армянское заимствование *-կերտ* (*-kert*) [изъ средне-персидскаго], какъ второй членъ многочисленныхъ сложений (преимущественно названій мѣстностей) — читаетъ *-kert* (см. его *Pers. Studien*, § 7, p. 130; § 34, b, p. 145; *Armen. Gramm.* I, p. 168 sq. n°. 314). Однако, слѣдуетъ имѣть въ виду возможность также иного истолкованія средне-перс. *-kart* (ново-перс. *-gird*; см. Horn, *Neupersische Schriftsprache*, § 105, въ „*Grdr. d. iran. Phil.*“, I, 2, p. 190), являющагося въ концѣ названій мѣстностей, которое ука-

Экскурсы.

По поводу термина *duš-karta-m «maleficium» считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на слѣдующее. Изъ различныхъ источниковъ намъ хорошо извѣстно, какъ строго карались въ древней Персіи проступки и правонарушенія и, съ другой стороны, съ какою справедливостью оцѣнивались заслуги и общепользныя дѣла; мы знаемъ, далѣе, съ какою осмотрительностью при произнесеніи приговоровъ принимались во вниманіе не только проступокъ даннаго лица, но и имѣющіяся за нимъ заслуги (срв., что сообщаетъ Геродотъ, кн. VII, 194), и какъ, вообще, строго проводилась грань между заслугами и проступками (срв. Justi, *Geschichte Irans etc.* въ «Grdr. d. iran. Phil.», II, p. 433; Ed. Meyer, *Entstehung des Judenthums*, p. 20 sq.; Scheftelowitz, *Arisches im Alten Testament*, I, p. 29 sq.). Весьма характернымъ, въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ признать, вмѣстѣ съ извѣстнымъ мѣстомъ багистанской надписи (Bh. IV, § 62, lineae 65—67), письмо Дарія I-го къ правителю Гадату, въ которомъ, отдавая должное за его заслуги, персидскій царь въ то же время грозитъ ему за несогласные съ законностью поступки: на ряду съ «ἐπαυῶ σὴν πρόθεσιν καὶ διὰ ταῦτα σοὶ κείσεται μεγάλη χάρις ἐμ. βασιλέως οἴκωι» — мы читаемъ: «δῶσω σοὶ μὴ μεταβαλομένοι πέτραν ἡδίκημένου θυμοῦ». Можно думать, что въ нашемъ *duš-kartam мы имѣемъ одинъ изъ техническихъ терминовъ древне-персидскаго юридическаго кодекса, которымъ обозначали правонарушеніе въ широкомъ смыслѣ этого слова. Противоположнымъ ему должно было являться *hu-karta m со значеніемъ соотвѣтствующаго древне-индійск. su-kṛtā-m («Gutthat, Tugend, Verdienst etc.»); отголосокъ этого *^hukarta-m¹) мы имѣемъ, быть можетъ, въ греч. εὐεργεσία²), встрѣчающемся въ переданномъ у Фукидида (кн. I,

зано проф. Bartholomae: „Ich sehe darin,—читаемъ въ его *Altiran. Wörterbuch* (s. v. kar-, p. 448),—ein Nom. von der Bedeutung „Aufenthalt, Heim“, das zu *kar- [sich einherbewegen, „versari“], gr. πέλομαι usw. gehört.“ Въ такомъ случаѣ др.-арм. -kert въ названіяхъ мѣстностей, какъ Tigran-a-kert (= Τίγρανὸς ἐρτα, лат. Tigranocerta) должно быть отдѣляемо отъ -kert, являющагося въ такихъ образованіяхъ, какъ напр. jer-a-kert „собс. рукою сдѣланное; дѣло рукъ и т. д.“ (срв. средне-перс. dast-kart „Flecken“ [др.-арм. заимствованіе Գաստակերտ, Hübschmann, *Arm. Gramm.* I, p. 135, no. 169, въ значеніи котораго употребляется и jerakert]=др.-перс. *dasta-karta- „собс. рукою сдѣланный“), phait-a-kert „сдѣланный изъ дерева, деревянный“ etc.,—гдѣ оно имѣетъ значеніе „factus“ (=средне-перс. kart).

¹) Въ авестійскомъ соотвѣтствовало бы *hu-kəṛəta-(n.); встрѣчаемое въ текстахъ hu-kəṛəta- является со значеніями „wohl gefertigt, schön geformt etc.“ и соотвѣтствуетъ древне-инд. sú-kṛta- („recht gemacht, wohlbestellt etc.“); въ средне-персидскомъ авестійскому hu-kəṛəta- соотвѣтствуетъ hu-kart.

²) Относительно εὐεργεσία нужно имѣть въ виду, что это слово (какъ и εὐεργέτης) употребляется, между прочимъ, и относительно заслугъ, оказанныхъ государству; см. въ словарѣ Pape или Passow'a, s. v. Противоположнымъ ему понятіемъ является ха-хουργία (χαχοῦργος), о соотвѣтствующемъ значеніи котораго см. тамъ же, s. v.

129) письмѣ Ксеркса къ Павсанію, гдѣ оно является въ характерномъ оборотѣ: «*κεῖται σοι εὐεργεσία ἐν τῷ ἡμετέρῳ οἴκῳ ἐς αἰὶ ἀνάγραπτος*» ¹⁾).

Если древне-перс. **duškarta*- означало «закононарушение, проступокъ» вообще, то, быть можетъ, позволительно въ качествѣ термина для обозначенія «закононарушителя, преступника, злодѣя» предположить образование **duš-karta-ka-*; этому образованию мы имѣемъ соотвѣтствія въ средне-персидскихъ формахъ *duš-kardag* и *duš-kardagān*, встрѣчающихся въ турфанскихъ манихейскихъ текстахъ, недавно изданныхъ F. Müller'омъ ²⁾, и имѣющихъ значеніе: «*der Übelthäter, der Sünder*» ³⁾. Съ другой стороны, противоположнымъ понятіемъ могло бы

¹⁾ По поводу упоминаемаго здѣсь древне-персидскаго обычая записыванія достойныхъ памяти дѣлъ въ особую книгу срв. также слѣдующее мѣсто у Геродота: «*Φύλαχος δὲ εὐεργέτης βασιλέος ἀνεγράφη*» (VIII, 85). Характерно также и одно мѣсто у Ксенофонта въ «Киропедіи» (кн. VIII, гл. 8 [позднѣйшая вставка!], § 4), гдѣ перечислены заслуги, дававшія въ древней Персіи оказавшимъ ихъ лицамъ—право считаться «*οἱ τιμώμενοι*».

Эти свѣдѣнія, переданныя греческими историками, находятъ прекрасный комментарий въ книгѣ Эсэири, гл. II, 23 и гл. VI, 1 и слѣд., гдѣ говорится объ увѣковѣченіи въ особой книгѣ памяти о заслугѣ Мардохея, заключавшейся въ предупрежденіи заговора противъ Артаксеркса, замышленнаго двумя царскими евнухами. Здѣсь мы имѣемъ и самое названіе (конечно, приблизительное) этой книги: *אסתר דא דא דא* = „*A sta die gum*“ (срв. II, 23: „и было записано въ книгѣ дневныхъ событій—передъ царемъ“—въ переводѣ LXX: «*καὶ ἐπέταξεν ὁ βασιλεὺς καταγράψαι εἰς μνημόσυον ἐν τῇ βασιλικῇ βιβλιοθήκῃ ὑπὲρ τῆς εὐνοίας Μαρδοχαίου ἐν ἐγκωμίῳ*»). [На взаимную связь вышеприведенныхъ мѣстъ классическихъ писателей и библейскаго повѣствованія было обращено вниманіе уже давно; см., напр., Brissonius, *De regio Persarum principatu libri tres*. Ed. altera. A. Chr. MDXCV, p. 93; Seelen, *Guilielmi Burtoni Angli AETHIOPIA veteris linguae persicae, quae apud priscos scriptores, Graecos et Latinos, reperiri potuerunt etc.* Lubecae, MDCCCXX, p. 64, подстрочн. прим. 11].

²⁾ *Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch Turkistan*, II Teil. Berlin, 1904. (= „Abhandlungen d. K. Preuss. Akademie d. Wissenschaften“, 1904).—Объ этихъ рукописныхъ фрагментахъ, вывезенныхъ изъ Турфана экспедиціей, во главѣ которой стоялъ проф. Grünwedel, и представляющихъ собою отрывки манихейской литературы—см. предварительное сообщеніе F. Müller'a въ „Sitzungsberichte“ прусской академіи наукъ и истор.-филологич. классу, 1904, IX, стр. 348 и слѣд. Эти средне-персидскіе тексты записаны видоизмѣненнымъ сирійскимъ алфавитомъ эстрangelo. По поводу ихъ языка Müller говоритъ: Die... Texten gehören selbstverständlich nicht ein und derselben Zeit an. Es sind Proben aus verschiedenen Sprachschichten, aber kaum weit differierende“ (o. c., p. 96). Кроме того, среди турфанскихъ текстовъ встрѣчаются еще написанные на особой разновидности средне-персидскаго языка („Pehlevi-Dialekt“ у Müller'a, l. c.). Отмѣтимъ также, что одинъ подобный же отрывокъ манихейской литературы, хранящійся въ Азіатскомъ музеѣ Имп. академіи наукъ, былъ изданъ акад. Залеманомъ: *Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums im Asiat. Museum* въ „Запискахъ Имп. академіи наукъ, по ист.-филол. отд.“, т. VI (1904), № 6; въ этомъ этюдѣ мы находимъ, между прочимъ, характеристику особенностей средне-персидскаго языка турфанскихъ текстовъ на основаніи немногихъ извѣстныхъ (въ то время) отрывковъ, въ связи съ выясненіемъ ихъ значенія для иранской филологіи (o. c., pp. 12—13).

³⁾ Мы находимъ, именно, слѣдующія формы (транскрипція какъ здѣсь, такъ и при дальнѣйшемъ цитированіи турфанскихъ текстовъ, Müller'a): pl. *dūšqêrdag-ān* (p. 21),

быть *^hu-karta-ka- «εὐεργέτης» (въ старѣйшемъ средне-персидскомъ *^hu-kartak), хотя бы существовавшее на ряду съ другимъ, недостаточно выясненнымъ терминомъ—*δρσαγγης (Lagarde, *Gesammelte Abhandlungen*. L. 1866, p. 191), сохраненнымъ у Геродота: (VIII, 85) «οἱ δ' εὐεργέται βασιλέως ὀροσαγγαι [по поводу сопоставленія Ногн'омъ, *Grdr. d. neupers. Etym.*, s. n°. 1079, этого термина съ ново-перс. vārsāng «würdig, achtbar»—см. Hübschmann, *Pers. Stud.*, p. 104] καλέονται персисти». (Срв. также глоссу Гесихія: «δρσαγγης: σωματοφύλαξ ἢ ὁ τὴν βασιλέως οἶκόν ποτε εὐεργετήσας»; см. *Hesychii Alexandrini lexicon*². Ed. min. cur. M. Schmidt, p. 1147, s. v.).

Такимъ образомъ, на основаніи формы *^hduš-kart нашего папируса мы находили бы возможнымъ предположить въ древне-персидскомъ словарѣ ниже-слѣдующіе термины:

- a) *^hduškarta- «χαχοῦργια» и opp. *^hukarta- «εὐεργεσία»;
- b) *^hduškartaka- «χαχοῦργος» и opp. *^hukartaka- «εὐεργέτης (= ὀροσαγγης, Herod.)».

A, 4: 𐎧𐎠𐎧𐎠 (?)

Проф. Эйтингъ (*Notice*, p. 10) передаетъ эту форму черезъ «écrit, édit» (въ латинск. переводѣ «edictum») и сопоставляетъ съ средне-персидскимъ fravartak «Brief, Schreiben» (соотвѣтствующая форма изъ ново-персидскаго неизвѣстна; срв. Horn, *Grdr. d. neupers. Etym.*, p. 277, s. n°. 86-bis). «On trouve ce mot, légèrement altéré,—говоритъ онъ,—dans la langue pehlie, sous la forme 𐎧𐎠𐎧𐎠...» (*l. c.*). Проф. Hübschmann («*Z. f. arm. Phil.*», II, p. 265) исправляетъ чтеніе prtdk въ prvrdk, предлагая читать 𐎧 (vr) вм. 𐎧 (t) подлинника; это prvrdk, далѣе, онъ сопоставляетъ съ вышеприведенною средне-персидскою формою fravartak «Schreiben», какъ эта форма была восстановлена имъ (см. *Armeniaca* въ *Z. D. M. G.*, XLVI, p. 326) изъ чтенія ravvartak у Гейгера, въ *Yâtkâr i Zarêrân etc.* (München, 1890, p. 48)¹⁾, а также изъ ravvânak у акад. Залемана, въ *Mâdikân i çatrang* (см. *Mittelpers. Studien* въ «*Mél. asiatiques*», t. IX, livr. 3 [1887], pp. 222, 232)—на основаніи соотвѣтствующаго заимствованія въ древне-армянскомъ, кото-

pl. dûšqêrdagân-ân (pp. 11, 14, 15, 21); срв. еще *abstr. dûšqêrdagâni* (p. 24) „Sündhaftigkeit“. Въ болѣе старомъ средне-персидскомъ мы имѣли бы формы: *^hduškartak и *^hduškartakân (срв. Hübschmann, *Pers. St.*, pp. 238—239 и pp. 190—191).—Что касается формы dûškardagân, то она представляетъ примѣръ сложенія суффикса -k съ суффиксомъ -ân, о чемъ см. Salemann, *Mittelpersisch*, § 50, подстрочн. прим. 2.

[Само собою понятно, что долгота гласныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ dûš- и т. д., является исключительно графическою (срв. еще, напр., dûšmên „Feind“, p. 15); здѣсь мы имѣемъ лишь случаи scriptio plena; срв. выше].

¹⁾ Замѣчаніе проф. Nöldeke по поводу чтенія ravvartak и указаніе соотвѣтствующихъ формъ въ арамейскомъ (иранскія заимствованія!) см. въ его статьѣ—*Bemerkungen zu Geiger's Uebersetzung des Pehlewi-Buches Yâtkâr i Zarêrân* въ *Z. D. M. G.*, XLVI, p. 139.

рое звучит *հրավարտակ* (hravartak) «epistola, literae etc.» (въ особенности о царских посланіяхъ и грамотахъ; отсюда hravartak-a-voг «относящій посланіе, грамоту, посланецъ»; см. Большой Словарь Мхитаристовъ, s. vv.); срв. также у Hübschmann'a, *Armen. Gramm.* I, p. 184, n°. 359 и «Z. f. arm. Phil.», l. c. [Въ настоящее время соответствующая средне-персидская форма можетъ быть указана въ турфанскихъ манихейскихъ текстахъ, гдѣ читается форма pravadag «Epistel» (см. изд. Müller'a, стр. 31 и 33). Форма эта, какъ видно изъ ея фонетическихъ особенностей (d и g изъ t и k, являющихся и въ соответствующемъ древне-армянскомъ заимствованіи) — принадлежитъ болѣе поздней эпохѣ средне-персидскаго языка].

Нельзя, однако, не обратить вниманія на то обстоятельство, что сопоставленіе формы нашего папируса съ средне-перс. fravartak является нѣсколько натянутымъ: съ одной стороны приходится дѣлать извѣстное исправленіе чтенія (vr вм. t), а съ другой оставлять невыясненнымъ странное соответствіе d въ формѣ нашего папируса (fravardak?) звуку t иранскаго оригинала (средне-перс. fravartak изъ древне-перс. *fravartaka-) ¹⁾. Въ виду этого истолкованіе формы *𐭠𐭣𐭠𐭥* не можетъ считаться окончательнымъ. Clermont-Ganneau съ самаго начала отнесся недовѣрчиво къ попыткамъ сопоставленія данной формы съ средне-перс. fravartak, заявивъ, что она «n'a rien à voir avec le pehlevi fravartak» (*Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 237); съ своей же стороны онъ предположилъ, что данная форма «doit indiquer la fonction que Wi... occupait à Elephantine» (l. c.). [Начальныя двѣ буквы, принадлежащія, по мнѣнію Clermont-Ganneau, собственному имени должностнаго лица на Элефантинѣ, составляютъ часть сомнительнаго чтенія: *𐭠𐭣𐭠𐭥* ²⁾]. Clermont-Ganneau былъ бы склоненъ ³⁾ къ сопоставленію, по крайней мѣрѣ первой части *𐭠𐭣𐭠𐭥*, «avec les *𐭠𐭣𐭠𐭥* [извѣстное иранское заимствованіе въ арамейскомъ!], qui, dans les livres de Daniel et d'Esther, désignent une certaine catégorie d'officiers perses» (l. c.). Далѣе, Clermont-Ganneau ставитъ вопросъ, нельзя ли въ данномъ случаѣ читать «*𐭠𐭣𐭠𐭥*, correspondant au persan moderne *گردبان* gardien, chef d'arrondissement, phylarque» (o. c., pp. 237—238). Однако, такое сопоставленіе встрѣчаетъ препятствія со стороны исторіи звуковъ персидскаго языка, такъ какъ ново-персидскому *گردبان* соответствовало бы въ средне-персидскомъ *girt-rān, не говоря о древне-персидскомъ *garta-rāna- ⁴⁾. Въ заключеніе Clermont-Ganneau говорить: «En tous cas, ce doit être quelque mot

¹⁾ Древне-перс. *fravartaka- собственно должно было означать „свертокъ, свитокъ (die Rolle)“; срв. др.-инд. глаг. корень vart- „sich drehen, rollen etc.“, средне-перс. vartišn „Drehung“, н.-перс. gärdām „drehe mich“ и т. д. Дальнѣйшія подробности см. у Stackelberg'a—*Beiträge z. pers. Lexicographie* въ W.Z.K.M., XVII, pp. 55—56 и у Hübschmann'a, „Z. f. arm. Phil.“, II, p. 265.]

²⁾ Это слово оставлено проф. Эйтинггомъ безъ перевода и объясненія.

Акад. Коковцовъ также склоненъ въ чтеніи *𐭠𐭣𐭠𐭥* видѣть собственное имя, какъ это видно изъ его перевода: „вмѣстѣ съ, который тамъ (?) находился“.

³⁾ При условіи „si la lecture était certaine“ (l. c.). Впрочемъ, сомнительность этого чтенія не отмѣчена проф. Эйтинггомъ.

⁴⁾ Compositum, состоящее изъ *گرد* (gird) „Umkreis“ (Cl.-G.: „cercle“) и *بان* (bān) „-hütend, -schützend“ (въ концѣ сложныхъ словъ; срв. средне-перс. -rān откуда

définissant l'autorité civile ou militaire, dont était investi le personnage» (o. c., p. 238). Надо полагать, что эти заключительныя слова и послужатъ руководящею нитью при дальнѣйшихъ попыткахъ выясненія даннаго термина.

В, 2: 𐎧𐎠𐎡 (handēz).

Форма эта соотвѣтствуетъ по мнѣнію ираниста проф. Horn'a, приводимому у Эйтинга (*Notice*, p. 11), древне-индійскому *sandēha-* (m.) «jonction à l'aide d'un ciment» [Böhtlingk: «*Zusammenkittung*»]; соотвѣтствующая древне-персидская форма должна была бы, конечно, звучать **haⁿdaiza-*.

Толкованіе «*circumdati*» [«*si circumdati (?) essent*»], данное нашему *handēz* проф. Эйтингомъ, являлось съ самого начала недостаточно убѣдительнымъ и прежде всего для самого автора, который счелъ нужнымъ сопроводить свою передачу знакомъ вопроса.

Послѣдующее толкованіе, принадлежащее Halévy (*Nouvel examen du papyrus égypto-araméen etc.* въ «*Revue sémitique*», 1904, p. 74), разсматриваетъ *handēz* какъ форму, которая представляется подобною «à un composé perse¹⁾ *réguiser handiz* (pour *hamdiz*) = *hamadiz* (litt. «ensemble-abri») — «abrité emsemble, lantonné»²⁾. «Peut-être, — читаемъ мы дальше у Halévy, — trouvera-t-on une meilleure dérivation, mais le sens ne changera pas beaucoup» (l. c.). Это толкованіе³⁾, если и являлось не вполне удовлетворительнымъ, то во всякомъ случаѣ приближалось къ значеніямъ отдѣльныхъ частей, входящихъ въ составъ нашего сложенія *handēz*, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Какъ видно изъ переводовъ Эйтинга («*circumdati*») и Halévy («*cantonnés*»), тотъ и другой ученый предполагали, что посредствомъ *handēz* выражены извѣстныя условія или вообще извѣстное положеніе, въ которомъ могли бы оказаться или находиться воины крѣпостнаго гарнизона. Съ совершенно другой точки зрѣнія взглянулъ на дѣло Clermont-Ganneau и, опираясь на тотъ же матеріалъ, пришелъ къ инымъ выводамъ. Исходя, именно, изъ того, что по общему смыслу

и др.-арм. -*цшъ*, -*ран*], др.-перс. -*rāna-*, cf. Horn, *Grdr. d. neupers. Etymologie*, p. 41, s. no. 176). Что касается ново-перс. *gird*, то ему соотвѣтствуетъ въ средне-персидскомъ *girt* (Gl.-C.: *گرت*), изъ древне-перс. **garta-* (cf. Hübschmann, *Persische Studien*, p. 91, v. no. 901), а не „*varata*“, какъ указываетъ Clermont-Ganneau (o. c., p. 238, подстрочн. прим.). Слѣдовательно, въ древне-персидскомъ мы могли бы ожидать форму **gartarāna-*, а въ средне-персидскомъ **girtān* (срв. *marz-rān* [откуда и древне-армянское *Մարզաշի*, *marzrañ* „наместникъ пограничной области, Markgraf“] = ново-перс. *mārzbān* „собс. охранитель границы“).

) Въ „*Répertoire d'épigraphie sémitique*“, t. I, 5-me livr., гдѣ передано въ сокращеніи содержаніе работы Halévy, вкралась неточность въ передачѣ настоящаго мѣста: вм. „*persan*“ (p. 386) должно быть *perse*.

2) Въ переводѣ соотвѣтствующаго мѣста въ текстѣ папируса мы читаемъ: „*Lorsqu'ils (т. е. les soldats) y sont cantonnés ils boivent de l'eau de ce puits*“.

3) Обращаетъ на себя вниманіе недостаточно вѣрная реконструкція соотвѣтствующей древне-персидской формы въ видѣ *handiz*, т. е. исключительно въ видѣ формы послѣдующей стадіи развитія языка (средне- и ново-персидской): *i < ai*.

контекста особенно выдвигается *численность, количество* воиновъ, на которое можетъ хватить запасъ воды въ колодцѣ крѣпости, названный ученый склоняется къ мысли, что ce mot énigmatique, à la physionomie assurément étrangère, désigne peut-être une certaine unité militaire de l'armée perse» (*Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 239).

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, по мнѣнію Clermont-Ganneau, воспользовались техническимъ терминомъ, заимствованнымъ изъ организациі персидской арміи и обозначающимъ опредѣленный конгломератъ людей, известное количество войска. Желая объяснить терминъ *مقدار* изъ персидскаго языка, Clermont-Ganneau останавливается на средне-перс. *andāčak* и ново-персидскихъ *اندازه* и *انداز* «mesure»¹⁾ (срв. заимствование въ арабскомъ: *هندز* «mesure»). Что касается разницы въ значеніи,—съ одной стороны: «мѣра, количество», съ другой—спеціальное обозначеніе подраздѣленія (персидскаго) войска,—то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такою же семасіологическою эволюціей, какая наблюдается въ такихъ случаяхъ, какъ лат. *pumegus* (въ военномъ языкѣ—опредѣленная единица). Clermont-Ganneau идетъ далѣе и, приводя, въ качествѣ иллюстраціи, известнѣйшій рассказъ Геродота (VII, 60) о томъ, какъ были пересчитаны военныя силы царя Ксеркса посредствомъ ограды (*αίμασιη*), вмѣщавшей въ себѣ 10.000 человекъ,—дѣлаетъ довольно смѣлое предположеніе, что «le mot *handiz* = *handāz* «mesure» s'expliquerait assez bien, et le chiffre de 10.000 serait celui de cette unité militaire» (o. c., p. 241), если дѣйствительно у персовъ существовалъ такой способъ исчисленія (или точнѣе: *измѣренія*)²⁾. Какъ ни остроумно это предположеніе, но оно представляется мало вѣроятнымъ. Что же касается приводимыхъ Clermont-Ganneau средне- и ново-персидскихъ формъ: *andāčak*, *ändāzä[h]*—*ändāz*, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что для древне-персидской эпохи мы должны предполагать форму не «*andāza*», но **haⁿtāčaka-* (?) [образование отъ корня *tak-*|*tač-*+*ham:* авест. 3 p. sg. praes. act. *avi-hantačaiti* отъ глагольнаго корня *tak-*|*č-*+*avi-ham* «*sich fliessend vereinigen mit—, sich ergiessen in—*», основа *causativi* къ *tak-*: *tāčaya-* «*fliessen lassen*»; срв. др.-инд. *tak-ti* «*er schießt*

1) Отмѣтимъ значенія этихъ словъ: средне-перс. *andāčak* „*opinion; a measure of length; manner*“; ново-перс. *ändāzä[h]* „*quantitas, mensura, valor;... mensuram rei agere, dimetiri...*“ (Vullers); *ändāz* „*coniectio...; propositum, intentio...; ...dimetiri; quantitas, mensura*“ (Vullers); cf. Horn—*Grdr. d. neup. Etym.*, p. 27, v. n° 117. Объ др.-армянскомъ заимствованіи *andač-el* (при *əndač-el*, срв. наши *Этюды по армянс. диалектологии*, I, § 3, 4) „думать, размышлять, изслѣдовать, изучать“ (срв. средне-перс. *andāčitan* „*erwägen, ermessen*“ при *andāčtan* „*zusammenrechnen; werfen; sinnen*“ = ново-перс. *ändāčtān* „*iacere...; dejicere...; propositum, destinatum habere, intendere*“, Vullers)—см. Hübschmann, *Arm. Gramm.* I, p. 98, s. n° 26.—Весьма вѣроятно, что данныя средне-персидскія формы (болѣе стараго періода языка) еще звучали съ начальнымъ *h-*, какъ это можно заключить по нѣкоторымъ заимствованиямъ въ арабскомъ (черезъ арамейскій!) и др.—въ противоположность древне-армянскимъ (срв. Hübschmann, *Pers. Stud.* pp. 216—217, § 107).

2) Считаю нужнымъ предложить нашимъ читателямъ познакомиться съ подлиннымъ изложеніемъ Clermont-Ganneau (o. c., p. 239 sq.), чтобы составить себѣ болѣе отчетливое (чѣмъ это можно по сдѣланному нами краткому резюмэ) представленіе о ходѣ мыслей уважаемаго ученаго.

dahin, etc.»—индо-европ. *tek²—]—каковой не покрывает handēz нашего папируса. Наконецъ, сопоставляя ново-перс. āndāz съ handēz, Clermont-Ganneau долженъ предполагать, что ' въ 𐎠𐎡𐎢 служитъ лишь для обозначенія качества (а не количества) гласнаго (i) и, слѣдовательно, долженъ допустить на ряду съ формою «handāz»—форму *«handiz». Эта разница въ гласномъ звукѣ представляетъ извѣстное препятствіе, отмѣченное и Clermont-Ganneau. Такимъ образомъ, въ виду затрудненій фонетическаго характера сопоставленію handēz съ ново-перс. āndāz должно быть оставлено.

Тѣмъ не менѣе, заключительныя слова Clermont-Ganneau: «au demeurant, si l'on répuigne à admettre un rapport linguistique réel entre 𐎠𐎡𐎢 et *andāz*, il resterait toujours la ressource d'expliquer ce premier mot par un composé perse: la préposition *ham...* + la racine *diz...* ¹⁾» (о. с., р. 242)—въ связи съ этимологіей Horn'a (𐎠𐎡𐎢 = др.-перс. *haⁿdaiza- = др.-инд. samdēha-)—могутъ служить руководящею нитью при выясненіи нашего термина. А именно, др.-персидское *haⁿdaiza-, являющееся въ нашемъ папирусѣ въ видѣ handēz и соотвѣтствующее фонетически др.-инд. samdēha-, представляетъ собою сложение, состоящее изъ префикса ham- «со-, вмѣстѣ» (авест. ham- etc., средне-перс. ham [откуда др.-арм. համ-], ново-перс. hām- = др.-инд. sam-) и *daiza-, которому соотвѣтствуетъ авест. daēza- «Häufen, Schichten», ново-перс. dēz «Burg» (срв. Horn, *Grdr. d. neupers. Etym.*, s. n°. 563 и Hübschmann, *Pers. Stud.*, р. 62); срв. далѣе др.-инд. dēha- «Körper. Auch von der Masse eines Gestirns und einer Wolke» (Böhtlingk) [болѣе близкое значеніе авест. daēza- представляетъ др.-инд. dehī-(f.) «Aufwurf, Damm, Wall»], др.-арм. դէզ (dēz) «куча», греч. τεῖχος, τοῖχος [срв. авест. uzdaēza- со значеніемъ также «Wall, Damm, Mauer»] и пр. Такимъ образомъ, *haⁿdaiza- могло бы означать: «куча, накопленіе, скопленіе, скопище», а въ данномъ случаѣ «множество, огромное количество».

В, 3: 𐎠𐎡𐎢 (azd).

Слова: 𐎠𐎡𐎢 𐎠𐎡𐎢 (В, 3/4) проф. Эйтингъ переводитъ: «certius factum est» (Кокковцовъ: «будетъ разузнано»). Такимъ образомъ, azd, и по формѣ и по значенію, можетъ быть сопоставлено съ azdā (осн. ж. р. на -ā?) древне-персидскихъ клинописей (Bh. I, 10: kārahyā naiy azdā ²⁾ abava^h tyah^h, *собс.* у народа не было извѣстія, что... = народу не было извѣстно, что...). Форма, соотвѣт-

1) Clermont-Ganneau имѣетъ, именно, въ виду авест. глаг. корень diz-(daēz-) „häufen, schichten“, съ которымъ срв. др.-инд. глаг. корень dih- (3 р. sg. praes. dēgḍhi) „bestreichen, salben“; тотъ же корень въ сложении съ sam (съ тѣмъ же значеніемъ).

2) Bartholomae въ настоящее время принимаетъ др.-перс. azdā, какъ и авест. azdā (*Altiran. Wörterbuch.*, s. v; срв. также I. F., V, р. 215 и, въ особенности, *ib.*, IX, pp. 279—281, гдѣ сведена литература предмета) въ значеніи adv. „kund, gewiss“ вм. общепринятаго до послѣдняго времени—„свѣдѣніе, извѣстіе“ (см. Spiegel, *Altpers. Keilinschr.*, Glossar, s. v.: „Kenntniss“; срв. тамъ же, стр. 86; изъ болѣе новыхъ работъ см. Johansson, I. F., II, р. 29 sq., къ которому присоединяется Gray, *Indo-iranians studies* въ „Amer. J. of Philology“, XXI, р. 13 и *Indo-iranian Phonology etc.* N. Y., 1902, р. 10: „knowledge“).

ствующая др.-персидскому *azdā*, уже давно была известна, в числѣ другихъ древне-персидскихъ заимствованій, изъ библейско-арамейскаго: אַזְדָּא (вн. Данила II, 5 и 8) ¹⁾.

Форма нашего папируса является въ средне-персидскомъ видѣ, известномъ изъ *Yâtkâr i Zarêrân*: *Argâsp azd mat* (изд. проф. Гейгера, стр. 48) = «A. certior factus est», а также изъ турфанскихъ манихейскихъ текстовъ: 'azd «Benachrichtigung» (изд. Müller'a, p. 36) ²⁾. Средне-перс. *azd* известно, далѣе, въ качествѣ заимствованія въ др.-армянскомъ, гдѣ оно является какъ ազդ (*azd*) «извѣстie» ³⁾, начиная съ памятниковъ V в. (cf. Hübschmann, *Armeniaca* въ *Z. D. M. G.*, XLVI, p. 326; *Arm. Gramm.* I, p. 92, s. n°. 3 и «*Z. f. arm. Phil.*», II, p. 265; наши *Этюды по арм. диалектологии*, ч. I. М., 1897, стр. 5, подстрочн. прим. 2).

Сопоставляя видъ, въ которомъ является форма нашего папируса, т. е. *azd*, съ соответствующимъ въ языкѣ древне-персидскихъ клинописей, мы отмѣчаемъ характерное для средне-персидскаго исчезновение конечнаго долгаго гласнаго (въ данномъ случаѣ -ā) уже въ періодъ такъ называемаго «древне-персидскаго» языка; срв. исчезновение конечнаго слога, которое мы видѣли въ *Argām* (A, 2) при древне-персидскомъ (въ клинописи) *Argāma^h*.

В, 4: אַזְדָּא (gōšaka u yā).

Совершенно правильно проф. Эйтингъ видитъ въ формѣ plur. *gōšaka u yā* древне-персидскій терминъ, который онъ вѣрно восстанавливаетъ въ видѣ «*gauschaka» (*sch* = *š* обычной транскрипціи) и переводитъ черезъ «*écouteur* ὠτακουστής dans le sens de *rapporteur, espion*» (*Notice*, p. 11).

¹⁾ См. словари др.-евр. языка Gesenius—Buhl и Siegfried—Stade (особенно послѣдній), s. v., въ которыхъ эта форма (библейско-арамейскаго) рассматривается какъ заимствование изъ древне-персидскаго [при этомъ приводимая др.-перс. форма *azda* должна быть вездѣ исправлена въ *azdā*], согласно съ указаніемъ проф. Nöldeke въ трудѣ Eb. Schrader'a—*Keilinschrift und das A. T.* ², p. 617.

²⁾ Еще можно отмѣтить средне-перс. *azd* въ изданномъ акад. Залеманомъ парсійскомъ глоссаріѣ (по известной петербургской рукописи), гдѣ оно поясняется ново-персидскимъ سخن («слово, рѣчь»); см. Salemann, *Ueber eine Parsenhandschrift d. K. Oeffentl. Bibl. zu St. Petersburg* въ «*Travaux de la 3-e session du congrès international des Orientalistes etc.*», t. II (1879), p. 578. (Срв. также Bartholomae, *Arica* X въ I. F., IX, p. 280).

³⁾ Таково выставленное нѣкоторыми (главнымъ образомъ въ лингвистическихъ работахъ, но не Б. Словаремъ Мхитаристовъ) значеніе *azd* (въ каковомъ оно употребляется въ ново-армянскомъ литературномъ языкѣ [собс. «извѣщеніе»]). Отмѣтимъ, не вдаваясь въ подробности, что *azd* является въ др.-армянскомъ indeclinabile и употребляется лишь въ известныхъ оборотахъ, составленныхъ, по всей вѣроятности, по персидскимъ образцамъ, а именно: ազդ առնել (*azd arnel*) «возвѣщать, оповѣщать, сообщать, объявлять» (въ средне-персидскомъ *azd kartan*, срв. въ турфанскихъ манихейскихъ текстахъ: 'azd qarêd 'ô simôn [изд. Müller'a, № 18, verso l. 12, p. 36] = «Benachrichtigung macht dem Simon»), ազդ լինել (*azd linel*) «быть объявляемъ, возвѣщаемъ, становиться известнымъ (кому—dat.)» [Срв. ազդ եղև իմա (*azd ejev pma*) = «ему было возвѣщено; ему стало известно» и вышеприведенное др.-персидское—*kārahyā* (gen. въ значеніи dat.) *naiy azdā abava^b*].

Такимъ образомъ, въ страсбургскомъ папирусѣ мы впервые встрѣчаемся съ терминомъ, обозначающимъ представителей одной изъ наиболее важныхъ должностей въ древней Персіи: *gaušaka- это—ὄτα βασιλέως, на ряду съ которыми были извѣстны и ὀφθαλμοὶ βασιλέως; то и другое представляетъ собою извѣстный институтъ правительственныхъ ревизоровъ—институтъ, о которомъ намъ переданы свѣдѣнія писателями классической древности (напр., Ксенофонтомъ въ «Киропедіи», кн. VIII, гл. 2, 10; гл. 6, 16; срв. также Herod., I, 100, по которому этотъ институтъ—οἱ κατάσκοποι [=ὀφθαλμοὶ] τε καὶ κατήχοοι [=ὄτα]—былъ введенъ основателемъ мидійской монархіи Дейокомъ).

Читая форму нашего папируса gōšakauyā, мы думаемъ, что древне-персидскій оригиналь, который въ языкѣ клинописей былъ бы *gaušaka^h (какъ форма пош. sing.), перешелъ въ языкъ нашего документа въ видѣ *gōšak, т. е. въ томъ видѣ, какъ онъ звучалъ въ средне-персидскомъ. Что же касается образованія *gaušaka-, то форма эта могла возникнуть двоякимъ образомъ: или она образовалась отъ осн. *gauša- «augis» (авест. gaoša-, средне- и ново-перс. gūš) съ суффиксомъ -ka- и, такимъ образомъ, первоначально могла обозначать *имѣющій уши* = *слушающій* (срв. др.-перс. baⁿda-ka- «слуга, рабъ, подданный» [средне-перс. bandak, н.-перс. bāndā(h) «servus»] отъ *baⁿda- [=авест. banda- «Bande, Fessel», средне- и ново-перс. band «vinculum, ligamentum, compes»]—собс. «der [Jemand] Fesseln trägt», Bartholomae, *Altiran. Wörterbuch*, s. v.); или же она представляетъ собою образованіе, приближающееся по значенію къ *nomina agentis* и *participia praes. act.* (срв. такія древне-инд. образованія, какъ abhi-krōṣaka-, bōdhaka-, rāṣaka-, Whitney, *Ind. Gramm.*, § 1181, a, или такія авестійскія, какъ напр. ара-χгаosaka- «schmächsüchtig», cf. Bartholomae, *Vorgesch. d. iran. Sprachen* въ «Grdr. d. iran. Phil.», I, § 201; объ осет. суффиксѣ *part. praes. -äg* будетъ сказано ниже); такимъ образомъ, *gaušaka- можетъ значить: *слушающій, выслушивающій* и далѣе: *доносящій выслушанное, оповѣщающій объ услышанномъ*. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что если gōšak должно читать съ ā (которое такъ же оставалось безъ обозначенія, какъ и ā въ Aršām и Dāgayavabuš—A, 2), т. е. какъ gōšāk (срв. приводимое ниже мнѣніе акад. Залемана),—то въ языкѣ древне-персидскихъ клинописей мы могли бы предположить форму *gaušāka- («слушающій и пр.»), образованную съ суффиксомъ -āka-¹⁾ (срв. подобныя образованія на -āka- въ древне-индійскомъ, Whitney, *o. c.* § 1181, b, авестійскомъ, напр. dah-āka-²⁾, а также въ средне-

1) Изъ индо-европ. *āk²o- (откуда индо-иранс *āka-), о чемъ см. у Brugmann'a, *Grundriss d. vergl. Gramm. etc.*, II, p. 257 sq.

2) Имя змѣя (имен. ažiš Dahākō), котораго побѣдилъ Θгаētaona-. Образованіе даннаго имени посредствомъ суффикса -āka- принимается Sarmesteter 'омъ (*Ét. ir.*, I, § 215, 4), Horn'омъ (*Neupers. Schriftspr.*, § 86, d) и др. Однако, въ виду невыясненной этимологіи dahāka- (срв. Bartholomae, *Altiran. Wb.*, s. v.), быть можетъ было бы лучше не приводить этого парадигма; вполне надежнымъ является авест. mašyaka- «человѣкъ» (отъ mašya- „id.“) изъ пра-иранс. *martijāka- (см. Bartholomae, *Vorgesch. d. iran. Sprachen*, § 201).—О соответствіяхъ авест. aži- Sahāka- въ средне- и ново-персидскомъ см. у Horn'a, *Grdr. d. neupers. Etym.*, s. n°. 76; объ древне-армянскомъ заимствованіи см. у Hübschmann'a—*Arm. Gramm.*, I, pp. 32—33, s. n°. 41.

персидскомъ на -āk и ново-персидскомъ на -ā, о чемъ см. Horn, *Neupersische Schriftspr.*, § 86, d; Darmesteter, *Études iraniennes*, I, § 215, 4, p. 267 sq., осетинскомъ на -ag, о чемъ см. Миллеръ, *Осетинскіе этюды*, II, М. 1881, стр. 102, Hübschmann, *Osset. Nominalbildung* въ *Z. D. M. G.*, XLI, p. 330, и т. д.).

О средне-персидскомъ gōšag (въ compositum: vīsp-gōšag) — изъ болѣе стараго *gōšak — встрѣчающемся въ уже упомянутомъ средне-персидскомъ манихейскомъ отрывкѣ Азіатскаго музея, см. въ изслѣдованіи акад. Залемана — *Ein Bruchstück Manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum*, St.-Petersbourg, 1904 (= «Записки Импер. академіи наукъ», VIII сер., ист.-филол. отд., т. VI, № 6), pp. 3—4 съ подстрочн. прим. 2. Акад. Залеманъ для сложенія vīsp-gōšag (въ текстѣ: Padik [n. pr.] maḡ vīsp gōšag — строки 2—3) предпочитаетъ значеніе «der alles hört» значенію «(herr) aller hörer». — Средне-персидское *gōšak въ качествѣ заимствованія является въ древне-армянскомъ ¹⁾ въ видѣ գուշակ (gušak), какъ это отмѣтилъ проф. Hübschmann («Z. f. arm. Phil.», II, pp. 265—266).

Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе еще и на то обстоятельство, что отдаленный эквивалентъ древне-персидскаго *gaušaka — мы имѣемъ въ эпиграфическихъ памятникахъ сѣвернаго берега Чернаго моря: мы разумѣемъ танаидское Γώσακος (см. изд. акад. Латышева — *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*, II, p. 264, s. n°. 446). Среди «варварскихъ» собственныхъ именъ, сохранныхъ въ текстахъ этихъ памятниковъ, значительная часть, какъ показали изслѣдованія проф. Müllenhoff'a и В. Миллера, иранскаго происхожденія, т. е. принадлежитъ той живой иранской рѣчи, которая нѣкогда звучала въ припонтійскихъ областяхъ и которую проф. Миллеръ считаетъ предкомъ нынѣшняго осетинскаго языка, такъ сказать «древне-осетинскимъ» (см. его этюдъ — *Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи* въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1886, сент., стр. 280, а также *Осетинскіе этюды*, III. Москва, 1887, стр. 82 и *Die Sprache der Osseten* въ «*Grdr. d. iran. Phil.*», I. Anhang, pp. 5—7). Но, кромѣ именъ, принадлежащихъ припонтійскому иранскому языку, въ тѣхъ же памятникахъ встрѣчаются «иранскія имена другого типа, именно древне-персидскія, которыхъ присутствіе объясняется заимствованіемъ, вслѣдствіе культурнаго вліянія персидской монархіи, отражавшагося и на черномор-

¹⁾ Др.-арм. gušak значитъ «προϋνώστης, προφήτης, μάτις; vates, propheta (Б. Слв. Мхитаристовъ, s. v.). Срв. далѣ производныя отъ gušak: *verb. denom.* gušakem „vaticinor; indico, significo“, *abstr.* gušakuthiun „пророчество, предвѣщаніе, тайное указаніе“ (срв., особенно, у Моисея Хоренскаго, „Исторія Арменіи“, кн. III, гл. 50: *Ի հրաշագրեալոյ գուշակութեան* = „вслѣдствіе подстрекательства наговоромъ, доносомъ“ (въ новомъ переводѣ Эмина: „подстрекаемый наущеніями“). Значеніе указанія (явнаго или тайнаго) присуще какъ gušak, такъ и производнымъ, что уже было отмѣчено составителями Большаго Словаря Мхитаристовъ. Съ своей стороны считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на выраженіе, въ которомъ значеніе „доносчикъ, предатель“ для gušak выступаетъ особенно рельефно, а именно — *matn ev gušak linim*, равнозначущее *matn linim* „proditor (собс. digitus) fio, prodo, nuntio, defero, indico“ или *matnem* (*denom.* отъ *matn* „digitus“).

скомъ сѣверномъ побережьѣ» (*Эпиграфическіе слѣды и пр.*, стр. 280, срв. *Осетинскіе этюды*, III, стр. 82; см. также въ нашей статьѣ— *Къ боспорской ономастикѣ. Собственное имя ΣΩΡΑΚΟΣ* въ «Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. Θ. Миллера». Москва, 1900, стр. 24 = стр. 1 отд. изд., М. 1899).

Къ которому же изъ обоихъ типовъ можетъ быть отнесено танаидское ном. *ργοργίωμ Γώσαχος*? Одно время намъ представлялось возможнымъ относить его къ послѣднему типу, т. е. собс. имя *Γώσαχος* мы считали за заимствованное древне персидское **Gaušaka-*.— Съ точки зрѣнія первоначальнаго значенія даннаго собственнаго имени («*ῶταχοῦστῆς*») противъ подобнаго предположенія не могло быть особыхъ возраженій, такъ какъ переходъ нарицательныхъ именъ самыхъ разнообразныхъ категорій въ разрядъ номіна *ργοργία*— явленіе хорошо извѣстное. Но врядъ ли есть настоятельная необходимость въ подобномъ предположеніи, разъ данное ном. *ργοργίωμ* можетъ быть удовлетворительно объяснено изъ припонтійско-иранскаго языка, тѣмъ болѣе, что собственныя имена, заимствованныя изъ древне-персидскаго, составляютъ въ немъ лишь незначительный процентъ. Въ виду этого, въ настоящее время, мы считаемъ *Γώσαχος* за туземную, припонтійско-иранскую форму, родственную древне-персидскому **gaušaka-*. *Γώσαχος* образовано, какъ это уже указано было проф. Миллеромъ (см. *Эпиграфическіе слѣды и пр.*, стр. 246), отъ корня, восходящаго къ пра-иранскому **gauš-* «*audire*» (срв. авест. *gaoš-*, вост.-осетинс. *qūsin*, зап.-осетинс. *i-γοςιν* «*audire*» и т. д.), при помощи суффикса *-ak* (изъ пра-иранс. **-aka-*; срв. древне-перс. *-aka-*, напр. *ba^hdaka-* «*рабъ, слуга*», средне-перс. *-ak*, напр. *bandak* «*id.*», ново-перс. *-ā[h]*, напр. *bändā[h]*)—которому соответствуетъ въ современномъ осетинскомъ *-äg*, образующій главнымъ образомъ *participia praesentis* и *nomina agentis* (см. тамъ же, стр. 271, а также *Die Sprache der Osseten*, § 95, 2; срв. еще *o. c.*, § 75, 2, а) ¹⁾. Такимъ образомъ, изъ самого припонтійско-иранскаго языка эллинизированная форма *Γώσαχος* (туземная, вѣроятно, звучала бы **gōš-ak*) можетъ быть объясняема какъ форма съ первоначальнымъ значеніемъ: «*слышашій, слушающій, слушатель и т. д.*» и сопоставляема (см. Miller, *Sprache d. Oss.*, pp. 6, 7) съ современными осетинскими: *qūsäg* «*слышашій*», *i]γος-äg* «*хорошо слышашій, чуткій*».

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ привести взглядъ, высказанный акад. К. Залеманомъ: «Если слово *κῶσαχος*... читать съ долгимъ *ā* (*gōšāk-āyā*), то въ этой формѣ мы имѣли бы древнѣйшій примѣръ средне-перс. причастія наст. вр. на *āk*, отъ предполагаемаго глагола **gōšitan* «*слушать*» («Зап. вост. отдѣл. II. русск. арх. общ.», т. XVI, в. IV, стр. XXXIII). [Отмѣтимъ, что соответствующая форма на *-āk* извѣстна изъ средне-персидскихъ манихейскихъ текстовъ изъ Турфана, въ которыхъ мы находимъ: *ni]gōšäg* (изд. Müller'a, p. 54), plur. *ni]yōšägān* (pp. 32, 85, 86) = «*die Zuhörer, auditores, κατηχοῦμενοι*» ²⁾].

¹⁾ См. также у Миллера — *Осетинскіе этюды*, II, стр. 101 и 221 и специальную работу проф. Hübschmann'a — *Ossetische Nominalbildung* въ *Z. D. M. G.*, XLI, p. 326 sq.

²⁾ По поводу этихъ параллельныхъ формъ (съ *-g-* и *-y-*) срв. средне-перс. *ni-gōšitan* и *ni yōšitan* «*слушать*» (ново-перс. *نیوشیدن*); см. Salemann, *Mittelpersisch*, § 21, d; Horn, *Neupers Schriftsprache*, § 19, 6.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Что даетъ для иранской филологіи страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ?

Разсмотрѣвъ древне-персидскіе лексикальные элементы, встрѣчающіеся въ текстѣ страсбургскаго египетско-арамейскаго папируса, мы можемъ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы и подвести итоги тому, что даетъ для иранской филологіи этотъ памятникъ. Выводы и итоги эти мы распредѣляемъ по двумъ слѣдующимъ категоріямъ: а) языкъ и б) realia.

а) Я з ы к ъ.

1) Прежде всего мы должны обратить вниманіе на тотъ видъ, въ которомъ являются отдѣльные персидскіе термины въ страсбургскомъ папирусѣ.

За исключеніемъ собственнаго имени царя Дарія (А, 2: Dārayavahuš), всѣ остальные лексикальныя данныя уже обнаруживаютъ характерную средне-персидскую фізіономію; таковы: Aršām (А, 2), duškart (А, 3), azd (В, 3), gōšak (В, 4) и пр. Что же касается формы Dārayavahuš (А, 2), являющей вполне древне-персидскій обликъ, то она можетъ найти себѣ объясненіе въ желаніи сохранить традиціонную, освященную стариною форму царскаго имени¹⁾.

Въ качествѣ характерныхъ средне-персидскихъ чертъ сравнительно съ древне-персидскимъ мы должны отмѣтить слѣдующія:

а) Исчезновеніе старыхъ конечныхъ гласныхъ (какъ краткихъ, такъ и долгихъ), равно какъ и конечныхъ слоговъ (изъ гласнаго + согласнаго), о чемъ см.: Darmesteter, *Études iraniennes*, I, § 88 (pp. 112—113); Hübschmann, *Pers. Studien*, p. 116; Salemann, *Mittelpersisch*, § 47.

Иллюстраціей этого закона объ исходѣ словъ (Auslautgesetz) могутъ служить слѣдующія формы нашего папируса:

azd (В, 3)—въ языкѣ древне-персидскихъ надписей azdā;

Aršām (А, 2) — въ языкѣ надписей Aršāma^h;

gōšak (В, 4)—въ языкѣ надписей соотвѣтствовало бы *gaušaka^h;

duškart (А, 3)—въ языкѣ надписей соотвѣтствовало бы *duškartam и пр.

б) Обращеніе старыхъ дифтонговъ ai и au въ монофтонги é и ô (объ этомъ явленіи см.: Darmesteter, *Ét. iraniennes*, I, §§ 79 и 81 [pp. 104—106]; Hübschmann, *Pers. St.*, p. 141 sq.; Salemann, *Mittelpersisch*, § 36).

¹⁾ Поэтому намъ кажется нѣсколько преждевременнымъ на основаніи данной формы заключать, какъ это дѣлаетъ проф. Hübschmann, что въ ту эпоху, когда конечныя -a и -ā древне-персидскаго уже отпали, „auslautendes -uš... und danach auch -iš noch erhalten war“ („Z. f. arm. Phil.“, II, p. 266).

Примѣрами изъ нашего папируса могутъ служить:

handēz (В, 2)—при предполагаемомъ древне-персидскомъ *ha^hdaiza;

gōšak (В, 4)—при предполагаемомъ древне-персидскомъ *gaušakah.

Такимъ образомъ, въ нашемъ папирусѣ мы имѣемъ новый матеріалъ для изученія того эволюціоннаго процесса въ жизни персидскаго языка, завершеніе котораго открываетъ новую эпоху въ исторіи этого языка — такъ называемую эпоху средне-персидскую.

Съ первыми моментами этого процесса, въ отношеніи извѣстныхъ грамматическихъ фактовъ, мы уже знакомы изъ немногочисленныхъ памятниковъ самого древне-персидскаго языка. Если мы сравнимъ наиболѣе древнія ахеменидскія надписи (Дарія I, Ксеркса) съ болѣе поздними (Артаксеркса II и Артаксеркса III), то мы увидимъ, какъ значительно измѣнилась фізіономія древне-персидскаго языка на протяженіи всего двухъ столѣтій (послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ надписей—Артаксеркса III—относится къ половинѣ IV в. до Р. Хр.). Здѣсь мы замѣчаемъ, во 1-хъ, разложеніе склоненія, обнаруживающееся въ переходѣ однихъ основъ въ другія ¹⁾; во 2-хъ, мы видимъ, что языкъ начинаетъ терять способность къ различенію родовъ именъ, вслѣдствіе чего является неправильность въ согласованіи именъ прилагательныхъ и мѣстоименій съ существительными ²⁾; въ 3-хъ, начинаетъ проявляться смѣшеніе падежей (напр. асс. plur. съ ном. plur. и т. д.). Словомъ, уже на самихъ памятникахъ царей ахеменидской династіи можно прослѣдить проявленіе въ древне-персидскомъ языкѣ признаковъ разложенія, подготовляющаго переходъ къ эпохѣ средне-персидскаго языка, когда на смѣну языка синтетическаго появляется языкъ аналитическій ³⁾.

¹⁾ Срв., напр., переходъ основъ на -i въ основы на -â: въ надписи Артаксеркса III мы имѣемъ форму būmâm (Art. Pers. a[b], 1; ed. Weissbach-Bang, p. 46), какъ асс. sing. отъ основы būmi- „земля“ (срв. авест. būmi-, др.-инд. bhūmi-), тогда какъ слѣдовало ожидать būmim (читай: būmim; о написаніи mî см. Bartholomae, *Handb. d. altiran. Dialekte*. L. 1883, p. 19, § 21, Anm. 1), каковая форма дѣйствительно и встрѣчается въ надписяхъ Дарія I и Ксеркса.

²⁾ Такъ, напр., въ надписи Артаксеркса III читаемъ: imam ustašanâm „эту постройку“ (Art. Pers. a[b], 3; ed. Weissbach-Bang, p. 46); здѣсь imam, форма асс. sing. masc. (срв. др.-инд. imam „hanc“), отнесена къ вин. п. имени женс. р. (или, по крайней мѣрѣ, являющагося въ формѣ женск. р.; срв. Bartholomae, *Altiran. Wörterbuch*: us-taşanâ-, f. „Treppenhaus, Treppe“, s. v.) ustašanâm, тогда какъ слѣдовало ожидать imâm (срв. др.-инд. imâm „hanc“).

³⁾ Прекрасный очеркъ разложенія древне-персидскаго данъ у Darmesteter'a въ его *Études iraniennes*, I, § 2 (Décomposition de la langue à la fin de la période perse), § 93 (Décomposition des formes persanes) и т. д. Срв. также, что говоритъ Spiegel въ *Altpers. Keilinschriften*², p. 126 sq., по поводу особенностей языка надписей Артаксеркса II и Артаксеркса III.—См. еще у Marquart'a, *Z. D. M. G.*, XLIX, pp. 671—672, а также у Foy'a, *Beiträge z. Erklärung d. altpers. Keilinschr.* въ *K. Z.* XXXV, p. 53 sq., обратившаго вниманіе и на нѣкоторыя фонетическія явленія позднѣйшихъ ахеменидскихъ надписей, представляющія переходную ступень отъ явленій древне-персидскихъ къ средне-персидскимъ.

Какъ мы уже замѣтили, всѣ персидскія формы нашего папируса (за исключеніемъ лишь формы имени царя Дарія) представляютъ фізіономію, являющуюся характерной для эпохи средне-персидскаго языка, подѣ которымъ *обыкновенно* принято разумѣть языкъ аршакидскаго и сасанидскаго періодовъ исторіи Персіи. Значеніе этого факта, т. е. средне-персидскій характеръ почти всѣхъ персидскихъ формъ текста страсбургскаго египетско-арамейскаго папируса, для изученія исторіи эволюціи персидскаго языка представляется весьма важнымъ. Онъ позволяетъ сдѣлать заключеніе, что то видоизмѣненіе языка, о нѣкоторыхъ проявленіяхъ котораго мы могли судить по скуднымъ текстамъ надписей Артаксеркса II и Артаксеркса III, было гораздо значительнѣе и глубже. Правда, ахеменидскою придворною канцеляріей (которой единственно и принадлежать дошедшіе до насъ памятники древне-персидскаго языка) уже дѣлались уступки новымъ явленіямъ *народной, живой рѣчи*, но въ общемъ она, всетаки, держалась старыхъ образцовъ, и, такимъ образомъ, традиціонный языкъ ея документовъ уже не соответствовалъ обыденной рѣчи. Быть можетъ, послѣдующія открытія дадутъ возможность еще болѣе подкрѣпить это положеніе новыми фактами. Факты же, обнаруживаемые въ нашемъ папирусѣ, представляютъ матеріалъ, на основаніи котораго наше обычное пониманіе термина «средне-персидскій языкъ» — должно быть значительно видоизмѣнено въ смыслѣ расширенія его хронологическихъ предѣловъ, причемъ древнѣйшій періодъ этого языка, его такъ сказать зачатки, приходится уже помѣщать въ эпоху, до сихъ поръ всецѣло отводившуюся «древне-персидскому языку», т. е. въ эпоху Ахеменидовъ.

2) Далѣе, древне-персидскіе термины, встрѣчающіеся въ страсбургскомъ папирусѣ, не только даютъ интересныя указанія для отдѣльныхъ вопросовъ по исторіи самого древне-персидскаго языка, но и обогащаютъ насъ новыми фактами и свѣдѣніями по этому языку.

Въ области *фонетики* мы можемъ отмѣтить:

a) показаніе относительно произношенія *h* въ положеніи передъ *u* (A, 2: Dārayavahuš = древне-перс. Dārayava^huš);

b) показаніе относительно произношенія *n* передъ мгновенными (B, 2: handēz = древне-перс. *haⁿdaiza-).

Въ области *лексики* мы должны отмѣтить обогащеніе древне-персидскаго словаря нѣсколькими *новыми* данными:

duškart (A, 3) — въ языкѣ древне-персидскихъ надписей было бы *duškarta- (n.) «maleficium»¹⁾;

handēz (B, 2) — въ языкѣ надписей было бы *haⁿdaiza- «скопленіе, куча; множество (?)»;

gōšak (B, 4) — въ языкѣ надписей было бы *gaušaka- (m.) «ωταχοῦστής, τό [βασιλέως] ὄτα, κατήχοος».

¹⁾ См. выше (гл. 2-я) *Экскурсъ* къ duškart, гдѣ на основаніи этого термина мы предположили возможность существованія въ древне-персидскомъ словарѣ, помимо *duškarta-, также и слѣдующихъ терминовъ: *^hukarta- (n.) «εὐεργεσία»; *duškartaka- (m.) «χαχοῦργος»; *^hukartaka- (m.) «εὐεργέτης».

Среди этого лексикального материала мы должны отдѣльно обратить вниманіе на одинъ изъ терминовъ, имѣющихъ отношеніе къ персидскому административному устройству, а именно 𐎠𐎢𐎽𐎢 (*tiftayyā*; plur.). Этотъ терминъ встрѣчается и въ книгѣ Даниила (III, 2 и 3) подъ формою 𐎠𐎢𐎽𐎢 ; что касается его значенія¹⁾, то между лексикографами не достигнуто согласія.

Отмѣчая это обстоятельство, проф. Эйтингъ говоритъ (*Notice*, p. 11): «Il reste à espérer qu'un jour des monuments perses ou assyriens nous apporteront la lumière à ce sujet». Надеждѣ уважаемаго ученаго пришлось осуществиться скорѣе, чѣмъ, быть можетъ, онъ предполагалъ; у проф. Halévy въ его разборѣ страсбургскаго папируса по поводу этого термина мы читаемъ: «J'ai plaisir de confirmer les prévisions de l'éminent épigraphiste [Euting]: 𐎠𐎢𐎽𐎢 est la transcription letterale du mot anzanite *tepti* «commandant», composé de *tep* «commandement, ordre», et de l'élément *ti* «donnant». Ce mot est très fréquent dans les inscriptions non sémitiques de Suse et entre souvent dans la composition de noms propres...» («Revue sémitique», 1904, p. 75).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ нашемъ текстѣ эламскій (сусіанскій, аишанскій) терминъ. Появленіе его въ египетско-арамейскомъ текстѣ, т. е. въ текстѣ, написанномъ въ эпоху и въ сферѣ персидскаго владычества, возможно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, по всей вѣроятности, уже издавна получилъ, какъ культурное заимствованіе, право гражданства въ древне-персидскомъ языкѣ (хотя и остается неизвѣстнымъ изъ дошедшихъ до насъ клинообразныхъ текстовъ Ахеменидовъ). Въ этомъ послѣднемъ, равно какъ и вообще въ исторіи древне-персидской культуры, мы, на ряду съ фактами, унаслѣдованными отъ ассири-вавилонянъ, должны предполагать существованіе болѣе древняго культурнаго наслѣдія, идущаго изъ Элама²⁾. Однимъ изъ эламскихъ лексикальных заимствованій было и *tepti*, перешедшее къ древнимъ персамъ, оче-

1) Gesenius-Buhl¹²⁾: „eine Würde an Hofe, die nicht mehr zu bestimmen ist“; Siegfried-Stade: „babylonischer Würdenträger“ (s. v.); срв. Ed. Meyer, *Entstehung des Judenthums*, p. 23, подстрочн. прим. 2: „gänzlich unbekannt“.

2) Сверхъ того, при изученіи вопроса объ культурныхъ заимствованіяхъ древней Персіи отъ ассири-вавилонянъ, должно постоянно имѣть въ виду возможность посредствующей роли Элама.

Такимъ культурнымъ заимствованіемъ въ древне-персидскомъ изъ эламскаго является, наиримѣръ, *dipi*- „надпись, письмо“, которое, въ свою очередь, представляетъ заимствованіе изъ ассирийскаго (эламс. *tipi* изъ ассир. *duppu* „Thontafel, Schriftstück, Urkunde, Schein, etc.“; срв. Scheftelowitz, *Altiranische Studien* въ *Z. D. M. G.*, LVII, p. 167; v. Stackelberg — *Beiträge z. pers. Lexicographie* въ *W. Z. K. M.*, XVIII, p. 289; Hüsing, *Semitische Lehnwörter im Elamischen* въ „Beiträge z. Assyriologie etc.“, V, 3, p. 405). Черезъ эламс. *de(i)nim* (передающее въ эламскомъ переводѣ ахеменидск. надписей древне-перс. *framâna*- „Gesetz“) проф. Jensen (у Horn'a — *Grdr. d. neupers. Etymologie*, p. 133, подстрочн. прим. 2) сближаетъ древне-персидское (въ дошедшихъ текстахъ не встрѣчающееся) **dainâ*- (срв. авест. *daênâ*- „религія“, ср.-перс. *dên* [откуда др.-арм. *den* „вѣра, законъ“], н.-перс. *dîn* „вѣра, религія“) съ ассир. *dînu* (*dênu*) „Gericht, Recht“. Въ данномъ случаѣ, однако, надо думать, что др.-перс. **dainâ*- можетъ представлять собою терминъ, перешедшій изъ авестійскаго (т. е. изъ языка зороастрийскаго вѣровученія), въ который оно могло проникнуть изъ ассири-вавилонскаго. Какъ извѣстно,

видно, вмѣстѣ съ обозначаемою имъ должностью. Итакъ, въ основаніи египетско-арамейской формы *tiftaūyā* (равно какъ и соответствующей библейско-арамейской) мы въ правѣ предполагать древне-персидское **tifti-* (**tipti-*?).

3) Разсматривая соответствующія встрѣчающимся въ нашемъ папирусѣ персидскимъ элементамъ заимствованія въ древне-армянскомъ языкѣ (*Aršām* при *Արշամ*, *azd* при *ազդ*, *gōšak* при *գոշակ*), мы можемъ отмѣтить, что формы этихъ заимствованій соответствуютъ формамъ данныхъ персидскихъ элементовъ ахеменидской эпохи.

Это обстоятельство снова выдвигаетъ вопросъ (который мимоходомъ былъ затронутъ нами въ *Этюдахъ по армянской диалектологии*, I, стр. 5, подстрочн. прим. 2; срв. тамъ же, II, стр. 22—23) о возможности считать нѣкоторые персидскія заимствованія въ древне-армянскомъ перешедшими уже въ до-аршакидскую эпоху. (Срв. Hübschmann, «*Z. f. arm. Phil.*», II, p. 266).

Примѣчаніе. Считаемо нелишнимъ отмѣтить также тѣ семитскія заимствованія въ др.-армянскомъ, соответствующія формы которыхъ встрѣчаются въ нашемъ египетско-арамейскомъ папирусѣ, а именно: *khurm* (жрецъ) (см. Hübschmann, *Semit. Lehnwörter in Altarmenischen* въ *Z. D. M. G.*, XLVI, p. 254, n°. 134 = *Armen. Gramm.* I, p. 320, n°. 130) при *כֹּהֵן* (pl.)¹⁾ и *berd* «крѣпость» при *בֵּירָה*. По поводу др.-арм. *berd* слѣдуетъ замѣтить, что проф. Hübschmann, сначала (*Z. D. M. G.*, XLVI, p. 233, n°. 15) затруднявшійся считать его за заимствованное «*syr. מֵרְדָּא merdā*», потомъ (*Armen. Gramm.* I, p. 301, n°. 130) совершенно отвергнувъ такое сопоставленіе. Форма нашего папируса (срв. съ нею ассир. *birtu* «*fest umschlossener Ort, Festung, Burg*» и др.-евр. *בֵּירָה* «*Schloss, Burg etc.*») является болѣе близкою къ др.-арм. *berd*, чѣмъ приводимое проф. Hübschmann'омъ «*syr. merdā*», и мы думаемъ, что связь между арамейскимъ и др.-армянскимъ терминами (см. Lagarde, *Gesam-*

ассиро-вавилонская культура оказала извѣстное вліяніе и въ области зороастрійскаго вѣроученія, очагомъ котораго была Мидія. Аналогичнымъ примѣромъ могло бы служить древне-персидское названіе маговъ — *magu-* (о формахъ въ средне- и ново-персидскомъ и т. д. см. Horn, *о. с.*, pp. 220—221, s. n°. 984; Hübschmann, *Armen. Gramm.* I, p. 195, s. n°. 410), полученное, вмѣстѣ съ обозначаемымъ имъ институтомъ, изъ Мидіи, гдѣ оно звучало (по авестійски) *moγu-* (въ сложеніи: *moγu-tbiš-* „*der die Magier... befeindet*“), что восходитъ къ ассир. *maḥḥū* „*Prophet, Wahrsager*“. (Подробности по поводу др.-перс. *magu-* см. въ упомянутой работѣ Scheftelowitz'a, *Z. D. M. G.*, LVII, p. 168 sq.; противъ ассир. происхожденія высказываются Nöldeke и Bezold у Bartholomae, *Altiran. Wörterb.*, s. v. *magav-*). Такимъ образомъ, ассиро-вавилонскія заимствованія могли проникнуть въ древне-персидскій, помимо Элама, также черезъ родственную Мидію.

¹⁾ Срв. соответствующія формы данного слова и въ древнѣйшихъ арамейскихъ надписяхъ: въ обихъ нирабскихъ — *מַרְבַּ* (Коковцовъ, *Древне-арамейскія надписи изъ Нураба*. Спб., 1899 = „*Зап. вост. отд. И. русск. арх. общ.*“, т. XII, стр. 153 и 158; Lidzbarski, *Handbuch d. nordsemit. Epigraphik etc.*, p. 445) и въ теймской — *מַרְבַּ* (Lidzbarski, *о. с.*, p. 447; срв. также у Коковцова, *о. с.*, стр. 154).

melte Abhandlungen, p. 64, n°. 165; его же, *Armenische Studien*. L. 1877, p. 29, n°. 384) врядь ли можетъ быть оспариваема.

b) R e a l i a.

Въ области древне-персидскихъ древностей можно отмѣтить слѣдующіе факты:

1) «Τὰ [βασιλέως] ὄτα». Впервые появляется древне-персидскій терминъ *gaušaka-, обозначающій должностныхъ лицъ намъ давно извѣстнаго института, называвшихся «ушами и очами царя» (срв., напр., у Justi, *Geschichte Irans etc.* въ «Grdr. d. Iran. Phil.», II, p. 438; Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'orient*³, p. 615 sq.); терминъ *gaušaka- образованъ, какъ мы уже видѣли, отъ древне-персидскаго корня gauš- «audire» и, слѣдовательно, долженъ значить: «выслушивающій (и затѣмъ доносящій), κατήκοος (ὄτακουστής)». Такимъ образомъ, въ *gaušaka- мы имѣемъ лицъ, называвшихся «ушами (царя)»¹⁾.

2) *Satrapē Euphata Aršamē*.—Аршамъ, упоминаемый въ нашемъ папирусѣ, какъ сатрапъ Египта, является, по мнѣнію проф. Эйтинга (*Notice*, p. 8), новою личностью въ исторіи ахеменидскаго періода персидской монархіи и, такимъ образомъ, долженъ быть присоединенъ къ тѣмъ, перечисляемымъ проф. Юсти, въ *Iranisches Namenbuch* (s. v.), 12 лицамъ, которые носили это имя. Другого мнѣнія держится Clermont-Ganneau, склоняющійся къ тому, что Аршамъ нашего папируса та же самая личность, которая упоминается Ктесиемъ подъ формою Ἀρξάνης. Французскій ученый говоритъ: «...il ne serait pas impossible, moyennant une légère correction paléographique d'identifier notre Archam avec Ἀρξάνης (corr. Ἀρξάμης = Ἀρσάμης) qui, selon Ctésias [Ed. Didot, p. 55^a, § 47], était satrape d'Égypte à l'avènement de Darius II, en 424, et fut l'un des premiers à se rallier à lui...» (*Recueil d'arch. orientale*, VI, p. 230; срв. *Répertoire d'épigraphie sémitique*, I, p. 297). Это предположеніе Clermont-Ganneau, — интересное и въ томъ отношеніи, что оно, какъ мы уже видѣли (гл. 1-я, III), даетъ извѣстную точку отправленія для фиксированія времени происхожденія нашего документа²⁾, — заслуживаетъ особеннаго вниманія.

3) *Kē titulovanīo persidskikh царей*.—Въ нашемъ папирусѣ персидскій царь титулуется не «царь царей», но просто «царь» (malkā)³⁾. Подобное титу-

¹⁾ Срв. въ Ὀνομαστικόν (кн. II, 84) лексикографа Поллука (II в. по Р. X.): «ἐχалоῦντο δὲ τινες ὄτα καὶ ὀφθαλμοὶ βασιλέως, οἱ τὰ λεγόμενα διαγγέλλοντες καὶ τὰ ὀρώμενα. ἀπὸ δὲ τῶν ὄτων τούτων τὸ ὄτακουστῆν πεποιήται» (см. изд. Bethe въ тейбнеровской серіи *Lexicographi graeci*, v. IX, p. 109).

(Указанія на аналогичныя мѣста классическихъ писателей и ихъ схолиастовъ можно найти у Эйтинга, *Notice*, pp. 11—12, и въ капитальномъ трудѣ покойнаго проф. Шингеля по иранскимъ древностямъ — *Erânische Alterthumskunde*, III, pp. 627—628. У Бругша, *Aegyptologie*. L. 1891, p. 206, приводятся мѣста изъ египетскихъ надписей, въ которыхъ упоминаются „уши и очи царя“).

²⁾ Именно устанавливая, что Аршамъ былъ сатрапомъ Египта въ царствованіе Дарія II.

³⁾ Впрочемъ, мы должны замѣтить, что самое чтеніе מלך принадлежитъ къ числу сомнительныхъ въ папирусѣ.

лованіе мы встрѣчаемъ также въ текстѣ ассианской стелы, открытой маркизомъ de Vogüé ¹⁾, въ которомъ читается (л. 4): שנת שבעת אלפים שבעים ז', т. е. «седьмого года царя Артаксеркса» (см. «Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1903», Juillet—Août, p. 269 sq.). Это уклоненіе отъ обычнаго титулованія тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что въ текстѣ саккарской стелы, извѣстнаго египетско-арамейскаго памятника, Ксерксъ является съ традиціоннымъ персидскимъ титуломъ «царь царей» (л. 3): malkā zī m[alkayū] ²⁾ (см. *Corpus inscript. semitic.* II, 1, p. 125; № 122).

4) Къ персидско-египетскимъ отношеніямъ. Вмѣстѣ съ другими изслѣдователями мы должны отмѣтить, что содержаніе нашего папируса является новымъ матеріаломъ, иллюстрирующимъ отношеніе персидскаго правительства къ подвластнымъ ему народамъ вообще и къ египтянамъ въ частности. Изъ того, что сообщается въ страсбургскомъ папирусѣ объ дѣйствіяхъ египетской жреческой коллегіи бога Хнуба, можно видѣть, насколько «свободно чувствовало себя египетское духовенство въ своей странѣ при персидскомъ режимѣ» (Ковцовъ, *Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 8). Это былъ режимъ, въ основѣ котораго лежалъ извѣстный принципъ управленія многочисленными народами монархіи, предоставлявшій имъ значительную свободу въ дѣлахъ ихъ внутренней жизни и обезпечивавшій за ними національную самобытность. (См. по этому вопросу: Justi, *Geschichte Irans* въ «Grdr. d. iran. Phil.», II, p. 432; Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient* ³⁾, p. 613; Ed. Meyer, *Gesch. des alten Aegyptens*, p. 390 sq.; его же, *Entstehung des Judenthums*, p. 70 sq.). Какъ одно изъ проявленій этого режима, полного глубокаго политическаго смысла, должно быть отмѣчено то уваженіе, которое проявляли представители ахеменидской династіи къ чужеземнымъ культамъ, и то вниманіе, которое ими оказывалось духовно-религіознымъ нуждамъ ихъ иноплеменныхъ подданныхъ ³⁾.

¹⁾ Памятникъ этотъ принадлежитъ 458 г. до Р. X, такъ какъ упоминаемый въ немъ Артаксерксъ можетъ быть, какъ убѣдительно доказываетъ de Vogüé, лишь Артаксерксомъ I Лонгиманомъ (465—425).

²⁾ Къ этому мѣсту de-Vogüé дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Ultimum lineae vocabulum [מלכא] restituendum, unde fit „rex regum“, solemne, ut notum, Persarum regum nomen“ (o. c., p. 125).

³⁾ Въ частности отмѣтимъ, что Дарій II предпринялъ сооруженія въ нѣкоторыхъ египетскихъ храмахъ (въ Эдфу и пр.).

Addenda.

Когда настоящая работа уже была набрана, намъ пришлось познакомиться съ только что появившимися въ свѣтъ двумя статьями, содержаніе которыхъ составляетъ дальнѣйшее истолкованіе страбургскаго египетско-арамейскаго папируса—мы разумѣемъ *Aramäische Texte auf Stein, Ton und Papyrus* проф. Лидзбарскаго (съ примѣчаніями проф. Андреаса), въ издаваемомъ имъ «Ephemeris für semitische Epigraphik» (II, 2, p. 200 sq.), и *Encore l'inscription araméenne d'Éléphantine* («Rev. sémitique», 1906, Juillet, p. 278 sq.) проф. Halévy (статья, вызванная главнымъ образомъ только что упомянутою работою въ «Ephemeris» Лидзбарскаго). На этихъ обѣихъ статьяхъ мы считаемъ нужнымъ остановиться и отмѣтить все, что служитъ къ выясненію нашего текста. Понутно мы сдѣлаемъ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, вызванныхъ изученіемъ статей Лидзбарскаго-Андреаса и Halévy.

Проф. Лидзбарскій въ томъ отдѣлѣ своей статьи, который посвященъ обзору арамейскихъ памятниковъ, открытыхъ за послѣдніе годы въ Египтѣ, останавливается также и на разборахъ страбургскаго папируса, сдѣланныхъ его предшественниками: Эйтингомъ, Clermont-Ganneau, Halévy и Spiegelberg'омъ (pp. 210—217). Кромѣ того, проф. Лидзбарскій даетъ небольшое вступленіе, воспроизведеніе арамейскаго текста и переводъ этого папируса. Къ этой работѣ Лидзбарскаго проф. Андреасъ присоединилъ (въ примѣчаніяхъ) свои замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ иранскихъ элементовъ.

Итакъ, на основаніи обѣихъ статей дѣлаемъ нижеслѣдующія addenda:

Къ А, 1: בְּדַגָּן . Предположеніе Halévy читать בְּדַגָּן —«bendegān» («des serviteurs») проф. Андреасъ также считаетъ совершенно невозможнымъ (p. 212), главнымъ образомъ съ точки зрѣнія исторической грамматики персидскаго языка. При этомъ имъ отмѣчается, что если бы въ данномъ случаѣ дѣйствительно имѣлась бы форма отъ древне перс. *ba'daka-*, то ее слѣдовало бы ожидать въ видѣ בְּדַגָּן (подобно тому, какъ отъ **gaušaka-* является גַּוְשָׁן). Насколько можно видѣть изъ того, что говоритъ по поводу замѣчаній Андреаса проф. Halévy (p. 278), послѣдній склоненъ признать свою конъектуру неудачною.

Къ А, 4: דַּוְגָּן . По мнѣнію проф. Лидзбарскаго этотъ терминъ «dürfte etwas wie «zusammen», «gemeinschaftlich» bedeuten und ist wohl aus einem persischen Worte gebildet» (p. 213). Это мнѣніе раздѣляетъ и Андреасъ, которому

также «*מחנה* scheint ein iranisches mit der aram. Adverbialendung *ájað*, *ájið* versehenes Wort zu sein» (l. c.). Проф. Андреасъ выводитъ *hamōn, *hamūn изъ болѣе древней стадіи *hamāna- «zusammen, in Gemeinschaft», которая, въ свою очередь, получилась изъ *hamamāna-, и сопоставляетъ съ параллельнымъ среднеперсидскимъ образованиемъ rēgāmūn «Umkreis, ringsherum» (ново-перс. *دایره*), выводимымъ имъ изъ *ragyāka-māna-¹).

Это предположеніе проф. Андреаса во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и для насъ непонятно, почему въ обзорѣ успѣховъ интерпретаціи нашего папируса оно какъ бы игнорируется проф. Halévy, который ограничивается лишь словами: «rien de saillant» (p. 279).

Въ А, 4: *פרתרק*.—Мы уже отмѣтили, что сопоставленіе *פרתרק* съ среднеперс. *fravartak*, сдѣланное Эйтингомъ, равно какъ и исправленіе въ *פרוררק*, предложенное Hübschmann'омъ, являются недостаточно убѣдительными, и что предположеніе Clermont Ganneau видѣть въ этомъ терминѣ обозначеніе извѣстной должности (гражданской или военной) заслуживаетъ полнаго вниманія. Проф. Лидзбарскій и Андреасъ высказываются въ томъ же смыслѣ. Съ своей стороны, проф. Андреасъ, исходя изъ предположенія Clermont-Ganneau, предлагаетъ (p. 213) читать *fratarak* (изъ болѣе древняго *fratarā - +суфф.-ка-) «*πρότερος*, der an Rang voranstehende». (Срв. приводимыя Андреасомъ интересныя семасіологическія параллели). «Da es,—говоритъ далѣе проф. Андреасъ,—in unsrer Inschrift heisst: «X., ²) der hier, d. h. in Feste Ieb, Fratarak war, so kann mit Fratarak nur der Festungskommandant von Ieb gemeint sein...» (l. c.). Этотъ титулъ *fratarak* проф. Андреасъ находитъ возможнымъ указать также и въ болѣе позднюю (средне-персидскую) эпоху, имѣя именно въ виду титулъ, являющійся на монетахъ и обыкновенно читаемый какъ *פרתרקא* (*fratakar-ā*) «*Feuermacher*» (cf. Justi, Z.D.M.G., XLIX, p. 683 sq.)—какое чтеніе исправляется имъ въ *fratarakā* «*Präfect, Gouverneur*». Если сближеніе егип.-арам. *fratarak* съ средне-перс. *fratakar-ā* (*fratarak-ā?*) и можетъ быть оспариваемо [по поводу *fratakarā* см., напр., у Justi, «*Grdr. d. iran. Phil.*», II, p. 487, а также

¹) Вопросъ, какъ образовано средне- и н.-перс. *rēgāmūn* (а также, слѣдовательно, и *hamūn*-нашего папируса), до сихъ поръ остается невыясненнымъ (cf. Salemann, *Mittelpersisch*, § 123). Проф. Horn (*Neupers. Schriftsprache* въ „*Grdr. d. iran. Phil.*“, I, 2), ссылаясь (o. c., § 96, p. 159) на мнѣніе проф. Fr. Müller'a (W.Z.K.M., VII, p. 380 sq.), приравниваетъ *rēgāmūn* авестійскому **rairyāma*- +суфф. -ūn, а въ качествѣ древне-персидскаго соотвѣтствія выставляетъ (*ibid.*, § 98, p. 162) „**rairyāma-Umkreis* + ūn“. Происхожденіе суффикса -ūn остается неяснымъ. (Мнѣніе Darmesteter'a см. въ его *Études iraniennes*, I, p. 244).

²) Подъ „X“, которому въ текстѣ соотвѣтствуетъ сомнительное чтеніе *מחנה*, по мнѣнію Clermont-Ganneau, раздѣляемому проф. Лидзбарскимъ, скрывается собственное имя „Wi...g“ (?), носитель котораго занималъ извѣстную должность въ эфефантской крѣпости.

Проф. Андреасъ полагаетъ (p. 213), что если подъ вышеприведеннымъ сомнительнымъ чтеніемъ скрывается собств. имя, то выборъ такового представляется возможнымъ лишь между *Vidarna*- (у грековъ *Ἰδαρνής*) и *Viⁿdafarna*- (*Ἰνταφάρνης*), въ первомъ случаѣ слѣдуетъ читать *מחנה*, во второмъ—*מחנה*.

указанную Юсти и Андреасомъ литературу предмета]—то, во всякомъ случаѣ, объясненіе, данное проф. Андреасомъ егип.-арам. термину должно быть признано тѣмъ болѣе удачнымъ, что оно устраняетъ необходимость прибѣгать къ измѣненію чтенія. Данное толкованіе отмѣчается и проф. Halévy (р. 279).

Съ своей стороны мы желали бы обратить вниманіе специалистовъ на слѣдующее сопоставленіе, дѣлаемое нами лишь въ видѣ предположенія. Если слова папируса: פרתרך תנה הנה = «der hier [т. е. въ Іебѣ] Befehlshaber war» (переводъ проф. Лидзбарскаго) дѣйствительно содержатъ указаніе на извѣстную должность и, повидимому, на должность начальника крѣпостного гарнизона — то данный персидскій терминъ (פרתרך) можно было бы сопоставить съ соотвѣтствующимъ египетско-арамейскимъ, встрѣчающимся въ асуанской стелѣ маркиза de Vogüé, гдѣ мы читаемъ (2-я линія): בר הילא סין = «глава асуанскаго (Σοήνη=סין) гарнизона» (см. «Académie des inscr. et belles-lettres. Comptes rendus», 1903, р. 269 = «Ephemeris» Лидзбарскаго, II, 2, р. 221)¹⁾. Сіена, какъ извѣстно, была одна изъ крѣпостей южнаго Египта, въ которой персы содержали пограничный гарнизонъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду также и слѣдующее. Элефантинская крѣпость находилась подъ начальствомъ лица, которое по египетски называлось mer ā res «Vorsteher des südlichen Thores» [scil. Египта] (Wiedemann, *Herodots zweites Buch etc.*, р. 129). Не есть ли fratarak нашего папируса *неполный* отголосокъ даннаго египетскаго термина, соотвѣтствующій лишь его первой части?

Такимъ образомъ, къ *лексикальнымъ* даннымъ (а также къ realia) мы могли бы сдѣлать слѣдующее добавленіе: fratarak (A, 4),—въ языкѣ др.-перс. надписей было бы *fratara-ka- (ш.), — терминъ, служившій, слѣдуетъ думать, обозначеніемъ лица, облеченнаго извѣстною административною властью, по всей вѣроятности военною; быть можетъ, подъ нимъ разумѣтся начальникъ (пограничнаго) крѣпостного гарнизона.

Примѣчаніе. Считаемо не лишнимъ привести въ подкрѣпленіе значенія, даваемого проф. Андреасомъ термину fratarak, нижеслѣдующее. Въ др.-персидскомъ къ compar. *fra-tara- «prior» (которому въ авест. соотвѣтствуетъ fratarā-) было извѣстно образованіе формы superlativi, а именно: fra-tama- «primus» (авест. fra-tāma-, средне-перс. fratam, cf. Horn, *Grdr. der neupers. Etym.*, р. 277, п^о. 86; срв. древне-инд. pra-thamā- съ -th-вм. ожидаемаго -t-, о чемъ см.: Brugmann, *Grundriss etc.*, II, 1², § 156; Thumb, *Handbuch des Sanskrit*, I, § 380). Это fratama- употреблялось, *повидимому*, помимо обычнаго («primus») еще въ особомъ значеніи, обозначая или привилегированныхъ лицъ или лицъ, облеченныхъ извѣстною властью (такъ сказать «первыхъ»), какъ это видно изъ встрѣчающагося въ Библии (кн. Даниила, I, 3, кн. Эсѣири I, 3; VI, 9) др.-перс. заимство-

¹⁾ Отмѣтимъ еще арам. אילא בר, являющееся въ пальмирской надписи 271 г. по Р. Хр. (см. у Лидзбарскаго, *Handbuch d. nordsemit. Epigraphik*, р. 426), строки 2 и 3, —чему въ греч. текстѣ данной надписи соотвѣтствуетъ στρατηλάτης.

ванія פְּרִתָּמִים (Gesenius-Buhl: «die Vornehmen, Edlen, bei den Persern», s. v.; Clermont-Ganneau: «une certaine catégorie d'officiers perses», *Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 237). Понятіе «первепства», «власти», заключающееся въ др.-перс. fratama-, находитъ подтвержденіе также въ авестійскомъ, гдѣ мы встрѣчаемъ отъ fratama- производное *abstractum* fratama-tāt-(f.) со значеніемъ: «principatus, Obrigkeit» (цитаты см. въ словарѣ Bartholomae, s. v.)¹⁾. При этомъ остается невыясненнымъ взаимное отношеніе *fratara- (*fratara-ka) и fratama- (въ ихъ специальныхъ значеніяхъ).

Къ В, 2: 𐎠𐎡𐎢. — Проф. Лидзбарскій, признавая остроумнымъ предположеніе Clermont-Ganneau относительно обозначенія этимъ терминомъ отряда въ 10.000 человекъ, не находитъ всетаки возможнымъ считать такое предположеніе вѣроятнымъ (p. 214).

Проф. Андреасъ²⁾ считаетъ (l. c.) 𐎠𐎡𐎢 за иранское слово («*handēz, älter *handaiza») съ первоначальнымъ значеніемъ: «Aufschüttung, Zusammenhäufung, Anhäufung», т. е. со значеніемъ, которое было предположительно указано и нами. Въ данномъ случаѣ, по мнѣнію проф. Андреаса, этотъ терминъ имѣетъ «die Bedeutung einer grösseren Menge, einer grösseren Zahl, und zwar von Gruppen» (l. c.), причемъ остается неяснымъ, обозначалось ли имъ определенное большое число или только вообще скопленіе людей.

Проф. Halévy отнесся (p. 279) недовѣрчиво къ переводу Андреаса («le terme «masse» [Haufe] est trop vague») и предпочитаетъ толкованіе Clermont-Ganneau.

¹⁾ Въ семасіологическомъ отношеніи интересно отмѣтить переходъ значенія: *первый* > *первый по вліянію, должности, власти (начальникъ, глава и пр.)*, встрѣчаемый въ разныхъ языкахъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ др.-арм. 𐎠𐎡𐎢 (arağnord), которое, будучи собственно числ. порядковымъ со значеніемъ „primus“ (изъ *arağinord: распространенная посредствомъ суфф. -ord форма обычнаго 𐎠𐎡𐎢 [arağin] „primus“; см. Марръ, *Грамм. древнеармянскаго языка. Этимологія*. С.-П.Б., 1903, § 151)—употребляется обыкновенно въ значеніи главы какъ въ гражданской, такъ и духовной сферахъ: „dux, princeps, praeses, rector, praepositus, praefectus etc.“ (см. Б. Слв. Мхитаристовъ, s. v.). Это значеніе верховенства мы находимъ и въ производныхъ, напр. въ глаголѣ arağnordel, *abstr.* arağnorduthiun и т. д. (см. *ibid.*, s. vv.). Далѣе отмѣтимъ *прѳ-мо-ς* (объ образованіи см. Brugmann, *Griech. Gramm.*³, § 184, 3 = *Grundriss*, II¹, § 72, p. 157)—*собо.* „primus“, затѣмъ: „передовой боецъ (у Гомера = *прѳμαχος*), вождь, глава“ (срв. Aesch. Eum. 377, Soph. O. C., 888, O. R. 661). См. Pape, *Handwörterbuch d. gr. Spr.*², s. v.

Равнымъ образомъ интересно отмѣтить встрѣчающееся въ раввинской литературѣ заимствованіе 𐎠𐎡𐎢 „der Vornehme“, являющееся, какъ показалъ Krauss (*Zur griech. u. lat. Lexicographie aus jüd. Quellen* въ „Byz. Z.“, II, p. 544 sq.) = **прѳтатос* (прев. ст. отъ *прѳтос*): „Das Wort tritt uns entgegen... als Titel eines Staats- oder Stadtbeamten...“

²⁾ Проф. Андреасъ въ числѣ переводовъ 𐎠𐎡𐎢 приводитъ также и „fonction à l'aide de ciment“. Но это не есть переводъ нашего термина, но соответствующаго (этимологически) др.-инд. эквивалента samdēha- („Zusammenkittung“), сдѣланный Horn'омъ у Эйттингга (*Notice*, p. 11).

Къ В, 3: 𐎠𐎡. — Проф. Андреасъ (р. 214), вмѣстѣ со своими предшественниками, считаетъ эту форму, равно какъ и соответствующую библейско-арамейскую, тождественною съ древне-перс. *azdā* и пр. Проф. Halévy (pp. 279—280) не соглашается признать переводъ, даваемый словамъ: 𐎠𐎡 𐎠𐎡 («wenn Nachricht... gegeben wird»), хотя съ своей стороны не предлагаетъ новаго. Также рѣшительнымъ образомъ Halévy высказывается противъ отождествленія др.-перс. *azdā* съ библ.-арам. 𐎠𐎡. Мѣста, въ которыхъ встрѣчается эта библ.-арам. форма (кн. Даниила II, 5 и 8), не даютъ, по Halévy, смысла, если исходить изъ значенія др.-перс. *azdā*; поэтому онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими гебранстами, стоитъ за производство данной библ.-арам. формы отъ корня 𐎠𐎡 (синонимъ 𐎠𐎡 «aller»), сообразно съ чѣмъ и даетъ переводы соответствующихъ мѣстъ. Рѣшающій голосъ въ этомъ вопросѣ, конечно, долженъ принадлежать семитологамъ.

По поводу формы 𐎠𐎡 проф. Андреасъ высказываетъ свой взглядъ на языкъ иранскихъ элементовъ нашего папируса, совпадающій со взглядомъ, уже высказаннымъ другими изслѣдователями, напр. акад. Залеманомъ («Зап. вост. отдѣл. И. русск. арх. общ.», т. XVI, в. IV, стр. XXXIII) и у насъ. Выписываемъ дословно относящееся сюда мѣсто: «Die Form *azd...* zeigt, was auch aus anderen Gründen sicher steht, dass zur Zeit des Darius II, die Sprache der Perser, durch den Abfall des auslautenden Vokale und Diphthonge sowie der auf Nasale endigenden Schlussilben, in dasjenige Stadium ihrer Entwicklung getreten war, das als älteres Mittelpersisch bezeichnet werden muss» (l. c.)¹⁾.

Къ В, 3: 𐎠𐎡𐎠. — Проф. Андреасъ подъ этимъ терминомъ склоненъ разумѣть «Polizeibeamte» и считать его иранскимъ сложнымъ словомъ, вторую часть котораго составляетъ «*pat* (älter *pāti*) «Herr» oder *pāt* (älter *pātā*, Nom. v. *pātār*) «Hüter, Schützer»; первая же часть *compositi* остается для него неясною (р. 215). Ни проф. Лидзбарскій, ни Андреасъ не упоминаютъ, почему то, объ объясненіи, данномъ этому термину Halévy. Такъ какъ толкованіе Андреаса не выясняетъ данный терминъ въ его цѣломъ, то пока не будетъ представлено болѣе удачнаго, объясненіе проф. Halévy остается, по нашему мнѣнію, единственно удовлетворительнымъ²⁾.

¹⁾ Срв. также формулировку Halévy, находящуюся въ его статьѣ—*Notes et conjectures sur le pehlevi* (въ которой онъ также касается и фактовъ нашего папируса): „Ces formes jeunes ...semblent induire à croire que, dès le IV-e siècle avant notre ère il existait en Perse, à côté de la langue littéraire officielle, une langue populaire assez puissante pour se glisser même dans les compositions destinées aux hauts fonctionnaires de l'état. Dans ces circonstances, le pehlevi ne serait que le dernier écho orthographique des formes anciennes limitées aux rédactions administratives ou religieuses“ („Revue sem.“, 1904, p. 174).

²⁾ Попытка видѣть въ библ.-арам. 𐎠𐎡𐎠 иранское *pāti* была уже сдѣлана Benfey'емъ (о чемъ упоминаетъ и Эйтингъ, *Notice*, p. 11) въ его экскурсѣ „Versuch einige in der Bibel vorkommende persische Wörter und Eigennamen zu erklären“ (Benfey—Stern, *Ueber die Monatsnamen einiger alten Völker, insbesondere der Perser, Cappadocier, Juden und Syrer*. В., 1836, pp. 187—203). Benfey, именно, сопоставлялъ дан-

По поводу трехъ терминовъ: «судьи, тифтаи, гошаки» проф. Лидзбарскій замѣчаетъ, что «die Aufzählung der Beamten ist wegen Dan. 3, 2 interessant» (pp. 214—215). Общимъ для обоихъ мѣстъ является терминъ «тифтаи». Интересно отмѣтить, что нашему דָּוָר «судьи» въ вк. Даниила соответствуетъ דָּוָרָא , являющееся заимствованнымъ др.-перс. *dāta-baga- «судья» (срд.-перс. dātavar [др.-арм. заимствование դատավոր , datavor], ново-перс. داور), которое образовано изъ dāta- «законъ» и -baga- «-φороς» (срв. лат. legifer). Употребленіе въ нашемъ текстѣ арамейскаго термина на ряду съ двумя другими персидскими не можетъ не обратить на себя вниманія.

Къ В, 3: גִּישָׁא .—Въ толкованіи этого термина проф. Андреасъ сходится со своими предшественниками (Эйтингомъ и др.) и только обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что «die pers. Form nicht *gōšak(a), sondern gōšāk gelautet hat und ein mittelpers. Part. Praes. von der Wurzel *γeus ist» (p. 215)—что уже было указано акад. Залеманомъ (см. выше). Далѣе, Андреасъ указываетъ (на приведенныя уже у насъ) gōšāk (Андреасъ: gōšāk) и גִּישָׁא , а также приводитъ встрѣчающееся въ словарѣ Asadī (см. изд. Horn'a, fol. 6 и 39) — древнѣйшемъ (XI в.) дошедшемъ до насъ ново-персидскомъ глоссаріѣ—и у другихъ персидскихъ лексикографовъ نگوشا , نگوشاک съ новымъ значеніемъ: «formulae Muhammedanae non addictus, ut Iudaeus, cultor ignis s. Magus omnisque infidelis...» (Vullers), «Ungläubige im Allgemeinen» (Андреасъ) ¹⁾.

ный библ.-арамейскій терминъ съ „zend. *aiti über und paiti Herr*“ и указывалъ, что въ санскритѣ соответствующая форма была бы *atipati* „Oberherr“ (о. с., pp. 196—197). [Цитата у Эйтинга, *Notice*, p. 11—откуда и у Halévy, „Rev. séм.“, 1904, p. 75 — неточна]. — Срв. еще попытку толкованія (изъ др.-перс. *adipati- = др.-инд. *adhipati- „Oberherr“) Berhmann'a—*Das Buch Daniel* (въ серіи „Handkommentar zum A. T.“), Göttingen, 1894, p. IX.

¹⁾ Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду возможность иного толкованія ново-перс. nāyūšā , -āk. Эти формы могутъ быть разсматриваемы какъ побочныя образованія къ nāyūšā „Magier“, принадлежа, такимъ образомъ, къ случаямъ, въ которыхъ мы имѣемъ „ein Sprachfehler“, о чемъ см. у Horn'a, *Neupers. Schriftsprache*, p. 13 (Einleitung) и § 49, 1, pp. 101—102. Срв. также Salemann, *Mittelpersisch*, § 21, d.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ привести переводъ текста обоихъ столбцовъ страсбургскаго папируса, сдѣланный проф. Лидзбарскимъ («Ephemeris etc.», II, 2, pp. 216 – 217):

а.

- 1 «...wir (?)..., dass die Ägypter sich empört haben; wir aber haben von unserem Herrn nicht gelassen,
- 2 und etwas Verderbliches konnte uns nicht nachgewiesen werden. Im Jahre 14 des Königs Darius, als unser Herr Aršam
- 3 sich zum Könige begab,—dies ist die Verräterei, welche diese Priester des Chnub in der Feste Jeb begangen haben,
- 4 gemeinschaftlich mit....., der hier Befehlshaber war, Geld und Gut haben sie ihm gegeben! Es gibt einen Teil
- 5 von..... des Königs... Festung..... und eine Mauer [baute er?] in die Bresche der Festung Jeb hinein.

b.

- 1 Nun ist jene Mauer in die Bresche der Festung hineingebaut.—Da gibt es einen Brunnen, der gebaut ist
- 2 in der Festung, und an Wasser fehlt es ihm nicht, die Garnison damit zu versorgen, derart, dass wenn sie selbst ein «Haufe» sein sollte,
- 3 sie aus jenem Brunnen Wasser trinken könnte. Nun haben jene Priester des Chnub jenen Brunnen verschüttet. Wenn zuverlässige Nachricht
- 4 seitens der Richter, der Polizeibeamten und der Geheimagenten, die in der Südprovinz beamtet sind, gegeben wird (oder werden sollte),
- 5 dann wird sie (die Nachricht) sich unserem Herrn als übereinstimmend mit dem herausstellen, was wir gesagt oder klar ausgesprochen haben»¹⁾.

Считаемъ также нужнымъ сдѣлать нижеслѣдующія дополненія:

Къ гл. 1-й, V: Объ арамейскомъ, какъ о международномъ языкѣ передняго Востока въ эпоху Ахеменидовъ, см. еще въ недавно появившейся работѣ Streck'a—*Über die älteste Geschichte der Aramäer, mit besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse in Babylonien und Assyrien* въ «Klio. Beiträge zur alten Geschichte», VI, Heft 2, p. 223.

Къ гл. 2 ой. А, 3: duškart. — Во второмъ переработанномъ изданіи 1-й части II-го тома *Grundriss'a* Бругмана и Дельбрюка (Strassburg, 1906) приведеннымъ у насъ мѣстамъ 1-го изданія II тома (§§ 14, 23) соответствуетъ § 32, с (p. 71).

1) Переводъ послѣдняго предложенія, какъ заявляетъ Лидзбарскій, сдѣланъ согласно указаніямъ Андреаса.

Къ гл. 2-ой. А, 4: ךרררן (?).—Въ началѣ этого отдѣла допущена нѣкоторая неточность въ изложеніи, требующая исправленія. Именно, мы должны отмѣтить, что данную форму проф. Эйтингъ (какъ видно изъ приведенной у насъ цитаты) сопоставляетъ собственно не съ формою *fravartak*, но « ךרררן », т. е. держится относительно вида этой средне-персидской формы (*d* вм. *r*) взгляда, высказаннаго проф. Nöldeke въ *Z. D. M. G.*, XLVI, p. 139 (въ вызвавшего исправленіе проф. Hübschmann'a, *ibid.*, p. 326).

Къ гл. 2-ой. В, 4: *gōšak*.—Въ второмъ изданіи 1-й части II-го тома *Grundriss'a* Бругмана и Дельбрюка приведенному мѣсту: II, p. 257 sq. — соответствуетъ § 381, p. 498 sq.

Въ статьѣ египтолога проф. Spiegelberg'a — *Ägyptisches Sprachgut in den aus Ägypten stammenden aramäischen Urkunden der Perserzeit* (въ посвященномъ проф. Th. Nöldeke сборникѣ *Orientalische Studien*. Giessen, 1906, и отдѣльно) — мы находимъ запесенными также и соответствующіе факты нашего папируса; см. s. n^o. n°. 60 (117), 79 (2), 82, а также специальную рубрику: «Das aramäische Transkriptionsalphabet der Perserzeit» (p. 1113 sq. = p. 21 sq. отд. изд.).

Евангеліе Никодима.

(Грузинскій апокрифъ изъ Цагерскаго сборника XVI в.).

Евангеліе Никодима, какъ видно изъ словъ грузинскаго текста, переведено съ греческаго языка. Снабдивъ грузинскій текстъ русскимъ переводомъ, мы присоединили подстрочныя примѣчанія и въ концѣ нѣсколько замѣчаній, выясняющихъ, въ какомъ отношеніи находится нашъ памятникъ къ извѣстнымъ редакціямъ „Евангелія Никодима“.

დიდსა პარასკევსა საკითხავს ვნებისათვის და სიკუდილისა მოსაკანებელი
მაცხოვრისა ჩნისა ივ ჩნი, თქმული ანანია ებრაელისაჲ. მამაო გჳნ
ო ივ ქე ლო ჩნო უნ ჩნ.

რამეთუ ვცან უჲ ჩნისა ივ ქნი წიგნთაგან სლოთაჲ ღ სარწმუნოებით გულმოდ-
გინედ ვისწრაფენ ღ აღვსწერენ მოსახსენებელნი, რაჲ იგი თქუეს ჰრიათა ღუთისაჲთვს
პონტიელისა პილატესზე მსაჯულისაჲ, რომელ იგი აღწერა ნიკოდიმეოს წიგნითა
ებრაელთა, ხოლო მე გარდმოვწერე წიგნითა ბერძულთაჲ საც-
ნობელად ყთათს.

ანაჲ ღ კაიაფაჲ, სუმეს ღ დიოდან, გამალიელ ღ იუდაჲ, ლევ ღ ნეფთალი,
მალექსანდრე ღ იაროს ღ სხუანთაჲ ჰრიათაგან მოვდეს პილატესსა ივსთვს ღ შეას-
ენდეს მას, მრავალთათვს საქმეთა მისთა ღ იტყოდეს ესრეთ:

ჩნ ვიცით იოსებისა ხუროსა მის ძედ ღ მარიამისგან შობილად ღ იტყვს თავსა
თვსსა ძედ ლჲ ღ მფედ, არა წთუ ამასოდენ იტყვს, ად შაბათსაჲ შეაგინებს ღ მა-
მულისა ჩნისა შჯულისა ჰნებავს დაჰრღუტვაჲ.

ქაჲ მთ პილატე: რაჲ არს რლსა იქმს, რლ ჰნებავს დარღუტვაჲ, ჰრქუეს
ჰრიათა მათ: ჩნ შჯული გუაქვს, შაბათსა შა არა ჯერ არს კურნებაჲ.

ხ ესე მკელობელთა ღ ბრმათა, კეთროვანთა ღ ეშმაკეულთა ღ განრღუტულთა
განჰკურნებს დღესა შაბათსაჲ ღ ბელზებლითა ეშმაკთმთავრთა განასხამს ეშმაკთა? ღ

ყოველნივე მისდა დამორჩილებულ არიან. ჰრქუა მათ პილატე: ესე არა, არაწისა სულითა განასხამს ეშმაკთა, არამედ ღუთისაგან ლეოპიალისსა. ჰრქუეს ჰრიათა მათ პილატეს: ვევედრებით აწ შენსა კელმწიფებასა, რათა წარმოადგინო იგი აწ საყდარსა შენსა წეღ სმინო მისი. რქუა მათ პილატე: ღ ვითარ შემძლებელვარ მე ვარანი განკითხუად მეუფისა?—ჰრქუეს ჰრიათა მათ პილატეს: ჩუპნ არა ვტყვთ მას მეუფედ, არამედ თაით თვისით იტყვს. მოუწოდა პილატე ერთსა პასენაგსა—მიუბდ, მშვდობით გამოიყვანე ივ. ღ ვრ მივიდა პასენაგი იხილა, იცნა იგი ღ თაყანისცა მას ვდ, მოილო ოლარი, რლი აქნდა ხელთა მისთა ღ დაუფინა ქყანასა ღ ჰრქუ ამას: ოვფალო ამას წა შემოედ, რ გხადის შენ ვარანი. ხ ჰრიათა მთ ვა იხილეს, რაჲ იგი ქმნა პასენაკმან მან, ღაღადებდეს პილატეს მრთ ღ იტყოდეს: რად არა სეფე კაცთა ბრძანე შემოყვანება მისი, ად პასენაკისაგან? რ ვა იხილა პასენაკმან მან თაყუანისცა მას ღ მოილო ოლარი მისი, რლი აქუნდა კელთა მისთა ღ დაუფინა ქყანასა ღ ჰქვა: ო, ამას წა შემოდეგ, რ გხადის მსაჯული. ხოლო პილატე მოუწოდა პასენაკსა მას ღ ჰრქუა: რაჲ ყავ ესე, რასა იტყვან ჰრიათანი ესე? ხ პასენაკმან ჰრქუაჲ პილატეს: ო, ოდეს იგი მიმავლინე მე იპრუსალიმს, უბანთა წა ვიხილე ეგე მჯდომარე ვირსა წა, ღყრმანი ებრაელთანი ღაღადებდეს ღ რტოები ზეთის ხილთა აქუნდა კელთა მათთა.

ღ რლი დაუფენდეს სამოსელსა მათსა ღ იტყოდეს—გუაცხოვნენ ჩნ რლი კარ მაღალთა შინა, კურთხეულ არს მომავალი სახელითა უფლისაჲთა. ღაღადჰყუეს ჰრიათა მათ ღ იტყოდეს: ებრაელნი ებრაელ ებრკობდეს ღ შენ ვითა სცნობდი ამას, რ არა იცი შენ ებრაელებრ. ჰრქუა მათ პასენაკმან: მუნ ვკთხე ვისმე მათგანსა ღ ვარქუ: რაჲ არს, რასა კმობენ ყრმანი ესე ებრაელნი? ღ მან მითხრა: ოსანნაჲ! ესე სიტყვაჲ—ესრე არს: გუაცხოვნენ ჩნ. ჰრქუა მას პილატე: ებრაელემრ ვრ კმობდესა? ჰრქუეს მას ჰრიათა მათ:— ოსანნაჲ. ჰრქუა მათ პილატე: ოსანა ვრ გამოითარგმანების. ჰრქუეს ჰრიათა მათ: გუაცხოვნენ ჩნ. ჰრქუა მათ პილატე: უკეთუ თქუპნ ეწამებით კმასა მას, რასა იგი ყრმები იტყოდეს, პასენაკმან მან რაჲ ცოდაჲ? ხ იგინი ღუმნეს. ჰრქუა პილატე პასენაკსა მას: წარვედ ღ რაჲთაცა სახითა გენებოს, შემოიყვანე ივ. ხ პასენაკი იგი ვრ გამოდა, ყო პირველსაებრვე სახისა ღ ჰქა ივს. ო ო, შემოვედ, რამეთუ გხადის მსაჯულ. ღ ვრ შემოვიდა ივ, მუნ ეპყრნეს დრაუჯნი იგი პილატესნი ღ მოდრკეს ძელნი იგი დრაუჯთანი. ღ თაყუანისცეს ივს. ღ ეტყოდეს ჰრიათანი მათდა მიმართ, რლითა ეპყრნეს დრაუჯნი იგი: რასათვს მოსდრიკენით ძელნი იგი დრაუჯთანი. ხ პილატე ჰქა მათ: არა გიკვრსა, ვრ იგი მოდრკეს ძელნი იგი დრაუჯთანი, თაყუანისცეს ივს. ღ თუ კმობთ მათდა მიმართ, რთა უპყრიან დრაუჯნი იგი, იტყვთ ვითარმედ მოდრკეს დრაუჯნი იგი ღ თაყუანისცეს ივს. ეტყოდეს ჰრიათანი იგი პილატეს ღ ჰქს: ჩნ უწყით ვდ მოდრიკნეს, რთა ეპყრნეს დრაუჯნი *) იგი. ჰქაჲ მათ: რასა ჰყავთ ესრეთ“. ხ მათ ჰქს პილატეს ჩნ კაცნი წარმართნი ვართ ღ მსახურნი ტაძრისანი ღ ვითარმცა თაყუანის ვეცით მას. ხ ჩნ ვითარ გუტპყრნეს ძელნი იგი დრაუჯთანი, თავთ თვისით მოდრკეს ღ თაყუ-

*) Слово это встрѣчается и въ другой транскрипціи: дრაуѣни.

ნისცეს მასა“. ჰქა პილატე მთავართა კრებულისათა ღ მობუცებულთა ერისათაჲ. გამორჩიენით თქუპნგანნი კაცნი მხნენი ღ ძლიერნი ძალითა ღ იპყრენით დრაუჯნი იგი. უკეთუ მოდრკენ თავით თვისით ღ თაყუანისსცენ ივს. ხოლო მობუცებულთა მათ ჰრიათა გამორჩენეს კაცნი მხნენი ღ ძლიერნი ძალითა ექუს ექუსთა პყრობად სცეს დრაუჯნი იგი, ღ დადგეს წე საყდართა მსაჯულსათაჲ. ჰქაჲ პილატე პასენაკსა მას: „განიყვანე ივ ტაძრით ღ შემოიყვანე ვითარ სახედცაგნებაგს. ღ გამოვდა ივ ტაძრით ღ პასენაკი იგი მისთანა. ღ მოუწოდა პილატე, რთა ეპყრნეს დრაუჯნი იგი. დაბუნნი იგი დრაუჯთანი. ჰდ ჰქაჲ მთ.: გეფუცები ცხოვრებასა კეისრისასა; უკეთუ არა მოდრკენ აწ დრაუჯნი ესე შემოსლვასა ივსსა, თავნი თქნნი აღვხუნე თქნგნით“. ღ ბრძანა შემოიყვანება ივსა. ღ პასენაკმან მან ყო პირველვე იგი სახე. ღ ფდ ვევედრებოდა ივს, რამცა შეუდგა ოლარსა მს ზა. ღ შეუდგა ივ ღ შევიდა ტაძრად. ხოლო შესლვასა მას მისსა კდ მოდრკეს დრაუჯნი იგი ღ თაყუანის სცეს ივს. ხოლო პილატე ვა იხილა, შეეშინა ფდ ღ უნდა აღდგომა საყდრით ღ ვრ განოდენი ზრა ხვდა, ცოლმან მისმან მოავლინა მისსა ღ ჰქაჲ: რაჲ ძეს შენი ღ კაცისა მაგის მართლისა, რ ფდ მევენო მე მაგისთვის ამას ღამესაჲ. ხოლო პილატე მოუწოდა ჰრიათა მათ ღ ლევიტელთა ღ ჰქა მათ: თქნ თვთ უწყით, რ ცოლი ჩემი ღვთის მსახურ არს ფდ, ღ უფროსლა ჰრიაობს *) თქნთანა. ჰრქს მას: უწყით, რ ეგრეთ არს. ჰრქაჲ მათ პილატე: ესერა მომივლინა ღ მრქვაჲ მე ცოლმან ჩემმან, ვდ რაჲ ძეს ში ღ მართლისა მაგისი, რ ფდ მევენო მე მაგისთვის მას ღამესაჲ.

მიუგეს ჰრიათაჲ მათ ღ ჰრქუსს პილატეს: არა გარქუთაჲ, ვდ მაცთური არს ეგე, ესერა სიზმარიცა მაჩუპნებელი მიავლინა ცოლისა შენისა. ხოლო პილატე მოუწოდა ივს ღ ჰქაჲ: რასა ესენი შეგწამებენ შენ, შენ რასა იტყვ? ხ ივ ჰრქაჲ მათ: უკეთუმცა არა აქნდა კელმწიფებაჲ, არამცა იტყოდეს. ხოლო აწ კაცად კაცადსა აქუს კელმწიფება პირსა თვისსა სიტყვაჲდ კეთილისა ღ ბოროტისა, მაგათ იციან, რასა იტყვან.

მიუგეს მდღელთმოდვართა მათ ღ ჰრიათა ღ ჰქს მას: ჩნ რაჲ ვიხილოთ? ჰდ სიძვით შობილხარ; მეორედ შობასა შენსა ბეთლემს ყრმათა სრაცა იქმნა; მესამედ რ მამა შენი იოსებ ღ დედა შენი მრმ ეგვპტედ ივლტდეს ამისთვის, რ არა აქუნდაჲ განცხადებულება ერსა შორის.

იტყოდეს რნიმე მუნ მდგომარეთა მათგანნი კაცნი ღისმოყვარენი: ჩნ არა ვიტყვთ მაგას ბოროტის მყოფელად, ად არი კეთილისმოქმედად. მიუგო პილატე ჰრიათა მათ ღ ჰრქაჲ, რნი იტყოდეს ვდ ბოროტის მოქმედ არს: ესე სიტყუაჲ თქვენნი არს ჰუმბარიტ, უკეთუ სათხოველ იქმნა, ვრ ესე იტყვან თქნგანივე? ჰქს ანნა ღ კაიაფაჲ ესე ყი სიმრავლე ერისა ვკობთ ღ შენ არა გრწამს, ვდ არა კეთილ არს ესე, ხოლო ესე მწირნი არიან ღ მოწაფენი მაგისნი. მიუგო პილატე ანნას ღ კაიაფას: რაჲ არს მწირობა იგი? ჰქს მას: წარმართთა შვლნი იყვნეს ღ აწლა იქმნეს ჰრია. მიუგეს ღ ჰქს, რნი იგი იტყოდეს, ვდ არა ბოროტის მოქმედი არს—ლაზარ ღ ასტერი, დანატონ, იაკობ,

*) ἰσθαλιζει.

მანასე, ზერას, სამოელ, ისაკ, ფინეზ, კრისპა, აგრიპა, იუდა: ჩნ არა მწირთაგანნი ვართ, ან ჰრწიანი ღ სამართალსა ვიტყვთ: ესე არს ჭტდ ცხოვრება ყოვლისა სოფლისაჲ.

ჰქაჲ პილატე ათორმეტთა მათ კაცთაჲ, რწნი იტყოდეს, ვნდ ესე არს ცხოვრება სოფლისაჲ: გაფუცებ თქვენ ცხოვრებასა კეისრისასა, უკეთუ ჭტდ არს რწი იგი სთქუთ, კეთილ არს ყწთურთ. ჰქს მათ პილატეს: ჩნ სჯული გუაქს, ნუ ვინ ფუცავნ ცუდად, რ ცოდვაჲ არს დიდი. მაგათ ფუცონ ცხოვრებასა კეისრისასა, ვნდ არა ეგრეთ არს. რწსა ესე ჩნ ვიტყვთ, ღ თანამდებ ვართ სიკუდილსაჲ. ჰქა პილატე ანნას ღ კაიაფას: არას მიუგებთაჲ ამისთვის? ჰქა ანა ღ კაიაფაჲ პილატეს „თორმეტთა საჩინოჲ ღ სარწმუნო გიჩნს, რ იტყვან ვნდ არა ბოროტისმოქმედი არს ღ ჩნ ყწი ესე კრებულ ვლალადებთა, ვნდ წინააღმდეგომი არს მეუფე ეგე კეისრისა ღ იტყვს თავსა თვსსა ძედ ღმდ ღ მფდ ღ არა გრწამს ჩწნი. უბრძანა პილატე გამოსლვაჲ მათი თვნიერ ათორმეტთა მათ კაცთა, რთწ იგი თქს ვნდ ჭტმაჲ არს ყთწა ღ ივწიცა უბრძანა განწორება მათგან ღ ჰქა ათორმეტთა მათ პილატე: რწსა საქმისა თვს უნებს მოკლვა ივწი?— „შური აქს, რ შაბაჲთსა ჰკურნებს. ჰქა პილატე: კეთილისა საქმისათვს ჰნებაჲს მოკლვა მისი? ჰქს მას: ცე.

აღივსო გულის წყრომითა პილატე ღ გამოვდა ტაძრით: მოწამე არს ჩემდა მზე, რ არცა ერთსა რას ბრალსა ვპოვებ მე კაცისა ამისთანა. მიუგეს ჰრწათა მათ ღ ჰქს პილატეს: უკეთუმცა არა ბოროტისმოქმედი იყო, არამცა მიგეცით იგი კელთა შენთა. ჰქა მათ პილატე: მიიყვანეთ ეგე თქწ ღ სჯულითა თქწითა განიკითხეთ ეგე. ჰქს ჰრწათა მათ: ჩწნი არა არს მოკლვა არავისი. ჰქა პილატე ჰრწათა მათ: თქწ გაქუთ არავისი მოკლვა. ანდ შევიდა პილატე ტაძრად. ღ მოხადა ივწს ღ ჰქა მწს: შენ კარაჲ მფე ჰრწათა? მიუგო ივწ ჰქა პილატეს: შენ თავით თვსით იტყვ მაგას, ანუ სხუაჲთა გითხრეს ჩემთვის? მიუგო პილატე ღ ჰქაჲ: ნუ უკვემეცა ურია ვარია? ანდ ნათესავთა შენთა ღ მლდელთ მოძღვართა მომცეს ეგე შენ, რაჲ გიქმნიეს? მიუგო იესო ღ ჰქაჲ მას: მეუფებაჲ ესე ჩემი არა ამის სოფლისაგანი იყო. უკეთუ ამის სოფლისაგანი იყო, უკეთუ ამის სოფლისაგანი იყო, მსახურნიცა ჩემნი იღუწიდეს ჩემთვის, რათამცა არა მივეცი კელთაჲ ჰრწათასა. აწ მფბა ჩწი არა არს ამიერ სოფლით. ჰქაჲ პილატე ივწს: უკეთუ მფს კარ შენ? ჰქაჲ მას ივწ: შენ იტყვ, ვნდ მფს ვარმე, მე ამისთვის შობილ ვარ ამისთვის მოვედ სოფლად, რ ყწი რომელ იყო ჰებმარიტებისაგან, ისმინოს კმისა ჩემისა. ჰრქვა მას პილატე: ღ ჰქაჲნასა წა არსა ჰეშმარიტებაჲ? ჰქაჲ ივწ პილატეს: ჰხედავაჲ, რწლნი ჰეშმარიტებასა იტყვან, ვწრ განიკითხვან, რწლთა აქს კელმწიფება ჰქაჲნასა წა. ღ დაუტევა ივწ ტაძარსა შა ღ პილატე გამოვდა გარე ღ ჰქაჲ ჰრწათა მთ: მე არცა ერთსა ბრალსა ვპოვებ ამისთანა. ჰქს ჰრწათა მათ: მაგან თქუა შემძლებელ ვარ მე ტაძრისა ამის დარღუტვად ღ მესამესა დღესა აღშენებად. ჰქა მთ პილატე: რწი ტაძარი? ჰქს ჰრწათა მთ: რწი სოლომონ აღაშენაჲ ორმეოც ღ ექუსსა წელსა, იგი იტყოდა დარღუტვად ღ აღშენებად მესამესა დღესა. მერმე კნდ ჰქა ჰრწათა პილატე: უბრალო ვარ მე სისხლისა ამისგან უბრალოსა, თქწ უწყით. ჰქს ჰრწათა მათ სისხლი მაგისი ჩწნ წა ღ შვლთა ჩწთა წა.

მოუწოდა პილატე მღდელთა და ლევიტელთა და მოხუცებულთა ერისათა და ჰქადა მთ: თვსაგან, ნუ ეგრე იქმთ, რა არა რაა არს შესმენა იგი მისი თანამდებ სიკუდილისა და, რა შესმენა თქნი მისა მიმართ არს განკურნებისათვს და შეგინებისათვს შაბათისა. ჰქს პილატეს მოხუცებულთა მათ, მღდელთა და ლევიტელთა: უკეთუ ვინმე კეისარი აგინოს თანამდებ არს სიკუდილირა.

ბრძანა პილატე ჰრიათა მათ გამოსლვა მათი ტაძრით და არა აგინა, თანამდებარსა სიკუდილისა და?

ჰქს ჰრიათა პილატეს: რა კეისარსა ვიტყვთ გმობად, თანამდებარს სიკუდილისა და. მაშინ მოუწოდა პილატე ივს და ჰქა: რაა გიყო შენ? ჰრქა მას ივ: ესრეთ მოცემულ არს შენდა და ჰქა პილატე ივს: ვრ მოცემულ არსა? ჰრქა ივ მოსე და ყნი წინასწარმეტყველნი წინათვე ქადაგებდეს სიკუდილისა ჩემისათვს და აღგომისდა ჩემისათვს.

ესმა ესე ჰრიათა მთ, ჰქს პილატეს ამის გმობისა უფროსი რა გნებავს სმენად? ჰქა მათ პილატე უკეთუ სიტყუ ესე გმობისა არს, მიიყვანეთ ვეე თქვენ და სჯლისა თქვენისაებრ განიკითხეთ ვეე. ჰქს მათ პილატეს: სჯულსა რნსა წერილ არს, კაცმან კაცსა თუ შესცოდოს წერილ არს, რა სცენ მას ოც და ცხრამეტი შალტითა; ხ რლნ და გმოს ქვთაა განიტვნოს. ჰქა მათ პილატე: მიიყვანეთ ვეე თქვე და ვრ სახედ გნებავს, ეგრეცა ყავთ. ჰქს ჰრიათა მათ პილატეს რა გუენებავს, რათ აჯვარს ეცვას. ჰქა მათ პილატე: არა წერილ არს ჯრცმა მისი. მიმოიხილა პილატე ერსა მას შორის ჰრიათასა, რა და მუნ და ხედვიდა, რა მრავალნიცა მათგანნი ცრემლედეს ივსთვს და თქა პილატე: არა ყთა უნებს სიკუდილი მისი. ჰქს მღდელთ მოძღვართა მათ პილატეს ამისთვს მოძითა ყი ესე ერისა სიმრავლე, რა მოკუდეს ვეე. ჰქა მათ პილატე: რასათვს მოკუდეს? ჰქს ჰრიათა მათ: რა თქა, ვდა და და ვარიმე და მფუ.

წარმოდგა კაცი ვინმე სახელით ნიკოდიმოს წე პილატესსა და თქვა: ვევედრები შენსა კელმწიფებასა, მიბრძანე მე თქმა სიტყუათა მცირეთა: ჰქა პილატე იტყოდე. და თქა ნიკოდემოს. მე ვარქუ მოხუცებულთა მღდელთა და ლევიტელთა და ყა ამას სიმრავლეს ჰრიათასა და შესაკრებელსა შინა მათსა-რადსა ეძიებ კაცისა მისთანა? კაცმან ამან მრავალნი სასწაულნი ქმნა მიუწოდომელნი და საშინელნი, რომელ არა სადა ვინ ქმნა სხუადმან, და არცა ვინ ქმნეს. დაუტევეთ ვეე და ნუ ზრახავთ მაგისთვს ბოროტსა უკეთუ და თვ არიან სასწაულნი ვეე მისნი, რომელთა იქმს დამტკიცოს, და უკეთუ საცთურ არიან—დახსნდენ. რამოსე მიივლინა და დაგან ეგვპტელ წე მეფისა მის მეგვპტელთასა და იყენეს მუნ კაცი, რომელნი ჰმსახურებდეს ფარაოს იანე და იამბრე, მათცა ქმნეს სასწაულნი, რაცა ქმნა მოსე არა მცირედნი და ვგრეთ ხედვიდესა მეგვპტელნი იგი იანეს და იამბრეს ვა ღთთა და. ხ სასწაულნი იგი, რლ ქმნეს, არა ღვთივ იყენეს და წარწყმდეს იგინი და მორწმუნენიცა მათნი აწ დაუტევეთ კაცი იგი, რა არა ბრალეულ არს სიკუდილად. ჰქს ჰრიათა ნიკოდემოსს: შენ მოწაფე იყავ მისი და სიტყუადასა ამას მისთვს იტყი. მიუგო ნიკოდემოს და ჰქა: ნუ უკუე მსაჯულიცა მოწაფე იყო ამისა და მის წილ სიტყუადასა იტყვს? არა კეისარმან დადგინა ამას პატრისაზა? ხ ჰრიათა მათა გულწყრებიცა ნიკოდემოსისთვს და კბილთა მათთა იღრპენდე მს ზა. ჰქს არიათა

მათ ნიკოდემოსს: ჰტაბა მისი მიიღე შენ ღ ნაწილიცა მისი მიგიღებეს მისთანა. ჰქე ნიკოდემოს. ან ან იყავნ, მოვილოვო თქუთ. ედ სხუაჲ წარმოდგა ღ ეკელრებოდა მსაჯულსა რა მანცა თქს სიტყუაჲ; ხ მსაჯულმან თქა: რაცა გნებავს იტყოდე. ღ თქა კაცმან: მე ოცღ ათორმეტი წელი დამეყო ცხედარსა ზა ღ დიდსა საღმობასა შინა ვიყავ, ღ მოვიდა ივ ღ მრავალნი ეშმაკეულნი ღ მრავალთა სახლთა სნეულნი მდებარენი განიკურნნეს მისგან. ღ მეცა რომელთამე ჰაბუკთა შემიწყალეს ღ აღმიღეს ცხედრით ღ მიმიღეს მისსაჲ. ღ ეა მიხილ მე თვ, შემიწყალა მენც სიტყვთ, მრქუა—აღდემ, აღიღე ცხედარა შენი ღ ვიდოდე—ღ მუნ თქუცხუტ განვიკურნე. ღ აღვიღე ცხედარი ჩი ღ ვილოდე. ჰქუსს ჰრიათა მათ პილატეს ჰკითხელა მაგას, რაჲ დღე იყო, ოდეს განიკურნა? ჰქუაჲ პილატე კაცსა მას: რლსა დღესა განიკურნე? ჰქე განკურნებულმან მან—შაბათსა. ჰქს ჰრიათაჲ პილატეს — არა გითხართა შენ, ედ შაბათსა განკურნებსა ღ ეშმაკთა განასხამს? ღ სხუაჲ ჰრიაჲ წარმოდგა ღ თქა: მე ბრმა ვიყავ ღ კმაჲ მესმოდა ღ პირსა არა ვხედევდი. ღ ვრ წარმოვიდოდა ივ, ლალადგყავ კმითა დიდით ღ ვარქუ: შემიწყალე, მე ძევო დავითისო! შემიწყალამე ღ დამსხნა კელნი მისნი თუალთა ჩემსა ღ მუნთქა სსე, აღვხილენ. ღ ედ სხუაჲ წარმოდგა ღ თქუაჲ: მე მკელბელი ვიყავ. სიყრმით ჩემითგან ღ განმკურნა მე სიტყვთ. ღ დედა კაცი ვინმე შორით ლალადებდა ღ იტყოდა: წილოვარ ვიყავ ათორმეტ წელ ღ შევეხე ფესუსა სამოსლისა მისისასა ღ დადგომლინარე იგი სისხლისა—ათორმეტისა წლისა. ჰქს ჰურიათა მათ ჩნ სჯული მაქუს დედაკაცი წამებად ნუწარმოდგებინ.

ღ სხუაჲნი მამანი ღ დედანი ლალადებდეს ღ იტყოდეს: ესე კაცი წინასწარმეტყუპლი არს, ეშმაკნი დამორჩილებულ არიან. ჰქა მათ პილატე: რასათვს ნოდღუარნი თქნნი არა დაემორჩილნეს მას? ჰქს მას: ჩნ არა უწყით ღ სხუაჲნი იტყოდეს ლაზარე ოთხისა დღისა მკუდარი აღადგინა. შეეშინა მსაჯულსა მას ფედ ღ ჰქა ყა მას სიმრავლესა ჰრიათასა: რასათვს გნებავს დათხევა სისხლისა უბრალოსა? ღ მოუწოდა პილატე ნიკოდემოსს ღ ათორმეტთა მათ, რთა თქს, ედ არა ბოროტის მყოფელი არს ქე, ჰქა მათ: რაჲ უყო, რ შფოთი დიდი იქმნების ერსა შორის? — ღ ჩნ არა უწყით, მათ იხილონ რასა იქმან. ჰქა პილატე სიმრავლესა ჰრიათასა უწყი, რ ჩუტულება არს დღესასწაულსა ზატეკობისა ერთი პყრობილთაგანი განტევებად; მაქს ერთი დასჯილი საპყრობილესა შა კაცის მკულელი, რლსა ჰრქვან ბარაბა ღ მდგომარე შს თქნსა ივ, რლსა თანაბრალი არა არს. აწ ვისი გნებავს მიგმადლო ღ განუტევეო?—ხოლო მათ ჰქს მას: ბარაბა. ჰქა მათ პილატე—რაჲ უყო ივს, რლსა ჰქნ ქე?—ჯუარსაცუ. ღ რომელნიმე ჰრიათაგანნი იტყოდეს, უკეთუ ეგე განუტევეო, არა კარ მოყვარე კეისრისაჲ, რ თქვა თავისა ძე დე ვარი მეგო ღ მეუფს, ამისთვის ვიდრემე გუნებავს მეუფებაჲ ღ არა კეისრისათვს, განრისხნა პილატე ღ ჰქა მათ ნათესავი თქენი მარადის მაშფოთებელი არს ღ შემწეთა თქნთა წინააღუდგებით. ჰქს პილატეს, რთა შემწეთა იტყვ? ჰქა მათ პილატე: ლნ თქუცხუტ მონებისაგან ფიცხელისა გამოგვიყვანნა თქნ ეგვპტით ღ შს ზდჲსა გიძლოდაჲ თქნ, ეა ხმელსა ღ უდაბნოთა ზა გამოგზარდნა თქნ, მანანაჲ ღ მწყერ მარხილი მოგცა თქნ საკმლად ღ კლდისაგან წყალი გამოვიდინა თქნ სასუმლად, ღ სჯული მოგცა თქნ ღ ამას ყა ზა განარასხეთ ლთი

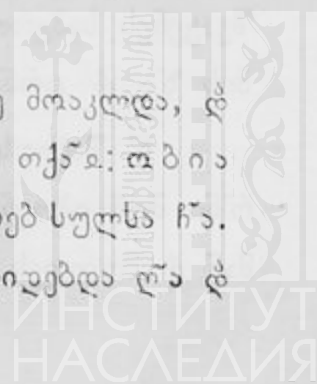
იგი თქნი ღ ჭმენით ხბო შებერული, ღ განარისხეთ ღნი თქნი. ღ ვევედრა მოსე თქუბნთვს ღ არა მოგსრნა ღ აწ ძვრსა იტყვთ ჩემთვს, ედ მეფე მძულს მე. ღ ღაღაღებდეს ჰრიანი იგი ღ იტყოდეს: ჩნ მეფედ არა ვინ ვიცით გარნა კეისარი ღ ივს მოგუთაცაჲ ძლუბნი მოართუს აღმოსავალთათ, ენა მეფესა. ღ ესმა ჰეროდეს მოგუთა მათგან, ედ მეფე იშვაჲ ღ უნდა მოკლვა მისი. ცნა იოსებ მამამან მისმან ღ წარიყვანა იგი ღ დედა მისი ღ იელტოდა ეგვიპტედ. ესმა ჰროდეს ღ მოსრა ყრმები ებრაელთა, რნი შობილ იყენეს ბეთლემს. ღ მოითხოვა წყალი ღ დაიბანა კენი წე ივსა ღ ყნსა ერისა ღ ჰქაჲ მათ: უბრალომცა ვარ მე სისხლსა ამის მართლისა, თქუბნ უწყით. ედ ღაღაღებდეს ჰრიანი იგი ღ ეტყოდეს პილატეს: სისხლი მაგისი ჩნ ზნა ღ შვილთა ჩნთა ზნა იყავნ. მაშინ ბრძანა პილატე ეხოლა მის წარმოტევებაჲ, რნი გენებაჲ წე საყდართა ღ მისთა ღ დაჯდა.

განჩინება პილატესი სიკუდილისათვს ივსაჲ.

ნათესავათ შენთა თქს შენი მეუფებაჲ. ამისთვისცა განჩინა შენი სიკუდილი; ღ მაშინდა ცემა შოლტითა მისი სჯულსათვს უძლეველთა მეფეთასა. მაშინ ბრძანა დამოკიდება მისი ჯნა მტილსა მისთა ღ ორთა მათ ავაზაკთა თნა. ღ ოდეს გამოვლდა იგი ადგილსა მას, განძარცუს მას სამოსელი თვისი, შემოსეს მას ძოწეული ღ გვრგვნი ეკლისა დაადგეს თავსა მისსა ღ ორნი ავაზაკნი დამოკიდნეს—ერთი მარჯუბნით მისსა ღ ერთი მარცხენით.

ხ ივს იტყოდა—მამო მიუტევე ამათ, რ არა იციან, რასა იქმნ ღ განიყოფდეს სამოსელსა მისსა ერის ვაცნი იგი. ხ ერი დგა ღ ხედვაოაჲ. ღ თლ უყოფდეს მღღელთ მოძღვარნი ღ მთავარნი მათნი ღ იტყოდეს — სხუაჲნი აცხოვნნა, ეცხოვნინე თავიცა თვისი, უკეთუ ძე ღჲ არს ღ რჩეული მისი. ეკიცხევდეს მას ერის კაცნი იგი ღ გარემოვლოდეს მისსა ღ ძმარი მიუპყრეს ღ ეტყოდეს, უკეთუ შეხ ხარ მეუფს ჰრიათა, აცხოვნენ თავითვისი. ოვბრძანა სიკუდილსა განჩინებისა შდ პილატე ფიცარსა რვალისასა დაწერად ბრალი მისი წიგნითა ბერძულითა ღ ებრაელებრივითა ენა თქს ჰრიათა მათ, ედ მფე არს ჰრიათაჲ. ერთმან ავაზაკმან, რნი დამოკიდებულ იყო მისთანა, რლსა სახელი ერქვაჲ გესპას, ჰრქუაჲ მას: უკეთუ შენ ვარ ქე, აცხოვნენ თავი შენი ღ ჩნცა. მიუგო მოყუაჲსმან მისმან, რომელსა სახელი ერქუაჲ დომაქსი, შერისხნა ღ ჰქა მას: არა გეშინის შენ ღჲ: არ მასვე სასჯელსა შინა ვარ. ღ ჩნ სამართლად მოგუტგების, რაცა ვქმენით ღ სამართლად გუტვენების, ხ ამან რაჲ ჰქმნა უჯერო? ღ იტყოდა რნი იგი შერისხნა მოყვასსა თვისსა: მომიხსენე ო, ოდეს მოხვდე სუფევეითა შენითა. ჰქა მას: ივს მართლიად გეტყვ, დდეს ჩემთანა იყო სამოთხესა.

ხ ეამი იყო მეექუსე ღ დაბნელდა ენე მეცხრედ ეამადმდე ღ მზე მოაკლდა, ღ განიპო კრეტსაბმელ ტაძრისა მის შუაჲ ღ კმა ყო ივს კმითაჲ დიდითა ღ თქაჲ: ო ბიად აქემი ფიროლო, რო გამოითარგმანების: მამო კელთა შენთა შევედრებ სულსა ჩნ. ღ ესე ენა თქა, აღმოუტევა სული ჰესე. ენა იხილა ასისტავმან მან, აღიღებდა ღნა ღ

იტყოდა: ჰქონდა კაცი ესე მართალი იყო. ღ ჟელნი, რლნი მოსრულიყვნეს ხედვად მისსა, იცემდეს მკერდსა მისსა ღ გარემიიქცევოდეს. ხ ასის თავმან მან ვა იხილაჲ, მივდა ღ უთხრა მსაჯულსა, რაჲ იგი იქმნა. ღ ვა ესმა მსაჯულსა მას ღ ცოლსა მისსა შეწუხნეს ფდ ღ არა ჰამეს ღ არცა სუჲს მას დღესა შა. მოუწოდა პილატე ჰრიათა მათ ღ ჰქა: იხილეთ რა ესე იქმნაჲ? მოკლება მზისა იქმნაჲ, ვა ჩუბულება არს. ღ მუნ დგეს ყლნი მეცნიერნი მისნი ღ დედანიცა, რნი აღმოსრულ იყვნეს გალილიათ მისთანა ღ ხედვიდეს მას. ღ მოვდა კაცი ერთი, რლსა სახელი ერქვა იოსებ სახიერი ღ მართალი, ესე არა მისთანა იყო ზრახვასა მას ღ საქმესა მათსაჲ, რ იყო იგი არა მათიელი ქალაქისაგან ჰრიათასა, რ იგიცა მოელოდა სასუფეველსა ღჲს, ესე მოვდა ღ ევედრება და პილატეს ღ მოსთხოვნა კორცნი ივსნი ღ გარდამოიხუნა ღ წარგრაგნა ღ დასხნა იგინი საფლავსა მას გამოკუპთილსა, რლსა არა სადა ვინ დადებულ იყო, ვა ესმა ესე ჰრიათა, ვდ კორცნი იესოსნი გარდამოიხუნა იოსებ, ეძიებდეს მას ჰრიათა იგი, ღ ათორმეტთა მათ ღ ნიკოდემოსს ღ სხუათაჲ მრავალთა, რლნი წარმოდგეს პილატეს წე ღ წამეს სასწაულნი იგი ივსნი ღ გამოცხადნეს, ვრ ყნი დაემალნეს. ნიკოდემოს ხ ეჩუპნა მათ ღ კაცი იგი იყო მთავარი ჰრიათა შს ღ ჰქა მათ ნიკოდემოს: ვრ მოხუპდით შესაკრებელსა? ჰქს მას ჰრიათა მათ: შენ ვრ მოხუპდ შესაკრებელსა, რ ივს თვალ იყავ ღ ნაწილიცა მისთანა გაქუს მერმესა მას საუკუნესა. ჰქა მათ ნიკოდემოს: ან ან ან.

ეგრეთვე იოსებ წარმოდგა ღ ჰქა მათ: რასათჲს შესწუხენით ჩემზა ამისთჲს, რმე მოვითხოვნე კორცნი ივსნი ღ ახალსა საფლავსა დავეხენ ღ არმენავსა წა წარგრაგნე იგი ღ მივაგორე ლოდი კარსა საფლავისასა. ხ თქნ არა კეთილი საქჲე ჰქმენით მართლისა მისთანა ღ არა შეიშინეთ, ად ჯუარს აცვთ იგი ღ ლახურითა გუპრდსა გურეჲად ეციოთ. ხ ჰრიათ მათ შეიპყრეს იოსებ ღ ბრძანეს მისი დაკრძალვა, ვე ერთ შაბათამდე ღ ჰქს მას ესემცა უწყით, რ ყამი არა არს შენ ზა განკითხვსა, რ შაბათი განთენდების.

უწყოდე, რ არა დაფლვად ღირს კარ შენ, ად მივსცნე კორცნი შენნი საქმლად მფრინველთა ცისათა ღ მხეტთა ქეჲნისათა. მიუგო იოსებ ღ ჰქა მათ ესე: სიტყუა ამპარტავანისა გოლიათისა არს, ვრ იგი აყუპდრებდა ღ ცხოველსა ღ წა დავითს, რ თქვა ღნ, ვდ წინასწარმეტყუპლისაგან ჩემისა არს შურისგებაჲ ღ მივაგო, იტყვს ონი; ხ აწ წინადაუტუპთელმან გულითა მოითხოვა წყალი ღ დაიბანო წე თქნსა კელნი ღ თქაჲ: უბრალომცა ვარმე სისხლისაგან ამის მართლისაჲ, თქნ უწყით ღ თქნ მიუგეთ ღ არქუთ სისხლი მაგისი ჩნ ზა ღ შვლთი ჩნთა ზედა იყავნ. ღ აწ მებინის მე ნუ უკუპ მოიწიოს რისხვაჲ ღჲ თქნ ზა, ვა იგი თქნ სთქუთ. ღ ვა ესმნეს სიტყუაჲნი ესე ჰრიათა მათ განმწარდეს სულითა მას ზედა ღ შეიპყრეს იგი ღ შეაყენეს საპყრობილესა ბნელსა, რლსა სარკმელი არა იყო ღ მტუპლნი დაადგინნეს მის ზა ღ კარნი დაბეჭდნეს, სადა იგი შეაყენეს იოსებ.

ხ შაბათსა განაჩანეს მთავართა მათ კრებულსათა ღ მღდელთა ღ ლევტელთა, რნი მუნ იპოვნეს შესაკრებელსა მას ერთშაბათისასა ღ აღიმსთო ყოველმან სიმრავლემან ღ მოვიდეს შესაკრებელად ღ ზრახვა ყუჲს, რომლითა სიკუდილითა მოკლან იოსებ.

ღ ვრ დასხდა კრებული, ბრძანეს მოყვანება მისი გინებითა დიდითა ღ ვრ განაღეს
 კარი, შარა ვინპოვეს ღ განკრთეს ღ დაუკვრდა ყა მას სიმრავლესა, რ ბეჭედი ეგო ეგო
 ცცხლი ღ კლიტენი მის კარისანი აქუნდეს კაიაფას ღ მიერთგან არღარა იკადრეს
 კელის მიყოფად სხუაფთა მათ მრთ, რნი იტყოდეს წე პილატესსა ივსთს. ღ ვიღრე
 იგინი სხდესღა შესაკრებელსა შა ღ დაუკვრდებოღა იოსებისტვს, — მოვიდეს დასისაგანნი
 იგიცა, რნი გამოეთხოვნეს ჰრიათა პილიტესგან დაცვად საფლავისა მის, საღა ისხნეს
 კორცნი იესოსნი, რა არა მოვდენ მოწაფენი მისნი ღ წარიპარონ იგი, ღ უთხრობდეს
 ღ ეტყოდეს მთავართა მათ კრებულისათა, მღღლთმოდღართა ღ ლევტელთა, რაღ იგი
 იქმნა, ვღ ძრვა იყო დიდი დაცვასა მას ჩნსა, რ ანგელოზი ოღ გარღამოკღა ღ გარ-
 დააგორღა ლოღი იგი კარისა მისგან საფლავსა ღ დაჯღა მასზა, იყო ხიღვა ვა ეღვაღ ღ სამო-
 სელი მისი სპეტაკ ვა თოვლი ღ შიშისა მისგან ჩნ ვიქმნენით ვა მკუღარნი ღ გუღსმოღა
 ჩნღ ანგეღზისა მის, ვრ ეტყოღა დეღათა მათ, რნი სხდეს საფლავსა მასთანა
 ივსა ღ ჰქაღ დეღათა მათ: «ნუ გეშინინ თქნ, უწყი, რ ივს ეძიებთ ჯრცმულსა, არა
 არს აქა, აღღგაღ ვს თქვაღ ღ აჰა ეგერა წინა გიღღვას თქნ გაღიღიას. ჰქს კრიღთა
 მათ, რღეთა დეღათა ეტყოღა» ნ მათ ჰქს ჩნ: «არა უნყით ვინა იყვნეს. ჰქს ჰრიათა
 რნი ეი იყო? ჰქს დასისაგანთა მათ: შუაღამე იყო. ჰქს ჰრიათაღ: რად არა
 შეიპყრენით დეღანი იგი? ჰქს დასისაგანთა მათ: ჩნ ვა მკუღარნი ვიქმნენით შიშისაგან
 ღ არა ვგონებღით ხიღვად ყღვე ნათელსა მზისასა. ღ ვრმცა შევაპყრენით დეღანი
 იგი? ღ ჰქს ჰრიათა მათ: ცხოვეღ არს ონი, რ არა გურწამს თქნი. ჰქს დასისა-
 განთა მათ: თქნ ესოღენნი სასწაულნი იხიღენით კაცისა მისთა მიუწღღომელნი ღ
 არა გრწმენა მისი, ჩნიმცა ვრ გრწმენეს, რამეთუ კეთიღად ვფიცავთ, რ ცხოვეღ არს
 ონი! ღ ესეცა გუღსმაღ, ვღ იოსებ, რნი მოითხოვნნა კორცნი ოღ შეაყენეთ საპყრობიღესა
 ღ დაჰბეჭდეთ კარსა საპყრობიღისასა ღ განრადღეთ — არა პოვეთ იგი. აწ თქნ იოსებ
 მოგუღსცით ღ ჩნ ივს მოგცემთ. ჰქს ჰრიათა მათ: იოსებ თვსად ქაღაქად წარვი-
 ღაღ. ჰქს დასისაგანთა მათ: იესოსიცა, ვა გუღსმა ანგელოზისაგან, რნი გარღააგორღა
 ლოღი კარისა მისგან საფლავსა, ესე ჰქაღ დეღათა მათ: აჰა ესერა წინა გიღღვას თქნ
 გაღიღიას მუნ იხიღოთ იგი. ნ ვა ესმა სიტყუაღ ესმე ჰრიათა მათ ფღ ღ იტყოდეს
 ჰურთიერთას: ნუ უკუღ განთქნ სიტყუა ესე ამათ ღ ჰრწმენეს ყთა ივსი. ღ ზრახუაღ
 ყუღს ჰრიათა მათ ურთიერთას ღ მოიღეს ვეცხლი დიღღალი ღ მისცეს ერისაგანთა მათ
 ღ ჰქს ესრეთ: თქუთ, ვღ მოწაფენი მისნი ღამე მოვდეს ღ წარიპარეს იგი ვე ჩნ
 მეძინაღ. დაღაცათუ ესმას სიტყუაღ ესე მსაჯულსა მას ჩნ ვირწმუნოთ ღ თქნ უზრუნ-
 ველ გყუნეთ. ნ მათ მიიღეს ვეცხლი იგი ღ ყუღს, ვა ისწავეს მათგან. ღ განითქვა
 სიტყუაღ ესე ჰრიათა შორის, ვე დღეინღელად დღეღმღე.

Чтеніе въ великую (страстную) пятницу въ воспоминаніе о страстяхъ и смерти Спасителя Нашего І. Христа, сказанное евреемъ Ананіей¹⁾.

Такъ какъ я узналъ о Господѣ нашемъ І. Христѣ изъ книгъ священныхъ, то съ ревностной вѣрой поспѣшилъ описать все достойное воспоминанія, что сказано іудеями о судѣ Господа Понтійскомъ Пилатѣ и написано Никодимомъ въ еврейскихъ книгахъ (на еврейскомъ языкѣ), я же переписалъ (перевелъ) изъ книгъ греческихъ для сообщенія всѣмъ.

Анна и Каіафа, Сумесь и Діодаесь, Гамалиель и Іуда, Левъ и Нептали, Александръ и Іарось и другіе изъ евреевъ пришли къ Пилату съ доносомъ²⁾ на Іисуса, на множество Его дѣяній³⁾ и говорили такъ; мы знаемъ Его сыномъ плотника Іосифа и рожденнымъ отъ Маріи, Самъ же называетъ Себя сыномъ Божіимъ и царемъ. И не только это Онъ говоритъ, но сквернитъ субботу и хочетъ разрушить законъ нашей страны.

Сказалъ (спросилъ) имъ Пилатъ: что Онъ дѣлаетъ (такого), чѣмъ Онъ хочетъ разрушить (его)? Отвѣтили ему іудеи: мы имѣемъ законъ, по которому не подобаетъ исцѣлять въ субботу. А этотъ хромыхъ и слѣпыхъ, прокаженныхъ и бѣсноватыхъ и разслабленныхъ исцѣляетъ въ день субботній и силою вельзевула, начальника злыхъ духовъ, изгоняетъ дьяволовъ, и всѣ ему повинуются. Сказалъ имъ Пилатъ: Онъ не силою нечистаго духа изгоняетъ дьяволовъ, а отъ (съ помощью) Бога Леопіала⁴⁾. Сказали іудеи Пилату *просимъ твою власть* привести Его въ это судилище (предъ лицо твое и выслушать Его. Отвѣтилъ имъ Пилатъ: какъ я могу «игемонъ»⁵⁾ (въ груз. текстѣ — *варани*) судить царя? Отвѣтили іудеи Пилату: мы не считаемъ Его царемъ, Самъ Онъ Себя (называетъ). Призвалъ (тогда) Пилатъ одного «курсора» (по-груз. — *пасенага*): поди и съ миромъ выведи («призови») Іисуса. И пришелъ пасенагъ, увидѣлъ Его, узналъ и поклонился, прежде всего взялъ убрूसъ (слав. — «платно»), который

¹⁾ Ясно отсюда, что нашъ апокрифъ восходитъ къ греческому источнику, — транскрипція собственныхъ именъ подтверждаетъ это. Апокрифъ заимствованъ изъ нагерскаго сборника XVI в. Сборникъ этотъ найденъ нами въ 1903 г. во время путешествія въ Сванетіи.

²⁾ Κατηγόροῦντες, по-слав. церковно славянск. «обваживающе».

³⁾ Περὶ πολλῶν πράξεων, слав. о чудесахъ злыхъ

⁴⁾ τῷ Ἀσιληπιῶ.

⁵⁾ Въ ковычкахъ приведены слова въ слав. переводѣ.

имѣлъ въ рукахъ, и, разостлавъ его по землѣ, сказалъ Ему: Господи вступи на это, ибо зоветъ тебя варани («игемонъ»). А іудеи, увидѣвъ то, что сдѣлалъ пасенакъ, завопили предъ Пилатомъ, говоря: почему ты не велѣлъ именитымъ людямъ привести Его, а пасенаку (отдалъ приказаніе?), ибо пасенакъ, увидѣвъ Его, поклонился Ему, снялъ убрусъ свой, который имѣлъ въ рукахъ (слав.—«съ главы»), разостлавъ по землѣ и сказалъ: вступи на это, ибо зоветъ тебя судья. Пилатъ же призвалъ того пасенака и сказалъ: правда, что ты сдѣлалъ то, о чемъ говорятъ іудеи? и пасенакъ отвѣтилъ Пилату: когда ты меня послалъ въ Іерусалимъ, по улицамъ видѣлъ я Его сидящимъ на ослѣ и дѣти іудейскія славили Его, держа въ рукахъ вѣтви масличныя (слав.—«финики»), а нѣкоторыя разстлали платье свое, говоря: спаси насъ ты, Который еси въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне. Завопили іудеи, говоря: іудеи оглашали по-іудейски, и какъ ты (слав.—«грекъ») понялъ это, не зная по-еврейски. Отвѣтилъ имъ пасенакъ: я спросилъ одного изъ нихъ (славящихъ), говоря: что значитъ то, что эти дѣти еврейскія говорятъ, и тотъ отвѣтилъ: слово *Осанна* значитъ «Спаси насъ». Спросилъ Пилатъ: какъ зывали дѣти по-еврейски? Отвѣтили іудеи: осанна. Спросилъ ихъ Пилатъ, какъ переводится (слово) «осанна»? Отвѣтили іудеи: «спаси насъ». Сказалъ имъ Пилатъ: если вы подтверждаете воззваніе дѣтей, то въ чемъ же повиненъ пасенакъ? Они же молчали. Сказалъ Пилатъ пасенаку: иди и какъ хочешь введи Иисуса. Когда пасенакъ вышелъ, поступилъ онъ попрежнему и сказалъ Иисусу: Господи войди, ибо зоветъ тебя судья. Когда же вошелъ Иисусъ, то стоящія деревянныя изображенія боговъ въ палатахъ Пилата склонились, и поклонились Иисусу; спросили іудеи тѣхъ, которые держали изображенія. Зачѣмъ вы склонили деревянныя изображенія? А Пилатъ сказалъ имъ: развѣ не удивляетесь, что они сами склонились и поклонились Иисусу? спросите и ихъ, которые держатъ рукоятки съ изображеніями, какъ они преклонили ихъ и поклонились Иисусу.

Возразили іудеи Пилату, говоря: мы знаемъ, какъ преклонили тѣ, которые держали изображенія. Сказалъ имъ Пилатъ: зачѣмъ вы это сдѣлали? Отвѣтили они Пилату: мы люди язычники («греки») и служители храма, какъ мы поклонимся Ему? Но изображенія (*прѳотмас*) которыя мы держали, сами преклонились и поклонились ему. Сказалъ Пилатъ первѣйшимъ собранія и старѣйшинамъ народа: выберите изъ своей среды людей крѣпкихъ и сильныхъ, возьмите тѣ изображенія (*στυγα*) и (посмотрите) преклонятся ли сами и поклонятся ли Иисусу? Іудейскіе же старѣйшины избрали людей крѣпкихъ и сильныхъ, по 6 человекъ на изображеніе и стали предъ кресломъ судьи. Сказалъ Пилатъ пасенаку: выведи Иисуса изъ залы и введи, какъ хочешь. Вышелъ Иисусъ изъ залы и тотъ пасенакъ съ нимъ. Призвалъ Пилатъ тѣхъ, которые держали изображенія и рукоятки отъ нихъ. Прежде всего сказалъ имъ: клянусь жизнью Кесаря, если не преклонятся теперь изображенія при входѣ Иисуса, сниму съ васъ головы. И велѣлъ привести Иисуса. Пасенакъ сдѣлалъ (все) попрежнему и просилъ Иисуса послѣдовать за нимъ. Иисусъ же послѣдовалъ и вошелъ въ залъ. При входѣ же Его вновь

преклонились боги и поклонились Иисусу (отсюда по-славянски начинается «Глава II»). А Пилать, увидѣвъ это, испугался очень и хотѣлъ оставить судилище, и когда вознамѣрился это сдѣлать, жена его прислала челоуѣка къ нему сказать: что тебѣ до этого Праведнаго Челоуѣка, ибо я много испытала изъ-за Него въ эту ночь. Пилать призвалъ іудеевъ и левитовъ и сказалъ имъ: вы сами знаете, что жена моя очень благочестива и очень іудействуетъ. Отвѣтили тѣ: знаемъ, что она такова. Сказалъ имъ Пилать: вотъ только что прислала челоуѣка сказать жена моя: что тебѣ до этого Праведнаго Челоуѣка, ибо я много испытала въ эту ночь. Отвѣтили іудеи и сказали Пилату: не понимаете развѣ, какъ Онъ лукавъ, навелъ даже сновидѣніе на жену твою. Обратился же Пилать къ Иисусу и сказалъ: что ты скажешь относительно того, что они на Тебя взводятъ? Иисусъ же отвѣтилъ: если бы не было у нихъ власти, то не сказали бы. Каждый имѣетъ власть говорить отъ себя доброе и злое, они знаютъ, что говорятъ.

Отвѣтили первосвященники іудейскіе и сказали: что намъ смотрѣть? во-первыхъ Ты рожденъ въ прелюбодѣянїи, ¹⁾ во-вторыхъ при твоёмъ рожденїи въ Виѣлеемѣ было (истребленіе?) дѣтей, въ-третьихъ: отецъ твой, Іосифъ и мать твоя, Марїа, бѣжали въ Египетъ, чтобы не показываться среди народа. Говорили нѣкоторые изъ предстоящихъ благочестивыхъ людей: мы Его считаемъ не злодѣемъ, но благодѣтелемъ. Отвѣтилъ Пилать іудеямъ, говоря: кто называетъ Его злодѣемъ. Если это ваше слово истинно *то будетъ по просьбѣ*, какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ. Сказали Анна и Каіафа: вся эта толпа народа называетъ, и ты не вѣришь, что Онъ не благодатель, эти же чужеземцы или же ученики Его. Отвѣтилъ Пилать Аннѣ и Каіафѣ: Что значитъ чужеземцы? Отвѣтили іудеи: они были дѣти язычниковъ и нынѣ стали іудеи. Отвѣтили тѣ, которые говорили что онъ не злодѣй, Лазарь и Астеръ, Данатъ, (Αυτόνιος) Іаковъ, Манасїи, Зерасъ, Самоэль, Исаакъ, Пинезъ, Криспа, Агрина, Іуда; мы не изъ чужеземцевъ, но іудеи и говоримъ правду. Онъ по истинѣ спасеніе всего міра. Сказалъ Пилать тѣмъ 12 лицамъ, которыя говорили, что Онъ спасеніе міра: заклинаю васъ жизнью Кесаря, истинно ли по вашимъ словамъ Онъ благодѣтель. Сказали они Пилату: мы имѣемъ законъ не клясться всуе, ибо (это) большой грѣхъ. Пусть они клянутся жизнью Кесаря, что это не такъ, что мы говоримъ, и мы повинны смерти. Спросилъ Пилать Анну и Каіафу: ничего не отвѣтите вы на это? Отвѣтили Анна и Каіафа Пилату: ты вѣришь 12 именитымъ мужамъ, которые говорягъ, что онъ не злодѣй, а мы—весь народъ взываемъ, что этотъ противникъ Кесаря («волхвъ») и называетъ Себя Сыномъ Божьимъ и царемъ, и ты не вѣришь намъ. Велѣлъ Пилать выйти имъ за исключеніемъ 12 тѣхъ мужей, говорившихъ объ Немъ, что Онъ истина и Иисусу велѣлъ уйти отъ нихъ. И спросилъ тѣхъ 12 Пилать, зачѣмъ желаютъ они убить Иисуса.—«Они питаютъ вражду за исцѣленіе въ субботу». Спросилъ Пилать: такъ за доброе дѣло они хотятъ Его убить? Отвѣтили ему: да.

¹⁾ Ἐκ πορνείας γενένηται пропущено въ слав. текстѣ.

(Глава III) Исполнился гнѣвомъ Пилатъ вышелъ изъ «притвора»: (πραιτώριον): солнце свидѣтель мнѣ, что я не нахожу ни одной вины въ этомъ человѣкѣ. Отѣтили Пилату іудеи и сказали: если бы онъ не былъ злодѣемъ, то мы не отдали бы Его въ твои руки. Сказалъ имъ Пилатъ: возьмите Его и судите по законамъ вашимъ. Отвѣтили іудеи: намъ не дозволяется убивать кого-либо. Сказалъ іудеямъ Пилатъ: вамъ не подобаетъ никого убивать? и вошелъ въ залъ («притворъ») и, обратившись къ Іисусу, спросилъ Его: Ты царь іудейскій? Отвѣтивъ ему, Іисусъ сказалъ Пилату: Ты отъ себя говоришь это или же другіе сказали обо Мнѣ? Отвѣтилъ Пилатъ и сказалъ: развѣ и я еврей? Но родъ твой (ἔθνος τοῦ σοῦ) и первосвященники предали Тебя мнѣ за то, что ты сдѣлалъ. Отвѣтилъ Іисусъ и сказалъ ему: Царство мое не отъ міра сего. Если бы оно было отъ міра сего, то и слуги мои подвизались со мною, чтобы не отдавать меня въ руки іудеевъ. Нѣтъ царство мое не отъ міра сего. Сказалъ Пилатъ Іисусу: Царь ли Ты? Отвѣтилъ ему Іисусъ: Ты говоришь, что Я царь. Я для того рожденъ и для того пришелъ въ міръ, чтобы всякій, кто отъ истины, слышалъ гласъ Мой и принялъ жизнь вѣчную. Сказалъ ему Пилатъ: есть на землѣ истина? Отвѣтилъ Пилату Іисусъ: видишь ли, какъ тѣ, которые говорятъ истину, и судятъ имѣющіе власть на землѣ.

(Глава IV) Оставивъ Іисуса въ залѣ («внутри»), Пилатъ вышелъ и сказалъ іудеямъ: Я не нахожу никакой вины въ немъ. Отвѣтили ему іудеи: Онъ сказалъ: «Я могу разрушить этотъ храмъ и на третій день его построить». Спросилъ ихъ Пилатъ: «Какой храмъ?» Отвѣтили іудеи: «Тотъ, который построилъ Соломонъ *) въ 46 году. Онъ заявлялъ разрушить и построить въ третій день». Опять сказалъ Пилатъ іудеямъ: я не повиненъ въ крови этого невиннаго, знайте сами. Отвѣтили ему іудеи: кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ.

Призвавъ Пилатъ священниковъ, левитовъ и старѣйшихъ изъ народа, сказалъ имъ отъ себя: не дѣлаете этого, ибо доносъ на него не есть достойное основаніе для смерти Его, ибо доносъ вашъ на него явился по поводу исцѣленія въ субботу и ея нарушенія. Отвѣтили старцы, священники и левиты Пилату: кто хулитъ кесаря, тотъ заслуживаетъ смерти.

Велѣлъ Пилатъ іудеямъ выйти изъ собранія.—Кто не противъ Бога заслуживаетъ смерти? Отвѣтили іудеи Пилату: мы говоримъ произносящій хулу противъ Кесаря заслуживаетъ смерти. Тогда Пилатъ, призвавъ Іисуса, сказалъ Ему: что мнѣ дѣлать съ Тобою? Отвѣтилъ ему Іисусъ: это дано тебѣ. Спросилъ Пилатъ Іисуса: какъ дано? Отвѣтилъ Іисусъ: еще Моисей и всѣ пророки предсказали о смерти Моей и воскресеніи Моемъ.

Іудеи, услышавъ это, сказали Пилату: болѣе этой хулы что еще желаешь слышать? Отвѣтилъ имъ Пилатъ: если это слово хула, то возьмите вы и по закону вашему судите Его. Отвѣтили они Пилату: въ законѣ нашемъ писано: если человѣкъ предъ человѣкомъ согрѣшилъ, то бить его 70 разъ плетью, кто же хулитъ Бога, того камнями побить. Сказалъ имъ Пи-

*) ὁ οἰκοδόμησεν ὁ Σολομών; въ слав. „его же мы создахомъ“.

латъ: возьмите Его и какъ хотите поступите съ Нимъ. Сказали іудеи Пилату: мы хотимъ, чтобы Онъ былъ распятъ. Сказалъ имъ Пилатъ: не написано о распятіи Его. Оглядѣлъ Пилатъ народъ іудейскій, предстоящій тутъ, и видѣлъ, что среди него у нѣкоторыхъ навернулись слезы за Иисуса. И сказалъ Пилатъ: не всѣ хотятъ смерти Его. Отвѣтили Пилату первосвященники: потому пришло такое множество народа, чтобы Онъ былъ убитъ. Спросилъ Пилатъ: зачѣмъ Ему умереть? Отвѣтили іудеи: ибо Онъ сказалъ, что Онъ Сынъ Божій и Царь. (Глава V) Выступилъ нѣкто, по имени Никодимъ, и сказалъ предъ Пилатомъ: умоляю твою власть, позволь мнѣ сказать нѣсколько словъ... Сказалъ ему Пилатъ: говори. И сказалъ Никодимъ: я спрашивалъ старѣйшинъ, священниковъ и левитовъ и все собраніе іудейскаго народа, въ чемъ вы обвиняете этого Человѣка? Человѣкъ этотъ сотворилъ много чудесъ, непостигаемыхъ и страшныхъ, которыхъ никто другой не творилъ и не сотворитъ. Оставьте Его, не замышляйте зла противъ Него. Если отъ Бога чудеса Его, которыя творитъ, утвердятся, и если соблазнительны они, то оставятъ (Его), ибо и Моисей, посланный Богомъ въ Египетъ предъ царемъ Египетскимъ, и лица, служившія фараону—*Іане и Іамбре* («Анній и Амврій»), и сотворили чудеса не меньше, чѣмъ Моисей, и сочли египтяне *Іане и Іамбре* за боговъ. А чудеса, сотворенныя имъ, не отъ Бога были; погибли и они, и увѣровавшіе въ нихъ. Нынѣ же оставимъ этого Человѣка, такъ какъ Онъ неповиненъ смерти. Сказали іудеи Никодиму: ты былъ ученикъ Его и потому такъ говоришь. Отвѣтивъ, Никодимъ сказалъ: развѣ и судья («игемонъ») былъ Его ученикъ, что сказалъ слово за Него? Развѣ не кесарь поставилъ его на эту должность? ¹⁾ Но іудеи исполнились гнѣвомъ на Никодима и точили зубы противъ него. Сказали іудеи Никодиму: ты истину имѣешь отъ Него и примешь часть съ Нимъ. Сказалъ имъ Никодимъ: да будетъ аминь, аминь, приму, какъ вы говорите.

(Глава VI) Выступилъ другой и умолялъ судью [разрѣшить] сказать ему слово. Судья же отвѣтилъ: скажи, что хочешь. И сказалъ тотъ человекъ: я болѣе 28 лѣтъ провелъ на одрѣ болѣзни и былъ одержимъ тяжкимъ недугомъ. Пришелъ Иисусъ и много бѣсноватыхъ и больныхъ, лежащихъ во многихъ домахъ, исцѣлилось отъ Него. И надо мною нѣкіе юноши («*υεαυισχοι*, вѣрныхъ») сжалились, взяли съ постелью и принесли къ Нему. И Иисусъ, увидѣвъ меня, помиловалъ меня и сказалъ мнѣ: встань, возьми постель свою и иди. Сказалъ Онъ это, и я исцѣлился, взялъ свою постель и пошелъ. Сказали ²⁾ іудеи Пилату: спроси-ка его, какой былъ день, когда онъ исцѣлился. Спросилъ Пилатъ того человекъ: въ какой день ты исцѣлился? Отвѣтилъ исцѣлившійся: въ субботу. Сказали іудеи Пилату: не говорили ли мы тебѣ, что онъ исцѣляетъ въ субботу и изгоняетъ духовъ?

¹⁾ Ἐπί τοῦ ἀξιματός τούτου, слав. «надъ таковыми словесы».

²⁾ Отсюда до слова «изгоняетъ духовъ» пропущено въ слав. текстѣ.

И выступилъ другой еврей и сказалъ: я былъ слѣпъ, я слышалъ голосъ, но лица не видалъ. И когда шелъ Иисусъ, я воззвалъ громкимъ голосомъ, говоря: помилуй меня, Сынъ Давида! Онъ помиловалъ меня, положилъ онъ руки на глаза мои, и я прозрѣлъ. Выступилъ еще одинъ и сказалъ: я былъ хромою отъ рожденія, и Онъ исцѣлилъ меня словомъ. (Гл. VII) А женщина¹⁾ издали взывала, говоря: я страдала кровотеченіемъ 12 лѣтъ и когда я коснулась подола Его платья, то остановилась кровь, истекающая 12 лѣтъ. Сказали іудеи: у насъ законъ—женщина да не явится свидѣтельницей. (Глава VIII) Многіе мужья и жены зывали и говорили: этотъ человекъ пророкъ, дьяволы Ему повинуются. Спросилъ ихъ Пилатъ: почему учителя ваши не повинуются ему. Отвѣтили ему: мы не знаемъ. Иные же говорили: Лазаря на четвертый день смерти Онъ воскресилъ. Испугался очень судья («игемонъ») ихъ и сказалъ собравшейся толпѣ іудеевъ: зачѣмъ вы хотите пролить кровь невиннаго? (Гл. IX) и, призвавъ Никодима и 12 (лицъ) изъ тѣхъ, которые говорили, что Христосъ не злодѣй²⁾, сказалъ имъ Пилатъ: что мнѣ дѣлать, ибо будетъ большое волненіе среди народа?—Мы не знаемъ, пусть они увидятъ, что дѣлаютъ. Сказалъ Пилатъ народу іудейскому: вы знаете, что есть обычай къ празднику Пасхи одного изъ заключенныхъ отпускать (на волю); у меня есть въ темницѣ одинъ осужденный человекъ убійца, называемый Барабба [«Варавва»], и стоящій предъ вами Иисусъ, у котораго нѣтъ вины. Кого хотите, чтобы по вашей просьбѣ отпустилъ? Они же отвѣтили ему: Бараббу. Спросилъ ихъ Пилатъ: а что дѣлать съ Иисусомъ, который именуется Христомъ?—Распни его!—Иные же изъ евреевъ говорили: если ты Егопустишь, ты не другъ кесаря, ибо Онъ называлъ Себя Сыномъ Божьимъ и царемъ, значитъ ты желаешь власти для Него, а не для кесаря. Разгнѣвался Пилатъ и сказалъ имъ: родъ вашъ вѣчно безпокойный и неблагодарный благодѣтелямъ своимъ. Спросили они Пилата: о какихъ благодѣтеляхъ ты говоришь? Отвѣтилъ имъ Пилатъ: Господь вашъ изъ тяжелаго рабства вывелъ васъ изъ Египта и чрезъ Чермное море провелъ васъ, какъ по сушѣ и въ пустынѣ питалъ васъ, пославъ манну и растеній въ пищу, извлекъ³⁾ изъ скалы воду для питья, далъ вамъ законы и послѣ всего этого вы разгнѣвали Бога вашего и сдѣлали тельцы и разгнѣвали Бога вашего. Просилъ же за васъ Моисей и не истребилъ васъ, а теперь порицаете меня, будто я ненавижу. Завопили іудеи, говоря: мы не знаемъ другого Кесаря, а Иисусу маги принесли дары съ Востока, какъ царю. И услышалъ Иродъ отъ маговъ, что будто родился царь, и захотѣлъ убить его. Узнавъ объ этомъ, отецъ Его взялъ Его съ Матерью и бѣжалъ въ Египетъ. Услышалъ (объ этомъ) Иродъ и убилъ дѣтей іудейскихъ, которыя родились въ Виѳлеемѣ. [Пилатъ-же] потребовалъ воды и, умывъ руки предъ Иисусомъ и всѣмъ народомъ, сказалъ имъ: я не виновенъ въ крови этого праведника, знаете вы.

1) Въ греч. текстѣ имени женщины нѣтъ; въ лат. называется Yegonisa, въ слав. Верунія или Вероникуи.

2) Въ слав. пропущено, въ греч.: *ὅτι οὐ γεγένηται ἐκ πορνείας*.

3) Пропускъ въ слав. текстѣ отсюда до слова «а теперь».

Иудеи же завопили на это, говоря Пилату: кровь Его да будетъ на насъ и дѣтяхъ нашихъ! Тогда велѣлъ Пилатъ предстать Ему его судилищу, гдѣ онъ возсѣдалъ.

Постановленіе [„Слово“] Пилата о смерти Іисуса.

Соплеменники Твои говорили о Твоемъ царствѣ (что царства ищетъ), поэтому опредѣлили Тебѣ смерть и тогда же (опредѣлили) бить бичемъ за *нарушеніе* ненарушимаго царскаго закона. Тогда онъ велѣлъ распять Его и двухъ разбойниковъ на крестѣ въ саду. Когда (гл. X) Онъ вышелъ, то сняли съ Него платье, одѣли въ багряницу, возложили терновый вѣнецъ на главу Его и повѣсили двухъ разбойниковъ—одного по правой, другого по лѣвой сторонѣ Его. Іисусъ говорилъ: Отецъ, прости, что творять. Стали дѣлать платье Его межъ собою, а народъ стоялъ и смотрѣлъ. Взирали первосвященники и князья ихъ, говоря: другихъ спасалъ, пусть спасетъ Себя, если онъ Сынъ Божій и посланникъ¹⁾. Дразнили его люди мірскіе и толпились вокругъ Него, принесли уксусъ, говоря: если Ты царь іудейскій, спаси Себя. Велѣлъ Пилатъ послѣ приговора Его къ смерти написать на доскѣ вину Его на языкѣ греческомъ и еврейскомъ, какъ сказали іудеи, что Онъ царь іудейскій. Одинъ изъ разбойниковъ, повѣшенныхъ съ Нимъ, по имени Геспасъ²⁾, сказалъ Ему: если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ. Отвѣтивъ ему товарищъ, именовавшійся Домакси (Дизема) въ гнѣвѣ, сказалъ ему: развѣ не боишься Бога, находясь въ томъ же осужденіи! Намъ по справедливости воздали и справедливо наказуемся, но этотъ что сдѣлалъ недостойнаго? И говорилъ тотъ, который упрекнулъ товарища: помяни мя, егда приидеши во царствіе Твое. Отвѣтилъ ему Іисусъ: аминь говорю тебѣ, сегодня ты будешь со Мною въ раю.

Былъ (гл. XI) ужъ часъ шестой и стемнѣло до 9 час. Солнце затмилось и разодралась завѣса церковная надвое и Іисусъ, воззвавъ громкимъ голосомъ, сказалъ: обі а дакемиѳирло³⁾, что значитъ въ переводѣ: Отецъ, въ руки твои передаю духъ Мой. Сказавъ это, Онъ испустилъ духъ. Сотникъ, увидѣвъ это, славилъ Бога, говоря: по истинѣ Человѣкъ этотъ былъ праведный. И всѣ, пришедшіе посмотрѣть на Него, били себя въ грудь, отходя прочь. А сотникъ увидѣвъ это, пришелъ и сказалъ судѣ все, что случилось. Судья и жена его, услыжавъ это, такъ сильно опечалились, что въ тотъ день не ѣли и не пили. Призвалъ Пилатъ іудеевъ и сказалъ имъ: видѣли, что случилось и затмѣніе солнца по предсказанію. Были тутъ всѣ ихъ ученые, и жены, пришедшія изъ Галилеи, и взирали на Него. Пришелъ нѣкій мужъ, по имени Іосифъ, благій, благообразный и справедливый. Онъ не участвовалъ въ ихъ совѣтѣхъ и дѣлѣхъ, будучи не изъ ихъ іудейскаго го-

1) Въ слав. «избранный», въ греч. нѣтъ.

2) Слав.: Гевѣста; въ греч. нѣтъ.

3) Въ слав. нѣтъ этихъ трехъ словъ.

рода, и ожидалъ царствія Божьяго. Этотъ пришелъ и просилъ у Пилата тѣло Іисуса. Снялъ онъ Его, покрылъ и положилъ въ высѣченную могилу («гробъ»), въ которую еще никто не былъ положенъ. (Гл. XII) Іудеи, услышавъ, что Іосифъ снялъ тѣло Іисуса, стали искать его 12 (учениковъ), Никодима и многихъ иныхъ, которые предъ Пилатомъ свидѣтельствовали о чудесахъ Іисуса. Объявили они, что всѣ они скрылись. Только Никодимъ показался. Онъ былъ князь [первый] іудеевъ. Спросилъ ихъ Никодимъ, какъ вы пришли въ собраніе? Отвѣтили ему іудеи: ты какъ пришелъ въ собраніе, ибо ты былъ причастникъ Іисуса и будешь имѣть часть въ грядущемъ Его вѣкѣ? Отвѣтилъ имъ Никодимъ: аминь, аминь, аминь. Также Іосифъ, выступивъ, сказалъ имъ: зачѣмъ вы оскорбляетесь по поводу меня, что я выпросилъ тѣло Іисуса и положилъ въ новое мѣсто, плащаницею обвилъ и приложилъ камень къ входу въ гробъ. Вы же не доброе дѣло содѣяли съ тѣмъ праведнымъ, не побоялися, распявъ Его и копьемъ прободали Его. Іудеи взяли Іосифа и повелѣли посадить его въ темницу до субботы слѣдующей, говоря ему: знайте и то, что не время судить, такъ какъ наступаетъ суббота. [И продолжали] Знай же, что ты не достоинъ погребенія и отдадимъ тѣло твое на съѣденіе птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ. Іосифъ, отвѣтивъ имъ, сказалъ: это слово гордаго Голіаѳа, который укорялъ Бога живого и св. Давида, ибо сказалъ Господь чрезъ пророка: Мое отмщеніе и Азъ воздамъ. Нынѣ же необрѣзанный отъ сердца потребовалъ воды, умылъ предъ вами руки, сказавъ: неповиненъ я въ крови этого праведнаго. Вы знаете сами, какъ вы отвѣтили ему, сказавъ: кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ. Нѣтъ я боюсь, что васъ постигнетъ гнѣвъ Божій, какъ вы говорили. Іудеи, услышавъ эти рѣчи, пришли въ глубокую ярость и, взявъ его, отвели въ мрачную темницу, не имѣющую оконъ. Приставивъ стражу, запечатали двери темницы, въ которую бросили Іосифа.

Въ субботу начальники, священники и левиты созвали огромное собраніе для рѣшенія, какой смерти предать Іосифа. Члены собранія, усѣвшись, повелѣли привести его съ бранью великою («съ безчестіемъ»). Но открывъ двери [темницы], никого тамъ не нашли. Это очень изумило собраніе, такъ какъ печать была цѣла, а ключи отъ дверей были у Каіафы. Послѣ этого они не рѣшались задержать никого изъ тѣхъ, которые говорили за Іисуса предъ Пилатомъ. (гл. XIII) И въ то время какъ они еще засѣдали въ собраніи, удивляясь [исчезновенію] Іосифу, пришли тѣ изъ числа воиновъ, которыхъ выпросили іудеи у Пилата съ цѣлью оберегать гробъ, гдѣ покоилось тѣло Іисуса, чтобы не пришли ученики Его и не украли Его. Они рассказали начальникамъ собранія, первосвященникамъ и левитамъ: когда мы стояли на стражѣ, случилось великое землетрясеніе, [затѣмъ] ангелъ Господень сошедши, отвалилъ камень съ дверей гроба и сѣлъ на него. Представилось видѣніе въ родѣ молніи, платье его блистало бѣлизной, какъ снѣгъ, и отъ страха мы стали какъ мертвые. Мы слышали голосъ того ангела, говорящаго женамъ, сидящимъ у гроба Іисуса: не бойтесь! знаю, что вы ищете распятаго; Его нѣтъ здѣсь, Онъ воскресъ, какъ сказалъ, и идетъ впереди васъ въ Галилею. Спросили его іудеи: о какихъ женахъ ты

говоришь? Они отвѣтили: мы не знаемъ, кто такія были. Спросили іудеи: какой былъ часъ? Отвѣтили ему воины: была полночь. Спросили іудеи: почему вы не схватили тѣхъ женщинъ? Отвѣтили воины: мы сдѣлались какъ мертвые отъ страха и не надѣялись больше видѣть свѣтъ солнечный. Какъ же намъ было схватить женщинъ! Сказали [на это] іудеи: живъ Господь! Мы не вѣримъ вамъ! Отвѣтили имъ воины: вы видѣли столько непостижимыхъ челоуѣкамъ чудесъ Его и не вѣрите, какъ же вы повѣрите намъ, [хотя] истинно клянемся, что живъ Господь! Мы слышали и то, что Іосифа, выпросившаго тѣло Іисуса, бросили въ темницу и запечатали ея двери, но когда открыли ее, не нашли его. Нѣтъ, давайте намъ Іосифа, а мы вамъ дадимъ Іисуса. Сказали іудеи имъ: Іосифъ пошелъ въ свой городъ. Отвѣтили имъ воины: объ Іисусѣ мы тоже слышали отъ ангела, отвалившаго камень отъ дверей гроба; онъ сказалъ женамъ: Онъ передъ вами идетъ въ Галилею, тамъ увидите Его. Іудеи же, услышавъ эти рѣчи, очень [опечалились], говоря межъ собою: они могутъ распространить это и увѣруютъ всѣ въ Него! Посовѣтовались іудеи и, собравъ большую сумму денегъ, отдали имъ, говоря: говорите, что ученики Его ночью пришли, когда мы спали, и украли Его. Если услышитъ объ этомъ судья, то мы его увѣримъ, а вы будьте спокойны. Тѣ же (воины) взявъ серебро [деньги] и поступили такъ, какъ ихъ научили. И распространился слухъ этотъ среди іудеевъ до нынѣшняго дня.

Евангеліе Никодима напечатано Сперанскимъ въ изслѣдованіи «Славянскія Апокр. евангелія», Порфирьевымъ (изъ сборника Соловецкой библіотеки XVI—XVII в. (№ 854, л. 17 — 39), у Фабриція I, 238 — 298, у Тило 490 — 495, у Тишендорфа *Evangelia apocrypha, Lipsiae 1853*, 203 — 367—410; въ памятникахъ стар. рус. литер. III, 91—108; въ *Starine IV*, 131—146. Заглавіе и начало евангелія Никодима въ Соловецкомъ спискѣ, какъ и въ большей части списковъ, испорчены. Порфирьевъ поправилъ ихъ по другимъ спискамъ. Въ греческомъ спискѣ (по изданію Тишендорфа подъ Л. А.) заглавіе такое: *Ἐπομιμήματα τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ πρᾶξις ἐπι Ποντίου Πιλάτου*. Далѣе слѣдуютъ два краткихъ предисловія. Въ первомъ изъ нихъ переводчикъ апокрифа говоритъ, что онъ Ананія (*Ἀνανίας*, въ латин. редакціи *Ananias*) еврей и защитникъ евреевъ, увѣровавъ въ І. Христа и крестившись, отыскалъ воспоминанія объ І. Христѣ, составленныя въ то время и перевелъ ихъ съ еврейскаго языка на греческій. Это предисловіе сжато имѣется и въ грузинскомъ спискѣ (см. выше). Въ другомъ предисловіи греческаго списка говорится, что все описанное происходило въ 15-е лѣто владычества Тиверія кесаря и при Иродѣ, царѣ Галилейскомъ въ 19-е лѣто его правленія, въ 8 календъ апрѣля или 25 мѣсяца марта и все это написалъ и предалъ Никодимъ на еврейскомъ языкѣ. Это предисловіе объ авторствѣ Никодима сохранилось въ грузинскомъ спискѣ въ немногихъ словахъ съ пропускомъ имени и времени царствованія Тиверія и Ирода. Въ славянскихъ спискахъ вовсе не упоминается о составителѣ евангелія. Въ сборникѣ Соловецкой библіотеки XVI—XVII вв. имѣется слѣдующее всту-

пленіе (заглавіе): „Написаніе о преданіи Іа нашего Іса Ха еже воспомянувъ еврейскимъ языкомъ и философскомъ Никодимъ, иже со благообразнымъ Іосифомъ снемъ погребоша тѣло Ісво. Въ 31 лѣто Θεодосіа црм преложиша изъ еврейскія въ греческія, елика здѣяшася при понтѣй-стемъ Пилатъ“ (ср. заглавіе и начало грузинскаго текста).

Въ греческомъ текстѣ первая глава начинается словами: Συμβούλιον γάρ ποιήσαντες οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ γραμματεῖς Ἀννας καὶ Καϊάφας ..

Въ славянскомъ спискѣ первая глава начинается словами: Въ лѣто-же єі царства Тиверіа Кесаря, црствдующѣ въ Римѣ и обладающу вселенною всею. Ироду же црю владычествующу въ Галилеи въ лѣто 01 власти его мца марта 61, при архіереяхъ іудейскихъ Іосиппа и Каіафа и Анна и Дафаила Гамалеила, Іоуда и Левкыя и Неофалима и Александра и Аира... Объяснительныя вставки въ слав. текстѣ (см. стр. 165, 171 у Порфирьева) въ груз. и греч. спискахъ отсутствуютъ. Въ груз. спискѣ сравнительно съ греческимъ и славянскимъ не хватаетъ главъ XIV—XVI. На XIII гл. обрывается грузинскій апокрифъ. Замѣтимъ, что въ грузинскомъ спискѣ дѣленіе на главы не сохранилось.

К. Тишендорфъ ¹⁾, согласно со всѣми другими изслѣдователями, различаетъ двѣ половины въ Никод. ев.: гл. I—XVI, содержащія рассказъ о судебномъ процессѣ надъ Христомъ, распятіи Его, погребеніи, воскресеніи и вознесеніи Его, и гл. XVII—до конца (число главъ колеблется по редакціямъ), рассказывающую о сошествіи въ адъ I. Хр. Обѣ эти половины, по его мнѣнію, принадлежатъ разнымъ авторамъ, что доказывается у него слѣдующимъ: 1) греческіе древніе тексты состоятъ только изъ 16 главъ (за исключеніемъ двухъ изъ 12 списковъ); въ Коптскомъ переводѣ нѣтъ второй части. Латинскіе же тексты, редакціи не первоначальной, сливаются обѣ части. 2) Языкъ и стиль въ обѣихъ частяхъ различны. 3) Рѣчь покаявшагося на крестѣ разбойника въ обѣихъ частяхъ передается различно въ гл. X: Μνήσθητί μου, κύριε, ὅταν ἔλθῃς ἐν τῇ Βασιλείᾳ σου ²⁾; такъ передается и въ груз. переводѣ. Большинство текстовъ снабжено двумя введеніями: первое начинается словами: Ἐγὼ Ἀνανίας..., второе: Ἐν ἔτει πεντεκαίδεκάτῳ. Иные тексты или оба введенія отбрасываютъ, или одно изъ нихъ первое — принадлежитъ лицу-редактору, выпустившему книгу при имп. Θεодосіи и Валентиніанѣ, второе—древнѣе перваго. Позднѣе уже было присоединено имя Никодиму, при чемъ Никодимъ считался переводчикомъ Ананія или обратно. Въ груз. переводѣ Ананія говоритъ себѣ въ первомъ лицѣ, какъ въ заглавіи и началѣ Евангелія. Евангеліе Никодима въ древности носило заглавіе Acta Pilati, греч. Ὑπομνήματα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (πραχθέντα ἐπὶ Ποντίου Πιλάτου. Въ груз. переводѣ сохранился слѣдъ этого заглавія въ видѣ «Воспоминанія о страстяхъ и смерти Спасителя Нашего I. Христа». Происхождение новаго заглавія (съ именемъ Никодима) относится къ VI в. Названіе же памятника Евангеліемъ принадлежитъ исключительно латинскому пере-

¹⁾ См. *Сперанскій*. Славянскія апокрифическія евангелія, стр. 11. (М. 1895)

²⁾ Ср. Descens. Κύριε ὅτε βασιλεύσεις, μί μοι ἐπιλάθου.

воду и вошло во всеобщее употребленіе въ Европѣ послѣ Карла Вел. Тишендорфъ возводитъ происхожденіе Акта къ II в. Время соединенія обѣихъ частей опредѣлить трудно. Акта писаны съ извѣстной тенденціей,—съ желаніемъ доказать подлинность событія воскресенія и того, что Христосъ есть Мессія; по національности авторъ могъ быть іудей изъ христіанъ, писавшій на популярномъ греческомъ языкѣ (упоминаніе объ еврейскомъ оригиналѣ—фикція).

R. Lipsius въ изслѣдованіи *Die Pilatus Acten* также отличаетъ двѣ редакціи памятника: старшую безъ имени Никодима и озаглавленную «*Ἐπιμνημάτα*» и пр. и младшую *Διήγησις περὶ τοῦ πάθους τοῦ Κυρίου ἡμῶν* I. X. καὶ τῆς ἀγίας αὐτοῦ ἀναστάσεως. Старшая редакція имѣетъ два введенія, въ которыхъ Ананія (Эней)—современникъ имп. Θεодосія II и Валентиніана и переводчикъ сочиненія, младшая—одно введеніе, указывающее на Ананію, какъ на современника I. Христа. Вторая редакція вышла изъ первой. Составитель первой редакціи, авторъ перваго введенія и лицо, присоединившее «*Descensus*» тождественны.

Древнѣйшій текстъ «Актовъ» состоитъ изъ одиннадцати первыхъ главъ, Грузинскій переводъ состоитъ изъ 13 главъ, а не изъ 16; гл. XII—XVI «Актовъ» присоединены позднѣе. Эти главы, по мнѣнію Липсіуса, могли существовать и отдѣльно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ онѣ носятъ отдѣльное заглавіе. Къ дальнѣйшимъ нарощеніямъ памятника относятся *Πιλάτου Ἀναφορά* присоединяется къ текстамъ той и другой категоріи, *Παράδοσις καὶ θάνατος Πιλάτου*, находящійся преимущественно въ спискахъ, не имѣющихъ *Descensus*. Грузинскій текстъ заключаетъ въ себѣ переводъ тринадцати главъ греческаго оригинала безъ сохраненія его дѣленія на главы; «*Descensus*» а—нѣтъ, Ананія является повѣствователемъ, Никодимъ—авторомъ на еврейскомъ языкѣ, грузинскій же переводчикъ беретъ изъ «греческихъ книгъ». Заглавіе груз. перевода какъ и число главъ «Воспоминанія о страсти и смерти I. Христа» не соотвѣтствуетъ въ точности ни той (11 главъ), ни другой (16 главъ) редакціи, устанавливаемой Тишендорфомъ и Липсіусомъ. «Воспоминаніе» по грузинскому переводу предназначалось въ великую пятницу по славянскому «Въ св. великую субботу воспоминаніе страсти Господа Бога» и пр. (Сперанскій, назв. соч., стр. 106). «Слово о преданіи» въ груз. переводѣ представляетъ продолженіе гл. IX до XIII, соотвѣтствующаго же «Слову» перевода въ грузинскомъ текстѣ не имѣется.

Переводчикъ — грузинъ плохо разбиралъ греческую рукопись: онъ смѣшивалъ заглавныя греческія буквы Λ и Α съ Δ, ς смѣшивалъ ε поэтому онъ, *Ἀσκληπίος* прочиталъ въ формѣ Леопіаль, *Αυτόνιος* воспроизвелъ въ видѣ Данатнъ.

А. Хахановъ.

Протоколы засѣданій Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

№ 85. Протоколъ засѣданія 14-го ноября 1903 г. подь предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ М. О. Аттаи, Ю. Г. Гендуне, А. С. Хаханова, Х. И. Кучукъ - Иоаннесова, Д. И. Иловайскаго, Θ. Е. Корша, референта П. П. Введенскаго, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ гг. Долгополова, ф. Шлиппе, Романовскаго и Шумскаго и секретаря Восточной Комиссіи А. Е. Крымскаго.

- 1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.
- 2) Предсѣдатель доложилъ письмо бывшаго секретаря Восточной Комиссіи М. В. Никольскаго изъ Петербурга. М. В. Никольскій, изслѣдовавши коллекцію клинописныхъ памятниковъ, привезенную Н. П. Лихачевымъ въ Петербургъ, нашелъ въ ней одну чрезвычайно важную серію таблеть, которую слѣдовало бы опубликовать по возможности скорѣе и, притомъ, съ наибольшей тщательностью. Эти таблеть добыты арабами въ числѣ прочихъ предметовъ, найденныхъ ими на мѣстѣ раскопокъ въ Телло послѣ смерти Сарсека; онѣ составляютъ нѣчто вродѣ домашняго архива царей Сирпурлы (ок. 4500 л. до Р. Х.). Часть этой коллекціи попала въ Лувръ и уже издана въ *Recueil de tablettes chaldéennes* (1903) Bureau Daugin'омъ, а остальная, бѣльшая часть этой же серіи (свыше 80) досталась Н. П. Лихачеву; нѣкоторыя изъ таблеть г. Лихачева сохранились во много разъ лучше, чѣмъ таблеть луврскія, и текстъ ихъ по объему больше. И по содержанію онѣ важнѣе, потому что бѣльшая часть ихъ носить имя самого царя Сирпурлы (Урукегина) и его женъ, тогда какъ луврскія таблеть принадлежатъ болѣе вице-королямъ Сирпурлы (патеси) и ихъ женамъ или придворнымъ. Характеръ этихъ документовъ—хозяйственный: отчетность по содержанію указанныхъ особъ и по завѣдыванію ихъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Онѣ могутъ бросить яркій свѣтъ на многія общественныя явленія тогдашняго отдаленнаго времени. Это—древнѣйшій архивъ такого рода. Подлинность памятниковъ, по мнѣнію М. В. Никольскаго, безусловно несомнѣнная. Своимъ письмомъ (адресованнымъ къ предсѣдателю общества, графинѣ П. С. Уваровой) М. В. Никольскій проситъ Археологическое Общество издать таблеть фототи-

пически и съ транскрипціей, съ переводомъ его, М. В. Никольскаго, и съ его изслѣдованіемъ.—Предсѣдателемъ Общества письмо было передано въ Восточную Комиссію для обсужденія.

Восточная Комиссія нашла желательнымъ посвятить этому изданію особый выпускъ своихъ трудовъ (напр. очередной 2-ой выпускъ III тома), который могъ бы быть изданъ въ Петербургѣ подъ наблюденіемъ самого М. В. Никольскаго. Однако въ виду того, что средствъ, обыкновенно ассигнуемыхъ Обществомъ на изданіе „Древностей Восточныхъ“, не можетъ хватить на напечатаніе такого дорогого выпуска, постановлено просить предсѣдателя Общества графиню П. С. Уварову ходатайствовать передъ Совѣтомъ Общества о назначеніи необходимой суммы на изданіе, предложенное М. В. Никольскимъ.

3) Предсѣдателемъ Восточной Комиссіи В. Θ. Миллеромъ былъ принесенъ въ даръ библиотекѣ Общества его новый трудъ: „Die Sprache der Osseten“ (Страсб. 1903), входящій въ составъ извѣстнаго ирановѣднаго свода Grundriss der iranischen Philologie, и „Тридцатилѣтіе Специальныхъ Классовъ Лазар. Инст. Вост. яз.“, а секретаремъ А. Е. Крымскимъ принесена въ даръ той же библиотекѣ его обработка „Семитскіе языки и народы“, напечатанная въ V вып. „Трудовъ по востоковѣдѣнію, издаваемыхъ Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ“.

4) В. Θ. Миллеръ доложилъ письмо А. А. Семенова изъ Асхабада по поводу одного персидскаго заклинанія, или ментера, противъ болѣзни, извлеченнаго имъ изъ старой персидской рукописи. В. Θ. Миллеръ отмѣтилъ, что въ словахъ заговора, обращенныхъ къ вѣтрамъ, есть старинныя черты, которымъ можно найти параллель въ Авестѣ; нѣкоторыя слова не понятны (напр., айюһуни, айюһуни); ментеръ — срв. санскр. mantra.— Въ этомъ же письмѣ г. Семеновъ сообщаетъ и одну туркменскую пѣсню о борьбѣ съ русскими (взятіи Гёкъ-Тепе) *).

5) М. О. Аттая сообщилъ объ арабскихъ надписяхъ, присланныхъ изъ Асхабада тоже г. Семеновымъ въ видѣ сдѣланныхъ имъ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ. Сняты они съ развалинъ раскапываемаго города Анау (انوا), недалеко отъ Асхабада. Срисованныя надписи—куфическія, съ именами *علي*, *الله*, *محمد* и выраженіями, *الله احد*, *الحمد لله*, *الله* *الله* *الله*, расположенными въ видѣ орнамента; сфотографированныя же надписи—почеркъ насхи, надъ гробницами строителей мечети, къ сожалѣнію, безъ хронологическихъ датъ.

6) П. П. Введенскій, въ очень обстоятельномъ докладѣ, сообщилъ свои впечатлѣнія изъ пребыванія въ Персіи лѣтомъ и осенью 1903 года. Предполагая изложить свои наблюденія археологическія и историческія въ одномъ изъ будущихъ засѣданій Комиссіи, г. референтъ въ нынѣшнемъ засѣданіи остановился преимущественно на описаніи дороги отъ Энзели до Техрана, читая по слѣдующему конспекту:

(*) Течерь матеріалъ г. Семенова напечатанъ въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“, кн. 59, стр. 125.—129.

Въездъ въ Персію: Энзели; утро, картина залива и кипящей кругомъ работы. Ожиданіе тѣла садр-а'зама, ложный слухъ объ его убійствѣ. Шахскій дворецъ въ Энзели, его архитектура. Разговоръ двухъ персіянъ на баркасѣ Энзели-Техранской дороги; бесѣда о „Москвѣ“, нелюбимыхъ Каджарахъ и современныхъ чиновникахъ. Персидская таможня, осмотръ вещей, курьезный случай съ паспортомъ, затрудненіе по поводу слова „манать“. По дорогѣ къ самому городу: снующіе керджимы, мѣстный татаринъ въ лодочкѣ везетъ на базаръ хесеры. Толпа на берегу. Энзелийскій базаръ, типичность его.

Персидскіе бурлаки и ихъ пѣсня. Встрѣча на рѣкѣ Базаркѣ идущихъ другъ противъ друга керджимовъ. Обычный крикъ и суматоха. Пиръ-Базаръ. Общій характеръ Гиляна, богатая природа послѣдняго. Первая персидская деревушка, непривлекательность ея. Начало Энзели-Техранской шоссеиной дороги, движущіяся группы гиляковъ и татовъ. Полдень — зной, ѣдкая пыль. Угрюмость персидскаго ямщика и причины этого. Бусарская застава, родныя картинки. Любопытство персіянъ. Рештѣ и его окрестности. Впечатлѣнія при въездѣ въ первый персидскій городъ. Базаръ Решта. Каковъ востокъ? Профессиональное нищенство, персидскія женщины. Фанатизмъ жителей Решта. Гилянская лихорадка. Нарѣчіе, на которомъ говорятъ здѣсь. Моэзины, призывъ къ вечерней молитвѣ — поэтичность звуковъ ихъ.

Дорога. Ночь на востокъ, проходящій караванъ, пѣсня персіянина и ея отличіе отъ нашей народной. Придорожныя лавочки-чайныя: „духаны“. Персидскіе народные разказчики повѣстей и былинъ „реваянь“ и отношеніе къ нимъ массы. Мешхеди Али Эскеръ.

На заставѣ въ Ноглаберѣ. Проведенная ночь, богатая природа, растительность, высокія горы. Прощанье съ Гиляномъ.

Скальные участки Энзели-Техранской дороги, отсутствіе всякой растительности. Мысль о прошломъ Иранѣ. Зной. Картинка на берегу Сефидъ-руда. Горы вокругъ мѣстности Менджиля, ихъ составъ. Суровость природы — здѣшніе жители. Менджильская застава, остановка. Развалины и явная любовь персіянъ къ нимъ. Караванъ-сарай. Переваль горный — рѣзкій переходъ отъ жары къ холоду. Юзба-чай и спускъ на Иранское плоскогоріе. Персидскія деревушки этой мѣстности.

Казвинъ и краткая исторія его существованія. Въездъ въ него, богатые виноградники и сады фисташковыхъ деревьевъ. Обработанныя поля. Достопримѣчательности Казвина: Шахская мечеть XVI столѣтія, народная площадь, гдѣ въ старину происходили конныя ристалища и караванъ-сарай. Описаніе ихъ. Казвинскій базаръ. Пятница — праздникъ. Толпы гуляющихъ персіянъ и персіянокъ. Персидскій театр — представленіе „смерти Хосейна“. Впечатлѣнія и описаніе видѣннаго въ театрѣ. Вечеръ — обѣдъ у губернатора. Персидскій балетъ — переодѣтые мальчики.

№ 86. Протоколъ засѣданія 1 декабря 1903 года подь предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: Мирзы-Абдуллы Гаффарова, О. Е. Корша, М. О. Атѣя, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Ю. Г. Гендуне, гостей: настоятеля Антиохійскаго подворья о. Игнатія Абу-р-Руса, г. Жазаре, Д. В. Солодова, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Введенскаго, Долгополова, Данилова, Виноградова, Евреинова, Владимірскаго, Крылова, Петрова, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Предсѣдатель доложилъ новое письмо М. В. Никольскаго по поводу изданія клинописной коллекціи г. Лихачева. М. В. Никольскій предполагалъ бы разбить изданіе на два выпуска: а) снимки, б) изслѣдованіе и разработка,—которые могли бы издаваться или одновременно, или независимо другъ отъ друга. Восточная Комиссія согласилась съ такимъ предложеніемъ М. В. Никольскаго, постановивши, чтобы изданные имъ выпуски образовывали собою 2-й и 3-й выпуски III тома „Восточныхъ Древностей“.

3) Предсѣдатель В. О. Миллеръ доложилъ о статьѣ Б. Халатьянца, напечатанной въ W. Z. K. M. и озаглавленной „Der Ursprung der armenischen Fürstenthümer“. Авторъ сближаетъ свѣдѣнія объ Урарту со старинными свѣдѣніями объ извѣстныхъ намъ армянахъ, географическую номенклатуру урартійцевъ—съ номенклатурой армянской у Моисея Хоренскаго и др., равно какъ съ фамиліями армянскихъ княжескихъ родовъ. Отмѣтивши правдоподобіе нѣкоторыхъ сближеній Б. Халатьянца, при натянутости другихъ (у него же), В. О. Миллеръ отвергаетъ однако конечный выводъ автора, будто бы сходствомъ урартійскихъ и армянскихъ именъ доказывается генеалогическое происхожденіе армянскихъ „нахараровъ“ отъ народа Урарту; сходство объясняется естественнѣе тѣмъ, что всякое новое племя, селясь на мѣстѣ стараго, не искореняетъ всецѣло прежней географической номенклатуры, и новые князья, получая свои фамиліи по мѣсту жительства, сохраняютъ въ нихъ старинныя имена данной страны (срв. фамиліи нѣмецкихъ бароновъ—по тѣмъ замкамъ, гдѣ они поселились).—Съ мнѣніемъ В. О. Миллера согласились и О. Е. Коршъ, и Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, сдѣлавши по этому поводу рядъ своихъ замѣчаній.

4) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ прочиталъ докладъ: „О рукописныхъ открытіяхъ проф. Н. Я. Марра на Синаѣ и въ Іерусалимѣ. Средства для экспедиціи въ Синай и Іерусалимъ, въ которой, кромѣ проф. Марра, приняли участіе проф. А. А. Васильевъ и кн. И. А. Джаваховъ, дали факультеты Восточный и Филологическій Имп. С.-Петербургскаго Университета, Импер. Православное Палестинское Общество и Восточное отдѣленіе Имп. Русскаго Археологическаго Общества. Поѣздка г. Марра продолжалась съ 3-го апрѣля по 14-ое ноября 1902 года. На Свѣтлой недѣлѣ члены экспедиціи были въ Каирѣ, откуда направились на Синай. Поработавъ здѣсь три мѣсяца, одинъ изъ членовъ экспедиціи А. А. Васильевъ выѣхалъ въ Россію; 1-го августа и Марръ съ А. Джаваховымъ на верблюдахъ двинулись съ Синая. Въ Суэзѣ узнавъ, что противъ Египта

учрежденъ карантинъ и что сообщеніе съ Палестиной возможно только кружною линіею, — съ 12-дневнымъ карантинномъ въ Бейрутѣ, они вернулись въ Александрію. Здѣсь Джаваховъ удачно попалъ на русскій пароходъ и уѣхалъ домой, а Марръ остался пока въ Египтѣ. Только черезъ мѣсяць онъ попалъ въ Іерусалимъ.

Синайскія и Іерусалимскія работы Марра размѣщены въ рамкахъ исторіи армянской и грузинской литературъ. Референтъ остановился на первой и указалъ на тѣ важныя открытія, которыя сдѣлалъ Марръ въ области древней армянской письменности.

1) Арабскій переводъ исторіи Агаангела—Обращеніе Арменіи; переводъ сдѣланъ съ греческаго. Судя по выдержкамъ, приводимымъ г. Марромъ, греческій переводъ восходитъ къ древней армянской редакціи Агаангела, сильно отличавшейся отъ имѣющагося нынѣ оригинала этого писателя. Новооткрытый арабскій переводъ названнаго автора чрезвычайно важенъ для критики исторіи Арменіи М. Хоренскаго.

2) Найдено извлеченіе изъ утраченной Исторіи армянскаго писателя IX-го вѣка, Шапуха Багратуни.

3) Въ монастырѣ св. Якова, въ Іерусалимѣ, Марромъ списана версія Житія св. Нины (просвѣтительницы Грузіи) и особенно Исторія св. Креста Нины, составленная Аарономъ Ванандскимъ на основаніи армянскихъ и грузинскихъ источниковъ и, въ томъ числѣ, исторіи Агаангела, изъ которой составитель приводитъ цѣлый отрывокъ. Очевидно, говоритъ Марръ, Ааронъ Ванандскій имѣлъ въ рукахъ ту армянскую версію исторіи Агаангела, какою располагалъ Моисей Хоренскій.

4) Въ одной изъ рукописей монастыря св. Якова оказалась Исторія Христовыхъ подвижниковъ Татула, Гюта, Өомы и Вароса въ болѣе полной редакціи, чѣмъ въ извѣстномъ, печатномъ текстѣ ея. Любопытно, что въ этой рукописи герой возстанія Армянъ въ V вѣкѣ, Варданъ Мамиконьянъ названъ „Karmir“—Краснымъ, чего не знаютъ Егише и Лазарь Парпскій, оставившіе намъ описаніе означеннаго возстанія. Далѣе, въ этомъ памятникѣ приводится цитата отъ исторіи Моисея Кертотогахира, какъ называютъ обыкновенно Хоренскаго, но въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ трудовъ М. Хоренскаго нѣтъ цитуемаго мѣста.

5) Въ Іерусалимѣ Марромъ списаны книги Эздры (Библия), въ томъ числѣ апокрифическая, называемая въ грузинскомъ и въ армянскомъ книгою Эздры Салатіела. Въ армянскомъ она считалась переведенною въ позднѣйшее время, такъ какъ до сихъ поръ былъ извѣстенъ только текстъ, встрѣчающійся въ спискахъ Библии XVI—XVII вѣковъ. Грузинскій переводъ въ спискѣ XI в. сохранилъ древне-армянскую версію, несомнѣнно архаичнаго, по самому содержанію, характера. Самъ переводъ грузинскій ни въ какомъ случаѣ не позднѣе VII вѣка, но возможно, что онъ и древнѣе. Изъ двухъ сохранившихся каноническихъ книгъ Эздры Марръ сравнилъ вторую съ арм., сир., греч. и еврейскимъ текстами и замѣтилъ, что грузинскій текстъ этой книги буква въ букву воспроизводитъ армянскій текстъ,

тотъ именно арм. текстъ, который имѣется въ обычномъ изданіи Библии и называется вургатнымъ.

6) Въ монастырѣ св. Якова найдена та армянская редакція житія Нерсеса Великаго, которой, между прочимъ, пользовался М. Хоренскій въ своей Исторіи.

7) Тамъ же списано посланіе вардапета Саркавача (XI в.). Въ немъ заключается отвѣтъ армянскаго ученаго на вопросъ какого-то грузинскаго епископа касательно одного мѣста въ Псалмахъ.

Оставляя въ сторонѣ рядъ другихъ открытій по армянской и грузинской литературѣ, референтъ заключилъ свое краткое сообщеніе замѣчаніемъ, что экспедиція проф. Марра въ отдаленный христіанскій востокъ увѣнчалась блестящими успѣхами и открытіями, за которые армянскіе и грузинскіе ученые вмѣстѣ съ западными ориенталистами всегда будутъ ему признательны.

5) А. Е. Крымскій прочиталъ сообщеніе: „Первые шаги европейскаго востоковѣдѣнія въ XVI вѣкѣ“ *).

№ 87. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Имп. Моск. Арх. Общ. 12 февраля 1904 года, подъ предѣтельствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: М. О. Атаи, Г. А. Халатьянца, бар. Р. Р. Штакельберга, О. Е. Корша, С. Н. Тэръ-Саргсянца, Мирзы-Джафара, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, нѣсколькихъ студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ и секретаря Восточной Комиссіи А. Е. Крымскаго.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Секретарь А. Е. Крымскій доложилъ адресованное къ нему частное письмо нашего сочлена изъ Петербурга М. С. Щеккина относительно греческой, по его предположенію гностической, надписи и мистическаго рисунка на геммѣ, найденной на востокѣ Персіи, въ Сеистанѣ: „Пишу Вамъ—отчасти, чтобы сообщить нѣкоторыя не лишеныя интереса свѣдѣнія, отчасти—чтобы освѣдомиться о Вашемъ мнѣніи по ихъ поводу.

„Бывшій нашъ консулъ въ Сеистанѣ, А. Я. Миллеръ, подарилъ мнѣ камень-печатку, изъ числа древностей, найденныхъ на мѣстѣ и попадающихъ вообще въ большомъ количествѣ, особенно на правомъ берегу р. Гильменда. На одной сторонѣ—греческая надпись

ΕΒΟΙ
ΦΟΝΙ
ΝΝΟΥΝ
ΑΧΝΑ

ΖΩ

(Эта послѣдняя строка написана, впрочемъ, очень своеобразно) **).

*) Въ переработанномъ видѣ это сообщеніе напечатано въ 3-мъ выпускѣ II-го тома „Древностей Восточныхъ“.

**) Къ этому засѣданію подлинная гемма не могла быть М. С. Щеккинымъ прислана и получилась въ Москвѣ уже послѣ. Издана она ниже въ протоколѣ № 89, стр. 11. Ред.

„По мнѣнію Г. Е. Кизерицкаго (Эрмитажъ), хорошаго знатока греческой эпиграфики, къ которому я направилъ А. Я. Миллера, надпись— гностическая, приблизительно V вѣка по Р. Х. Читается она: Εὐοῖ! φωνήν υἱοῦ ἀχράτω = „Эвой! презираю голосъ (=звукъ, рѣчь?) и умъ“.

„На другой сторонѣ медали — голая женская фигура съ завязанными глазами и поднятыми на грудь руками, сидящая на тростниковомъ плоту, совершенно схожемъ съ сеистанскимъ тутиномъ *تونین* *), который и теперь служить единственнымъ средствомъ переправы. Оба конца плота украшены цвѣтами лотоса.

„Читая въ здѣшнемъ Археол. Обществѣ очеркъ стараго и современнаго Сеистана, А. Я. Миллеръ, въ числѣ прочихъ древностей, показывалъ и этотъ камень. Но никто изъ присутствовавшихъ не сдѣлалъ къ опредѣленію Кизерицкаго дополнительныхъ замѣчаній.

„Вывезены были Миллеромъ монеты первыхъ вв. по Р. Х., значительное число геммъ (въ громадномъ большинствѣ того же времени) греческой работы, и, наконецъ, мелкія греческія украшенія изъ бронзы, по преимуществу булавки и обломки. Этими послѣдними вещами занимался я. Къ сожалѣнію, ихъ было всего 4 штуки. Химическій анализъ ничего не далъ: 90 и 10,—т.-е. самая обычная пропорція для древней бронзы въ мелкихъ издѣліяхъ. По формѣ ихъ можно отнести со II в. до Р. Х. до III в. послѣ Р. Х.; на всемъ этомъ протяженіи ихъ находятъ гдѣ угодно и сколько угодно. Три совсѣмъ позеленѣли, и только одна шишечка отъ булавки приобрѣла очень красивую окраску. Чисто субъективно, по сравненію съ другими видѣнными вещами, я отнесъ ее къ I в. по Р. Х. Въ общемъ эта сторона дѣла, кромѣ установленія греческой работы, почти ничего не дала.

„Сопоставляя обиліе греческихъ вещицъ, валяющихся—такъ сказать—на поверхности зѣмли, съ нѣкоторыми бросающимися въ глаза особенностями правописанія, а главное—съ сюжетомъ рисунка, приспособившаго незамысловатую аллегорію къ чисто-мѣстному, бывшему постоянно на глазахъ предмету, я рискнулъ бы высказать мнѣніе, что камень былъ вырѣзанъ въ Сеистанѣ же. Устанавливаемый отсюда фактъ, что (въ V ли вѣкѣ по Р. Х., или пожалуй и позже) въ самой коренной Персіи былъ человѣкъ, вырѣзавшій, быть можетъ, по заказу, гностическія надписи по-гречески,—этотъ одинъ фактъ представляетъ собою интересъ даже безотносительно къ хронологической датѣ камня, которая едва ли можетъ быть установлена съ полной достовѣрностью.

„Въ виду вашихъ занятій, связанныхъ съ изученіемъ суфійства, возможно, что все вышеизложенное наведетъ васъ на какія-либо размышленія. Было бы очень любопытно знать ваше мнѣніе и тѣ свѣдѣнія, которыя могли бы у васъ оказаться. Искренно преданный вамъ **М. Щекинъ**“.

Доложивши это письмо, А. Е. Крымскій высказалъ сожалѣніе, что М. С. Щекинъ не успѣлъ прислать самой геммы для осмотра, а прислалъ

*) Обыкновенное общеперсидское значеніе этого слова (срв. и словарь „Борхан-и ка-ти“) есть просто *کشتی*, т. е. корабль, лодка, судно. А. Кр.

только свое чтение надписи, которое, быть может, и не окончательно-бесспорно; напимѣрь, глаголѣ *ἀγγάζω* (вообще-то не слишком употребительный въ греческомъ языкѣ) читается, по сообщенію самого же М. С. Щекина, не съ полной ясностью. Но въ основѣ своей предположеніе М. С. Щекина могло бы быть вполне основательнымъ. Греко-Бактрійское царство (III—I в. до Р. Х.), лежавшее по верхней системѣ Аму-Дарьи, должно было прочно вкоренить употребленіе греческаго языка въ тѣхъ мѣстностяхъ; и даже когда періодъ т. н. эллинизма собственно ужь кончился, индо-скиѣское царство довольно долго еще пользовалось греческимъ языкомъ въ качествѣ письменнаго (срв. греческія надписи на индо-скиѣскихъ монетахъ). Почему же не могли появляться тамъ и гностическія надписи? А писать ихъ могъ бы даже и не грекъ, а мѣстный уроженецъ.

Противъ этого послѣдняго мнѣнія рѣшительно возразилъ *Θ. Ε. Коршъ*, основываясь на черезчуръ фонетическомъ характерѣ греческаго правописанія этой надписи. *Θ. Ε. Коршъ* высказалъ свое мнѣніе, что она начертана не въ Персіи, гдѣ правописаніе греческаго языка, изучаемаго при помощи зрительной памяти, должно было бы оказаться болѣе этимологическимъ (съ буквою *η*, а не *ι*), и что, по всему вѣроятію, надпись на этой печати сдѣлана въ Византіи, а въ Персію печатка лишь занесена; и не доказано, чтобы она содержала въ себѣ что-либо гностическое: по крайней мѣрѣ этого ясно не видать въ содержаніи *); притомъ, едва ли она относится къ V вѣку: должно быть, она — гораздо болѣе поздняго времени. Противъ послѣдняго заключенія *Θ. Ε. Корша* возражалъ *В. Θ. Миллеръ*, отмѣчая, что, если не сомнѣваться въ точности описанія М. С. Щекина, то плоть, лотось, поза женщины со сложенными на груди руками — все это черты мѣстныя, восточныя, азіатскія, не византійскія. А вотъ, что значитъ надпись, это рѣшить трудно **). Постановлено просить М. С. Щекина о присылкѣ подлинника.

В. Θ. Миллеръ прочелъ свой докладъ о персидскомъ нарѣчій мусульманъ-татовъ, относительно котораго въ наукѣ до сихъ поръ не было достовѣрныхъ свѣдѣній: сообщенія Березина и Дорна — и отрывочны, и ошибочны, такъ что и краткій сводный очеркъ, составленный Гейгеромъ, гилянскаго, талышскаго и татскаго нарѣчій — тоже очень смутенъ и ошибоченъ. Нарѣчіе горскихъ евреевъ, говорящихъ по-татски, изслѣдовано было *В. Θ. Миллеромъ* уже давно, но оно, оказывается, имѣетъ значительныя отличія отъ того же татскаго нарѣчій татовъ-мусульманъ. Всѣхъ татовъ-мусульманъ насчитывается только около 140.000; они шиты. Изъ устъ одного изъ нихъ, Аги-балы изъ Могича (Шемах. у., Бакинскои губерніи), *В. Θ. Миллеръ* и произвелъ свои записи. Записи — обильны; кромѣ текстовъ,

*) При чтеніи протокола *Θ. Ε. Коршъ* добавилъ, что онъ сомнѣвается въ мистическомъ или гностическомъ смыслѣ надписи на Сеи-станской печати только потому, что надпись коротка, и смыслъ ея не ясенъ, но отрицать возможность появленія гностическаго памятника въ Сеи-станѣ и вообще въ тѣхъ мѣстностяхъ онъ не думаетъ, потому что известны нѣкоторыя манихейскія письменныя данныя именно оттуда же.

**) Впослѣдствіи (см. протоколъ № 89), когда *В. Θ. Миллеръ* взглянулъ на подлинный рисунокъ, онъ его призналъ за египетскій, приблизительно Александрійской эпохи.

записанъ и словарь, содержащій болѣе 2300 словъ. Въ нынѣшнемъ засѣданіи референтъ обстоятельно познакомилъ Восточную комиссію съ вокализмомъ мусульманско-татскаго нарѣчія, который имъ изслѣдованъ въ системѣ и подведенъ подъ законы; многія фонетическія явленія объясняются однако путемъ нефонетической аналогіи и вліяніемъ литературнаго персидскаго, а особенно сосѣдняго тюркскаго (азербейджанскаго) языка, который татамъ хорошо знакомъ. Рефератъ будетъ напечатанъ цѣликомъ въ „Трудахъ по востоковѣдѣнію издаваемыхъ Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ“.

По прослушаніи реферата, О. Е. Коршъ обратилъ вниманіе на исчезновеніе въ этомъ языкѣ всякихъ слѣдовъ разницы между *йе* и *waw* маджһуль и *йе* и *waw* ма'рұф, — исчезновеніе интересное потому, что тутъ же, у сосѣднихъ тюрковъ-азербейджанцевъ, слѣды этой разницы въ заимствованныхъ ими персидскихъ словахъ далеко не затерлись: срв. азерб. *дост* (= другъ, при обычномъ персидскомъ *дуст*); также въ татскомъ *дө* (= *دیو*), звукъ *ө* не есть отраженіе *é* (дѣв), а легко объясняется азербейджанскимъ *дөв* (= дивъ). Соглашаясь съ мыслью В. О. Миллера о необходимости объяснять многія явленія татскаго вокализма не фонетическимъ путемъ, а путемъ заимствованія изъ азербейджанскаго или литературнаго персидскаго языка, О. Е. Коршъ въ дополненіе отмѣтилъ еще фонему *лаш* (падалъ *لانش*), какъ взятую прямо отъ азербейджанцевъ. Въ параллель къ указанному В. О. Миллеромъ вставочному *б* въ „домбор“ (перс. *داماد* = зять), О. Е. Коршъ съ своей стороны указалъ старинное персидское „Дамбаванд“ (гора Демавендъ, *دماوند*), принятое какъ разъ въ этой формѣ и армянами. Звукъ „у“ въ заимствованныхъ изъ русскаго языка словахъ „пуднус“ (= подносъ) и „насосъ“ (насосъ) О. Е. Коршъ отнесъ прямо къ вліянію азербейджанскому. Многія догадки, теоретически свидѣтельствующія объ азербейджанскомъ фонетическомъ вліяніи, фактически подтверждены были С. Н. Тэръ-Саргсянцомъ, который со своей стороны тутъ же приводилъ совпаденія или параллели изъ фактовъ азербейджанскаго языка.

Г. А. Халатьянцъ прочиталъ:

а) Некрологъ Маттаѳи Гарагашяна, скончавшагося въ декабрѣ 1903 года. Присутствующими память его была почтена, по предложенію Предсѣдателя, поднятіемъ съ мѣсть.

б) Докладъ: Итоги научной критики „Исторіи Арменіи—Моисея Хоренскаго“. Докладъ будетъ напечатанъ цѣликомъ.

Г. А. Халатьянцъ принесъ въ даръ библиотекѣ Археологическаго общества свой трудъ: „Армянскіе Аршакиды въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго“ (М. 1903), а А. Е. Крымскій — изданныя подъ его редакціей и съ его введеніемъ „Турецкія народныя пѣсни“ (М. 1903) и свой оттискъ изъ Записокъ Академіи Наукъ: „Отзывъ о книгѣ И. Стешенка: Поезія И. Котляревскаго“.

№ 88. Протоколъ засѣданія 5-го марта 1904 года подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи предсѣдателя Общества графини

П. С. Уваровой, гг. членовъ Х. И. Кучукъ-Иоаннесова, М. О. 'Аттаи, А. С. Хаханова, Мирзы-Джафара, Мирзы 'Абдаллаха Гаффара, О. Е. Корша, гостей В. Д. Габинова, Д. В. Солодова, П. П. Введенскаго, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ Евреинова, Крылова, Владимірскаго, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.
2) В. О. Миллеръ прочиталъ сообщеніе о консонантизмѣ мусульманско-татскаго языка *), причемъ обратилъ особенное вниманіе на слѣдующія его черты:

- а) Языкъ этотъ имѣетъ склонность къ палатализациі.
- б) Соблюдается изглашеніе словъ на звонкіе.
- в) Кромѣ того, замѣчательная общая черта съ еврейско-татскимъ языкомъ — переходъ δ въ ρ (δ въ ρ).

По выслушаніи сообщенія, О. Е. Коршъ отмѣтилъ, что нѣкоторыя характерныя черты татскаго консонантизма имѣются и въ обыкновенномъ ново-персидскомъ языкѣ, только не такъ ярко выражены; срв. ново-персидскій ورثكسته = „банкротъ“ (см. ورثكسته). Далѣе О. Е. Коршъ съ большимъ вниманіемъ остановился на случаяхъ тюркскаго фонетическаго вліянія на татскій консонантизмъ, — вліянія, которое отмѣчено было и въ рефератѣ В. О. Миллера. Въ заключеніе онъ сдѣлалъ нѣкоторыя свои дополненія къ тѣмъ или другимъ наблюденіямъ референта.

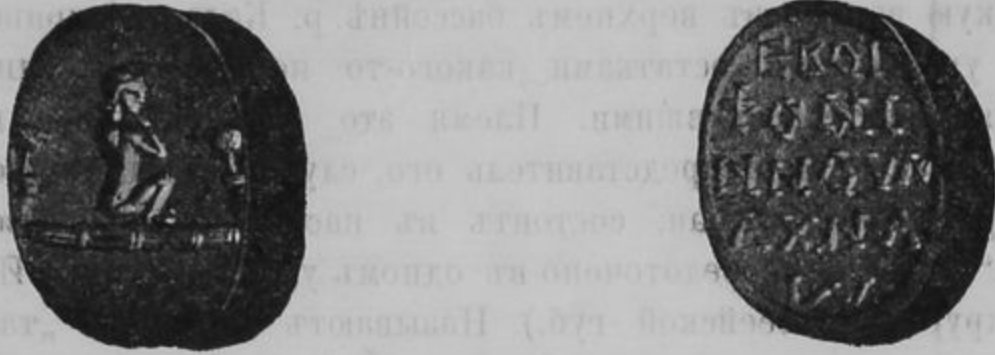
3) М. О. Аттая демонстрировалъ куски шелковой матеріи съ арабскими надписями, присланные въ наше Археологическое Общество изъ Местской церкви въ Сванетіи, гдѣ они и были разысканы, и представляющіе изъ себя лишь лоскутья, а также найденный тамъ щитъ и сосуды. Общаго текста надписи на матеріи разобрать теперь нѣтъ возможности, и видны только отдѣльныя слова, какъ الله или اللاهم . Относятся они къ вѣку, вѣроятно, X—XI. А одинъ изъ кусковъ матеріи — персидскій. Надпись на щитѣ — одна изъ суръ Корана, начертанная куфійскимъ письмомъ. Надписи на сосудахъ — крайне неразборчивы, хотя общій куфійскій ихъ характеръ ясенъ. Референтъ высказалъ надежду, что, быть можетъ, онъ еще сумѣетъ въ нихъ разобраться.

№ 89. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 22 марта 1904 года, подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ О. Е. Корша, М. О. Аттая, Х. И. Кучукъ-Иоаннесова, А. С. Хаханова, гостя Б. С. Мусатова, К. А. Фрейтага, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ гг. Евреинова, Данилова, Попова, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

*) Печ. въ „Трудахъ по востоковѣдѣнію“, изд. Лазар. Инст. Вост. яз.

2) Представлена была для разсмотрѣнія гг. членамъ Восточной Комиссіи присланная М. С. Шекинымъ греческая медаль изъ Систана, о которой было читано въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій его письменное сообщеніе (см. протоколь № 87).

Непосредственное разсмотрѣніе памятника привело теперь Восточную Комиссію къ совершенно иному заключенію о немъ, чѣмъ то, которое было сдѣлано раньше просто по письменному описанію. В. Θ. Миллеръ призналъ теперь эту медаль, по ея рисунку, за египетскій памятникъ, поздняго времени, — эпохи, пожалуй, Александрійской. Θ. Е. Коршъ подтвердилъ, что это должно быть именно такъ и что позднее фонетическое греческое правописаніе, употребленное въ надписи на медали, тоже подходит къ Египту: египтяне писали греческія слова по слуху, а не придерживаясь этимологіи.

3) В. Θ. Миллеръ прочиталъ очеркъ морфологіи мусульманско-татскаго языка, какъ именъ, такъ и глаголовъ *).

90. Протоколь засѣданія 28 сентября 1904 года подъ предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера въ присутствіи гг. членовъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, М. О. Аттаи, гостей: Д. В. Солодова, гг. студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ ф. Шлиппе, Разумовскаго, Данилова, Остромысленскаго, Евреинова, Рогальскаго, Козакевича, Гильдебрандта, Попова, Мацкевича, Е. Ильина, Никитина, Коссовскаго, Некоры, Максимова, Иванова, Былинкина, Рыбакова, Захаржевскаго, Радугина, при секретарѣ А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколь предшествовавшаго засѣданія.

2) Предсѣдатель В. Θ. Миллеръ представилъ въ Комиссію для передачи въ бібліотеку Общества три новыхъ изданія „Трудовъ по востоковѣдѣнію“ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: 1) свои „Ossetica“, служащія необходимымъ дополненіемъ къ его „Осетинскимъ этюдамъ“, 2) „Курдскій эпосъ“, составляющій одинъ изъ томовъ „Эминскаго Этнографическаго сборника“ и содержащій въ себѣ очень интересные современные

*) Докладъ цѣликомъ теперь изданъ въ „Трудахъ по востоковѣдѣнію“, изд. Лазаревск. Инст. Вост. языковъ“.

отзвуки старо-персидскаго былиннаго эпоса, и 3) „Изслѣдованія въ области 1001 ночи“ Эструпа со „Вступительнымъ очеркомъ литературной исторіи арабскихъ повѣствовательныхъ сборниковъ“ А. Крымскаго.

3) Онъ же прочиталъ слѣдующее письмо г. Ю. Воронова изъ Сухума:

„Во время своей прошлогодней поѣздки въ сѣверо-западные Саяны и Уранхайскую землю, въ верхнемъ бассейнѣ р. Кала мнѣ пришлось встрѣтиться съ угасающими остатками какого-то неизвѣстнаго мнѣ племени, сильно меня заинтересовавшими. Племя это въ настоящее время, какъ сообщилъ мнѣ старѣйшій представитель его, служившій намъ проводникомъ, Иванъ Андреевичъ Шальбаи, состоитъ въ настоящее время всего изъ 18 „бойцовыхъ“ душъ и сосредоточено въ одномъ улусѣ—Верхне-Ильбинскомъ (Канскій Округъ, Енисейской губ.). Называютъ они себя „таежными татарами“ и принадлежатъ къ роду Кгламаджи. Русскіе называютъ ихъ, какъ всѣхъ инородцевъ въ Сибири, „ясачными“ и не отдѣляютъ отъ татаръ.

„Однако, при самомъ поверхностномъ сравненіи ихъ языка съ языкомъ сибирскихъ татаръ (качинскихъ, сагайскихъ и кирагозовъ) бросается въ глаза полное ихъ различіе. Я позволю себѣ привести небольшой параллельный списокъ словъ таежныхъ и степныхъ татаръ и ихъ счисленіе.

	Степные.	Таежные.
	вода —су	бұ
	озеро —кель	тұ
	олень —иды	тó
	лошадь —ат	инэ
	собака —адай	мэн
	медвѣдь —оба	ругабá
	Холодный переваль —сок-кыр	шишти ббра
	1—быр	оп
	2—ыхы	шидэ
	3—уч	нагһыр
	4—торт	тэты
	5—бэш	сумна
	6—алты	мухтұ
	7—джиды	себбi
	8—сез	шишуэгһы
	9—тоз	амитун
	10—он	баһ
	20—джибрби	шидубi
	30—óтуз	нагһырбэ
	40—кырк	тэтыбы и т. д.
	100—джюс	дусюс

для 1000 слова въ языкѣ нѣтъ.

„Кромѣ разницы въ самихъ корняхъ, сильно замѣтны и звуковыя отличія обоихъ нарѣчій; такъ, для звуковъ *n* и *m* существуетъ два произноше-

нія, вполнѣ совпадающія съ твердыми з (п) и џ (ph) и ч (т) и ш (th) кавказскихъ языковъ. Кочевали они въ верховьяхъ рѣкъ Кала и Майчи, и всѣ сохранившіяся названія рѣкъ, озеръ и горъ звучатъ на языкѣ этихъ „таежныхъ“ татаръ: Подд-бу (теперь его называютъ буквальнымъ русскимъ переводомъ—Козель), Памэй-бу (теперь Шаровары, тоже буквальный переводъ), Тэби-бу (Талая рѣчка), Сурнугнэй (Спотыканово) и т. д. Явились они сюда, повидимому, съ запада, въ памяти у нихъ сохранилась р. Иртышъ. Теперь ихъ осталось, какъ я уже говорилъ, всего 18 бойцовыхъ душъ, остальные вымерли отъ кори и оспы. Для меня было бы въ высшей степени интересно выяснитъ, что это за племя, и какое оно имѣетъ отношеніе къ другимъ сибирскимъ инородцамъ; по языку они совершенно не сходны и съ сосѣдними сойотами. Поэтому я и взялъ на себя смѣлость обратиться къ вамъ и просить вашей помощи и указаній. Совершенно почти незнакомый съ литературою по этнографіи нашихъ сибирскихъ инородцевъ, разобратъся самъ въ этомъ вопросѣ я не могу. А между тѣмъ, можетъ быть, этотъ угасающій отпрыскъ какого-то, повидимому, раньше многочисленнаго племени, представилъ бы не мало интереснаго для науки. Я самъ не имѣю въ виду посѣтитъ снова этихъ мѣстъ, но, я думаю, среди интеллигентныхъ работниковъ минусинскаго общества нашлись бы желающіе заняться изученіемъ калмажлинцевъ, если они дѣйствительно могутъ представить интересъ и еще не служили объектомъ научнаго изслѣдованія. Прошу васъ не отказать написать мнѣ, извѣстны ли вамъ эти „таежные татары“, и въ такомъ случаѣ указать, гдѣ бы я могъ найти литературу по интересующему меня вопросу. Приношу вамъ свои извиненія за беспокойство и надѣюсь, что вы не оставите меня своимъ отвѣтомъ, хотя бы въ двухъ словахъ.

Адресъ мой: Сухумъ-Кале, Ботаническій садъ, Юрію Николаевичу Воронову“.

Прочитавши письмо г. Ю. Воронова, В. Э. Миллеръ указалъ, что инородцы, о которыхъ онъ пишетъ, представляютъ собою несомнѣнно остатокъ южныхъ самоѣдовъ. Среди самоѣдовъ надо отличать вѣдь сѣверныхъ и южныхъ. Сѣверные живутъ на востокѣ Арханг. губ., въ Сибири по низовьямъ Оби и Енисея до Хатангской губы. Южные—въ южныхъ частяхъ Енисейской губ. и Томской, почти отатарились. Къ послѣднимъ причисляются: Камасинцы, Койбалы (150 д.), Маторы, Бельтиры, Карагасы и Обскіе самоѣды. Родиной самоѣдовъ была область Саянскаго нагорья, гдѣ Кастрень въ 50-хъ годахъ видѣлъ отатарившіеся народцы, коихъ старики помнили еще прежній (самоѣдскій) языкъ. Оттѣсненные къ сѣверу самоѣды спустились по Оби и были затѣмъ отодвинуты къ морю остяками, съ которыми (судя по народнымъ преданіемъ) они вели нѣкогда ожесточенную борьбу. Въ настоящее время урянхайцы въ верхнемъ бассейнѣ р. Кана говорятъ тюркскимъ языкомъ. „Таежные“ помнятъ р. Иртышъ.

Вотъ сопоставленіе числительныхъ:

Ю	ж	н	ы	е	с	а	м	о	ѣ	д	н:
Калмаджи (таежн. татары). На верхн. Кана въ Енис.	камасниця Енисейск. ост.	и	Хатангой.	Между Енисеемъ и Хатангой.	Въ Тоб. и Енис.	Отъ р. Енисея губ. сѣв. Остяко- самовѣдн.	до	Бѣлаго мо- ря. Юраки.			
1. оп	об, ом	но	но'аі'	о́кер	ноб, нопой						
2. шідэ	шідэ	сіде, сірэ	сіті	седе	сідеа						
3. на́гыр	на́гур	неһу	нагур	нагур, на́р	на́гар, на́р						
4. тэты	тэде	тего	тята	тет, тет	тет, тјет						
5. сумна	сумула	сборлегго	санфалжанка	сомблан	самлян						
6. мухту́	муктуд	моту́	мату́	мухтут	мат'						
7. себѣ	сеібу́	се'о	сѣйбуа	с'елдје	сіу, шеу						
8. шиндэ́гы 2×4	шинтеде	сірі-ого	сіті-дата	седе-чан-кѣт	сіден-дјет						
9. амітун	амітун	неса	намеайтюма	о́кер-чан-кѣт	хасава-ју						
10. баһ	біен, біед	біу́	бі́	кѣт	ју						
20. шідэбі 2×10	шідэ	біед	сідіу́	седе сарм	сіде ју						
100. джюз	тјос	ју́	јір	тон, тот	јур						
олень	то		ага́								

4) Доложено было письмо прив.-доц. А. Гляйе изъ Томска отъ 13/IX 1904 г. о новыхъ, готовыхъ къ напечатанію его работахъ, въ частности—относительно народа „Митани“. Письмо адресовано къ г. Предсѣдателью Восточной Комиссіи, который прежде его прочтенія напомнилъ, что г. А. Гляйе (магистръ сравнительной грамматики), учившійся за границею (въ 1892 г.) и служившій на Кавказѣ, уже извѣстенъ своимъ изслѣдованіемъ: Die ethnologische Stellung der Lykier (Helsingfors 1900); онъ изучалъ и армянскій и грузинскій языки и другіе кавказскіе, съ которыми сближаетъ нѣкоторые загадочные европейскіе. По поводу народа „Митани“ В. Θ. Миллеръ напомнилъ Комиссіи, что Митани упоминаются въ знаменитой Телль-эль-амарнской перепискѣ (фараоновъ Аменготповъ). Они принадлежали къ хаттійской группѣ народовъ и жили по обоимъ берегамъ верхняго Ев-

фрата (въ Месопотаміи) и на востокъ отъ Евфрата до Ассиріи *). Въ такъ наз. Нахарина въ 15 вѣкѣ цари Митани, владѣвшіе въ то время Ниневіей, находились въ сношеніяхъ съ царями 18-й династіи египетской. Митанійское государство занимаетъ видное мѣсто между Вавилонскимъ (въ то время подъ Касситской династіей) и Египетскимъ. Митанійскіе цари (Душратта) пишутъ на вавилон. языкѣ письма Аменфису III и IV, главнымъ образомъ прося у нихъ золота и посылая своихъ дочерей въ гаремъ египетскаго фараона. Дошло только одно письмо на митанійскомъ языкѣ.

Что касается письма г. Гляйе, то оно слѣдующее:

Von mir liegen jetzt einige Sachen so ziemlich fertig und harren der Übersetzung ins Russische. Mir fehlt nur noch einiges aus der Literatur,— ich hoffe jedoch noch in diesem Jahre die betreffenden Artikel dem Drucke übergeben zu können. Als Mitglied der Vorderasiatischen Gesellschaft (Berlin) erhielt ich von Dr. Messerschmidt dessen Mitanni-Studien zugesickt. Ich glaube nun Ihnen mitteilen zu können, dass es mir gelungen ist in der Sprache der Mitanni eine mit dem Abchazischen und Tscherkessischen verwandte Sprache zu erkennen. Ich beabsichtige in den nächsten Tagen Herrn L. L. Lopatinski nach Tiflis einen Aufsatz über diese Frage zu senden. Nach meiner Ansicht haben sich die Kolchier von Norden her über das ganze westliche Armenien bis nach Mesopotamien hin ausgebreitet. Nach der Auffassung verschiedener deutscher Gelehrten ist die Sprache der Mitanni mit der Sprache der Van-Bevölkerung verwandt. Ich bin stets ein Gegner der Ansicht gewesen, die Keilschriften von Van enthielten einen Kartwelischen oder—horribile dictu—armenischen Dialect. Gleichermassen ist auch nicht die Auffassung Prof. Хаханов's dass die Kolchier Vorfahren der heutigen Lazen seien. In den Kolchiern sehe ich einen nordwest-kaukasischen, dem Abchazischen-Tscherkessischen nahe verwandten Stamm. Sind nun die Mitanni wirklich mit der Sprache der Van Bevölkerung verwandt, so müssten wir auch in der letzteren einen abchazisch-tscherkessischen Dialect erkennen. Ich wage diese Frage jedoch noch nicht zu entscheiden, bevor ich nicht die Arbeiten von Nikolskij und Anderen über die Van-Denkmalen kennen gelernt habe. Es wäre nicht undenkbar, dass die Van-Bevölkerung von Süd-Osten her in ihre späteren Wohnsitze eingewandert sei und sprachlich mit der südlichen und östlichen Caspi-Bevölkerung verwandt ist, deren ugro-finnisch Charakter für mich keinem Zweifel unterliegt. Eine Arbeit über die Ugro-finnen werde ich noch in diesem Jahre Prof. Setälä nach Helsingfors senden. Ich möchte Sie nun, hochgeehrter Herr Professor, ganz ergebenst bitten mir,—eventl. leitweise die Arbeiten von Nikolskij über die Inschriften von Van zusenden zu wollen. Wenn ich nicht irre, hat auch Prof. Mseriantz über die Van-Inschriften einiges geschrieben. Ich kann meine Arbeit über die Ugro-finnen nicht früher nach Helsingfors absenden, bevor ich nicht über die ethnologische Stellung der Van-Bevölkerung eine Entscheidung getroffen habe. Da es sehr möglich ist, dass über kurz oder lang von Seiten ausländi-

*) Вообще Мелитенэ, сѣвер. Сирія и сѣверн. Месопотамія въ XVII, XVI в. были во власти Митани (и даже южнѣе до Ливана).

scher Gelehrten ein Zusammenschlag zwischen Mitanni und Abchazisch (Tscherkessisch) behauptet werden sollte, so bitte ich Sie ganz ergebenst gegebenen Falles zu bezeugen, dass mir die Priorität gebührt...

Arthur Gleye.

По мнѣнію В. Ө. Миллера самая идея г. Гляйе въ принципѣ своемъ вполне допустима, но, покаместъ, письмо его ничего еще не даетъ: надо подождать опубликованія его изслѣдованія, и лишь тогда можно будетъ судить, доказательно ли оно.

5) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сдѣлалъ сообщеніе о двухъ армянскихъ надписяхъ, найденныхъ имъ въ Кишиневѣ, въ мѣстной армянской церкви Св. Богородицы. Первая изъ нихъ на полукругломъ мраморномъ камнѣ и хранится на хорахъ, другая—на четырехугольной мраморной доскѣ и вдѣлана въ стѣну надъ дверью, ведущей изъ паперти въ церковь. Въ этихъ надписяхъ говорится объ основаніи вышеозначенной церкви. Последняя, какъ видно изъ первой надписи, была построена въ 1803 году, на средства Іоаннеса, —сына Акопджана. Церковь недолго просуществовала: вслѣдствіе ли пожара или ея малыхъ размѣровъ, ее пришлось перестроить и на этотъ разъ на средства всѣхъ прихожанъ, коихъ имена перечислены во второй надписи, датированной 1804 годомъ. Далѣе г. референтъ разобралъ особенности и нѣкоторыя погрѣшности въ текстѣ надписей и, между прочимъ, замѣтилъ, что указаніе въ нихъ на современника патріарха Давида не совсѣмъ точно, ибо въ то время законнымъ патріархомъ эчмиадзинскимъ былъ Данииль, а Давидъ являлся лишь узурпаторомъ. По настоянію русскаго правительства, эриванскій сардаръ въ 1807 году свергъ Давида съ престола и возстановилъ Даниила въ его правахъ. Упомянутое же Давида въ разбираемыхъ надписяхъ слѣдуетъ приписать сторонникамъ Давида, во главѣ которыхъ стоялъ архимандритъ Григорій, впоследствии архіепископъ кишиневскій, о коемъ имѣются обстоятельныя свѣдѣнія въ Архивѣ фамиліи гг. Лазаревыхъ, въ библіотекѣ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

6) Секретарь Комиссіи А. Е. Крымскій сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Школа, просвѣщеніе и литература у русскійхъ мусульманъ“ *).

91. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 3 ноября 1904 года, подъ предсѣдательствомъ В. Ө. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ Г. А. Халатьянца, А. С. Хаханова, М. О. Аттаи, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, находящагося профессоромъ изъ Персіи Б. В. Миллера, референта Д. В. Солодова, студентовъ

*) Напечатано по-малорусски въ его книгѣ „Мусулманство і його будучність“, Львів, 1904, стр. 176—212. (=Літературно-наукова Бібліотека, кн. 88—90). Съ малорусскаго статья переведена на русскій языкъ г. Разумовскимъ и напечатана въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“, кн. 63.

Лазаревского Института Восточныхъ языковъ — Радугина, Анспаха, Захаржевского, де-Боярь-Боярского, П. Попова, Иванова, Никитина, Рыбакова, Якубовского, Козакевича, Разумовского, Рогальского, Покровского, Данилова, Коссовского, Гильдебрандта, Евреинова, ф. Шлиппе, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Д. В. Солодовъ прочиталъ „Опытъ сводной біографіи Саадія“. Въ основу была положена референтомъ старинная диссертациі о Саадіи И. Н. Холмогорова, которую онъ пополнилъ и подправилъ на основаніи болѣе новыхъ изслѣдователей.

3) Прочитана А. С. Хахановымъ присланная статья о Джанашивили о различныхъ старинныхъ грузинскихъ церковныхъ надписяхъ, снятыхъ имъ и переведенныхъ. Восточная Комиссія предложила А. С. Хаханову взять на себя предварительную обработку реферата о Джанашивили, чтобы онъ могъ быть напечатанъ въ „Древностяхъ Восточныхъ“.

4) А. С. Хахановъ прочиталъ свой переводъ открытаго имъ грузинскаго апокрифа о судѣ Понтія Пилата надъ І. Христомъ. Докладчикъ относитъ рукопись къ XVI вѣку, но самый переводъ — къ первымъ вѣкамъ христіанства, — вѣроятно, съ греческаго языка *). — Г. А. Халатьянцъ оспаривалъ правильность послѣдняго предположенія и высказалъ догадку, что грузинскій переводъ сдѣланъ съ армянскаго языка. Часто употребляемое въ грузинскомъ текстѣ слово „пасенаг“ (тѣлохранитель, стражникъ) тоже, по мнѣнію Г. А. Халатьянца, намекаетъ на армянскій оригиналъ (срв. армянское паһнак, изъ паһенак).

5) К. Г. фонъ-Шлиппе представилъ сдѣланный имъ снимокъ со старинной армянской надписи на Елеонской горѣ въ Іерусалимѣ. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ уже сдѣлалъ переводъ этой надписи, но обнаружилъ, что она снята г. Шлиппе неполностью. М. О. Аттая сообщилъ, что и у него имѣется фотографическій снимокъ этой же надписи, сдѣланный покойнымъ архимандритомъ Антониномъ, и высказалъ надежду, что сопоставленіе обоихъ снимковъ дастъ возможность установить вполне правильное чтеніе. Г. А. Халатьянцъ обѣщалъ г-ну ф.-Шлиппе помочь ему сообщеніемъ надлежащихъ историческихъ свѣдѣній, чтобы онъ могъ сдѣлать докладъ объ этой Елеонской надписи въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Сирію и Палестину, слушаніе котораго предположено въ ближайшемъ засѣданіи.

92. Протоколъ засѣданія 18 ноября 1904 года, подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ М. О. Аттая, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Л. З. Мсеріанца, референта К. Г. ф.-Шлиппе, студентовъ Лазаревского Института Восточныхъ языковъ: Данилова, Никитина, Рыбакова, Рогальскаго, Некоры, Балакина, М. Иванова, Гильдебрандта, Былинкина, Евреинова, Александровича, Остромысленскаго, Лойко, Хури, при секретарѣ А. Е. Крымскомъ.

*) Постановлено издать въ „Древностяхъ Восточныхъ“.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Л. З. Мсеріанць сообщилъ: „Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для древне-персидской филологіи“*). Сдѣлавъ общій историческій очеркъ состоянія Персіи въ царствованіе Дарія II Оха (Нота), къ эпохѣ котораго относится изданный проф. Euting'омъ (Парижъ, 1903) страсбургскій папирусъ („въ 14-й годъ Дарія царя“, т. е. 411 — 410 а. Ch. N.), и отмѣтивъ значеніе этого документа для болѣе точнаго фиксированія даты начала возстанія въ Египтѣ при Даріѣ II (по мнѣнію референта 412 а. Ch. N.), Л. Мсеріанць остановился главнымъ образомъ на лингвистическомъ анализѣ встрѣчающихся среди арамейскаго текста папируса древне-персидскаго лексикальнаго элемента. Референтъ отмѣтилъ весьма точную транскрипцію имени царя Дарія (съ наличнымъ *h* передъ *u*: *Dārayavahuš), а также обратилъ вниманіе, что всѣ прочія др.-персидскія слова являются уже съ средне-персидскою (пехлевійскою) фізіономіей, напр. *azd* „извѣстіе“ (въ др. перс. надписяхъ: *azdā*), *Aršam*, и пр. (др. перс. **Aršamah*) и т. д.

Попутно референтъ обратилъ вниманіе на возможность считать нѣкоторыя изъ персидскихъ заимствованій въ др.-армянскомъ (какъ *azd*) уже за заимствованія изъ эпохи до-аршакидской.

Л. З. Мсеріанць отмѣтилъ также, что объясненіе, данное Halévy (*Revue Sémitique* 1904, 1-я тетрадь) встрѣчающемуся въ страсбургскомъ папирусѣ *anzanite*, которое онъ считаетъ за аншанское (аншанское *tepti* — даетъ возможность установить фактъ присутствія въ др.-персидскомъ эламскихъ заимствованій, что уже и раньше можно было предполагать *a priori*).

3) К. Г. фонъ-Шлиппе далъ описаніе своей поѣздки на востокъ лѣтомъ 1904 года—черезъ Константинополь въ Сирію. Больше всего онъ останавливался свое вниманіе на Константинополѣ и ливанскихъ деревняхъ подъ Бейрутомъ. Подробнѣе о своихъ наблюденіяхъ въ прочихъ мѣстахъ Ливана, въ Баальбеккѣ и въ Палестинѣ, референтъ обѣщалъ сообщить въ слѣдующемъ засѣданіи.

№ 93. Протоколъ засѣданія 21 февраля 1905 года, подъ предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи предсѣдательницы Общества граф. П. С. Уваровой, гг. членовъ М. О. Аттаи, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, А. С. Хаханова, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Никитина, референта К. Г. фонъ-Шлиппе, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ В. В. Данилова, Котлярова, Евреинова, де-Бояръ-Боярскаго, Никитина, Захаржевскаго, Разумовскаго, Радугина, при секретарѣ А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Предсѣдатель доложилъ сообщеніе Н. Пантусова, присланное изъ Семирѣченской области: „Китайская кумирня Бей-Юнь-Гуань въ Аксуйскомъ ущельи Илійскаго края“. Въ нынѣшнемъ своемъ

*) Напечатано въ нынѣшнемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“.

видѣ кумирня есть постройка новаго времени, но построена, несомнѣнно, на старинномъ святилищѣ. Съ археологической точки зрѣнія описаніе ея у г. Пантусова не представляетъ особаго интереса, и сообщеніе его гораздо интереснѣе въ отношеніи этнографическомъ, хотя, къ сожалѣнію, не охватываетъ самаго главнаго,—именно, не даетъ описанія культа. Несмотря на это, Комиссіей постановлено имѣть въ виду статью г. Пантусова, для печатанія, хотя бы и не въ ближайшемъ выпускѣ.

3) Предсѣдатель В. Θ. Миллеръ доложилъ статью Мункачи: „Объ аланскихъ (осетинскихъ) элементахъ въ мадыарскомъ языкѣ“, — оттискъ изъ Keleti Szemle. Нѣкоторыя этимологіи автора В. Θ. Миллеръ находитъ рискованными (напр., ёспер = лошадь); относительно другихъ словъ, которыя общи не только осетинскому и венгерскому языкамъ, но имѣются также у вогуловъ, В. Θ. Миллеръ сомнѣвается, дѣйствительно ли отъ аланъ заимствованы ихъ мадыары: быть можетъ, отъ вогуловъ? Въ общемъ, однако В. Θ. Миллеръ призналъ вполне доказанной теорію Мункачи о древнемъ сосѣдскомъ жительствѣ аланъ-иранцевъ и мадыаръ (венгровъ).

4) Онъ же доложилъ письмо кн. Б. Н. Шаховскаго изъ Бургаса объ одномъ загадочномъ орнаментѣ, на бронзовыхъ пластинкахъ, приобрѣтенномъ въ Бургасѣ на пароходѣ и напоминающемъ собою какую-то надпись, буквы которой похожи не то на глаголическія, не то на старинно-грузинскія или уставно-армянскія. Восточная Комиссія, разсмотрѣвши снимокъ *), могла высказать съ увѣренностью, что ни глаголической, ни армянской, ни грузинской азбуки усмотрѣть въ орнаментѣ нельзя, — напротивъ (какъ указалъ А. Е. Крымскій) нѣкоторыя буквы носятъ совершенно ясный сабейскій характеръ. Присутствовавшій здѣсь студ. В. П. Никитинъ выразилъ желаніе разобрать, если возможно, эту надпись поточнѣе и представить результаты своего опыта въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Комиссіи.

5) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сообщилъ объ армянскомъ манускриптѣ XV вѣка „Нарекъ“, представляющемъ собою твореніе армянскаго духовнаго писателя X вѣка—Григорія Нарекскаго. Рукопись принадлежитъ референту. Писана она на бомбицинѣ, круглымъ почеркомъ, въ одинъ столбецъ и заключаетъ въ себѣ 322 листа; длина и ширина страницы $14\frac{1}{2}$ × 10 сант. На первыхъ пяти страницахъ имѣется стихотворное посвященіе нѣкоего Аракела Григорію Нарекскому; затѣмъ, — слѣдуютъ оглавленія 95 главъ со вступленіемъ автора. Орнаментировка рукописи очень богата, вообще, и число миниатюръ, особенно узоровъ и различныхъ украшеній, доходитъ почти до ста. Между ними г. референтъ отмѣчаетъ нижеслѣдующія: всю вторую страницу седьмого листа занимаетъ миниатюра Григорія Нарекскаго въ святительскихъ ризахъ, съ тиарой на головѣ; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ молитвенную книгу, вѣроятно „Нарекъ“, въ правой — посохъ; во второй миниатюрѣ онъ изображенъ въ монашескомъ фелонѣ чернаго цвѣта, съ остроконечнымъ клобукомъ на головѣ; въ третьей—онъ въ малиновыхъ

*) Онъ изданъ ниже, въ протоколѣ № 94.

священническихъ ризахъ, руки подняты молебнo и вокругъ головы сiяніе; наконецъ, въ четвертой — онъ изображенъ старымъ монахомъ въ обычной одеждѣ, руки сложены крестообразно на груди, а на головѣ шапочка, подобная той, какую и теперь еще носить черное духовенство у армянъ. Заставка византійскаго образца занимаетъ половину первой страницы восьмого листа. Попадаются два типа ангеловъ въ красной одеждѣ, съ распущенными крыльями: одинъ стоитъ на колѣнахъ, безъ головного убора, въ правой рукѣ—цвѣточекъ гвоздики, лѣвая протянута впередъ, талія перехвачена синимъ поясомъ; другой изображенъ въ ростъ, на головѣ красная шапочка и въ обѣихъ рукахъ онъ держитъ по рипидѣ. Изъ трехъ миниатюръ сирень одна въ красной шапочкѣ, другая въ зеленой, а у третьей—пестрая чалма, заканчивающаяся шарикомъ. Поясное изображение Савла въ красномъ облаченіи, съ сiяніемъ вокругъ головы и листочкомъ въ рукѣ. Единственное изображение женской фигуры съ неестественно-тонкой таліей, съ головнымъ уборомъ, украшеннымъ цвѣтами, нельзя признать особенно удачнымъ въ художественномъ отношеніи. Изъ другихъ украшеній разбираемаго памятника слѣдуетъ указать на одинъ типъ шатровой башни, съ крестомъ на вершинѣ. Далѣе, идутъ изображенія изъ животнаго царства: львицы, орла съ поросенкомъ въ когтяхъ, неуклюжей фигуры обезьяны, съ синимъ шаромъ на головѣ, надъ которымъ треугольникъ съ кистью; затѣмъ, рогъ изобилія, разные узоры изъ цвѣтовъ и арабесокъ и проч. Всѣ вышеозначенныя миниатюры и украшения въ художественномъ отношеніи воспроизведены чрезвычайно реально, просто и естественно. Рукопись прекрасно сохранилась благодаря прочному досчатому переплету, который снаружи обтянутъ кожей, внутри обитъ златотканной матеріей; чехоль также изъ восточной матеріи. Изъ выхода видно, что рукопись писана въ 862 году армянской эры (отъ Р. Хр. 1413 г.). Элегія „Нарекъ“ написана Григоріемъ Нарекскимъ, на основаніи Ветхаго и Новаго завѣтовъ, псалмовъ прор. Давида и другихъ духовныхъ сочиненій и состоитъ изъ 95 главъ, начинающихся такъ: „Слово изъ глубины сердца, обращенное къ Богу“. Это весьма популярное сочиненіе у армянъ и выдержало немало изданій. Референтъ сличалъ его съ парижскимъ изданіемъ 1860 года и обнаружилъ много вариантовъ. Рукопись, составляющая теперь собственность референта и входящая въ составъ его рукописнаго собранія, получена имъ въ даръ отъ о. Саркиса Татсизьяна, въ г. Кишиневѣ. По числу это уже второй его даръ; о первомъ см. Труды Восточной Комиссіи Императорскаго Моск. Арх. Общества т. II, выпускъ III (Москва, 1903 г.), стр. 56.

6) К. Г. фонъ-Шлиппе изложилъ свои впечатлѣнія изъ Баальбека и Палестины, вынесенныя имъ во время послѣдней поѣздки на востокъ лѣтомъ 1904 года.

№ 94. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Имп. Моск. Археол. Общ. 21 февр. 1906 г., подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ О. Е. Корша, Мирзы Абдуллы Гаффарова, Х. И. Кучукъ-Иоаннесова, бар. Р. Р. Штакельберга, М. О. Аттаи, Мирзы-Джафара,

В. В. Данилова, референта В. П. Никитина, гг. студентовъ Лазар. Инст. Вост. язык. Владимірскаго, Котлярова, Радугина, Достоевскаго, Иванова, Гильдебрандта, Зданевича, при секретарѣ Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Прочитанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Секретарь демонстрировалъ медаль изъ Вост. Персіи, присланную М. С. Щекинымъ, который въ письмѣ своемъ указываетъ, что эта медаль относится приблизительно къ такому же времени, какъ и присланная имъ раньше (см. протоколы №№ 87 и 89). Точно разобрать ее М. С. Щекинъ не могъ, но кое-чѣмъ надпись заставляетъ его вспомнить повѣрье о фармазонскомъ рублѣ, возвращающемся въ карманъ владѣльца. По предположительному мнѣнію М. С. Щекина, смыслъ греческой надписи таковъ: „Если ты этотъ камень бросишь, онъ вернется къ тебѣ, бросающему“, но М. С. Щекинъ не настаиваетъ на своемъ пониманіи надписи въ виду крайняго искаженія греческаго языка въ ней. Своего чтенія М. С. Щекинъ не приводитъ и сообщаетъ свое мнѣніе лишь объ общемъ смыслѣ надписи.

Ө. Е. Коршъ высказалъ сомнѣніе, позволительно ли вообще считать эту надпись по языку за греческую (кромѣ отдѣльныхъ словъ). Буквы же, по его мнѣнію, могли бы быть прочитаны такъ:

ΟΥΤΟΣΟΛ ΛΟΓΟΣ ΛΒΑΙ ΧΩΡΜΓΙΔΦΙΜ ΩΣΟΝΤΟΝΔΟΝ ΕΘΕΚΕΝΤΟΝΘΕΝ
ΑΜΕΑΝΤΙΒΑΛΗΜ ΟΙΕΙΣ ΕΚΑΣΤΟΝΠ ΡΑΜΜΑΟΑΝΤΙ ΒΑΛΑΩΛΥ ΤΩ,

но изъ этого чтенія не выйдетъ ровно ничего понятнаго. На это А. Е. Крымскій возражалъ, что, наоборотъ, б ѳ льшая часть надписи—явно греческая (οὗτος ὁ λόγος..., ὅσον τὸ [ἐ]νδόν ἔθηκε τὸν, [οὐ]δὲν ἀμαὶ ἀντιβαλὴν, ...εἰς ἕκαστον πρᾶγμα ἀντιβάλλω λίθῳ), но что лишь общая связь текста неуловима.

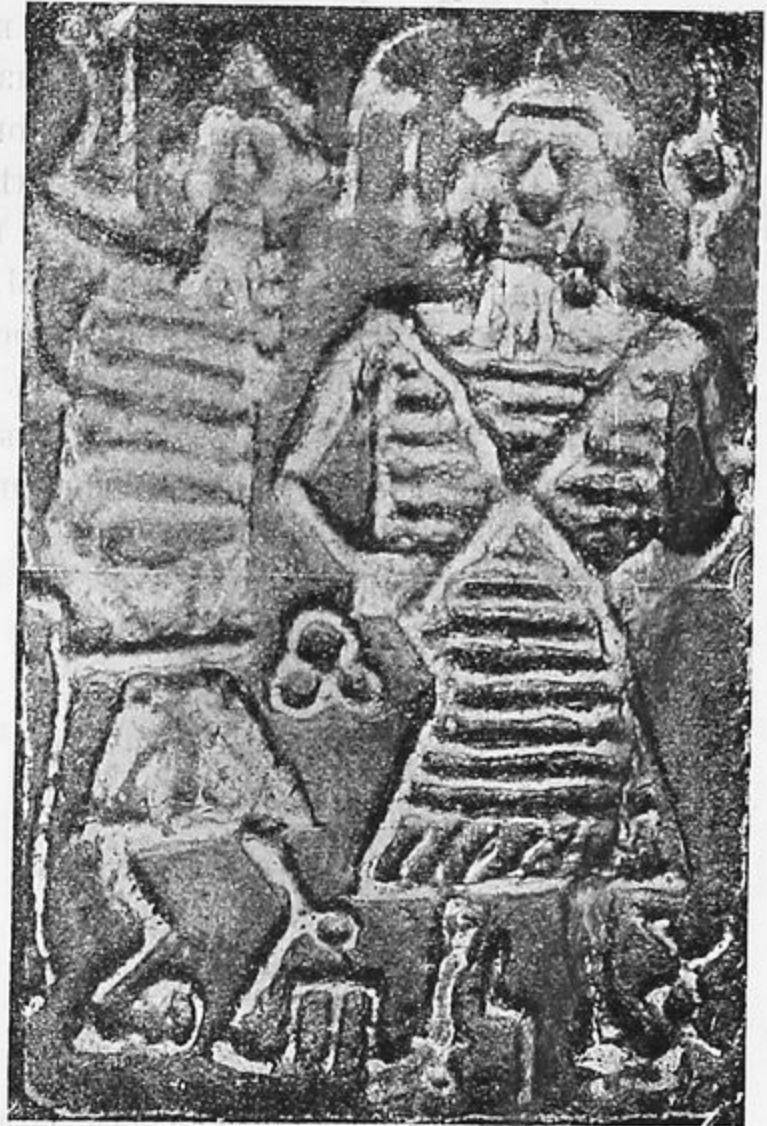
3) А. Е. Крымскій демонстрировалъ, съ соответствующими историческими справками, греческую серебряную монету Александра Македонскаго, найденную однимъ изъ его слушателей въ сѣверной Персіи, въ Тебризѣ (Азербейджанъ). Присутствовавшій здѣсь азербейджанецъ Мирза-Абдулла-Гаффаровъ сообщилъ, что Александровы монеты отыскиваются въ Тебризѣ вообще въ большомъ изобиліи.

4) В. П. Никитинъ сдѣлалъ докладъ о двухъ сабейскихъ надписяхъ, которыя прислалъ кн. Б. Н. Шаховской изъ Бургаса (гдѣ онъ приобрѣлъ ихъ на морскомъ пароходѣ) и въ которыхъ онъ готовъ былъ

предположить нечто глаголическое (см. протокол № 93). Вот уменьшенный снимок съ таблеть ки. Шаховского:

№ 1.

№ 2.

Надпись на первой таблеть В. П. Никитинъ дешифрируетъ (въ транскрибированіи съ южно-арабскаго алфавита на дополненный русскій) такъ:

←	ε[?]ρ	тєh	ε
→	δpha	ihpe	
←	з б	нлѣγ.	

А во второй надписи оказываются буквы:

мкq
уєпє.

Докладчикъ не считаетъ себя въ силахъ понять смыслъ этихъ надписей, но, находя основанія дешифровать ихъ бустрофедономъ (т.-е. читая одну строку справа налѣво, другую — слѣва направо), улавливаетъ въ 1-й надписи слово „ihpe“ и слово „γйлн“, въ которыхъ позволительно видѣть имена: يهزيس (чит. „Иузарис“) и غيلن (чит. „γайлан“)*. Второе изъ нихъ (Гайланъ غيلن)

*) Сѣверно-арабскій алфавитъ примененъ здѣсь въ „Древностяхъ Восточныхъ“ потому, что сабейскаго шрифта типографія не имѣетъ.

встрѣчается у Хадрамаутскихъ властителей періода упадка, а первое (Юхарисъ) можетъ, съ извѣстной натяжкой, быть сближено съ именемъ *يهرعش* („Йухар'иш“). Мы знаемъ Шаммара Юхар'иша, послѣдняго царя Сабейскаго и Зу-Рейданскаго, который въ концѣ своего правленія былъ царемъ Сабы, Зу-Рейдана, Хадрамаута и Йемена, а на престолъ вступилъ между 274—281 гг. по Р. Х. (Срв. Hommel: „Grundlage der süd-arabischen Chronologie“). Если именно этотъ царь Юхар'ишъ и фигурируетъ на нашей таблѣткѣ № 1 подъ начертаніемъ „ihrc“, то въ такомъ случаѣ дата нашихъ таблѣтокъ—III в. по Р. Х. Докладчикъ однако не увѣренъ въ правильности своего сближенія. Прimitивная художественная грубость, съ которою воспроизведены чело-вѣкообразныя фигуры на обѣихъ таблѣткахъ, а также почти навѣрное бу-строфедонный (т. е. архаичный) способъ начертанія надписей могутъ слу-жить основаніемъ для датировки этихъ памятниковъ VIII—IX вѣкомъ до Р. Х.—Памятники, несомнѣнно, надгробные. Характерной для нихъ чертой являются два кружка (глаза), помѣщенные среди изображенныхъ фигуръ.

5) В. Θ. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе: „Новыя осетинскія этимологіи“ *). Θ. Е. Коршъ, выразивши свое полное согласіе почти со всѣми этимологическими объясненіями докладчика, лишь относительно нѣ-которыхъ выразилъ свою неувѣренность; кромѣ того, онъ предложилъ къ нѣкоторымъ изъ этимологій В. Θ. Миллера свои дополнительные параллели.

№ 95. Протоколъ засѣданія Вост. Комм. Имп. Моск. Арх. Общ. 13 сен-тября 1906 г. подъ предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера въ присутствіи гг. членовъ М. О. Аттая, Θ. Е. Корша, мирзы Абдаллаха Гаффарова, Х. И. Кучукъ-Гоаннесова, Д. И. Иловайскаго, Д. В. Солодова, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ Никитина, Рогальскаго, Радугина, де-Бояръ-Боярскаго, Н. М. Попова, Гильдебранда, Рафальскаго, Щербины, Гоодмана, Милюкова, Былинкина, Зданевича, Понизовкина, при секретарѣ Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

I. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

II. А. Е. Крымскій сообщилъ, что въ его собраніи арабскихъ рукописей имѣется двѣ полемическія: одна—антихристіанская, другая—антимусульманская; обѣ—изъ Сиріи. О второй сдѣлаетъ сегодня сообщеніе М. О. Аттая, и потому А. Е. Крымскій остановился только на первой—антихристіанской. (Докладъ прилагается къ протоколу, см. стр. 24—31).

III. М. О. Аттая сдѣлалъ докладъ „О полемическихъ арабскихъ сочиненіяхъ христіанъ и мусульманъ“, основаніемъ для котораго послужили двѣ рукописи: одна—антимусульманская, изъ собра-нія А. Е. Крымскаго (вывезена имъ изъ Сиріи)**), другая—антихристіанская, принадлежащая библиотекѣ Специальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ и пріобрѣтенная въ Казани. Со стороны языка и стиля можно отмѣтить, что христіанское сочиненіе писано довольно вульгарно, мусульманское же—болѣе приближается къ классическимъ образцамъ. По

*) Печат. въ страсбургскихъ Indogerm. Forschgn.

**) Описаніе прилагается къ протоколу, стр. 31—33.

содержанію христіанское сочиненіе скучно и бездарно, мусульманское—занимательно и талантливо. Главная цѣнность мусульманскаго сочиненія заключается, впрочемъ, не въ его полемическихъ аргументахъ, а въ тѣхъ интересныхъ историко-бытовыхъ субъективныхъ подробностяхъ, которыя сообщаетъ о себѣ авторъ (писалъ 1409 г.), воспитанный испанскими монахами, а потомъ разочаровавшійся въ христіанствѣ и принявшій мусульманство.

IV. Сообщение Вс. О. Миллера: „Кавказское языковѣдѣніе и значеніе его для старо-азіатской этнографіи“*).

V. Секретаремъ А. Е. Крымскимъ прочитано было „Путешествіе изъ Бушира въ Ширазъ въ 1905 г.“ Б. В. Миллера, присланное на имя А. Е. Крымскаго и содержащее въ себѣ много цѣнныхъ наблюденій изъ южной Персіи. По выслушаніи, О. Е. Коршъ обратилъ между прочимъ вниманіе присутствующихъ на распространеніе тюркскихъ поселеній въ Персіи далеко къ югу, отмѣченное и Б. В. Миллеромъ.

Въ дальнѣйшемъ обмѣнѣ мнѣній О. Е. Коршъ обѣщалъ вскорѣ сдѣлать въ комиссіи докладъ о нѣкоторыхъ тюркскихъ этимологіяхъ, недавно затронутыхъ и П. М. Меліоранскимъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛУ № 95.

Описаніе двухъ арабскихъ полемическихъ рукописей изъ собранія А. Е. Крымскаго **).

I. Антихристіанская: „О правой вѣрѣ“ шейха Зіяде ибнъ-Яхъи (Описалъ А. Е. Крымскій).

Точное заглавіе рукописи: كتاب البحث الصريح في ايما هو الدين الصحيح т. - е. „Книга явно-убѣдительнаго разсужденія о томъ, какая вѣра — истинная“. Объемъ — 139 страницъ обыкновеннаго тетраднаго формата въ четвертку. Принадлежала библиотекѣ бейрутской православной школы „Тлетт а'мар“ (=Трехъ Святителей).

На послѣднемъ листѣ приписка, означающая въ русскомъ переводѣ: „Кончилась переписка („насâхат“) этой рукописи рукою презрѣннаго писца („катиб“) Ибрахима ибнъ-Юханна Саррûфа Дамаскинца въ Иерусалимѣ 15 октября 1862 года“. Этотъ переписчикъ — довольно извѣстный православный дѣятель, теперь покойникъ.

Имя автора сочиненія названо въ предисловіи, на л. 4. Это—шейхъ Зіяде (زياده) ибнъ-Яхъи по прозванію ар-Рâсіи. У Хаджи-Хальфы (17-го в.) свѣдѣній о немъ нѣтъ, такъ-что ужъ изъ одного этого можно бы заключить, что жилъ онъ послѣ 17-го вѣка. Но и помимо этого есть въ изложеніи мелкія указанія, позволяющія заключить, что онъ — писатель конца 18-го вѣка. Между прочимъ о типографіяхъ въ Турціи ибнъ-Яхъи говоритъ, какъ о чемъ-то общеизвѣстномъ. По происхожденію, онъ сиріецъ, и въ языкѣ его есть

*) Издано теперь въ „Этнографическомъ Обзорѣнн“ 1906, кн. III—IV.

***) Обѣ рукописи въ настоящее время принесены владѣльцемъ въ даръ библиотекѣ Специальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

сирійскіе вульгаризмы; нѣкоторые изъ нихъ — такіе, какіе считаются архи-вульгарными и крайне строго избѣгаются въ литературѣ, — напр. *نانجيب الى الوسط* (= соврем. „та нжіб ыла λ-wásat“ = представимъ доказательства).

О цѣли составленія своей книги шейхъ Зіяде говоритъ въ предисловіи такъ: „Я замѣтилъ, что всѣ люди, исповѣдующіе ту или другую религію, считаютъ ее за наилучшую и наиболѣе правильную; слѣпо, безъ критики, они бывають преданы ей и не входятъ въ ея сличеніе съ другими религіями. Я, напротивъ, мою религію и мою священную книгу Коранъ внимательно сличилъ съ религіей и книгами христіанъ и іудеевъ, — и безъ всякаго пристрастія къ моей религіи я долженъ былъ прійти къ сознательному заключенію, что нѣтъ вѣры правильнѣе и лучше, чѣмъ мусульманская (л. 5). И совѣтую иновѣрнымъ читателямъ моей книги молиться Владыкѣ бытій, чтобы Онъ вразумилъ ихъ. А Онъ — милостивъ“ (л. 6).

Послѣ предисловія (л. 4—6) и конспекта (л. 7—8) идетъ самое сочиненіе, разбитое на пять главъ.

Глава первая направлена противъ ученія о Св. Троицѣ, т.-е. больше всего — противъ божественности І. Христа. По словамъ шейха Зіяде, глава эта „доказываетъ то, что господинъ нашъ Іисусъ (миръ ему!) не есть настоящій Богъ по своей природѣ и не равенъ Отцу по существу, а его наименованіе „Богъ“ (*تسميته الها*) есть просто прозвище и описательный способъ рѣчи, обычные въ книгахъ Ветхаго и Новаго завѣта, въ которыхъ почтенные и достойные люди народа именуются названіями, означающими божество; Христосъ же (миръ ему!) принадлежалъ къ числу почтеннѣйшихъ и величайшихъ пророковъ и заслуживаетъ лично того же прозвища“ (л. 7) *. — „Мнѣніе о божественности господина нашего Христа“, продолжаетъ ибнъ-Яхья (л. 9), „у самихъ христіанъ — новшество: оно принято только въ IV в. по Р. Х.“. Древніе христіане, ближайшіе по времени къ Іисусу, вѣрили въ единство Бога согласно съ Кораномъ (л. 10). Со стороны такихъ христіанъ возрѣнія соборовъ встрѣчали и теперь встрѣчаютъ сильное противодѣйствіе. (— „Святой Коранъ“, прибавляетъ шейхъ Зіяде въ примѣчаніи на полѣ л. 10, „такихъ людей одобрить“). — Изложивши мнѣнія несторіанъ и аріанъ относительно І. Христа, авторъ находитъ, что они понимаютъ св. Евангеліе вполне правильно, и самъ пускается въ разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, которыя послужили основаніемъ для ученія о троичности Бога; приводя такія мѣста, онъ или прямо отказывается видѣть въ нихъ основаніе для этого ученія, или опровергаетъ ихъ посредствомъ сопоставленія съ другими мѣстами Св. Писанія. Вотъ примѣры его разсужденій. Л. 11: „На основаніи словъ, сообщенныхъ у евангелиста Іоанна въ 10-й гл.: „Я и Отецъ—одно“ заключили, что Іисусъ (миръ ему!) считалъ себя равнымъ Отцу. Но вполне справедливо отвѣчали другіе, что хотя слова, приведенныя у Іоанна, вѣрны, однако въ

*) Слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ почтительный тонъ, съ какимъ говоритъ ибнъ-Яхья про І. Христа. Само собою ясно, что читатель мусульманинъ ужь однимъ этимъ тономъ будетъ расположенъ вѣрить въ идеальное безпристрастіе автора книги „О правой вѣрѣ“.

пользу равенства не свидѣтельствуютъ. У того же Іоанна въ 17-й гл. сказано въ молитвѣ Іисуса вотъ что: „Пусть они (апостолы) будутъ одно въ насъ такъ, какъ Ты, Отче во мнѣ, а я въ Тебѣ“. Если слова: „Я и Отецъ—одно“ означаютъ равенство Іисуса съ отцемъ, то слова, приведенныя нами изъ молитвы Іисусовой, должны означать равенство учениковъ Христовыхъ съ Отцомъ, а это рѣчь—неподобающая“. Л. 12: „Какой смыслъ придаетъ Іоаннъ слову „одно“, видно изъ его перваго соборнаго посланія, гдѣ сказано: „Три — свидѣтельствующіе на небѣ: Отецъ, Слово и Духъ, и эти три — одно. И три — свидѣтельствующіе на землѣ: духъ, вода и кровь, и эти три — одно“. Но видимъ же мы, что это — не одно, а три разныхъ элемента, потому что духъ — особое понятіе, вода — особое понятіе, кровь — особое, совсѣмъ противоположное понятіе. А если такъ, то выраженіе „Отецъ, Слово и Духъ — эти три — одно“ не доказываетъ равенства Іисуса съ Богомъ“. — „Къ тому же“, дѣлаетъ примѣчаніе Зіяде (л. 12), „это реченіе и вовсе отсутствуетъ въ старинныхъ спискахъ Евангелія, существующихъ у христіанъ-единичниковъ“ *). „Древніе христіане говорили нововодителямъ ученія о Троицѣ: „и ветхозавѣтная Библия, и Евангеліе учатъ о единствѣ Всевышняго Бога, — есть только одинъ Богъ, создатель всего, и нѣтъ другого божества, кромѣ Него. Признать преславнаго господина нашего Іисуса за божество будетъ нарушеніемъ единства Божія“ (л. 13). „Слова Евангелія: „Крестите во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ такъ же мало говорятъ о равенствѣ названныхъ трехъ идей, какъ не говорятъ о равенствѣ Мохаммеда съ Богомъ слова великаго Корана: „Вѣруйте въ Бога и Его Пророка“, потому что Отецъ — это дѣйствительно Богъ, тогда-какъ пророкъ Мохаммедъ, или Іисусъ, сынъ Божій, или Духъ — всѣ они созданы (л. 13)“. Съ особеннымъ вниманіемъ шейхъ Зіяде останавливается на тѣхъ мѣстахъ евангельскихъ, въ которыхъ І. Христосъ названъ сыномъ Божіимъ, напр.: „Ты — сынъ Божій“, „Слово было Богомъ“, „Это — сынъ Мой возлюбленный“. Для внушенія читателю той мысли, что эти мѣста не доказываютъ божественности І. Христа, шейхъ Зіяде въ параллель къ нимъ приводитъ (л. 14 — 17) рядъ другихъ мѣстъ изъ Библии Ветхаго и Новаго завѣта, въ которыхъ праведные люди названы „сынами Божьими“. Наконецъ, онъ завершаетъ: если христіане видятъ въ Христовомъ имени „сынъ Божій“ доказательство божественности І. Христа, то на основаніи словъ І. Христа ко всѣмъ людямъ вообще: „Отецъ вашъ небесный совершенъ“ христіане должны вообще всѣхъ людей счесть богами. Разобравши подобнымъ образомъ тѣ мѣста Евангелія, въ которыхъ „позднѣйшіе“ христіане **) находятъ указаніе на божественность І. Христа, шейхъ Зіяде приводитъ изъ Евангелія много такихъ мѣстъ, въ какихъ, по его мнѣнію, содержатся неоспоримыя указанія на челоуѣчество І. Христа. Напр., если въ Евангеліи сказано, что „Богъ-Отецъ далъ власть Сыну“, то отсюда, по

*) Такъ авторъ называетъ несторіанъ.

**) Т. е. жившіе послѣ IV в. и исповѣдующіе мнѣнія не аріанскія и не несторіанскія, — другими словами, всѣ православные и католики и армяне.

словамъ ибнъ-Яхъи, слѣдуетъ, что власти у Иисуса раньше не было, и только отъ Бога онъ получилъ ее, какъ низшій отъ высшаго; если сказано, что „Отець послалъ Сына въ міръ“, то надо отсюда понимать, что Сынъ не равенъ, а подчиненъ Отцу, какъ и всѣ люди; если въ Евангеліи сказано, что „Иисусъ — сынъ человѣческой“ и что Онъ — „первое изъ всѣхъ созданий“, то, на взглядъ ибнъ-Яхъи, не остается сомнѣній, что І. Христосъ былъ человѣкъ, созданный Богомъ, а не Богъ (л. 17—21). Такія разсужденія идутъ до конца 1-ой главы (л. 24), и въ результатѣ читатель — не христіанинъ — долженъ вынести убѣжденіе, что ученіе Христа о Богѣ правильно понято только мусульманами.

— Глава вторая (отъ л. 25) говоритъ о великихъ чудесахъ І. Христа, которыми „позднѣйшіе“ христіане гордятся и видятъ въ нихъ свидѣтельство о Его божественности *). Авторъ-мусульманинъ охотно соглашается, что чудеса Иисуса Христа — замѣчательны, но тутъ же приводятъ множество извѣстій изъ Ветхаго завѣта о чудесахъ Моисея, Или и Елисея (даже кости котораго производили воскресеніе) и приходитъ къ выводу, что ихъ чудеса безусловно замѣчательнѣе Иисусовыхъ. — „Мои сравненія“, предупредительно добавляетъ шейхъ Зіяде (л. 28), „не значатъ, будто господинъ нашъ Иисусъ ни же господина нашего Моисея (міръ ему!). Боже упаси меня! вовсе не то! Я хочу лишь сказать, что Христосъ не выше Моисея и не Богъ для Моисея, какъ въ этомъ увѣряютъ христіане“ **). Сомнѣваться въ реальности и подлинности чудесъ Христовыхъ Зіяде вообще не находитъ возможности, но, вотъ, ученіе христіанъ про чудо, состоящее въ томъ, что крестная смерть І. Христа таинственнымъ, чудеснымъ образомъ искупила Адама и родъ его отъ грѣха, проклятія и смерти, шейхъ Зіяде считаетъ неосновательной выдумкой самихъ христіанъ и не допускаетъ реальности такого чуда: вѣдь и послѣ Христа грѣшатъ христіане, — говоритъ онъ, — какъ грѣшили и прежніе люди дохристіанскіе. А что ужъ говоритъ насчетъ избавленія отъ смерти! По словамъ апостола Павла, Адамомъ вошла смерть въ міръ, а Иисусъ Христосъ принесъ избавленіе.— „Но развѣ послѣ временъ І. Христа люди не умираютъ по прежнему?!“ удивляется ибнъ-Яхъя (л. 29). Господь, произнося проклятіе за грѣхъ, велѣлъ Адаму и его потомству снискивать въ потѣ лица хлѣбъ, землѣ велѣлъ произращать терніе и волчцы, Евѣ и ея потомству велѣлъ въ болѣзняхъ рождать дѣтей, — такъ говорятъ христіане; но не по прежнему ли все это осталось и въ новозавѣтное время? — спрашиваетъ авторъ (л. 29) и заключаетъ, что искупленія не состоялось, да и проклятія Божія (—на все человечество! —) не было. По его мнѣнію (л. 30), въ ученіи христіанъ объ Адамовомъ проклятій и Христовомъ искупленіи содержится богохульное отрицаніе справедливости Божіей. — „Вѣдь если вѣрить завѣтамъ, то Богъ, за

*) Собственно эта глава есть косвенная подготовка къ 3-й, т. е. къ защитѣ Мохаммеда. Мохаммедъ чудесъ не творилъ, и Зіяде хочетъ показать, что тѣмъ не менѣе онъ не долженъ считаться болѣе слабымъ пророкомъ, чѣмъ Мессія.

**) Между строкъ можно читать: „не выше онъ и Мохаммеда“.

грѣхи отцовъ, караетъ потомковъ не далѣе, какъ до третьяго или до четвертаго колѣна, а одинъ изъ пророковъ говоритъ даже: „сынъ не подлежитъ смерти за преступленіе отца“. Значить,—заключаетъ Зіаде,—„здравый смыслъ не выдерживаетъ увѣренія, будто грѣхъ Адама и его наказаніе могли переходить изъ рода въ родъ, отъ личности къ личности, вплоть до прихода Мессіи“.

Глава третья (л. 32—37) посвящена защитѣ личности Мохаммеда противъ христіанскихъ упрековъ. Упреки эти прежде всего обрушиваются на многоженство арабскаго пророка; но ибнъ-Яхья напоминаетъ о святыхъ патріархахъ и царяхъ, у которыхъ было также много женъ. Ставятъ въ вину Мохаммеду его женитьбу на женѣ своего пріемнаго сына Зейда, а забываютъ, что прямые предки І. Христа, люди святые, женились на родныхъ сестрахъ. Упрекаютъ Мохаммеда въ жестокосердіи—за казнь нѣсколькихъ лицъ и за приказаніе воевать съ невѣрными.—„Но“, отвѣчаетъ ибнъ-Яхья (л. 36), „нашъ пророкъ умерщвлялъ вѣдь лишь такихъ враговъ, которые ожесточенно воевали съ нимъ и хотѣли истребить его правую вѣру. И святой Коранъ говоритъ: „сражайтесь съ язычниками такъ, какъ они съ вами сражаются“. Между тѣмъ святые мужи Ветхаго завѣта, напр., Моисей и Іисусъ Навинъ, избивали много тысячъ враговъ при совсѣмъ иныхъ условіяхъ: враги не начинали съ ними вражды, евреи сами на нихъ нападали и умерщвляли, да не только мужчинъ, но и женщинъ, и дѣтей, и младенцевъ, съ цѣлью обезопасить свое пребываніе. Нашъ пророкъ чистъ отъ подобныхъ обвиненій“ *).

Глава четвертая—наиболѣе длинная (лл. 38—87). Ибнъ-Яхья старается въ ней доказать, что въ книгахъ Ветхаго завѣта и Новаго завѣта есть рядъ ясныхъ пророчествъ о Мохаммедѣ. Моисей, напр., сказалъ израильтянамъ: „Богъ воздвигнетъ пророка изъ вашихъ братьевъ, подобнаго мнѣ,—его слушайте“. На взглядъ ибнъ-Яхьи, рѣчь здѣсь идетъ не объ Іисусѣ Христѣ, который вѣдь рожденъ отъ Непорочной Дѣвы, не такъ, какъ всѣ люди, и потому не подобенъ Моисею;—о комъ же Моисей пророчествуетъ? очевидно о Мохаммедѣ (л. 39).—Въ евангеліи Іоанна (гл. I) повѣствуется, что фарисеи послали людей къ Іоанну Крестителю спросить, кто онъ, и тѣ спросили: „зачѣмъ ты крестишь, если ты ни Мессія, ни Ілія, ни (ожидаемый) пророкъ?“ **). Это мѣсто, по изъясненію Зіаде (л. 43), указываетъ на убѣжденіе еврейскихъ законниковъ, что послѣ Мессіи долженъ придти еще одинъ пророкъ. Кто же онъ если не Мохаммедъ? вѣдь кромѣ него не было пророковъ послѣ Іисуса.—И вотъ въ длинномъ рядѣ цитатъ, хитроумно извлеченныхъ изъ Ветхаго завѣта, ибнъ-Яхья старается показать читателю,

*) Это мѣсто интересно для насъ какъ еще одно лишнее доказательство, что и въ настоящее время не всѣ мусульмане могутъ—и въ прежнее время не всѣ могли—стать на такую узкую точку зрѣнія, на какой стоятъ турки, увѣряющіе, будто Мохаммедъ предписалъ войну съ невѣрными наступательную, а не оборонительную.

**) Въ текстѣ слово „пророкъ“ сопровождается членомъ, что указываетъ на идею о пророкѣ извѣстномъ, ожидаемомъ.

что тотъ ожидаемый пророкъ не могъ быть безусловно никѣмъ инымъ, кромѣ Мохаммеда, ибо всѣ его признаки осуществились въ Мохаммедѣ. Иногда аргументація очень остроумна и какъ будто достигаетъ цѣли. Мы лишь вкратцѣ объяснимъ, какъ это удастся сдѣлать ибнъ-Яхъѣ (или вѣрнѣе—его предшественникамъ, потому что доводы его встрѣчаются и у болѣе старыхъ мусульманскихъ полемистовъ). Извѣстно, что евреи составили себѣ представленіе о Мессіи, какъ о свѣтскомъ царѣ-завоевателѣ, и подбираютъ немало мѣстъ изъ Священнаго Писанія, въ которыхъ находятъ предсказаніе о Мессіи въ этомъ желательномъ для нихъ воинственномъ духѣ. Напротивъ, христіане въ тѣхъ излюбленныхъ евреями мѣстахъ Библии не усматриваютъ никакихъ пророчествъ касательно Мессіи, а напротивъ—видятъ въ Ветхомъ завѣтѣ другія самыя ясныя предсказанія объ иномъ Мессіи—царѣ вовсе не отъ міра сего; срв. у Исаи: „яко овча, на заколеніе ведеса“... Шейхъ Зіяде вполне соглашается съ христіанами, что качества грядущаго Мессіи отмѣчены въ библейскихъ пророчествахъ вполне неопровержимо, какъ качества царя не отъ міра сего, какъ пророка кроткаго, беззащитнаго, т.-е. такого, какимъ оказался Іисусъ Христосъ. Однако тѣ мѣста Библии, въ которыхъ образъ Мессіи увидѣли евреи, тоже остановили на себѣ вниманіе ибнъ-Яхъи: въ нихъ, по его словамъ, заключаются предсказанія о томъ, что послѣ Іисуса Христа придетъ въ міръ еще одинъ пророкъ,—такой пророкъ, который одновременно будетъ имѣть власть и духовную и свѣтскую, который будетъ вооруженъ мечомъ и отличится качествами завоевательными, который будетъ имѣть прекрасную наружность, отъ котораго будутъ исходить благоуханія. Всѣ эти признаки, отмѣчаетъ ибнъ-Яхъя, собрались въ пророкѣ ислама. Пророкъ Захарія предсказалъ, что у того грядущаго пророка будетъ десять товарищей,—и это какъ разъ столько, сколько было у Мохаммеда, тогда какъ у І. Христа ихъ было двѣнадцать. Самое имя исламскаго пророка предсказано-де ветхозавѣтными пророками съ полной точностью: Библия называетъ его „похвальнымъ“, а если перевести это слово на арабскій языкъ, то и выйдетъ „Мохаммедъ“.—И вотъ пришелъ онъ наконецъ въ міръ, и тогда родъ Исмаила (т.-е. арабы), отъ котораго евреи пренебрежительно отrekliсь, прославился,—и сбылось пророчество, сказанное самимъ І. Христомъ: „Камень, который отвергли строящіе, сталъ главой угла; отъ Господа это, и оно дивно въ глазахъ нашихъ“. Добавка Христа, что это давно „въ глазахъ нашихъ (=и моихъ—Христовыхъ)“, понимается ибнъ-Яхъею въ томъ смыслѣ, что Христосъ—очевидно—говорилъ свои слова не о себѣ, а о другомъ, грядущемъ пророкѣ,—иначе, о Мохаммедѣ; удивлялся же Христосъ потому, что вообще племя Исмаила не давало ни одного пророка: Мохаммедъ былъ первымъ и послѣднимъ (л. 60).—Наиболѣе обстоятельныя пророчества о Мохаммедѣ ибнъ-Яхъя находитъ у Исаи: „у него нѣтъ ни одного отрывка, гдѣ бы не было несомнѣннаго указанія и намека на Мохаммеда“ (л. 77). Примѣромъ истолкованій текста Исаи ибнъ-Яхъею можетъ служить пророчество: „Встрѣчайте жаждущаго съ водой, о жители юга, и выходите къ бѣглецу навстрѣчу съ хлѣбомъ“; по Зіяде, это—болѣе, чѣмъ прозрачное пророчество о бѣгствѣ Мохаммеда изъ Мекки въ Медину.—

Чтобы разстаться съ этой длинной главой, приведемъ еще указанное ибнъ-Яхъей (л. 80) мѣсто изъ Второзаконія, основанное на совпадении библейскаго и аравійскаго географическаго имени Фаранъ. Это именно — предсмертныя слова Моисея (гл. XXXIII, ст. 1—2): „Богъ пришелъ съ Синая, заблесталъ съ Саира и вполнѣ открылся съ горы Фаранъ“. На Синаѣ—говорить ибнъ-Яхъя—были даны первыя заповѣди пророку евреевъ Моисею; Саиръ находится въ Іудеѣ, гдѣ проповѣдывалъ пророкъ христіанъ Христосъ; гора Фаранъ—возлѣ Мекки *), гдѣ явился пророкъ Мохаммедъ.

Глава пятая (лл. 88—131) посвящена у ибнъ-Яхъи доказательствамъ, что современная редакція Библии не свободна отъ поддѣлокъ или искаженій,—и вотъ ибнъ-Яхъя задался цѣлью обнаружить ихъ, потому-что если ему удастся сдѣлать это, то можно будетъ утверждать, что евреи и христіане вообще не вѣрно толкуютъ откровение Божіе. Онъ сличаетъ, на примѣръ, родословную Іисуса Христа, приведенную у Маттея, съ тѣми данными, какія мы имѣемъ въ книгахъ Ветхаго завѣта, и—конечно—находитъ существенную разницу между ними; отсюда онъ дѣлаетъ выводъ о подложности, а значить—и общей недостоверности христіанскаго Священнаго Писанія. Ибнъ-Яхъя, очевидно, не знаетъ, что хронологическія разнорѣчія Библии давно обратили на себя вниманіе христіанскихъ отцовъ церкви и, тѣмъ не менѣе, въ соблазнъ ихъ не ввели **). — Или другой примѣръ: ибнъ-Яхъя сопоставляетъ указанія четырехъ евангелистовъ о какомъ-нибудь событіи или о догматѣ ученія Христова, — и усматриваетъ въ нихъ взаимныя противорѣчія. Правда, онъ знаетъ, что свв. отцы (Іоаннъ Златоустъ и др.) предлагаютъ толкованія, которыми противорѣчія устраняются; но ибнъ-Яхъя, анализируя такія толкованія, усматриваетъ въ нихъ отсутствіе логическаго мышленія, а не примиреніе противорѣчій.—Многія мѣста изъ Евангелія и Ветхозавѣтной Библии шейхъ критикуетъ и безъ сличенія: просто старается усмотрѣть въ нихъ внутреннюю несообразность. Далекое не во всемъ онъ оригиналенъ: онъ повторяетъ то, что раньше его писали мультульманскіе апологеты. Интереснѣе всего въ его рационалистической критикѣ Библии то, что у него высказаны очень многія мысли, впоследствии высказанныя европейскою библейскою критикою.—Поупражнявшись достаточно въ рационалистическомъ анализѣ Библии, шейхъ Зіаде считаетъ себя вправѣ спокойно утверждать (безъ злорадства, но съ несомнѣннымъ чувствомъ побѣдителя), что нынѣшняя форма священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта, въ какой онѣ имѣются у евреевъ и христіанъ, недостоверна: въ нихъ есть искаженія. И если выдѣлить искаженія, то богодухновен-

*) Что Второзаконіе говоритъ не о мекканскомъ Фаранѣ, объ этомъ, кажется, и напоминать не къ чему.

***) На примѣръ, святой Іеронимъ въ письмѣ къ священнику Виталію отмѣчаетъ подобную *apponum dissonantiam*, но нисколько не колеблется послѣ этого въ своей вѣрѣ, а просто замѣчаетъ, что заниматься подобными вопросами оказывается скорѣе дѣломъ челоуѣка празднаго, чѣмъ усерднаго: «*hujuscemodi haerere quaestionibus non tam studiosi, quam otiosi hominis esse videtur*».

ное учение какъ Моисея, такъ и Христа окажется чистѣйшимъ мусульманствомъ.

Сочиненій, подобныхъ вышерассмотрѣнному, мусульмане имѣютъ не одно. Срв. Moritz Steinschneider: Polemische und apologetische Litteratur in arabischer Sprache zwischen Muslimen, Christen und Juden (въ Abhandlungen f. d. Kunde des Morgenl., VI, 3, Лейпц. 1877). Произведеніе шейха Зіаде ибнъ-Яхъи—образчикъ мусульманской апологетики еще стараго типа. Теперь мусульмане пользуются другимъ, болѣе легкимъ способомъ воевать съ христіанствомъ: они просто берутъ труды европейскихъ ученыхъ библейскихъ критиковъ, извлекаютъ оттуда нужный для себя матеріалъ, подпускаютъ туда большую дозу аргументовъ старо-мусульманскихъ,—и въ такомъ видѣ печатаютъ. Особенно извѣстно изъ новѣйшихъ сочиненій *اظهار الحق* (= „Обнаруженіе истины“) индійца Рахметуллага Дехлійскаго. Оно имѣется и въ двухтомномъ французскомъ переводѣ итальянца Карлетти (Carletti).

А. Крымскій.

II. Противомусульманская „Бесѣда монаха Георгія съ тремя улемами“.

(Описалъ М. О. Аттая.)

Рукопись 13 с. × 9 с., состоитъ изъ 169-ти стр. На первыхъ страницахъ по 13 строкъ въ каждой; отъ 91 страницы по 141-ю — по 15 строкъ на каждой; отъ 142 стр. до конца—по 16-ти строкъ.

Почеркъ всей рукописи — церковный насхи; писана она одной рукой, но разными каламами. Конецъ рукописи написанъ изящнѣе начала. Дата на рукописи обозначена: 24 сентября 1894 года слѣдующими словами: *قدم هذا كتاب بعون الملك الوهاب وكان الفراغ من ذلك في ٢٤ ايلول سنة ١٨٩٤*. Слѣдовательно, рукопись совсѣмъ новая и лишь переписана со стараго оригинала.

Въ этой рукописи два различныя по содержанію сочиненія.

Первое сочиненіе (л. 1—141) носитъ слѣдующее заглавіе: *محاورة بين جرجى الراهب وبين ثلاث من علماء المسلمين بتحقيق الديانة الحسنة* т.-е. „Бесѣда монаха Георгія съ тремя мусульманскими улемами о томъ, какая вѣра несомнѣнно лучше“.

Второе сочиненіе (л. 142—до конца) написано въ формѣ патриаршаго посланія, начинающагося слѣдующими словами: „Смирнѣйшаго среди епископовъ, Софроніоса (антіохійскаго патриарха) посланіе, въ отвѣтъ на протесты жителей города Хайфы, отпавшихъ отъ (православной) церкви“.

Первое же сочиненіе начинается такъ:

„Это происходило въ присутствіи князя, прозваннаго Аль-Мушаммаромъ, брата побѣдоноснаго султана Аз-Загера, сына Іосифа, сына Айюба изъ потомковъ Салахуддина, царствовавшаго надъ мусульманами въ городахъ, Алеппо и Дамаскъ, и въ царствованіе армянскаго Леона, сына Стефана надъ армянскимъ племенемъ (народомъ) 10-го числа въ 6615 году

по отцѣ нашемъ Адамѣ, миръ ему,—каковой годъ соотвѣтствуетъ 1168 году по Р. Х.“.

Далѣе авторъ говоритъ приблизительно слѣдующее: „Случилось, что настоятель Симеонова монастыря, что у моря, явился однажды къ алеппскому султану Аз-Загеру по монастырскимъ дѣламъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ, среди которыхъ былъ и монахъ Георгій, и такъ какъ имъ нужно было остаться въ этомъ городѣ нѣсколько дней, то султанъ приказалъ отвести имъ помѣщеніе во дворцѣ своего брата Ал-Мушаммера, гдѣ они пробыли три дня. Аскетическій видъ Георгія, неземная красота его лица, остроуміе и краснорѣчіе его рѣчи столь поразили Ал-Мушаммера, что онъ вступалъ съ нимъ въ неоднократную бесѣду: узнавъ отъ Георгія объ образѣ жизни монаховъ, князь удивился и спросилъ его, зачѣмъ они ведутъ такую суровую жизнь. Георгій тогда подробно сталъ излагать князю идеаль христіанской религіи. Во время этого разговора вошли три шейха изъ ученѣйшихъ мусульманъ: Абу-Загеръ, Абу-Салâме, сынъ Са'да изъ Мосула, и Абуль-Фадль Алеппскій, и стали упрекать князя за религіозныя разсужденія съ христіаниномъ, но пораженные его видомъ и краснорѣчіемъ, они захотѣли сами вступить съ нимъ въ споръ. Георгій, боясь ихъ гнѣва и несдержанности, сперва отказывался отъ спора, но, послѣ того какъ князь приказалъ ему вступить въ споръ и въ знакъ безопасности вручилъ ему свой перстень, Георгій согласился.

Первый аргументъ, на который ссылался Георгій, въ подтвержденіе истинности христіанской религіи,—это чудеса Іисуса Христа и распространеніе его ученія во всемъ мірѣ и на всѣхъ языкахъ.

Второй аргументъ—это идеальная нравственность, проповѣдуемая евангеліемъ.

Въ подтвержденіе подлинности Евангелія, Георгій указываетъ на то, что на всѣхъ языкахъ текстъ Евангелія одинаковъ. Далѣе Георгій доказываетъ несостоятельность ученія Мухаммеда и отмѣчаетъ то, что лучшая часть его ученія заимствована у христіанства, да и то лишь по наставленію несторіанскаго монаха Бухайры, который былъ еретикомъ и не зналъ истиннаго ученія Христа. Затѣмъ Георгій излагаетъ міровоззрѣніе арабовъ до ислама и относится очень отрицательно къ ихъ быту и нравственности, которые мало измѣнились благодаря исламу. Въ особенности обвиняетъ онъ Мухаммеда въ сладострастіи: имѣлъ много женъ, предавался соитію по девять разъ въ ночь.

Въ заключеніе Георгій изложилъ ученіе о св. Троицѣ и доказывалъ достовѣрность этого догмата примѣрами. Абу-Салâме слабо возражалъ ему. Князь, радуясь успѣху Георгія, подсмѣивается надъ его противникомъ. Вмѣшивается Абу-Фадль. Абу-Фадль предлагаетъ Георгію много другихъ вопросовъ, и послѣдній отвѣчаетъ на нихъ умно и убѣдительно. Этимъ заканчивается вечеръ, гости расходятся, а князь, ласково простившись съ монахомъ, приказываетъ своимъ слугамъ беречь его и ухаживать за нимъ.

На слѣдующій день вмѣстѣ съ прежними шейхами является еще одинъ ученый факыхъ, по имени Аль-Муршедъ бенъ Аль-Махди, и возбуждаетъ

споръ о божествѣ Христа. Георгій доказываетъ ему правильность этого ученія по самому же Корану. Аль-Муршедь поднимаетъ споръ о поклоненіи кресту,—Георгій излагаетъ ему ученіе о поклоненіи кресту на примѣрахъ. Тутъ же монахъ разсматриваетъ разные догматы сабеевъ, евреевъ и мусульманъ, критикуетъ ихъ и доказываетъ правильность христіанской вѣры. Не будучи въ состояніи оспаривать доводы монаха, Аль-Муршедь предлагаетъ ему слѣдующее: „Пусть каждый изъ насъ,—говоритъ онъ,—напишетъ на запискѣ имя своего бога; я напишу „Аллахъ-Вѣчный“ *الله الصمد*, а ты напишешь „Христосъ“, и обѣ записки положимъ въ коробку. Потомъ сотворимъ молитву и вынемъ записки изъ коробки. Чья записка обратится въ бѣлую, тотъ не правъ, и вѣра его не истинная“. Монахъ не принялъ этого предложенія, сказавъ, что это фокусъ, который онъ и самъ можетъ сдѣлать. Съ своей же стороны, Георгій предложилъ развести большой костеръ и войти въ него вмѣстѣ съ Аль-Муршедомъ, и кто останется въ живыхъ, того вѣра истинная. Аль-Муршедь отъ этого отказывается. Георгій предлагаетъ ему слѣдующее безопасное испытаніе. „Иди,—говоритъ онъ,—если пожелаешь, въ баню, умойся тамъ мыломъ, а я останусь здѣсь; въ жизни я не былъ въ банѣ и тѣла своего никогда не мылъ. Когда вернешься сюда, мы окатимся водой изъ одного и того же колодца, и каждый соберетъ свою воду въ особый сосудъ; чья вода издастъ дурной запахъ и будутъ въ ней черви, тотъ будетъ не правъ, и вѣра его ложная“. На это Аль-Муршедь также не соглашается и говоритъ, что у христіанъ нечистота внутренняя, а у мусульманъ внѣшняя, и несмотря на омовеніе стекающая вода съ мусульманина скоро портится, издаетъ дурной запахъ и въ ней бываютъ черви; внѣшняя чистота христіанина зависитъ отъ крещенія и миропомазанія. Послѣдними словами пользуется монахъ, чтобы изложить ученіе о крещеніи и благодати Св. Духа. Этимъ заканчивается споръ на радость князя, который былъ сыномъ христіанки. Князь отпускаетъ Георгія съ подарками и возомъ свѣжихъ рыбъ изъ своего пруда для братіи. Георгія везутъ въ монастырь съ почестями, на княжескомъ мулѣ, который остается тамъ, какъ подарокъ монастырю отъ эмира.

Второе сочиненіе, входящее въ составъ рукописи (л. 142 слѣд. 1), это—патріаршее посланіе, направленное противъ отпавшихъ отъ православной церкви жителей города Хайфы.

Въ этомъ посланіи патріархъ Софроніосъ разсматриваетъ пять положеній, составляющихъ разницу между ученіями православной и католической церквей.

- 1) Вопросъ о главенствѣ папы.
- 2) Исхожденіе Св. Духа.
- 3) Употребленіе прѣснаго хлѣба при таинствѣ причащенія.
- 4) Вопросъ о всемірности римской церкви.
- 5) Безбрачіе бѣлаго духовенства.

Все ученіе римской церкви, относящееся къ этимъ вопросамъ, патріархъ опровергаетъ и доказываетъ правильность ученія православной церкви, ссылаясь на евангеліе, апостоловъ и свв. отцовъ.

№ 96. Засѣданіе 8 марта 1907 года, подь предсѣдательствомъ В. Ө. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, М. О. Аттаи, Д. В. Солодова, А. С. Хаханова, С. И. Тэръ-Саргсянца, мирзы Абдуллы Гаффарова, Г. А. Халатьянца, докладчиковъ—Арсенись-хана и К. К. Гордыскаго, студентовъ Лазар. Инст. Восточныхъ языковъ: Никитина, Зорина, Удинцова, Бѣлановича, Цыгана, Родичева, де-Боярь-Боярскаго, Зданевича, Понизовкина, Гоодмана, Милюкова, Радугина, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Г. Арсенись-ханъ сдѣлалъ сообщеніе: „Персидское духовенство, его прошлая исторія и его новѣйшая освободительная роль“,— сообщеніе, основанное на непосредственномъ знакомствѣ докладчика съ Персіей, гдѣ онъ выросъ.

3) В. Ө. Миллеръ далъ отзывъ:

I. О новомъ изданіи: „Die Litteratur der Babylonier und Assyrier“ von Otto Weber (Лейпц. 1907 = Der alte Orient, 2-ой дополнительный томъ). Характеризовавши прежніе труды по исторіи вавилонско-ассирійской литературы (Бецольда и Сейса), В. Ө. Миллеръ съ полной подробностью изложилъ содержаніе книги О. Вебера, при чемъ съ большимъ вниманіемъ подвергъ анализу слѣдующіе пункты работы Вебера: а) вліяніе клинописи митаннійцевъ на клинопись ассирійскую; б) аккадійскій языкъ (семитскій) и его несовпаденіе съ сумерійскимъ (несемитскимъ); в) ассирійскій эпосъ (Гильгамешъ-Истубаръ) и его составъ; г) псалмы, заклинанія; д) наука: историческія хроники, астрологія, филологія (словари сумерійско-ассирійскіе, школьные силлабаріи; школьныя руководства, учебныя работы) и проч..

II. О работѣ Томаса касательно мѣстожителства саковъ: „Sakastana“—by F. W. Thomas („Journ. of the Royal Asiatic Society“ 1906, January, p. 181—216). В. Ө. Миллеръ сперва характеризовалъ по этому поводу мнѣніе Ф. Юсти (въ Grundr. d. iran. Philol.) и потомъ ужъ перешелъ къ анализу работы Ф. Томаса, который считаетъ Сакастану (Сеистапъ) истиннымъ мѣстожителствомъ саковъ, а не вторичнымъ, въ противность общепринятому воззрѣнію, по которому Сакастана получила свое сакское населеніе лишь во II в. до Р. Х. Возможно, что этотъ вопросъ будетъ выясненъ изслѣдованіемъ иранскихъ діалектовъ Памира. В. Ө. Миллеръ совѣтуетъ обратить вниманіе на памирское нарѣчіе „ягноби“, сходное — какъ есть свѣдѣнія—съ осетинскимъ, т. е. скиео-сарматскимъ.

III. О раскопкахъ Винклера въ Богазъ-кѣѣ и значеніи ихъ для изученія хетскаго языка и исторіи. Основаніемъ для сообщенія В. Ө. Миллера послужила статья Г. Винклера: „Die im Sommer 1906 in Kleinasien ausgeführten Ausgrabungen“ въ Orientalistische Litteraturzeitung, 1906, № 12 (декабрь), стр. 622—634.

4) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сдѣлалъ обстоятельный докладъ объ армянскихъ рукописяхъ музея г. Щукина въ Москвѣ *).

*) Докладъ будетъ напечатанъ въ Описаніи восточныхъ рукописей Щукинскаго музея.

5) К. К. Городыскій подробно сообщил о своемъ пребываніи въ Константинополѣ въ 1905—1906 г. *).

№ 97. Засѣданіе 30 марта 1907 года, подъ предѣдательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: Θ. Е. Корша, Г. А. Халатьянца, Мирзы Абдуллы-Гаффарова, М. О. Атаи, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, референта К. К. Городыскаго, гг. студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ—Никитина, Удинцова, Милюкова, Владимірскаго, Хлѣбникова, Рожновскаго.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) В. Θ. Миллеръ сдѣлалъ дополненія и замѣчанія по поводу отпечатанной работы Л. З. Мсеріанца о египетско-арамейскомъ папирусѣ, помѣщенной въ нынѣшнемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“, и отмѣтилъ ея значительный интересъ. Другія замѣчанія сдѣланы были Θ. Е. Коршемъ, который, между прочимъ, еще разъ подчеркнул несомнѣнное присутствіе въ древне-персидскомъ языкѣ звука *h*, не выражаемаго персидской клинописью лишь за неимѣніемъ особаго соотвѣтствующаго клинописнаго знака.

3) Θ. Е. Коршъ прочиталъ критическое сообщеніе о мусульманско-татскомъ словарѣ, который составленъ и изданъ В. Θ. Миллеромъ (въ „Трудахъ по востоковѣдѣнію“ Лазар. Инст.). Θ. Е. Коршъ считаетъ неудобной принятую авторомъ академическую транскрипцію *ai*: по начертанію „*ai*“ читатель не въ силахъ опредѣлить, имѣетъ ли онъ дѣло съ дифтонгомъ (*ai*) или съ двумя слогами (*a+i*). Желательны были бы и обозначенія удареній на словахъ, изданныхъ въ контекстѣ, потому что безъ нихъ, напр., начертаніе „*Bahlulesh*“ (гдѣ *esh*—энклитика) легко можно акцентуировать на послѣднемъ слогѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ удареніе падаетъ на *u*; впрочемъ этой сбивчивости можно было бы избѣжать, отдѣляя неударныя энклитики черточкою („*Bahlu-l-esh*“). Затѣмъ Θ. Е. Коршъ сдѣлалъ рядъ своихъ этимологическихъ замѣчаній по поводу многихъ словъ словаря В. Θ. Миллера, которыя остались безъ этимологическаго разъясненія; напр., оставленное авторомъ безъ объясненія татское „*азансарі*“ (= утро) есть, вѣроятно, ничто иное, какъ азербейджанское „*азан-и сâhâri*“ (= утренній призывъ на молитву). Нѣкоторые слова съ начальнымъ *a* дѣлаются этимологически ясны, если въ нихъ признать присутствіе предлога *a* (= *ja*), который плеонастически употребляется у татовъ въ очень большомъ количествѣ. И т. п.

4) А. Е. Крымскій представилъ прибрѣтенную имъ турецкую грамоту султана Махмуда II, выданную въ 1230-мъ (=1814) г., относительно количества натуральныхъ повинностей, взыскиваемыхъ съ тѣхъ или другихъ селъ. Грамота эта случайно найдена въ Малороссіи. По мнѣнію докладчика, ее могъ туда привезти какой-нибудь офицеръ или солдатъ съ турецкой войны. Главный ея интересъ—экономическій.

*) Съ сокращеніями напечатано въ журналѣ «Вокругъ Свѣта» 1907 г.

5) К. К. Городыскій закончилъ свое сообщеніе о поѣздкѣ въ Турцію и, главнымъ образомъ, изложилъ свое пребываніе въ Бруссѣ *).

6) Г. А. Халатьянцъ прочиталъ докладъ:

Памяти П. Феттера и Г. Гельцера.

Въ осеннемъ семестрѣ текущаго (19⁰⁶/₀₇) академ года нѣмецкая наука понесла чувствительную утрату въ лицѣ двухъ талантливыхъ ученыхъ— одного теолога и другого— византиниста, которые, сверхъ своихъ главныхъ предметовъ, занимались также Востокомъ и въ частности по армяновѣдѣнію. Это—тюбингенскій профессоръ Павелъ Феттеръ и іенскій профессоръ Генрихъ Гельцеръ. Вотъ почему я счелъ своимъ долгомъ посвятить памяти почившихъ ученыхъ нѣсколько словъ въ Восточной Комиссіи.

Феттеръ былъ крестьянскаго происхожденія, изъ Швабіи. Онъ родился въ 1850 г. въ одной изъ вюртембергскихъ деревень, въ католической семьѣ, и, по окончаніи средняго образованія, поступилъ 18-ти лѣтъ въ Тюбингенскій университетъ. Тюбингенъ—одинъ изъ типичныхъ германскихъ университетскихъ городовъ; онъ расположенъ на р. Неккарѣ, въ Вюртембергѣ, и имѣетъ жителей до 14-ти тысячъ—изъ лютеранъ и католиковъ; студенты же университета составляютъ обыкновенно 10% числа населенія—слѣд. не менѣе 1.400. Университетъ—очень древній: въ 1877 г. онъ отпраздновалъ 400-лѣтіе своего существованія; имѣетъ богатую библіотеку—до 300 тысячъ томовъ. Въ немъ, кромѣ общихъ другимъ университетамъ факультетовъ, пользуется извѣстностью богословскій факультетъ или даже два богословскихъ факультета—евангелическо-лютеранскій и католическій, благодаря усиленной научной дѣятельности которыхъ теологія заняла видное мѣсто въ Тюбингенскомъ университетѣ.

На католическомъ богословскомъ факультетѣ, на который поступилъ Феттеръ въ 1868 г., былъ въ числѣ прочихъ профессоровъ и Гимпель (Himpel), читавшій введеніе къ Ветхому Завету, а также армянскій языкъ и литературу; у него были нѣкоторые печатные труды изъ этой области, какъ-то: о Корюнѣ, ученикѣ и біографѣ св. Месропа, и объ армянскомъ переводѣ апологіи Аристида. Феттеръ занимался подъ руководствомъ Гимпеля и, сверхъ специально богословскихъ предметовъ и общихъ курсовъ филологіи, усердно изучалъ армянскій языкъ, исторію и литературу, обогативъ свои познанія самостоятельными работами. По всей видимости, онъ слушалъ лекціи и читавшаго въ томъ же университетѣ знаменитаго историка Гутшмида, который имѣлъ огромное вліяніе на всѣхъ вообще армянистовъ не только З. Европы, но и у насъ въ Россіи, и у армянъ въ Турціи, и у мхитаристовъ—какъ первый, давшій толчокъ къ трезвому критическому изученію армянской исторіи. Надо сознаться, что изслѣдованія Карриера и другихъ, а также мои собственныя работы по критикѣ М. Хоренскаго

*) Докладъ напечатанъ, со значительными сокращеніями, въ журналѣ „Вокругъ Свѣта“ 1907 г.

явились въ общемъ развитіемъ, продолженіемъ и дополненіемъ идей, высказанныхъ проницательнымъ Гутшмидомъ. Вліяніе Гутшмида отразилось и на трудахъ Феттера.

Въ 1890 г., по смерти Гимпеля, университетъ избралъ на его мѣсто ученика его, Феттера, который занималъ кафедру вплоть до своей смерти.

Собственно говоря, кромѣ немногочисленныхъ трудовъ спеціально по Библии, какъ-то— „О метрихъ въ книгѣ Іова“, „Свидѣтельство пророковъ до Исхода о Пятикнижїи“, „Объ одномъ еврейскомъ оригиналѣ первой книги Маккавеевъ“ и др., Феттеръ оставилъ до 30 мелкихъ и пространныхъ работъ по армяновѣдѣнію, не считая его критическихъ рецензій и библиографическихъ замѣтокъ въ различныхъ нѣмецкихъ періодическихъ изданїяхъ по поводу выдающихся новыхъ сочиненій по армяновѣдѣнію. Сюда же нужно отнести и интересную рецензію объ изданномъ Лазарев. институтомъ I выпускѣ трудовъ по востоковѣдѣнію — древнѣйшемъ арм. переводѣ книгъ Паралипоменонъ, открытыхъ мною въ Эчміадзинѣ лѣтомъ 1896 г.

Работы Феттера по армяновѣдѣнію можно разбить на двѣ группы: по исторїи Арменїи и по исторїи армянской литературы.

Къ первой группѣ относятся: статьи и изслѣдованія—о Марь-Абасѣ, о М. Хоренскомъ, объ арм. переводѣ Хроники Евсевїя, о народныхъ армянскихъ пѣсняхъ въ Исторїи Хоренскаго. Уже первыя два изслѣдованія носятъ на себѣ слѣды вліянія Гутшмида. Хоренскій является у Феттера писателемъ не ранѣе VII вѣка. Въ частности относительно Марь-Абаса, этого кардинальнаго вопроса въ критикѣ Хоренскаго, Феттеръ держался особаго взгляда. Между тѣмъ какъ предыдущіе критики армянскаго историка — Эминъ, Гарагашіанъ и Карріеръ—считали сирїйца Марь-Абаса съ его „халдейской книгой“ фикціей, придуманной Хоренскимъ для того, чтобы въ уста „мудрому сирїйцу“ вложить языческій народный эпосъ своего отечества, тубингенскій арменистъ допускалъ возможность существованія книги какого-то сирїйца Марь-Абаса—подлинной или апокрифической,—которая заключала въ себѣ изначальную исторїю Арменїи, составленную на основанїи народныхъ армянскихъ легендъ и преданій. Въ изслѣдованїяхъ своихъ объ источникахъ М. Хоренскаго я тоже считалъ возможнымъ существованіе Марь-Абаса и даже опредѣлилъ довольно точно время его, именно VII в., что черезъ годъ послѣ выхода моей книги оправдалось, такъ какъ былъ найденъ отрывокъ изъ сирїйской хроники Марь-Абаса, очевидно VII в. Но разница между нѣмецкимъ ученымъ и мною въ данномъ вопросѣ заключается въ томъ, что допускаемый имъ элементъ народныхъ легендъ у Марь-Абаса я ограничиваю до минимума, а такъ называемый „народный армянскій эпосъ“ подъ перомъ Хоренскаго, какъ уже я высказывалъ, въ большинствѣ случаевъ книжнаго происхожденія, явился болѣе или менѣе искусной переработкой мотивовъ изъ Библии и другихъ переводныхъ, а также оригинальныхъ сочиненій.

Болѣе многочисленны работы Феттера по исторїи древне-армянской литературы, и духовной преимущественно. Онѣ появились частью въ „Theologische Quartalschrift“ — 3-мѣсячномъ богословскомъ журналѣ, и частью въ

Patrologie und Patristik Ниршля,—съ біографіей, подробнымъ содержаніемъ трудовъ изучаемаго автора и указаніемъ литературы о немъ. Таковы обстоятельные литературные очерки о св. Месропѣ, ученикѣ его Корюнѣ, Езникѣ, авторѣ опроверженій ересей — въ томъ числѣ гностицизма и маздеизма, Ехише, авторѣ релігіозной войны Вардана съ Персами въ V в. и другихъ сочиненій, о Нерсесѣ Благодатномъ (XII в.) и его духовныхъ поэмахъ и пѣсняхъ, о Нерсесѣ Ламбронскомъ, оставившемъ любопытныя свѣдѣнія о Фридрихѣ Барбароссѣ.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить взглядъ, впервые высказанный Феттеромъ о принадлежности св. Месропу т. назыв. „Словъ и бесѣдъ“ (*Յաճարաբանություն*), которыя приписываются обыкновенно Просвѣтителю Арменіи, св. Григорію.

Кромѣ перечисленныхъ, у Феттера есть и рядъ работъ по армянскимъ апокрифамъ. Онъ издалъ апокрифическое 3-е посланіе Коринѳянамъ съ подробнымъ изслѣдованіемъ его источниковъ, посланіе Діонисія Ареопагита къ Титу объ успеніи Маріи, объ армянскихъ апокрифахъ „Дѣяній апостоловъ“. Сюда же нужно отнести и изслѣдованіе его о Хикарѣ въ связи съ книгой Товитъ. Большая часть перечисленныхъ работъ Феттера были въ свое время переведены на армянскій языкъ и помѣщены въ Вѣнскомъ армянскомъ журналѣ „Hantess“, въ которомъ помѣщенъ (1906, 12) и некрологъ о покойномъ ученомъ.

Феттеръ работалъ неустанно въ теченіе 26-ти лѣтъ въ любимой имъ области, пока подтачивавшая его съ давнихъ поръ жестокая болѣзнь (ракъ желудка) не положила конца его трудовой жизни. И вѣсть о преждевременной кончинѣ его вызвала искреннюю скорбь среди его друзей и учениковъ и не менѣе того среди арменистовъ.

Другой нѣмецкій ученый — іенскій профессоръ по кафедрѣ классической филологіи и древней исторіи тоже удѣлялъ въ своей научной дѣятельности немало мѣста армяновѣдѣнію.—Гельцеръ родился въ Берлинѣ, въ 1847 г.; отецъ его былъ профессоръ; 26-ти лѣтъ самъ онъ получилъ кафедру сначала въ Гейдельбергѣ, а потомъ въ Іенѣ, гдѣ и оставался до самой кончины. Къ сожалѣнію, онъ такъ же, какъ и Феттеръ, рано былъ похищенъ смертію, такъ какъ умеръ въ возрастѣ 59-ти лѣтъ!

Въ своей научной дѣятельности Гельцеръ рано перешелъ отъ древней исторіи къ Византіи, изученію которой онъ оказалъ важныя услуги, а отсюда попутно и къ Востоку, къ которому онъ всегда чувствовалъ живѣйшій интересъ. И этотъ интересъ выражался не только на его лекціяхъ и его работахъ, но и личныхъ отношеніяхъ: онъ находился въ постоянной перепискѣ съ выдающимися духовными и свѣтскими учеными народностей Балканскаго полуострова и Малой Азіи; вокругъ его кафедры всегда тѣснилась молодежь изъ грековъ, армянъ, юго-славянъ. Живой и общительный, Гельцеръ кромѣ того много путешествовалъ: онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Грецію, былъ въ другихъ балканскихъ странахъ и М. Азіи и весьма интересовался современнымъ положеніемъ христіанъ въ Турціи.

Особенно высоко ставят труды Гельцера по истории и литературѣ Византийской. Прежде всего онъ основательно изучилъ Византийскую хронографію, выяснивъ въ ней важное значеніе Африкана, какъ основателя христіанской хронографіи, за которымъ уже пошли Евсевій и другіе. Въ обширномъ трудѣ, занявшемъ три книги, Гельцеръ задается цѣлью возстановить это утерянное сочиненіе Африкана на основаніи обрывковъ и цитатъ, сохранившихся у послѣдующихъ хронографовъ, не только византийскихъ, но и восточныхъ: 3-я книга его изслѣдованія заключаетъ въ себѣ цѣликомъ извлеченія изъ армянскихъ источниковъ, прямо или косвенно пользовавшихся Африканомъ.

Вообще Гельцеръ, по мнѣнію специалистовъ *), произвелъ переворотъ въ изученіи церковной истории Византии: онъ былъ первый, учившій, что за догматическими спорами нужно искать народные раздоры, и взглядъ этотъ выяснилъ и углубилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Къ заслугамъ Гельцера относятъ и выясненіе такъ называемаго темнаго періода (т.-е. VII в.) политической истории Византии; благодаря знакомству съ восточными языками, и въ особенности съ армянскимъ, онъ имѣлъ возможность пополнить пробѣлы греческихъ источниковъ по этой эпохѣ восточными и тѣмъ положилъ основаніе направленію Византийскаго седьмого вѣка, съ котораго, по мнѣнію Гельцера, и начинается собственно византийское или греческое государство, какъ таковое, а именно съ основанія династіи Ираклія, такъ какъ до того оно было государствомъ восточно-римскимъ **).

Изъ многочисленныхъ трудовъ Гельцера по Византии нужно отмѣтить его „Очеркъ истории византийскихъ императоровъ“, написанный по порученію редакціи „Визант. Журнала“ и въ немъ же появившійся въ 1897 г. По словамъ Крумбахера, этой работой іенскій византинистъ далъ сжатое, но надежное и отвѣчающее новымъ научнымъ требованіямъ пособіе, отсутствіе котораго такъ долго чувствовалось. „Очеркъ“ этотъ вскорѣ послѣ своего появленія, былъ переведенъ на армянскій языкъ.—Въ главѣ пятой этого сочиненія Гельцеръ рельефно излагаетъ исторію армянской династіи въ IX и X вѣкахъ, подъ управленіемъ которой Византия, какъ извѣстно, достигаетъ высшей степени своего могущества; паденіе ея наступаетъ послѣ этой эпохи.

Перехожу къ трудамъ Гельцера по армяновѣдѣнію. Они относятся къ исторіи и миѳологіи, и однимъ изъ первыхъ было его интересное историко-критическое изслѣдованіе „О началѣ армянской церкви“ (Die Anfänge der armen. Kirche, 1895). Въ немъ нѣмецкій ученый, на основаніи Фавста Византийскаго, пытается доказать пріоритетъ западно-армянскаго религіознаго центра въ Аштишатѣ Таронскомъ передъ восточнымъ—Эчмиадзиномъ, возникшимъ, по его мнѣнію, послѣ IV вѣка и потомъ получившимъ

*) Я имѣю въ виду между прочимъ ученика покойнаго Гельцера, Герланда, помѣстившаго біографическій очеркъ о своемъ учителѣ въ *Byzant. Zeitschrift*. См. также *Hantess*, 1907, 1.

**) См. предисловіе къ его *«Abriss der Byz. Kaisergeschichte»*.

обще-національное значеніе.—Далѣ Гельцеръ далъ въ сжатомъ изложеніи исторію Арменіи, къ которой присоединилъ и очеркъ литературы — свѣтской и, болѣе подробно, духовной, съ указаніемъ даже догматовъ армянской національной церкви, такъ какъ пространная статья эта была написана для *Realencyclopedie für protestantische Theologie und Kirche* (1896). При этомъ авторъ не упустилъ изъ виду и современнаго положенія армянъ и такъ наз. армянскаго вопроса, къ которому онъ относился сочувственно и въ заключеніи заклеилъ выраженіями возмущенія режимъ главы государства, дозволившей безчеловѣчную рѣзню армянъ въ Турціи лѣтомъ 1896 года.

Кромѣ другихъ мелкихъ сочиненій, какъ-то — „Религіозная система персовъ по Езнику“, „Географическія замѣчанія къ списку отцевъ Никейскаго собора“ по западнымъ и восточнымъ источникамъ, въ томъ числѣ и армянскимъ, и публистическихъ статей — „О современномъ положеніи армянской церкви“, „Объ армянахъ и Европѣ“, — остается сказать объ изслѣдованіи Гельцера по армянской мифологіи (*Zur armenischen Götterlehre*). Правда, въ этомъ трудѣ онъ въ существенномъ не пошелъ дальше покойнаго нашего профессора Эмина, который еще въ 1864 году первый далъ научно-составленный очеркъ языческой религіи армянъ: Гельцеръ также принимаетъ въ армянской религіи четыре элемента — иранскій, семитическій, греческій и національный и даже повторяетъ за московскимъ арменистомъ легенду о таинственныхъ индійскихъ божествахъ въ Арменіи *) IV вѣка по Р. Х. отвергаемую впрочемъ послѣдующей исторической критикой **). Но все же іенскій профессоръ далъ прекрасное изложеніе предмета, въ нѣкоторыхъ вопросахъ представилъ новое освѣщеніе и пополнилъ литературу, сдѣлавъ такимъ образомъ трактуемый предметъ доступнымъ и интереснымъ не для однихъ нѣмецкихъ читателей.

Вообще оба нѣмецкихъ профессора, и Феттеръ и Гельцеръ, много способствовали распространенію вѣрныхъ свѣдѣній объ языкѣ, исторіи и литературѣ армянской въ широкихъ кругахъ Германіи цѣлымъ рядомъ трудовъ, появившихся въ научныхъ и литературныхъ журналахъ, солидныхъ пособіяхъ и учебникахъ и энциклопедическихъ словаряхъ. Труды эти весьма цѣнны и внѣ Германіи, и за это авторы ихъ заслужили горячую благодарность специалистовъ.

По предложенію г. предсѣдателя Восточной Комиссіи, память усопшихъ ученыхъ была почтена вставаніемъ.

*) *Գիտություն և Դիվանություն.*

***) См. мое изслѣдованіе о Зеноб-Глакѣ (*Hantess*, 1893) и рецензію въ *Vuzap-tin. Zeitschrift*, IV, 2.

- Б. В. Миллеръ:** Путешествіе изъ Бушира *Стр.*
въ Ширазъ въ 1905 г. 24
- В. Ө. Миллеръ:** Персидскій ментеръ (закли-
наніе) изъ Асхабада 2
- Der Ursprung der armenischen Fürsten-
thümer Б. Халатьянца 4
- О персидскомъ нарѣчій мусульманъ-
татовъ 8—9, 10
- Работа г. Мункачи объ аланскихъ
(=осетинскихъ) элементахъ въ ма-
дьярскомъ языкѣ 19
- Новыя осетинскія этимологіи 23
- Кавказское языковѣдніе и его зна-
ченіе для староазіатской этнографіи. 24
- Die Litteratur der Babylonier und Assy-
rier von Otto Weber (Лейпцигъ 1907). 34
- О работѣ Ф. Томаса: Sacastana (J. R.
As. S. 1907) по поводу первоначаль-
наго мѣстожителства скивоовъ-саковъ. 34
- Хаттійскія раскопки Х. Винклера въ
Богазь-кофъ 34
- По поводу работы Л. З. Мсеріанца
о страсбургскомъ египетско арамей-
скомъ папирусѣ 35
- Л. З. Мсеріанцъ:** О страсбургскомъ еги-
петско-арамейскомъ папирусѣ 18

- В. П. Никитинъ:** Двѣ южно арабскія таблицы *Стр.*
съ сабейскими надписями, присланныя
кн. Б. Н. Шаховскимъ изъ Бургаса
(съ двумя снимками) 21—23
- М. В. Никольскій:** Клинописная коллекція
Н. П. Лихачева 1—2, 4
- Н. Пантусовъ:** Китайская кумирня Бей-
Юнь-Гуань въ Аксуйскомъ ущельи
Илійскаго края 18—19
- Д. В. Солодовъ:** Опытъ сводной біографіи
Саадія 17
- Г. А. Халатьянцъ:** Маттаіа Гарагашянъ . 9
- Итоги научной критики „Исторіи Ар-
меніи“ Моисея Хоренскаго 9
- *Памяти П. Феттера и Г. Гельпера . . 36—40
- А. С. Хахановъ:** Грузинскій апокрифъ о
судѣ Пилата надъ Исусомъ Христомъ. 17
- Кн. Б. Н. Шаховской:** Письмо о сабейскихъ
пластинкахъ, приобрѣтенныхъ имъ въ
Бургасѣ 19
- К. Г. фонъ-Шлиппе:** Армянская надпись на
Елеонской горѣ 17
- Поѣздка на востокъ лѣтомъ 1904 г. . 18, 20
- М. С. Щенинъ:** Греческія геммы изъ Систана
(вост. Персіи) съ гностическими надпи-
сями (съ приложеніемъ 4 снимковъ). 6—8, 11, 21

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ

(на Берсеневкѣ, у Большого Каменнаго моста, соб. д.)

можно приобрѣсти предыдущіе выпуски „Древностей Восточныхъ“.

- Т. I, вып. 1.** С. С. Слущкій: Семирѣченскія несторіанскія надписи (съ 5 табл. и
автографіей).—Ө. Е. Коршъ: О турецкомъ языкѣ семирѣченскихъ надгроб-
ныхъ надписей.—В. К. Трутовскій: Гулистанъ Золотой Орды.—М. В.
Никольскій: Халдейскій вѣсь эпохи Гудеа (съ 7 табл. и рис.).—И. И.
Соловейчикъ: О вновь открытой еврейско-вавилонской вазѣ (съ табл.).—
М. В. Никольскій: О сомнительныхъ древностяхъ изъ Месопотаміи (съ
рис.).—Протоколы 1887—1888 г. (съ рис.). 4 рубля.
- Т. I, вып. 2.** В. Ө. Миллера: О сарматскомъ богѣ Уатафарнѣ (съ 3 рис.).—
Бар. Р. Р. Штакельбергъ: Замѣтка о нѣкоторыхъ персидскихъ словахъ
въ осетинскомъ языкѣ.—М. В. Никольскій: а) Вавилонскій контрактъ о
продажѣ дома времени Шамашъ-шумъ-укина, царя вавилонскаго (666 г. до
Р. X.);—б) По вопросу объ изображеніи женскаго божества на вавилонскихъ ци-
линдрахъ и статуэткахъ (съ таблицами и рис.).—С. С. Слущкій: Къ семи-
рѣченскимъ несторіанскимъ надписямъ (съ табл. и рис.).—В. К. Трутовскій:
Текіе Афганъ-Мохаммедъ-Султана въ г. Касимовѣ и вновь открытыя въ ней
могильныя плиты съ надписями.—Г. А. Муркозь: О рукописномъ сбор-
никѣ XVII в. на разныхъ восточныхъ языкахъ изъ собранія гр. А. С. Ува-
рова.—Г. Е. Церетели: Полное собраніе надписей на стѣнахъ и камняхъ
и приписокъ къ рукописямъ Гелатскаго монастыря (съ рис.).—А. С. Хаха-
новъ: Отзывъ о вышепомѣщенномъ трудѣ Г. Е. Церетели 4 „

Т. I, вып. 3. Бар. Р. Р. Штакельбергъ: Ирано-финскія лексикальныя отношенія.—А. С. Хахановъ: Источники по введенію христіанства въ Грузіи.—М. С. Щекинъ: Персидская рукопись „О четырехъ обязанностяхъ дerviша“.—М. В. Никольскій: О двухъ ассирійскихъ фрагментахъ князя П. А. Путятина (съ табл.).—С. С. Слущкій: Девятый международный съѣздъ ориенталистовъ въ Лондонѣ, сент. 1891.—М. В. Никольскій: Клинообразныя надписи Ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи (съ табл.).—Х. И. Кучукъ-Гоаннесовъ: Объ армянской рукописи Ев—ія IX вѣка, принадлежащей Лазар. Инст. Вост. яз. въ Москвѣ.—О. Е. Коршъ: Универсалы Петра Великаго къ Буджацкимъ и Крымскимъ татарамъ 4 ”

Т. II, вып. 1. М. С. Щекинъ: „Сабы-наме“, приписываемая Орфи Ширазскому.—Бар. Р. Р. Штакельбергъ: О персидскомъ эпосѣ „Виса и Раминъ“ Фехри Горгани.—М. В. Никольскій: Клинообразная надпись изъ Ганли-Тапа около Эривани (съ табл.).—А. Е. Крымскій: Очеркъ развитія суфійства до конца III вѣка хижры.—А. С. Хахановъ: Грузинская рукопись поэмы „Барсова кожа“ изъ Главнаго архива М. И. Д.—М. В. Никольскій: О раскопкахъ въ сѣв. Сиріи, въ Зенджирли.—Г. А. Муркосъ: а) О служебникѣ антиохійскаго патріарха Макарія на Аѳонѣ; б) О ткани съ арабской надписью моск. Румянц. музея (съ табл.).—Х. И. Кучукъ-Гоаннесовъ: Армянскія надписи въ г. Григоріополь Херс. губ.—О. Е. Коршъ: Опытъ ритмическаго объясненія древне-инд. эпико-дидактическаго размѣра śloka.—М. В. Никольскій: Двѣ новооткрытыя палмирскія надписи (съ табл.).—Протоколы 1888—1895 гг. (съ рис.) 4 ”

Т. II, вып. 2. Бар. Р. Р. Штакельбергъ: Объ иранскомъ вліяніи на религіозныя вѣрованія древнихъ армянъ.—А. С. Хахановъ: Грузинскій отрывокъ Калилы и Димны.—М. В. Никольскій: Сирійскія пергаменные евангелія VII—VIII в. московскаго Археол. Общ. (съ табл.).—Архим. Арсенъ Клитчянъ: Древній городъ Астухини (Астахана) клинообразныхъ надписей.—О. Е. Коршъ: О „Восточныхъ Замѣткахъ“, сборникѣ Спб. Восточнаго факультета 1895 г.—Г. А. Халатьянцъ: О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи въ связи съ данными Ванскихъ надписей.—Протоколы. 1895—1900 гг. (съ рис.) 4 ”

Т. II, вып. 3. В. О. Миллеръ: Къ древнеперсидской надписи NRd. (съ рис.).—О. Е. Коршъ: Слѣды діалектическаго ротацизма въ среднеперсидскомъ языкѣ.—Г. А. Халатьянцъ: а) Лондонскій списокъ древнѣйшаго армянскаго перевода Паралипоменонъ; б) Къ критикѣ Моисея Хоренскаго; кто былъ побѣдителемъ Креза Лидійскаго?—Х. И. Кучукъ-Гоаннесовъ: Старинныя армянскія надписи и старинныя рукописи въ юго-зап. Руси и Крыму (съ 12 рис.).—А. С. Хахановъ: Правила VI всел. собора въ грузин. переводѣ VI в. св. Евфимія.—В. О. Миллеръ: О семитскомъ элементѣ въ татскомъ нарѣчій горскихъ евреевъ.—А. Е. Крымскій и В. В. Миллеръ: Все-мусульманскій университетъ при мечети Азхаръ въ Каирѣ, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная дѣятельность (съ 3 рис.).—А. Е. Крымскій и В. О. Минорскій: Очерки изъ исторіи ориенталистики въ XVI и XVII в.—В. О. Минорскій: „Гѳз йашым“ Эминъ-бея.—Протоколы 1900—1903 гг. (съ рис.) 4 ”

Томъ III, вып. 1. 4 ”

